This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

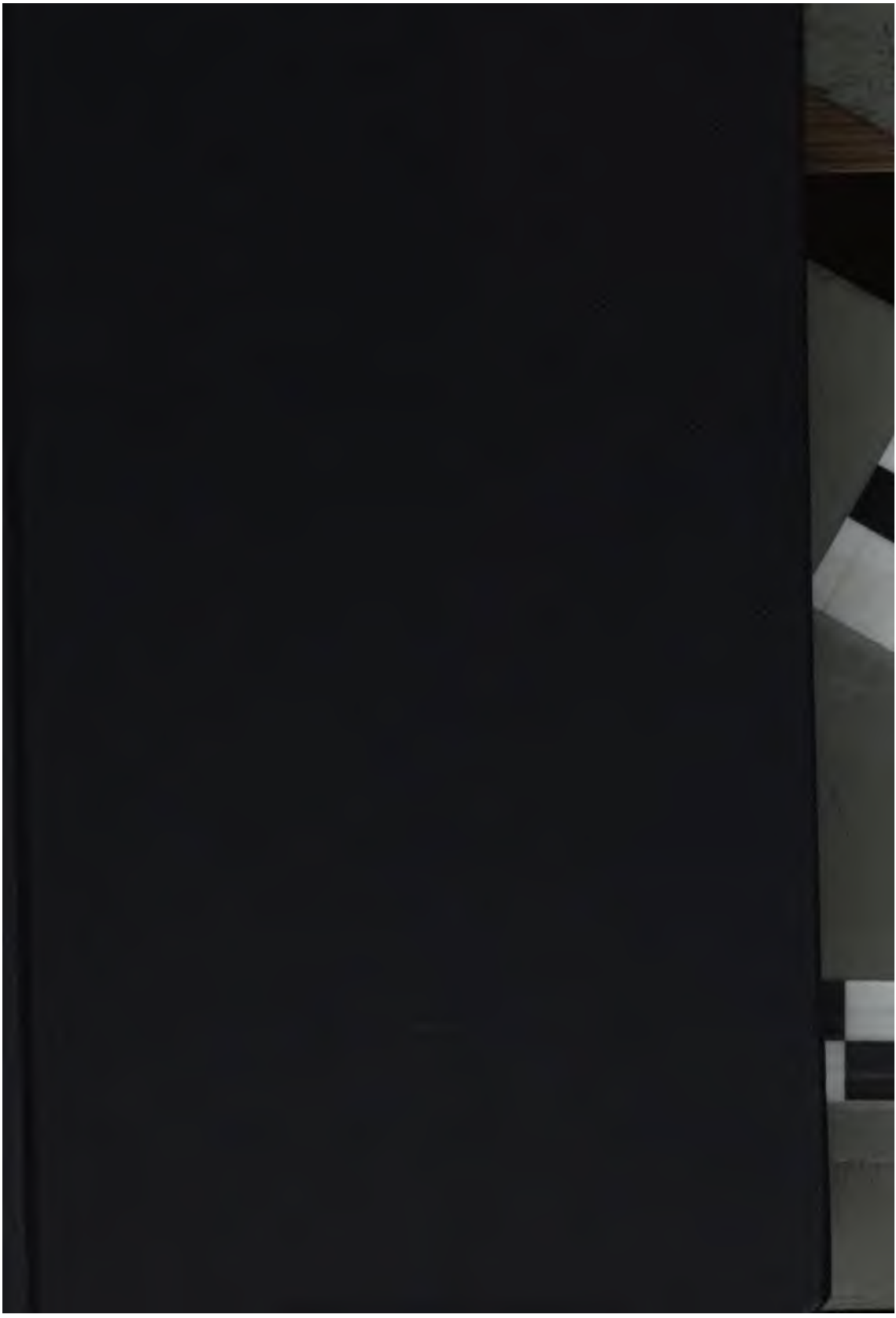
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Viazemskiĭ, P.A.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

1854

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ X.

1853—1878 гг.

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1886

PG 3447
V5
1878
V.10

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО

ТОМЪ X.

1853 — 1878 гг.

Библиотека

ИЗДАНІЕ

Графа С. Д. Шереметева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

1886

891.78
V623
1878

v.10

СТАРАЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

1853—1878 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 2 лин., 7.

КНИЖКА 15-я.

(1853).

Дрезденъ.

Января 7. Читалъ: Les faux Démétrius, épisode de l'histoire de Russie — par Prosper Mérimée. Въ Парижѣ говорилъ онъ мнѣ, что занимается этимъ сочиненіемъ, недовольный рѣшеніемъ загадки Самозванца Русскими историками.

12. Въ первый разъ выпалъ порядочный снѣгъ. Все кругомъ бѣло. Съ отвычки тяжело глазамъ. Гулялъ по большому саду въ снѣгу.

14. Читалъ въ Revue des Doux Mondes статью Villemain о генералѣ Foy и Демосоенѣ. Французы не могутъ утѣшиться, что они лишены трибуны и способности болтать всенародно.

17. Въ квартетѣ Бетховена en E-moll поразила меня Русская мелодія святочной пѣсни: Слава! Липинскій сказалъ мнѣ, что это точно Русская мелодія и квартетъ посвященъ Разумовскому.

21. Нѣмцы не взыскательны. Шутка смѣшитъ ихъ потому, что она шутка, умна-ли, смѣшна-ли, замысловата-ли, до того дѣла нѣтъ.

27. Утромъ былъ у насъ князь Михаилъ Радзивилъ изъ Парижа. Много подробностей объ императрицѣ, императорскомъ романѣ. Во Франціи имъ вообще недовольны, боятся власти ея надъ мужемъ, который въ жену влюбленъ. Въ ней нѣтъ любви. Иные полагаютъ, что она обратитъ его къ блузамъ, если не къ краснымъ. Досада его на царей, отказавшихъ ему въ невѣстѣ.

Salvandy говоритъ, что этотъ бракъ напоминаетъ ему Лжедимитрія и Марину. Я тоже подумалъ.

29. En France, le trône est près de l'échaffaud. Non, mais près du fiacre.

Февраль 2. Настоящая зима. Довольно снѣга. Встрѣтилъ санки.

6. Зима все здравствуетъ. Извѣстіе телеграфическое о покушеніи на жизнь Австрійскаго императора.

8. Въ утренней прогулкѣ снѣгъ при солнцѣ такъ и жегъ глаза. Вечеромъ трагедія Шиллера *Фіеско*. Публика довольно республиканская, бросили вѣнокъ Девріану. Выборъ піесы на Королевскомъ театрѣ довольно страненъ послѣ Миланской передряги и покушенія на жизнь Австрійскаго императора.

11. Слышно, что Меншиковъ отправленъ въ Константинополь.

19. Кончилъ свою *Масляницу на чужбинѣ*.

21. Изъ письма Булгакова узналъ о смерти графини Вielьгорской. Сегодня и для насъ черный день.

25. Вчера праздновали масляницу блинами, изготовленными Русскимъ поваромъ Гайдуковымъ.

Рѣчь царя Іоанна Васильевича при открытіи Стоглаваго Собора. Обычаи, которые *поразшатались*.

Мартъ 3. Въ адресѣ колоній, кажется Антильскихъ, Наполеону III сказано, что дядюшка его разносилъ Французскія знамена des bords du Nil aux bords de la Néva.

4. Переписывалъ *8 января* (стихотвореніе).

9. Всѣ заняты Константинопольскими извѣстіями и призывомъ флотовъ Англійскаго, Французскаго и Русскаго.

10. Вечеромъ у Репниной. Письмо къ ней Балабина о торжественномъ пріѣздѣ Меншикова, чего не видали подобнаго со временъ пріѣзда Репнина и Кутузова.

13. Прочелъ книгу Монталамбера: Des intérêts catholiques au XIX siècle. Дѣло въ томъ, по мнѣнію автора, что церковь можетъ быть свободна и могущественна только при представительномъ правительствѣ, слѣдовательно до 1815 года церковь не жила. Хорошее заключеніе.

14. Церемонія Христова Воскресенія въ Римскомъ соборѣ, въ четыре часа по полудни. Весьма не пышная. Прежде совершалась она ночью, но за безпорядками отмѣнили.

18. Шатобріанъ говорилъ Marcellus: „Tout me lasse, et je vais partout baillant ma vie... Après tout l'ennui est mon élément; j'ai commencé à m'ennuyer dans le ventre de ma mère, et oncques depuis ne me suis desennuyé.

21. У Бейста. Она сбивается на покойную графиню Вielьгорскую въ молодости.

22. Узналъ о смерти Каратыгина. Прежде умерли Брянскій и Гусева и всѣ трое отъ холеры. Въ Москвѣ сгорѣлъ Большой театръ. Слышно и о смерти Щепкина.

28. Сестра Англійскаго посланника Forbes, Аделаида (одна изъ страстей Байрона), говорила мнѣ о какомъ-то Англійскомъ романѣ *Три Испанца*, который будто бы служилъ основаніемъ *Гяура* Байрона.

Апрѣль 9. Вечеромъ были у Репниной. Видѣлъ у нея книгу: *Письма* миссіонера Макарія.

11. Полторацкій въ Парижѣ.

13. Начало нашей страстной недѣли. Гулялъ въ сосновомъ лѣсѣ. Вспоминалъ о Лѣсномъ институтѣ. Читалъ *Полтаву* Пушкина. Какъ дарованіе его созрѣвало и совершенствовалось съ годами и какъ *Полтава* выше *Кавказскаго Пленника*, *Цыганов*, *Бахчисарайскаго фонтана*. Два стиха только тутъ слабы: „Иль выйдетъ слѣдствіе плохое". *Слѣдствіе* тутъ тѣмъ хуже, что рѣчь идетъ о слѣдственномъ дѣлѣ. И еще: „А волчьи—видишь: какова!" Явленіе Маріи, сонъ-ли Мазепы? Или сошла она съ ума? Не ясно. Фантастическія попытки неудачны у Пушкина. Напримѣръ сонъ въ *Евгеніи Онѣгинѣ*. Въ первый разъ Пушкинъ читалъ намъ *Полтаву* въ Москвѣ у Сергѣя Кисолева при Американцѣ Толстомъ, сынѣ Башилова, который за обѣдомъ парѣзался и котораго во время чтенія вырвало чуть-ли не на Толстаго.

17. Написалъ стихи къ Вѣрѣ Голицыной при отправленіи моего портрета.

20. Получилъ письмо отъ Павла съ извѣстіемъ, что жена

его отправилась къ сестрѣ опасно больной въ Берлинъ. Посылая стихи я имѣлъ темное предчувствіе, что могутъ придти они не кстати.

21. Писалъ Булгакову съ письмомъ Погодину о Ломоносовѣ.

23. Вечеромъ былъ у графини Липаръ, рода Дрезденской Маріи Аполлоновны.

24. Кажется наши Турецкія дѣла плохо идутъ.

Май 8. Выѣхали изъ Дрездена утромъ. Обѣдали въ Теплицѣ, ночевали въ Брюкенѣ, Чешск. *Мостокъ*. Говорятъ, что мы народъ завоевательный, а мало-ли мѣстъ изъ коихъ вытѣснены мы Нѣмцами.

9. Пріѣхали въ *Карлсбадъ*. Что скажешь ты мнѣ Карлсбадъ въ нынѣшній пріѣздъ?

28. По желѣзной дорогѣ отправился вчера въ Прагу. Былъ у Ганки.

29. Въ 6 часовъ утра прибыли въ Вѣну. Былъ у священника Раевскаго. Засталъ одну попадью. Видѣлъ мѣсто, гдѣ было покушеніе на жизнь императора.

30. Вѣнскій народъ гуляка во всѣхъ слояхъ своихъ. Русская обѣдня. Раевскій очень хорошо служитъ. Съ Парижа не слыхалъ обѣдни. Тутъ былъ и нашъ Парижскій священникъ Васильевъ. Ѣдетъ, кажется, въ Петербургъ для принятія посвященія въ протопопы. Онъ былъ напоминаніемъ живымъ того, какъ я слушалъ обѣдню въ Парижѣ. Познакомился у Раевскаго съ Вукомъ Стефановичемъ.

Августъ. Плаваніе до Венеціи покойное и прекрасное. Свѣтлый день, море тихое, то синее, то зеленое. Плыли шесть часовъ и прибыли въ Венецію въ полдень. Въ разныя поѣздки написалъ, т.-е. не написалъ, а надумалъ: *Зонненштейнъ, Фрейбергъ, Прага, Ночью на желѣзной дорогѣ, Дрезденъ*.

(1683 годъ).

Вскорѣ послѣ освобожденія Вѣны Польскимъ королемъ Собіескимъ Венеціанская республика заключила союзъ съ имперіею, Польшею и *Россіею* и объявила войну Турціи. При дожѣ Силь-

вестрѣ Вальеро (1694—1700) заключенъ былъ новый союзъ между Венеціею, Польшею, Австріею и *Россіею* при Петрѣ I. По его просьбѣ республика дала ему работниковъ, которые построили много кораблей въ нашихъ портахъ. Мирнымъ договоромъ, заключеннымъ въ Пассаровитцѣ, 21 іюля 1718, Венеція отказалась отъ правъ своихъ на Кандію и Морею, сохранивъ только острова Cérigo и Cérigotto и нѣсколько укрѣпленныхъ мѣстъ въ Далмаціи и Албаніи. Отъ сей эпохи начинается паденіе республики. Венеція имѣла многія торговыя конторы въ Азовѣ и для охраненія ихъ заключила въ 1281 г. договоръ съ Чингисъ Ханомъ. Республика отправляла каждый годъ четыре большіе торговые флота подъ прикрытіемъ вооруженныхъ галеръ. Одинъ изъ этихъ флотовъ доходилъ Азовскимъ моремъ до устьевъ Дона. Туда приходили Русскіе и Татарскіе караваны съ товарами по Каспійскому морю и вверхъ по Волгѣ. Presque à la moitié de la distance qui sépare Astracan de Saratow, le Volga forme une courbe qui le rapproche d'une semblable courbe que forme le Don—et l'ouverture d'un canal de quelques lieues établirait une communication entre ces deux rivières, au moyen de la quelle les produits de quelques pays méridionaux de l'Asie trouveraient une route facile pour arriver à la Méditerranée sans être obligés au long détour qui exige le passage par la Cap de Bonne Espérance.

(Abrégé de l'histoire de la république de Venise par A. Quadri).

Венеція. Воскресенье 23 августа (4 сентября). Съ пріѣзда заходилъ я почти каждый день въ базилику Св. Марка. Не видѣлъ еще Pala d'oro, Византійская икона: она закрыта. Есть описаніе оной de Monseig. Bellomo chanoine. Видѣлъ le trésor. Не видалъ бюста Аретина. Видѣлъ Palazzo Ducale. Не знаю почему не показывали намъ Piombi, но видѣли *Pozzi*. Страшное имя. Подумаешь, что заключенные точно содержались подъ водою въ какихъ-то колодцахъ, а въ сущности тюрьма, какъ тюрьма. Mappemonde de fra Mauro 1460 года, на ней означенъ мысъ Доброй Надежды, тогда еще не открытый. Былъ въ публичномъ саду. Скачка. Молодые Санхо-Панца на какихъ-то Росинантахъ.

Скачка на двуколесныхъ колесницахъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ есть какая-то мѣстная краска, воспоминаніе и каррикатура древнихъ ристалищъ. Въ Венеціи лошадь и гиппическое представленіе рѣдкость, родъ лодки въ пескахъ Аравійскихъ. Ponte Rialto, сооруженный 1591 года дожемъ Pascal Cicogna (коего домъ съ рѣзными окнами видѣлъ я сегодня на каналѣ). *Лидо* съ castello S. Andrea. Въ крѣпость не входилъ, а видѣлъ море. Островъ Св. Лазаря, Армянскій монастырь Мехитаристовъ, отъ имени основателя Мехитара. Чисто и порядочно содержанный. Армяне отличаются между восточными племенами опрятностью и благочиніемъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ публичныхъ и церковныхъ зданіяхъ. Въ Перѣ Армянская церковь за исключеніемъ посольскихъ дворцовъ, едва-ли не единственное чистое мѣсто; въ Іерусалимѣ Армянскій монастырь тоже. Большая Египетская мумія; рѣдкія рукописи, между прочими Библія, писанная на Армянскомъ языкѣ въ Персіи съ прекрасными живописными изображеніями. Въ рамкѣ на пальмовыхъ листьяхъ вылощенныхъ, что-то писанное на Бирманскомъ языкѣ. Столъ, на которомъ Байронъ учился Армянскому языку. Съ отцомъ Pascal Aucher, который нынѣ очень старъ и разбитъ параличемъ. На привѣтствіе мое ему, что онъ пользуется Европейскою извѣстностью, отвѣчалъ онъ мнѣ, что обязанъ тому путешественникамъ, которые слишкомъ благосклонно о немъ отзывались, особенно Байрону, напрасно преувеличившему трудность Армянскаго языка. Aucher за старостью и дряхлостью не служитъ уже отцомъ cicerone, а другаго младшаго товарища его Grégoire Alepsou нѣтъ теперь въ Венеціи, кажется онъ въ Парижскомъ Армянскомъ Институтѣ. Московскій Лазаревскій Институтъ здѣсь извѣстенъ. Хорошо устроенная типографія. Я купилъ въ ней Армяно-русскую грамматику, посвященную цесаревичу Александру Николаевичу. Посвятительное письмо изложено правильнымъ и чистымъ языкомъ и молитву, изданную на 24 языкахъ, и между прочими на Иллирійскомъ, Русскомъ и Польскомъ. Довольно дорого: грамматика стоитъ 10 франковъ, а полиглотное изданіе 15. Впрочемъ выручка этихъ книгъ идетъ на содержаніе учебнаго заведенія, въ которомъ воспитываются молодые Армяне. Путеводите-

лемъ моимъ былъ молодой монахъ, уроженецъ Константинопольскій. Довольно свободно изъясняется по-Французски. Въ близости монастыря проѣзжаешь, или правильнѣе, проплываешь мимо острова S. Servolo, на которомъ больница и домъ умалишенныхъ. Изъ рѣшетчатыхъ оконъ одинъ изъ несчастныхъ что-то кричалъ намъ въ слѣдъ. Вчера лазилъ я на колокольню Св. Марка—всходъ une pente douce. Обширный видъ. Городскіе каналы закрыты крышами домовъ и тутъ не догадаешься, что городъ построенъ въ царствѣ морскомъ. Сегодня, т. е. воскресеніе, 23 августа, утромъ ходилъ я по набережной Giudecca, заходилъ я въ церковь S. Sebastiano—особенно богата картинами Павла Веронеза. Мученіе Св. Севастьяна, Св. Николай Тиціана. Тутъ погребенъ Веронезе и поставленъ бюстъ его. Стѣны и потолокъ имъ же росписаны. На мѣстѣ, гдѣ покоятся останки его, нѣтъ памятника, но самая церковь лучшій и собственноручный ему памятникъ. Памятники особенно нужны тѣмъ, о которыхъ слѣдуетъ напоминать. Церковь S. Angelo Raffaele—мадонна del Carmine—колокольная башня угрожала паденіемъ въ концѣ XVI вѣка. Архитекторъ Іосифъ Сарди, выпрямилъ ее въ 1688 г. Маленькая церковь S. Barnaba. Гдѣ-то на площади замѣтилъ я на камнѣ вырѣзанное слово sacrum. Мой гондольеръ Джіузеппе сказалъ мнѣ, что преступникъ, за которымъ гнались, былъ въ старину неприкосновеннымъ, когда удавалось ему ступить на подобный камень. На мосту, гдѣ въ старину совершались кулачные бои двухъ враждебныхъ, или, по крайней мѣрѣ, междоусобныхъ артелей гондольеровъ *castellani* и *nicoletti* (первые были особенно подъ покровительствомъ правительства, другіе принадлежали народной партіи) втиснуты четыре ноги, на которыя становились бойцы. Перилъ тогда на мосту не было и побѣжденный часто падалъ въ каналъ. Сегодня первый день отдыха или роздыха послѣ томительныхъ жаровъ. Всю ночь дулъ вѣтеръ и воздухъ освѣжился. Въ первый разъ могъ я немного ходить и приняться за свой журналъ не утопая въ поту.

15 августа. Въ день Успенія были мы у обѣдни въ Греческой церкви Св. Георгія, построенной въ 1550 г., знаменитымъ архитекторомъ Sansovino. Во время служенія играла на

церковной площадкѣ полковая Австрійская музыка къ соблазну православныхъ. Ходъ вокругъ церкви также при музыкѣ. Архіерей благовидный старецъ. Сказываютъ, что великій князь Константинъ Николаевичъ велѣлъ списать для себя портретъ его. Меня не впустили въ алтарь, сказавъ, что одни духовныя лица и Австрійскій императоръ допускаются. Два раза былъ я въ театрѣ Gallo A. S. Benedetto. Въ Италіи и театры, какъ церкви, окрещены во имя какого-нибудь святаго. Даютъ оперу Верди: Attila и довольно плохо; но Итальянская опера въ Италіи, какъ ни будь посредственна, имѣетъ особенно свѣжій вкусъ comme un petit vin du cru, которое пьешь на мѣстѣ. Теперь слѣдуетъ описать la piazza di S. Marco и ежедневные вечерніе ея рауты и поименовать Венеціанскія мои знакомства. Площадь, обставленная великолѣпными зданіями, съ базиликою Св. Марка въ окончномъ углубленіи своемъ, конечно, картина величавая и поразительная. Предпочитаю ее днемъ, нежели вечеромъ, особенно когда не свѣтитъ мѣсяцъ. Она не довольно освѣщена, хотя кровные Венеціанцы и жалуются, что газъ испортилъ ихъ площадь и разорвалъ покровъ темноты, на ней лежавшій и столь благопріятный любовнымъ и прочимъ тайнамъ. Въ Парижѣ, въ Лондонѣ, подобная площадь горѣла бы тысячами солнцевъ. Другая невыгода: на площади лѣтомъ и особенно въ продолженіе нынѣшнихъ жаровъ — душно какъ въ законопаченной большой залѣ. Подъ открытымъ небомъ невольно думаешь: хорошо бы раскрыть окно. Женѣ вечерняя эта площадь напоминаетъ залу Московскаго дворянскаго собранія съ ступенями своими и галлереями вокругъ. Третья невыгода — ужасная музыка вокальная и инструментальная, которая деретъ уши по всѣмъ направленіямъ площади предъ кофейнями, когда не играетъ полковая музыка. Странное дѣло, какъ музыкальная натура Итальянцевъ производитъ подобныхъ мучителей и выноситъ подобное мученичество. То-ли дѣло, если раздавались бы тутъ звуки оркестровъ Карлсбадскаго Лабицкаго, Дрезденскаго Гюперфюрста, Вѣнскаго Штраусса. Четвертая невыгода площади это стулья, на которыхъ осуждены сидѣть посѣтители. Эти стулья въ родѣ какихъ-то пыточныхъ козловъ, на которые,

вѣроятно, въ старину Совѣтъ Трехъ сажалъ для допроса гостей своихъ. Впрочемъ, Тюльерійскіе стулья не лучше. Съ измѣненіемъ нравовъ эти площадныя собранія потеряли свой характеръ поэтическій и романическій. Сцена лучше и великолѣпнѣе, но дѣйствіемъ это тѣ же бульвары Парижскіе. Мороженое—главный интересъ. Теперь же высшее общество разсѣяно и по большей части встрѣчаешь среднее и низшее сословія и путешественниковъ. Но и въ многолюдныя эпохи года, сказываютъ, все не то, что въ старину. Тогда было нѣсколько салоновъ въ домахъ, окружающихъ площадь, и хозяйки и гости сходили на площадь какъ въ свой садъ, чтобы освѣжиться и прогуляться. Послѣ полуночи изъ театра всѣ являлись на площадь. Теперь послѣ 10 часовъ площадь пустѣетъ. Венеціанцы дуются на Австрійцевъ и нѣтъ никакого сообщенія между ними. Они жалуются, что они убили ихъ общежительную жизнь, кажется, жалобы не совсѣмъ справедливы. Эта жизнь отжила свой вѣкъ, преобразовалась какъ и вездѣ. Развѣ Парижскіе салоны тѣ же, что въ концѣ XVIII вѣка? Не Австрійцы же лишили Венеціанокъ хваленой ихъ красоты. А теперь не встрѣчаешь красавицъ—иначе какъ въ рамкахъ знаменитыхъ прежнихъ художниковъ. Видно и природа по эпохамъ истощается, и у нея бываютъ свои періоды либерализма и противодѣйствія.

Напрасно клеплемъ мы на Петербургскій климатъ и на перемѣнчивость его погоды, какъ будто ему исключительно свойственную. Третьяго дня мы умирали отъ жара, днемъ жарились на солнцѣ, а ночью разваривались въ соку своемъ отъ духоты. Вчера было уже свѣжо, а сегодня т.-е. (24 августа—5 сентября) еще гораздо свѣжѣе, такъ что можетъ быть и въ Петербургѣ теплѣе. Со дня на день лѣтнее платье замѣнится суконнымъ, поры сжимаются и испарина обращается вспять. Продолжаю однакоже свои купанія. Вчера въ водѣ по-полудни было 19° градусовъ тепла. Итальянцы уже перестали купаться и вчера я одинъ былъ на просторѣ, а то была настоящая толкотня въ водѣ. Итальянцы очень возятся и забавляются въ водѣ какъ дѣти, иногда не очень вѣжливы и невнимательны къ ближнему.

25 авг. — 6 сент. Петербургъ продолжается: вѣтеръ свѣ-
ій, дождь, вода изъ каналовъ выступаетъ и заливаетъ мосто-
ую. Предъ окнами нашими старуха остановилась предъ этимъ
аллтіемъ: мужчина схватилъ ее въ руки свои и перенесъ въ
ѣни ближайшаго дома. Вчера въ темноту, въ 12-мъ часу ночи
одилъ я вдоль Canale della Giudecca: волны плескали на па-
ежную. Все пусто, встрѣтилъ только двухъ людей. Сказы-
ютъ, здѣсь совершенно безопасно ходить ночью по узкимъ
ереходамъ и перепутаннымъ закоулкамъ. Но чужестранцу надо
мѣть проводника, чтобы не затеряться. Сегодня утромъ ходилъ
въ церковь S. Toma. Во многихъ мѣстахъ стѣны и потолокъ
робиты ядрами во время осады въ послѣднюю революцію. Со-
раніе святынь. Есть и собраніе историческихъ автографовъ;
о я не видалъ его. Проходилъ мимо дома Goldoni, въ Calle
entani № 2369. Надъ дверьми изображеніе его въ медальонѣ.
остъ della Donna Onesta. Каждый мостъ имѣетъ свое преданіе
родословіе. На этомъ мѣстѣ была содержательница кофейнаго
ома и честно торговала, посѣтители прозвали ее donna Onesta
прозваніе ея перешло къ мосту. Вотъ мостъ *(не названъ)*. А
очему онъ такъ названъ? Потому, отвѣчалъ мнѣ мой Брока,
то для избавленія бѣдныхъ людей отъ платы за перевозъ че-
езъ каналъ, какой-то добрый человѣкъ построилъ на этомъ
ѣстѣ въ одну ночь деревянный мостъ *(не названъ)* и каждый
ядя на него на другой день говорилъ: (*пропускъ*).

Былъ въ Chiesa dei Santa Maria de Frari—обширный и велико-
ѣпный храмъ. Гробницы Тиціана и Кановы—одна противъ другой.
амятникъ Фоскари (дожа) скоропостижно умершаго, когда раз-
ался звонъ колокола, возвѣщавшій объ избраніи наслѣдника его
1457 г.). Хоры (т.-е. алтарь съ мѣстами, гдѣ сидитъ духовенство)
рекрасной работы; рѣзьба на деревѣ и штучная. Памятникъ Ка-
новы, сооруженъ по его рисункамъ, которые онъ готовилъ для
амятника Тиціану. Это напоминаетъ Requiem Моцарта, кото-
рый не угадывая того самъ себя отпѣлъ. Монументъ сей сооруженъ по Европейской подпискѣ и стоилъ 102 т. франковъ (не
иного въ сравненіи съ тѣмъ, чего стоятъ наши памятники въ
Россіи, которые къ тому же не умножаютъ собою наличнаго

капитала всемірныхъ нищихъ богатетвъ). Въ числѣ подписчиковъ упоминаются Русскій Императоръ, Голицыны, Демидовы, Разумовскіе, *Анжьесы* (вѣроятно наша Ольга Дмитріевна). Этотъ способъ предавать имя свое безсмертію, говоря:

И моего тутъ меда капля есть,

гораздо понятнѣе и приличнѣе общей страсти путешественниковъ пачкать стѣны скалъ и зданій уродливыми начертаніями именъ своихъ. Иной съ опасностью для жизни удовлетворяетъ этой страсти, карабкаясь Богъ вѣсть куда, чтобы только повыше и повиднѣе занести свою визитную карточку къ безсмертію. Иному герою не нужно было болѣе храбрости, чтобы войти на приступъ и водрузить на стѣнѣ знамя побѣды. При церкви есть зданіе для храненія государственныхъ бумагъ древнихъ и новыхъ; но архивъ этотъ, сказываютъ, недоступенъ посѣтителямъ. Тутъ между прочимъ и знаменитая *Золотая книга*.

26 авг.—7 сент. Годовщина Бородинской битвы. Надобно будетъ когда-нибудь записать мнѣ этотъ оторванный листокъ моей жизни, который какъ и многіе другіе листки не вплетенъ въ мою жизнь. Я часто замѣчалъ, что во многомъ я нравственно не додѣланъ, а потому и дѣйствія мои какіе-то обломки недостроеннаго зданія.

Если декорація перемѣнилась и Венеція уже не смотритъ Петербургомъ, то все еще крѣпко смотритъ сентябремъ. Утро было яснѣе и казалось ведро восторжествуетъ надъ вѣдрами — но опять пошелъ дождь, загремѣла гроза. Сегодня заходилъ я въ церковь S. Maria del Rosario. Она славится своимъ tabernacolo dell'altar maggiore ornato da colonne di lapislazzoli, di ragguardevole dimensione и картиною Тинторета Cristo in croce e la Maria — и статуями и барельефами ваятеля Morleiter. Вообще во всѣхъ церквахъ изобиліе мраморовъ, въ статуяхъ, въ колоннахъ, въ помостахъ, изумительное.

Palazzo Foscari — теперь Австрійская казарма (такъ-ли?). Нѣкоторые дворцы напоминаютъ Родосскіе дворцы, которые сохранили на стѣнахъ своихъ гербы прежнихъ своихъ благородныхъ властителей, а нынѣ заняты Турками. Нынѣ заходилъ я въ подобный palazzo съ знаменитымъ гербомъ свидѣтелемъ ла-

базной торговли. Вчера видѣлъ другой дворецъ, гдѣ нынѣ лицерное заведеніе. Со временъ республики сохранились въ саду его при входѣ двѣ большія куклы, солдаты,—но кажется мундиры на нихъ перекрашены на Австрійскій цвѣтъ. Вчера купался въ ваннѣ, 20 градусовъ тепла, въ заведеніи sul canal grande dirimpetto alla chiesa della salute. Очень чисто и хорошо устроено. Проходилъ мимо театра della Fenice. Жаль, что не откроется прежде зимы. Прочелъ съ учителемъ первую пѣснь *Ада*, и нахожу, что довольно свободно понимается; Французскій переводъ Ратисбона близокъ, особенно для Французскаго перевода.

29 авг. — 9 сент. Вчера въ праздникъ Рождества Богородицы былъ у обѣдни въ церкви S. Maria del Rosario. Описалъ въ письмѣ къ Тютчевой. Переписано въ другую книгу. Послѣ ходили на Campo di marte, гдѣ бываютъ полковыя ученія и парады — и иногда до 12-ти штукъ конницы, говорилъ намъ съ нѣкоторою самодовольною важностью нашъ гондоліеръ. Тутъ же большая табачная фабрика, куда приходятъ на работу 1000 и болѣе женщинъ, дѣвицъ и дѣтей. Тутъ можно сдѣлать смотръ состоянія женскаго Венеціанскаго пола, что и предлагалъ мнѣ Брока. Вечеромъ былъ на piazza, гдѣ за дурною погодою не былъ нѣсколько дней сряду. Сегодня Венеція принарядилась по прежнему солнечнымъ сіяніемъ. Тепло, а не душно. Я уже три раза купался въ ваннѣ отъ 20 до 22 градусовъ тепла. Сижу въ ваннѣ 10—20 минутъ. Утромъ сдѣлалъ пѣшкомъ прогулку довольно значительную, особенно для Венеціи не пѣшеходной, по riva degli Schiavoni; ходилъ и въ Giardino Publico. Наполеону во время своего безпредѣльнаго могущества захотѣлось посадить нѣсколько волосъ на головѣ лысой Адріатической красавицы и волоса припялись и уцѣлѣли лучше нежели желѣзная корона на собственной его головѣ. Въ этомъ саду есть зелень, есть тѣнь, есть пригорки, все рѣдкости и невидальщины въ Венеціи. Дорогою заходилъ я въ церковь S. Biagio (S-t. Blaise) приходъ арсенала. Тутъ мраморный памятникъ великаго адмирала Angelo Emo, работы Joseph Ferrari Torretti въ 1792. Въ его мастерской учился Канова. Въ этой церкви есть Греческій

придѣлъ для матросовъ Греческаго исповѣданія, но вѣроятно уніатскаго. Въ одномъ Іерусалимѣ сходятся подъ одною крышею разновѣрческія исповѣданія. Проходилъ мимо арсенала на обратномъ пути; видѣлъ наружныя украшенія. Четыре Греческіе льва Гиметскаго мрамора (близь Аѳинъ). Много толковъ и споровъ о мѣстопроисхожденіи этихъ львовъ, но водворены они въ Венеціи Франческомъ Морозини Пелопоннезскимъ въ 1687. На Венеціанскихъ площадяхъ болѣе львовъ, нежели въ Парижскихъ салонахъ. Въ Albergo Reale Danieli (бывшемъ palazzo Bernardo Mocenigo) былъ я у M. Nordin. Тутъ же стоялъ и général Changarnier. Хотѣлось идти къ нему, но посовѣстился. Политическія извѣстности, если не знаменитости, не то что литературныя и артистическія, къ которымъ доступъ всякому свободенъ. Впрочемъ онъ въ тотъ же день уѣхалъ. Въ гондолѣ ѣздили мы съ женою къ леди Соррес, къ старухѣ Больвиллерсъ (сестра покойнаго Убри), къ графинѣ Туркуль и запесъ я карточку къ comte de Dameto, chambel. de l'Infant d'Espagne въ палаццо Rezzonico, купленномъ или напятомъ инфантомъ. Д. Карлосъ живетъ въ Тріестѣ.

30 авг.—11 сент. По воскресеньямъ маленькій пароходъ отправляется въ 9 часовъ утра въ Chioggio, три часа плаванія мимо множества острововъ: Malemoco, Pelestrina и проч., мимо здѣшней Китайской стѣны Murazzi. Всѣ эти острова связаны съ исторіею Венеціи. Chioggio имѣетъ также своихъ львовъ, свою піаццу, или большую, довольно широкую улицу, свои канали и мосты. Первое мое впечатлѣніе было, удивленіе слышать хорошую музыку. Я думалъ что это полковая, но привлекаемый звуками вошелъ я въ большую залу della municipalita, гдѣ происходила проба вечерняго концерта. Большой оркестръ, составленный изъ городскихъ dilettanti разыгрывалъ на духовыхъ инструментахъ съ отмѣнною стройностью и увлекательнымъ brio разныя музыкальныя піесы. Главная церковь славится своимъ batisterio и каѳедрою. Не знаю часто ли съ пользою и назидательностію дѣйствуетъ послѣдняя, но крестильница въ большомъ употребленіи. Я имѣлъ случай провѣрить лукавые и епиграматическіе отзывы Jules Lecomte (Venise) о плодородіи Кіожіотокъ. Менѣе нежели въ полчаса

принесли для окрещенія трехъ младенцевъ въ деревянныхъ ящикахъ со стеклами. На замѣчаніе мое одна изъ молодыхъ крестныхъ матерей съ улыбкою созналась, что нѣтъ опасенія, чтобы кіожіотское народонаселеніе скоро перевелось. Женскій полъ и мужской славятся здѣсь красотою. Женщины носятъ бѣлые покровы, которые съ поясницы подымаютъ онѣ на голову—въ родѣ Турчанокъ, но лица не закрываютъ. Тиціанъ любилъ искать здѣсь свои подлинники и несчастный Leopold Robert перенесъ отсюда на холстину прекрасные типы картины своей le départ du pêcheur de l'Adriatique. Въ лодкѣ отправился я въ *Sutto Marina*, гдѣ обыкновенно здоровыя и красивыя дѣвы и жены служатъ гребцами, тогда какъ отцы и мужья ихъ сидятъ себѣ или лежатъ въ лодкѣ. Прежде Кіожіоты и Сутто-Маринцы, раздѣленные пространствомъ версты, жили между собою во враждѣ, какъ добрые сосѣди, но послѣдняя революція прекратила это междоусобіе, какъ и то, которое существовало между Nicoletti и Castellani. Ходилъ по Murazzi, устроеннымъ тремя терасами. По одну сторону море плещетъ и воетъ, по другую молчаніе и спокойствіе, даже почти не слыхать, что за перегородкою дѣлается. На улицѣ въ Chioggia нашелъ два народныя сборища: въ одномъ нѣсколько человѣкъ, сидя слушали чтеніе Orlando Innamorato. Чтецъ громогласно читалъ съ большимъ жаромъ и жестами, подкрѣпляя чтеніе объяснительными комментаріями. Въ другой группѣ, менѣе многолюдной, чтецъ читалъ также съ тѣлодвиженіями и словесными комментаріями исторію Наполеона и между прочимъ о назначеніи *Фо-у-же* министромъ полиціи. Толпа, составленная преимущественно изъ рыбаковъ, здѣсь и тамъ слушала, казалось, внимательно. Слушательницъ не было. Онѣ расхаживали по улицѣ или сидѣли въ церквахъ. Тутъ отыскалъ я Италію съ ея красками и обычаями. На возвратномъ пути вѣтеръ довольно поднялся и Итальянцы надѣвали теплое пальто, подымали воротники и окутывали шею шарфами и платками какъ у насъ въ зимнюю вьюгу. Красное захожденіе солнца было великолѣпное. Въ сторонѣ Виченскихъ темныхъ горъ разлилось море огня и на немъ отдѣлялось одно облако точно образующее корабль съ пламенною хоругвью. Ни-

когда не видалъ я подобной фантастической картины. Уже недалеко отъ Венеціи возвышается изъ воды маленькая часовня съ лампадою предъ образомъ Богоматери, которая (т. е. лампада) служитъ вѣроятно и маякомъ для ловцовъ. Прекрасная мысль и умилительное сочетаніе Piazzetta, красавица, убранная и украшенная для вечерняго пріема гостей своихъ, ожерельемъ блестящихъ огней, которые ярко отражались въ зеркальномъ лонѣ воды, красовались и пылали предъ нами. Но я не поддался зазывамъ ея, возвратился домой къ вечернему обѣду и рано легъ спать, потому что порядочно усталъ. На пароходѣ были съ нами двѣ Гамбургскія красавицы, вѣроятно старозавѣтнаго происхожденія съ матерью. Въ концѣ плаванія нашего обмѣнялся я съ ними нѣсколькими словами.

31 Авг. 1 Сентяб. 2, 3, 4. Въ эти дни я два раза былъ въ Accademia di belle arti. Сей музей основанъ въ 1807 и особенно содѣйствіемъ графа Leopold Cicognara (въ зданіи прежней Scuola di Caritá). Картина Успенія Богородицы Тиціана. Находятъ, что Богоматерь слишкомъ дородна. Копія съ этой картины работы Schiavoni сына должна быть въ Петербургѣ. Картины Беллини и Vivarini. Списки съ нихъ, можетъ быть, съ нѣкоторыми православными измѣненіями, очень прилично украшали бы наши храмы. Вообще жаль, что и въ сооруженіи храмовъ нашихъ не держатся строже рисунка и пропорцій Итальянскихъ храмовъ, особенно Венеціанскихъ, также принаравливаясь къ требованіямъ нашего служенія. У насъ при каждомъ сооруженіи храма хотятъ что нибудь выдумать новаго, или такъ устроить подражаніе старому, что обыкновенно выходитъ аляповатая и какая-то обрубленная нескладица. Въ архитектурѣ главное и необходимое условіе: соблюденіе размѣровъ, т. е. стройность. Всякое отступленіе отъ надлежащаго размѣра то же, что фальшивые звуки въ музыкѣ. Видѣлъ церковь S. Antonia, гдѣ почиваетъ Св. Савва Іерусалимскій (Муравьевъ въ письмахъ изъ Италіи). Въ этой церкви происходила драма ворвавшагося слона.

Не пишется, — да и полно. Писалъ большое письмо Булгакову, отпечатокъ Венеціанскихъ впечатлѣній.

10 (22) Сент. Поѣхалъ послѣ обѣда въ Lido pour assister

au coucher du Roi et au lever de la Reine. Царь солнце великолѣпно легъ на злато-багровомъ ложѣ и темные Тирольскіе Альпы прекрасно рисовались изъ-за этого яркаго грунта. Восхожденіе царицы луны долго прождалъ я, прохаживаясь по уединенному песчаному берегу. У насъ нѣтъ слова для *plage* и *grève*. Мой Брока восхищался твердью, усѣянною звѣздами и припоминалъ стихи изъ Тасса. Море съ извѣстною и невыразимою мелодіею своею разбивалось о берегъ и замирало въ пескѣ. Наконецъ взошла луна нѣсколько уже изувѣченная и убывающая. Возвратился и причалилъ къ піаццетѣ около 10 часовъ вечера. На Лидо сторожа при купальныхъ будкахъ ожидали въ полночь Англичанъ, которые обѣщались пріѣхать купаться и разсказывали мнѣ про житье-бытье, доброту и щедрость герцога Брауншвейгскаго, который имѣетъ лѣтній домъ на Лидо, но нынѣшнее лѣто не пріѣзжалъ — къ прискорбію бѣдныхъ, сказалъ со вздохомъ старый сторожъ.

Вчера, въ пятницу, былъ я въ мастерской Nerly пэйзажиста. Картины его Венеціанскіе виды — и одна, возвращеніе съ уборки винограда, находится въ Петербургскихъ дворцахъ. Онъ живетъ въ Pallazzo Pisani, въ тѣхъ же покояхъ, въ которыхъ несчастный Леопольдъ Робертъ лишилъ себя жизни. Онъ женатъ на побочной дочери Муруцци, который недовольный этимъ бракомъ, по *личной* причинѣ, говоритъ скандальная хроника, оставилъ все свое огромное богатство родственницѣ своей жены. Былъ еще въ atelier сына Schiavoni: дописываетъ копію съ Беллини Богоматерь, апостолъ Петръ, Захарій въ красной одеждѣ, Екатерина и для нашего Императора прекрасную картину Богоматерь, — его композиція — портретъ маленькой княжны Четвертинской. Знаменитаго колѣна (въ письмѣ къ Булгакову) не видалъ за отсутствіемъ отца. Vogel, пріятель Жуковскаго, фотографировалъ портретъ Лизы (Валуевой). Нерли сдѣлалъ для Жуковскаго видъ изъ комнаты, которую занималъ онъ въ пріѣздъ свой въ Венецію съ Цесаревичемъ. На дняхъ былъ въ Pallazzo Pisani (другой Пизани), славящійся картиною Павла Веронеза: Семейство Дарія у ногъ молодаго Александра. Признаюсь, сердце и глаза мои не лежатъ къ этимъ картинамъ изъ

Роллена и нашего Московскаго Черепанова, вѣроятно потому, что я въ нихъ толку не знаю. Тутъ же группа Дедала и Икара, одно изъ первыхъ произведеній рѣзца Кановы, а въ Pallazzo Trevés (бывшемъ палаццо Emo, если вѣрить Custode) послѣднія произведенія Кановы: двѣ статуи Гектора и Аякса, но не другимъ свѣдѣніямъ статуи 1808—11 годовъ, а только куплены были нынѣшнимъ ихъ хозяиномъ послѣ смерти Кановы. *Trevés de Bonfil*, банкиръ изъ Евреевъ, славится благодѣтельностію своею къ единовѣрцамъ и христіанамъ. Тутъ же въ кабинетѣ его много маленькихъ картинъ новѣйшихъ художниковъ, между прочими видъ піаццы зимою, подсыпленной снѣгомъ. Видѣлъ палаццо герцогини Беррійской. Много историческихъ достопримѣчательностей старинныхъ и современныхъ, особенно семейныхъ. Тутъ древность содержится со вкусомъ и блескомъ новѣйшаго времени. Только въ Венеціи и жить этимъ пережившимъ себя величіямъ и властямъ. Вольтеръ въ *Кандидѣ* своемъ давно и пророчески указалъ имъ этотъ ночлегъ. Старикъ Schiavoni на свои заработанныя деньги купилъ одинъ изъ дворцовъ Giustiniani. Въ другомъ палаццо Giustiniani жилъ Шатобріанъ на пути въ Іерусалимъ и строго отозвался о Венеціи, на что отвѣчала m-me Renier Michiel, авторъ книги *Les fêtes Vénitiennes*. Schiavoni сынъ сказалъ мнѣ, что все разсказанное Arsène Houssaye (въ брошюркѣ: *Voyage à Venise*) о посѣщеніи его въ ихъ мастерской, сущая небылица. Этимъ болтунамъ Французамъ непремѣнно нужно сочинять и лгать: одной истины для нихъ недостаточно.

Галлерея pallazzo Barbarigo (Barbarigo alla terrazza) куплена нашимъ Императоромъ. Алексѣй Перовскій также купилъ здѣсь богатыя произведенія, которыя послѣ перешли къ Дмитрію Бутурлину.

13 сентября. Вчера былъ въ театрѣ S. Samuele. Опера *Пуритане* и между актами балетъ *Giselle*, который мы сократили прогулкою и мороженами на piazza. Спектакль кончился около часа по полуночи. Едва ли слушать Рубини и смотрѣть на Тальони стало бы терпѣнія, но слушать и видѣть карикатуры ихъ не по силамъ. Впрочемъ prima-donna не дурна.

Праздникъ въ церкви S. Zaccaria. Вечеромъ музыка и

Библиотека

освѣщеніе на Riva degli Schiavoni и въ боковой улицѣ. Много народа; Венеціанцы веселятся тихо и чинно: сидятъ за столиками, или расхаживаютъ мѣрнымъ шагомъ.

14. Опоздалъ въ обѣдни въ Греческой церкви. Праздникъ Воздвиженія Креста. Были въ храмѣ Santi-Giovanni e Paolo. Le Comte говоритъ, что это Венеціанскій пантеонъ. Въ одномъ окнѣ живописныя стекла—рѣдкость въ Венеціи, работы Jerome Mocetto по рисункамъ B. Vivarini. Гробницы многихъ дожей: Michel Morosini, Leonard Loredano, Andrea Vendramini, etc. Мавзолей Agnès Venier, супруги дожа Antoine Venier. Богатая capella del Rosario—мраморные барельефы. Рядомъ съ храмомъ гражданская больница, бывшая прежде confrérie de S. Marc. На площадкѣ конная статуя Barthelemi Colleoni, полководца, умершаго въ 1475.—Храмъ Dei Gesuiti, построенный въ прошедшемъ столѣтіи. Богатство и отдѣлка мраморовъ изумительныя, съ инкрустаціями. Словно занавѣсы и ковры, а все мраморъ—мраморный коверъ у алтаря такъ обманчивъ, что примешь его за клеенку, коими постилаютъ у насъ полы.—Le Martyr de S. Laurent Тиціана: имѣлъ честь служить военною добычею Французамъ отъ 1797 до 1815 года всеобщей ликвидаціи. Монументъ дожа Pasqual Cicogna, за-живо воздвигнувшаго себѣ лучшій памятникъ построеніемъ моста di Rialto. Custode сказалъ мнѣ, что тутъ похороненъ послѣдній дожъ Manini. Но въ гидѣ я не нашелъ того. Во всякомъ случаѣ этотъ великолѣпный храмъ былъ бы достойною гробницею республики и ея послѣдняго представителя. *Туретти*, учитель Кановы, умеръ въ нищетѣ и просилъ милостыню. Канова ничего ему не завѣщалъ. Такъ по крайней мѣрѣ сказалъ мнѣ мой Брока. Былъ въ Casa di Ricovero (asile). Болѣе 800 старцевъ обоего пола (женщинъ болѣе, нежели мущинъ) содержатся здѣсь на иждивеніи частныхъ благотвореній. Большія залы опрятныя, воздухъ чистый. Капиталъ около 6 мил. австрійскихъ лиръ. Жены и мужья, когда тѣ и другіе въ числѣ призрѣнныхъ, имѣютъ позволеніе сходиться только разъ въ недѣлю. Но нѣтъ опасности, чтобы народонаселеніе этого заведенія размножалось вслѣдствіе таковыхъ свиданій. Бѣдные, принимаемые въ немъ, должны быть не моложе 60 лѣтъ. Разъ въ мѣсяцъ имѣютъ они

позволеніе выходить со двора. Такой странноприимный домъ и въ подобномъ размѣрѣ былъ бы вездѣ весьма замѣчателенъ, и въ особенности въ павшей Венеціи. Для павшей Венеціи еще очень примѣчательно, что она едва-ли не одна во всей Австрійской Имперіи не принимаетъ въ обращеніе Австрійскихъ ассигнацій, а платитъ всѣ свои повинности чистаганомъ. Вслѣдствіе чего и казна должна разсчитываться съ нею одною звонкою монетою. Вотъ особенное выраженіе и протестъ оппозиціоннаго духа.

17. Вчера былъ въ pallazzo графа Шамбора. Не такъ великолѣпенъ и богатъ убористомъ и художественными произведеніями, какъ маменькинъ дворецъ. Есть картина, представляющая, кажется, Римскій монастырь и собраніе монаховъ, писанная герцогинею Беррійскою, и если нѣтъ тутъ участія кисти царедворческаго учителя, то герцогиня имѣетъ замѣчательный талантъ.

12. Былъ въ Лидо на сторонѣ крѣпости. Довольно древесно и зелено старое Англійское кладбище. Надобно освѣжить память свою идилліями—на счетъ Лидо (Карамзинъ не допускалъ галлицизма *на счетъ*).

22. Тезоименитство Австрійскаго Императора. Обѣдня съ музыкою и съ присутствіемъ властей въ церкви S. Marco. Полуторжество. Главный праздникъ день рожденія его. Не было парада и даже войска. На piazza мало народа.

23—25. Встрѣча и знакомство съ отставнымъ палачемъ, котораго принималъ я за нищаго и которому давалъ милостыню. Впрочемъ онъ точно бѣденъ, старъ и дряхлъ. Надобно съ нимъ короче ознакомиться и провѣдать его подноготную. Видѣлъ я въ S. Marco отпѣваніе священника, котораго послѣ понесли въ гробѣ на гондолу и отвезли на кладбище на островъ. Послѣдняя прогулка Венеціанцевъ въ гондолѣ. Отъ Адлерберга получилъ я отвѣтъ изъ Ольмюца съ разрѣшеніемъ Государя остаться заграницей. Говоря о вѣчномъ Восточномъ вопросѣ, Стюмеръ сказалъ мнѣ, что Орловъ вѣроятно лучше нежели Меншиковъ уладилъ бы дѣло. Онъ Туркъ хорошо знаетъ, говорилъ Стюмеръ и когда былъ въ Константинополѣ сказалъ: „Dans nos rapports avec eux nous devons chercher à nous faire pardonner la crainte

que nous leur inspirons. Не знаю какъ съ Англичанами и Французами, но съ Турками я самъ согласенъ, что лучшаго *полномочнаго*, во всѣхъ смыслахъ полномочнаго, придумать нельзя какъ Орлова. Съ Турками должна быть у насъ и дипломатика Азіатская, которая впрочемъ намъ очень сродна. А мы отказываемся отъ своей полу-Азіатской природы и дипломатизируемъ на Французскій и Англійскій ладъ, отчего и дѣйствуемъ не свободно и вяло и уступаемъ первенство Англичанамъ и Французамъ. Не даромъ есть у насъ татарщина, которая должна была бы сблизить насъ съ Турками. Русская тонкость, лукавство, сметливость, сами собою изъ каждаго умнаго Русскаго дѣлаютъ дипломата. А мы свою дипломатію ввѣрили совершенно антирусскимъ началамъ. Что можетъ быть противоположнѣе Русскому какого нибудь тщедушнаго Брунова? Ни капли Русской крови, ни единаго Русскаго чувства нѣтъ у него въ груди. Можетъ быть онъ не продастъ Россію, но вѣрно выдастъ ее, частью вѣдѣніемъ, частью невѣдѣніемъ, невѣдѣніемъ потому, что онъ не понимаетъ Россіи, что никакая Русская струна не звучитъ въ сердцѣ его. Вѣдѣніемъ, потому что гдѣ ему.... отгрызаться зубъ за зубъ съ Пальмерстономъ, который долженъ давить его и сгибать въ три погибели своимъ барствомъ и высокомѣріемъ. Ему ли.... передавать звучный и богатырскій голосъ Русскаго Царя, напримѣръ въ настоящемъ Восточномъ вопросѣ? Что пойметъ онъ въ чувствѣ народнаго Православія, которое можетъ ополчить всю Россію. Все это для него тарабарская грамота. И во всемъ Восточномъ вопросѣ неминуемо, невольно, онъ какъ маркизша Кастельбажакъ (въ Карлсбадѣ) видитъ одно опасеніе лишиться своего посланническаго мѣста. Это натурально, и винить его въ томъ было бы несправедливо.... У Нессель*роде*, хотя и нельзя сказать Нессель*рода*, есть по крайней мѣрѣ Русскіе мерзносы на Святой Руси. Стало быть онъ прикрѣпленъ къ Русской землѣ. Но у этого.... бобыля Брунова нѣтъ....

26. Читалъ La Conjuration contre Venise. Книга St. Real, пользуется классическою извѣстностію. Мнѣ показалась она довольно вялымъ и сухимъ разсказомъ о драматическомъ событіи.

30. Вчера былъ въ Арсеналѣ съ Завадовскими. Модель *Буцентора* имѣетъ десятую часть подлинника. Обманчивость глазъ. Не вѣрится, чтобы модель, помноженная на десять, могла бы на дѣлѣ быть такого размѣра. Вооруженіе (armure) Генриха IV, подаренное имъ республикѣ. Орудія пытки, принадлежавшія Francesco Carrara; Падуанскому тирану. Щитъ, прострѣленный Цесаревичемъ въ 1838 г., одною изъ арбалетъ, которая служила въ Лепантскомъ сраженіи. Вчера въ S. Samuele: il Barbiere. Что за молодость, за веселость, за увлекательность въ этой музыкѣ. Россини переживетъ въ потомствѣ своихъ современныхъ львовъ: Наполеона и Байрона. Было время, что наше поколѣніе ими бредило. *Мы всѣ глядимъ* въ Наполеоны и въ Байроны и многіе довольно удачно ихъ корчили. Но никто не попалъ въ Россини.

Октября. 1. На дняхъ прочиталъ книгу молодаго Адлерберга: *Изъ Рима въ Іерусалимъ*. Ничего. Я очень люблю это простосердечное Русское выраженіе. Иванъ, какова погода? „Ничего-съ!“ Ямщикъ, какова дорога? „Ничего-съ!“ Что каковъ вашъ баринъ, хорошо ли вами управляетъ? „Ничего-съ“.

2. Вечеромъ былъ Строгановъ. Сегодня въ церкви Maria del Rovario былъ я на отпѣваніи 80-ти лѣтняго священника основателя, или одного изъ двухъ основателей Scuole di Carieta *Marco*. Во времена республики онъ принадлежалъ al secondo ordine delle magistrature и послѣ паденія республики принялъ духовный санъ. Онъ былъ очень любимъ въ народѣ и церковь была полна. Произнесенное въ память ему надгробное слово, сколько могъ я понять, не безъ достоинства, и во всякомъ случаѣ краснорѣчиво, ибо слова оратора часто прерываемы были слезами и рыданіями его. Кажется упомянулъ онъ, что былъ его ученикомъ. Я присутствовалъ во второй разъ на послѣдней прогулкѣ въ гондолѣ Венеціанца. Здѣсь нѣтъ особеннаго экипажа для мертвецовъ. Они отъѣзжаютъ домой на одномъ и томъ же извощикѣ, который служитъ и живымъ. Нѣкоторые путешественники говорятъ о красныхъ гондолахъ, которыя здѣсь будто замѣняютъ corbillard и наши похоронныя дроги. Но по моимъ справкамъ оказывается это ложнымъ. При церемоніи бываютъ

церковно-служители въ красныхъ рясахъ, которые несутъ церковные фонари, но бываютъ они и при другихъ обрядахъ.

4. Былъ у обѣдни въ Греческой церкви. Болѣе порядка и благочинія нежели на Востокѣ. Подходилъ къ благословенію архіерея, который промолвилъ мнѣ невнятно нѣсколько Русскихъ словъ.

6. Венеція подъ дождемъ и въ ненастье то же, что красавица съ флюсомъ, который кривитъ ея рожу. Поневолѣ измѣнишь ей, какъ прежде ни любилъ ея. Вчера были у княгини Васильчиковой. Грустно видѣть дочь ея. Заѣзжали къ графинѣ Эстергази.

Il vaut mieux et il est plus honorable d'être vrai dans le faux, que faux dans le vrai. Être de bonne foi dans l'erreur peut arriver à tout homme même supérieur. Il n'y a que les Français qui ayent le privilège d'être faux dans le faux.

7. Былъ у меня нашъ Египетскій генеральный консулъ Фокъ, на-дняхъ выѣхавшій изъ Александріи. Между Александріею и Тріестомъ четырехдневное плаваніе. Соблазнительно. Кажется умный человѣкъ, обхожденія пріятнаго, но больной и довольно мрачнаго духа. Не любитъ Востока, въ которомъ долго жилъ. Выѣхалъ онъ изъ Египта не по обстоятельствамъ политическимъ, но по болѣзни. Въ Египтѣ въ самомъ дѣлѣ фанатизмъ противъ насъ, по словамъ его, довольно возбужденъ. Я не думалъ бы того. Стало быть въ Турціи и подавно. Разумѣется фанатизмъ не внутренній, не самородный, а болѣе внѣшній и взбитый революціонными выходцами и бродягами. Фокъ говоритъ, что лучшая книга о Египтѣ Рафаловича. Въ книгѣ Ковалевскаго много вздора и собственноручнаго шитья.

8. У Самуэля давали Лучію. Финалъ 2-го акта очень порядочно былъ исполненъ. Правда, что у меня въ душѣ пѣлъ Рубини и я тронутъ былъ до слезъ болѣе по памяти, нежели по слуху. Строгановы отправились чрезъ Тріестъ въ Петербургъ.

9. Былъ въ библіотекѣ Дукальнаго дворца. Рукопись Тассо. Писалъ широко, большими буквами и довольно неправильными, вмѣстѣ съ рукописью отца, который также былъ

поетъ. Рукопись евангелія IX вѣка, brèviaire кардинала Гримани, сына дожа, съ прекрасными картинами. Въ библіотекѣ видѣлъ словарь Татищева. Обѣщался подарить Живописный Сборникъ 1853 г. Еще разъ осматривалъ дворецъ. Послѣ ѣздили въ церковь Santi Giovanni e Paolo и въ dei Gesuiti. Первая церковь кладбище doges; кажется погребено въ ней 18.

10. Вице-библіотекарь въ Дукальной библіотекѣ православный грекъ. Докторъ Наміасъ возилъ меня въ свой госпиталь Ospitale civico. Прекрасное заведеніе. До тысячи кроватей, а въ случаѣ нужды есть мѣсто и на 2000. Въ Венеціи все имѣетъ видъ грандіозный и артистическій, потому что всѣ эти помѣщенія были въ старину или палацы, или храмы, или монастыри. Величина, высота залъ такого обширнаго размѣра, вездѣ такой просторъ, что нигдѣ не пахнетъ госпиталемъ. Вездѣ воздухъ свѣжій и чистый. Правда и климатъ тому способствуетъ. Здѣсь очищаютъ воздухъ не можжевельнымъ куреніемъ, а открываютъ окна, впуская солнце и воздухъ. Госпиталь основанъ для бѣдныхъ городскихъ, и общинъ, которые и содержатъ его опредѣленнымъ ежегоднымъ взносомъ. Есть отдѣленіе для мужчинъ и отдѣленіе для женщинъ, подраздѣленныя на больныхъ, требующихъ леченія, и больныхъ, требующихъ хирургическихъ операцій. Есть отдѣленіе и для больныхъ платящихъ (большая часть даромъ) по 2 цв съ половиною въ комнатахъ, гдѣ нѣсколько больныхъ, и по 4 цв для больного въ особой комнатѣ, съ особою прислугою. Отдѣленіе Еврейское и отдѣленіе дѣтское, что кажется рѣдко гдѣ встрѣчаешь. Смертность умѣренная. Около седьмой части болѣзней грудныхъ. Нынѣ больныхъ привозятъ въ гондолахъ на площадь церкви Santi Giovianni e Paolo и переносятъ въ больницу въ виду толпы народа, которая обыкновенно сбирается глазѣть на это зрѣлище, какъ на всякое другое. Есть проектъ прорыть новый каналъ, который войдетъ во внутренній дворъ зданія Вмѣстѣ съ больницею есть домъ умалишенныхъ, для женскаго пола до 300 ч. Все это помѣщается въ большой залѣ Scuola di S. Marco и бывшемъ монастырѣ Доминиканцевъ. Двѣнадцать подлекарей изъ нихъ одна часть получаетъ по 600 цванц. въ годъ, а другая только квартиру въ госпиталѣ и обѣдъ въдни дежурства.

Есть сады и дворы и большія крытыя галлереи для прогулки выздоравливающихъ. Въ Венеціи до 40,000 бѣдныхъ, записанныхъ въ приходахъ, а жителей всего до 110 тысячъ. Намiасъ говорилъ мнѣ, что докторъ чѣмъ долѣе обходится съ больными, чѣмъ долѣе практикуетъ, тѣмъ менѣе дѣлаетъ, а содѣйствуетъ природѣ. Большая дѣятельность, большая медикаментація означаютъ молодость науки и врача.

11. Былъ у обѣдни въ Греческой церкви. Архіерей изъ вниманія къ Русскимъ посѣтителямъ читалъ *Вѣрую* и *Отче наш* по-русски. Предпочитаю чтеніе этихъ двухъ молитвъ пѣнію ихъ по нашему обряду. Былъ въ хранилищѣ церкви: три древнія Греческія Евангелія и хартіи на папирусѣ на Латинскомъ языкѣ—кажется VI вѣка. Содержаніе: запись въ пользу Равенской церкви. Римскій археологъ Маріни написалъ разсужденіе о сей рукописи. Вице-библіотекарь Дукальной библіотеки грекъ Велудо. Заходилъ къ архіерею, говоритъ немного по-русски. Въ церкви погребена Воронцова, урожденная Сенявина, мать нынѣшняго князя Воронцова. Ѣздили въ Армянскій монастырь. На возвратномъ пути вода была такъ прозрачна и зеркальна, что небеса, деревья, дома отражались въ ней какъ живые. Больница умалишенныхъ на островѣ S. Servolo висѣла верхъ дномъ въ водяномъ пространствѣ какъ головы несчастныхъ ея жильцовъ.

12. Всходилъ на самый верхъ Campanile di S. Marco. Горизонтъ былъ чистъ. Великолѣпная панорама Венеціи съ ея роскошнымъ поясомъ острововъ. Вдали Падуу. Виченскія горы—Тирольскія съ ихъ снѣжными кокошниками. Не позволяютъ всходить на башню по одиночкѣ, а не иначе какъ самъ третей, или самъ другъ и всѣ отверстія раздѣлены желѣзною палкою, вслѣдствіе нѣсколькихъ самоубійственныхъ низверженій съ высоты. На Вандомской колоннѣ въ Парижѣ по той же причинѣ приняты подобныя же предосторожности.

Et monté sur le faîte on aspire à descendre.

Видно это чувство довольно натуральное. Радецкій пріѣхалъ въ Венецію. Стюрмеръ обѣщалъ представить меня ему.

13. Въ *J. de Débats*, 20 октября, фельетонъ какого-то Pierre Douhaine (вѣроятно псевдонимъ) о Русскомъ театрѣ, извлечен-

ный изъ Аранова, Милюкова, Зеленецкаго, Греча, Конн. Нельзя тутъ сказать: ученье свѣтъ, а неученье тьма. Здѣсь тьма отъ ученія. Былъ въ Apollo. Давали Итальянку въ Алжирѣ. Такъ и обдавало меня Московскою стариною и первыми моими Итальянскими музыкальными впечатлѣніями. Послѣ революціи гауптвахты загорожены желѣзною рѣшеткою, за которою находятся солдаты. Неблаговидно.

14. Радецкій далъ знать графинѣ Стюрмеръ, что онъ будетъ къ ней, а она о томъ увѣдомила меня и пригласила къ себѣ. Отъ часа до 5 ждали мы его, но не дождались. Вѣроятно какое-нибудь недоразумѣніе, потому что старикъ очень вѣжливъ и точенъ. На дняхъ минетъ ему 87 годъ, а онъ еще очень подвиженъ и началъ опять ѣздить верхомъ. Императоръ далъ ему близъ Лайбаха помѣстье, которое онъ устраиваетъ *себѣ на старость, когда выйдетъ въ отставку*. Между тѣмъ онъ, перебирая со Стюрмеромъ всѣхъ дѣйствователей великихъ войнъ Наполеоновскихъ и поминая все умершихъ, сказалъ: je suis tout honteux de vivre si longtemps. У Стюрмера нѣсколько замѣчательныхъ автографовъ. Нѣсколько строкъ къ нему написанныхъ нынѣшнимъ султаномъ съ Французскою собственноручною его подписью. Письмо Маріи-Луизы къ Наполеону за нѣсколько дней до перваго паденія его, съ переводомъ ея собственноручнымъ Нѣмецкаго письма ея къ отцу, гдѣ говоритъ, что Наполеонъ не можетъ согласиться на миръ, если не оставитъ ему Антверпена и мимоходомъ пугаетъ папеньку, что если войска его побьютъ что весьма вѣроятно, потому что императоръ сильнѣе нежели былъ когда-либо и что весь народъ одушевленъ мужествомъ и патріотизмомъ, то это будетъ погибель Австрійской Имперіи Стюрмеры были на Св. Еленѣ въ числѣ хранителей Наполеона Она говоритъ, что много преувеличеній и пристрастій въ разсказахъ о притѣсненіяхъ, терпимыхъ Наполеономъ, но что впрочемъ, было много непріятнаго и оскорбительнаго по необходимости въ надзорѣ за нимъ. Нашего комиссара Бальмена онъ вѣроятно допустилъ бы до себя охотно, но сэръ Гудсонъ-Ло не дозволилъ того, потому что Наполеонъ его видѣть не хотѣлъ. Наполеонъ пилъ одно шампанское, частью цѣльное, частью

съ водою. По примѣру его и вся его Французская свита кромѣ шампанскаго не пила ничего, такъ что по обыкновенному разсчету вся заготовленная провизія скоро истощилась и Наполеонъ оставался безъ шампанскаго. Тогда сообщенія были долговременны и пока не выписали новой провизіи прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Французы ужасно кричали противъ жестокости Англійскаго правительства, которое жаждою моритъ Наполеона. Все черное бѣлье и дамское тутъ же было перебираемо Англійскими офицерами. Новые крики и нареканія на дикость и варварство Англичанъ. Однажды Наполеону захотѣлось подшутить надъ стражевымъ офицеромъ, который слѣдовалъ за нимъ въ прогулкахъ его верхомъ. Онъ уловилъ минуту, въ которую тотъ съ кѣмъ-то заговорился, пришпорилъ коня своего и скрылся въ крутизнахъ и извилинахъ скалы. Не видя предъ собою плѣнника своего, офицеръ обмеръ, пустился во всѣ закоулки ущелій, но нигдѣ не нашелъ и слѣдовъ его. Тревога, повсемѣстные поиски, пальба пушекъ, чтобы возвѣстить, что плѣнникъ спасся; а между тѣмъ плѣнникъ благополучно возвратился домой, смѣясь надъ погонею за нимъ. Съ той поры приняты новыя предосторожности, которымъ Наполеонъ не поддался. Отказался отъ своихъ верховыхъ прогулокъ и подъ конецъ ограничилъ выходъ свой изъ дома мѣстомъ, прилежащимъ къ дому.

15. Одни, дожившіе до нынѣшнихъ дней потомки древней Венеціанской республики—это голуби площади Санъ-Марка, которые и теперь кормятся на иждивеньи правительства. Но эти республиканцы вовсе не дикіе и не кичливые, а напротивъ ручные и общежительные. Они гуляютъ по площади и встрѣчаясь съ вами только чуть-чуть отходятъ въ сторону, чтобы дать вамъ пройти. Но не улетаютъ и нимало не пугаются. Вечеромъ Радецкій былъ въ S. Samuele. Сказываютъ, что когда вошелъ онъ въ ложу, человѣкъ 20 въ партерѣ начали хлопать и бѣдный старикъ раскланивался предъ почтеннѣйшею публикою. Но почтеннѣйшая публика была весьма немногочисленна. Случайно ли, или оппозиціонно, но театръ былъ пустѣе обыкновеннаго. Большею частью были Австрійцы, дамы, проѣзжающіе. Радецкій ка-

зался довольно пасмуренъ. Впрочемъ, можетъ быть, и усталость одолѣла его. Утромъ дѣлалъ онъ смотръ войскамъ въ Тревизѣ. Возвратившись въ Венецію давалъ большой обѣдъ. Адъютантъ его графъ Туннъ, братъ адъютанта эрцъ-герцога Фердинанда, обѣщалъ мнѣ представить меня фельдмаршалу въ проѣздъ мой чрезъ Веронну.

16. Былъ въ музеѣ Correr. Théodore Correr, любитель и собиратель рѣдкостей и древностей, завѣщалъ собраніе свое городу Венеціи. Много любопытнаго и драгоцѣннаго во всѣхъ возможныхъ родахъ: оружія, галлебарды, служившія въ старину на праздникахъ духовныхъ, обломки, принадлежности бученторо, картины извѣстныхъ мастеровъ, медали Кановы, рѣзцы его, портретъ несчастнаго дожа François Foscari, прекрасный портретъ Гольдони, блюда по рисункамъ Рафаэля, выдѣланныя по способу нынѣ уже потерянному, стрѣлы, шкапы, баулы отличной древней работы. Нынѣшнее столярное художество имѣетъ свою красивость, но оно не живуче и до потомства не дойдетъ. Планъ Венеціи 1500 года, не имѣвшей еще ни моста Вздоховъ, ни вершины колокольни, ни каменнаго моста Rialto, ни церквей della Salute и Redentore. Былъ въ церкви degli Scalzi. Построена архитекторомъ Longhena, сооружившимъ и la Salute. Пуристы критикуютъ школу его и относятъ ее ко временамъ упадка. Но для насъ повѣждъ эта величавость не безъ достоинства и производитъ желанное дѣйствіе и изумленіе. Внутреннее богатство мраморовъ во всѣхъ издѣліяхъ отъ колоннъ до дверей и канделябровъ и проч. неисчислимо. Нѣсколько придѣловъ одинъ богаче другого, сооруженныхъ знаменитыми фамиліями Венеціи, и между прочими, семействомъ du dernier des Romains, ou du dernier des Vénitiens, дожа Manin и проч. Церковь на одномъ изъ побочныхъ каналовъ Св. Іакова dall'Orios славится отличной вышины колонною de Vert antique и картинами Павла Веронеза, Bassano, Palma, André Schiavone etc. Вечеромъ былъ у Кассини и видѣлъ тамъ Зайцевскаго, переселившаго себя въ Италію, когда казалось бы Россіи почва совершенно по немъ. Въ Русской судьбѣ много такихъ странностей. Бѣдный Пушкинъ не выѣзжалъ изъ Россіи, а Зайцевскій не

вывезъ изъ Италіи. Тиціанъ умеръ 99 лѣтъ отъ чумы 1575 года. Мертвыхъ зарывали тогда въ известку, но по особенному повелѣнію сената, останки его были спасены отъ общаго поглощенія.

17. Pallazzo Mocenigo, въ которомъ жилъ Байронъ; сохраняется письменный столъ его. Тутъ же картина Тинторетти, служившая моделью большой его картины *Рай*, хранящейся въ большой залѣ Дукальной библіотеки. Бюстъ сына графини Мочениго. Прекрасная голова и хорошая работа. Послѣ были въ Ботаническомъ саду, я не

Князь Ѳедора племянникъ,
Не химикъ, не ботаникъ!

и потому я не могу оцѣнить богатствъ этого сада, но кажется въ немъ довольно много замѣчательныхъ растеній. Между прочими *дерево смерти*: дотронешься до него—опухнешь и умрешь; остановившься подъ нимъ—задохнешься до смерти. Подъ стать этому дереву хранятся въ саду бомбы и ядра, которыя долетали до него во время осады 1849 года. Ghetto *старое*, *новое* и новѣйшее; день былъ субботній и потому синагоги и лавки были заперты.

18. Обѣдня въ Греческой церкви. Евангеліе читается съ каѳедры по срединѣ церкви. Это гораздо лучше и слышнѣе, чѣмъ у насъ, и къ тому же діаконъ не реветъ, не мычитъ, не рыкаетъ какъ у насъ. Щегольское чтеніе Евангелія казалось мнѣ всегда у насъ совершенно неприличнымъ—и гораздо менѣе внятнымъ, чѣмъ обыкновенное и умѣренное громогласное чтеніе. Входъ въ алтарь мірянамъ воспрещенъ канонами. Вечеромъ на площади совершенно пустой. Ужасно заживаюсь въ Венеціи. Я всегда и отовсюду тяжелъ на подъемъ, но отсюда особенно тяжело выплывать. Меня удерживаетъ благодатный штиль. Эта безплавная, безколесная, безсуетная, безшумная, бездѣйственная, но вовсе не бездушная жизнь Венеціи имѣетъ что-то очаровательное.

19. Были съ графинею Орловой-Денисовой въ лавкахъ Ghetto. Много хламу, но вѣроятно есть кое-что и стоящее вниманія, хотя впрочемъ туристы и антикваріи давно уже обобрали

Венецію. Нѣкоторыя старыя зеркала, фарфоры, бауль̀чики. Но надобно знать цѣну этимъ вещамъ, а то легко попасть въ дураки. Домъ англичанина Williams съ собраніемъ рѣдкостей, картинъ, старинныхъ шкаповъ etc. Противъ дома Pallazzo Taglioni, въ которомъ живетъ она сама, когда бываетъ въ Венеціи. (Теперь женитьба Трубецкаго съ дочерью ея повредила положенію ея въ обществѣ и она на зиму сюда не будетъ). Въ одномъ изъ салоновъ картины во всю стѣну служатъ обоями. Архитектура внѣшняя очень красива. Вечеромъ былъ у Стюрмера. Разнесся слухъ о стычкѣ между нашими и Турецкими войсками. Всѣ явленія этой восточной драмы съ ея начала двусмыслепны и двуличны. Союзный флотъ перешелъ Дарданеллы, но въ Босфоръ не вошелъ, а остановился на половинѣ дороги. И хочется и колется. И война и не война, съ Турками союзъ, но съ нами не разрывъ. Читая газеты, не знаешь кто безалабернѣе: правительства или газетчики. *Times* двухъ дней сряду не говоритъ одного. День за Турковъ и день противъ нихъ. Кромѣ Русскаго правительства, которое можетъ ошибаться, ибо оно *человѣкъ*, всѣ другія правительства ослабли и сбились съ толку. Послѣ былъ у Кассини. Утромъ былъ у насъ Греческій архіерей.

КНИЖКА 16-я.

(1858).

Венеція, 18 Августа.

Что вы намъ поете про Баденской жаръ? Попробуйте Венеціанскаго и тогда васъ дрожь проймет и вы велите затопить у себя каминъ. Днемъ жарко, а ночью душнѣе. И старожилы здѣшніе не запомнятъ такой осени. Каково же намъ новичкамъ? У васъ еще есть деревья, есть тѣнь. И не забывайте, что Венеція, какъ она ни прекрасна собою, все-таки лысая красавица и намъ бѣднымъ некуда пріютиться. Я только и дѣлаю, что потѣю. Всѣ мои способности тѣлесныя и душевныя вытекаютъ потомъ. Я ни въ силахъ ни ходить, ни писать, ни читать, ни мыслить. Вечеромъ Piazza di S. Marco, душная зала, душный раутъ: невольно думаешь, нельзя ли какъ нибудь раскрыть окно, чтобы освѣжить воздухъ. Признаться, раутъ этотъ довольно и скучноватъ. Одно мороженое меня туда привлекаетъ. Площадь довольно плохо освѣщена, а впрочемъ не на кого и смотрѣть — всѣ по деревнямъ. Женскій полъ очень некрасивъ. Музыка постыдная, особенно для музыкальной и поэтической Италіи. Совсѣмъ тѣмъ здѣсь хорошо и на жаръ не жалуюсь. Я еще не начиналъ похожденій своихъ по здѣшнимъ палаццамъ и церквамъ, ожидаю, чтобы жаръ спалъ. Видѣлъ я только кое-что мимоходомъ. Я наслаждаюсь этою независимостью отъ повинностей, которымъ подлежатъ обыкновенные путешественники. Между тѣмъ, почти каждый день захожу въ Базилику св. Марка и каждый разъ съ новымъ наслажденіемъ.

Во первыхъ, тамъ довольно прохладно, а во вторыхъ, и въ десятыхъ, и въ сотыхъ, тамъ столько богатствъ, столько изящнаго и примѣчательнаго, что каждый разъ любуешься чѣмъ нибудь новымъ. Физіономія площадокъ, рынковъ очень напоминаютъ Константинополь. Крики торговцевъ зеленью, фруктами совершенно одни и тѣ же. Мы переѣхали на другую квартиру. Домикъ нашъ въ саду, если можно назвать это садомъ, а кіоскъ на берегу здѣшняго Босфора, то есть Canal Grande.

Венеція non più la bella ma la cativa.
25 Авг. 1853.

Мы ужъ не въ Венеціи, а въ полномъ Петербургѣ. Вотъ третій день, что совершилось это превращеніе. Со дня на день погода круто перемѣнилась. Сегодня вода выступила изъ каналовъ на мостовую, ни дать, ни взять Черная рѣчка. Венеція не миловидна въ ненастную погоду. Этой красавицѣ нужно быть убранной и разодѣтой блескомъ солнечнымъ или мѣсячныхъ лучей. Подъ дождемъ и подъ тучами она не гордая львица, а просто мокрая курица.

КЪ ТЮТЧЕВОЙ.

Венеція, 27—28 Августа (8—9 Сентября) 1853.

Les premiers quinze jours nous avons joui en plein de la belle Venise; clair de soleil à midi, clair de lune à minuit, les canaux les palais, le ciel et l'air dans tout leur éclat et toute leur féerie. Depuis une semaine c'est tout autre chose. Nous ne sommes plus sur le *canal-grande*, mais bien sur la Черная рѣчка. Cette métamorphose s'est opérée dans quelques heures. Le vent a changé et la décoration avec lui. Nous avions des chaleurs tropicales, nous nous rôtissions durant la journée au soleil, la nuit nous cuisions dans notre jus. La mer était une espèce de limonade tiède, ou plutôt d'yxa qui ne vous rafraichissait guère. Un beau matin, ou pour plus de fidélité, une belle nuit, le temps change avec une rapidité *pétersbour*

geoise, il fait frais, il fait humide, il pleut, les canaux débordent, plus de soleil, plus de lune, plus de Venise, plus de bains etc. etc. etc. Nous voici tout dépaysés, tout désorientés, tout *dévénisés*. Je ne souviens plus qui, interpellé sur ce qu'il faisait à Paris sous le règne de la terreur, répondit: j'ai vécu. Et moi aussi, si vous me demandez, ce que je fais à Venise, je vous répondrai: je vis, non sous le règne de la terreur, mais bien sous celui du dolce far niente. Et c'est un charmant règne que celui-là, demandez m'en des nouvelles. Je n'ai point encore commencé mon métier de touriste quand même. Je me borne à être gondolier, mais ne me suis pas encore enrôlé comme galérien. J'ai peu vu des beautés classiques de Venise, sauf la basilique de St. Marc que je visite presque chaque jour, car j'ai besoin d'avoir un lieu de prédilection qui m'attire machinalement. Aujourd'hui fête de la nativité de la Vierge, nous avons été dans le voisinage, à l'église de S. Maria del Rosario. C'est une des églises les moins célèbres de Venise, et encore est-elle toute éclatante de beaux marbres de Carraro, de Sicile, de lapis etc. etc. C'est prodigieux la richesse matérielle et artistique que contiennent les églises de cette ville. N'en déplaise à votre catholicité, nous autres hérétiques nous avons été un peu choqués d'entendre au moment de la célébration des saints mystères des airs d'opéras de Bellini, de Donizetti, et encore fort mal exécutés. Je m'attendais toujours comme couleur locale à entendre quelque cantique sacré entonné sur la mélodie du carnaval de Venise de Paganini.

28. Venez donc à Venise, qui s'est retrouvée. Le soleil a reparu aujourd'hui et je fais amende honorable de toutes mes épigrammes et invictives. Nous vous attendons un de ces soirs à la piazza, au milieu de ce raout en plein air, devant le café aristocratique du Sussil, ou si vous l'aimez mieux le démocratique café Florian. Nous vous offrirons de fort bonnes glaces et de fort mauvais sièges, mais qui probablement vous plairont comme souvenir du *ravissant* Paris, car ce sont aussi des chaises de torture, comme au jardin des Tuileries, chaises qui vous empaillent et vous empâlent. Je regrette beaucoup de ne pas voir votre mari pour m'éclaircir un peu sur la question d'Orient. Quant à moi, plus je regarde et plus je n'y vois goutte.

ГРАФУ ВЛУДОВУ.

Венеція, 1 сентября 1856 г.

Приношу вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ Дмитрій Николаевичъ, мою живѣйшую благодарность за ваше обязательное письмо и за ваши дружескія хлопоты о моемъ *Рекрутѣ*. Хотя онъ и завербованъ подъ знаменемъ Булгарина, которое не такъ, чтобы совсѣмъ безъ пятна, но все-таки я радъ, что его завербовали и что онъ успѣлъ явиться до распущенія милиціи. Какъ знать, мой Константинопольскій пріятель лордъ Редклифъ, можетъ быть, предчувствуя мое желаніе, загнулъ новый узелъ въ восточномъ вопросѣ, чтобы дать мнѣ время справиться, поставить и снарядить моего *Ратника*. Теперь мое дѣло сдѣлано и я могу спокойно ожидать развязки. Ваше письмо отъ 7 августа, только на дняхъ дошло до меня. Оно бѣгало за мною по разнымъ царствамъ и государствамъ и наконецъ отыскало меня въ Венеціи, куда отправилъ меня докторъ Геденусъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе невольныхъ задержекъ, пріѣхали мы сюда нѣсколько поздно. Я еще успѣлъ довольно воспользоваться морскими купаніями и теперь продолжаю ихъ въ ваннѣ. Я вполнѣ наслаждаюсь пребываніемъ своимъ въ этой столицѣ тишины и благодатнаго тунеядства. Чувствую, какъ нервы мои растягиваются и успокоиваются. И чтобы не растревожить себя и не разбудить засыпающей кошки (которая такъ долго царапала меня своими язвительными когтями), чтобы не уставать отъ лишнихъ и многообразныхъ впечатлѣній, я только исподволь знакомлюсь съ здѣшними замѣчательностями и рѣдкостями. Не разсыпаюсь мелкимъ бѣсомъ или дороднымъ англичаниномъ по всѣмъ храмамъ и всѣмъ палаццамъ. Хожу или, вѣрнѣе, плыву, куда глаза глядятъ, и всегда наткнусь на что-нибудь достойное вниманія. Болѣе глазѣю, чѣмъ пялю глаза, чтобы ничего не пропустить и не оставаться въ долгу предъ какою-нибудь картиною или статуею. Совѣсть моя не столь щекотлива и боязлива. Кажется мнѣ, даже грѣшно переносить въ Венецію тревожное и задыхающееся любопытство обыкновенныхъ путешественниковъ. Этою молчаливою и спокойною кра-

савицею (не говорю *покойною* pour ne pas tomber dans les lieux communs) должно и любоваться молча и созерцательно. Мы здѣсь живемъ въ одномъ домѣ съ Пашковою-Барановою. На дняхъ пріѣхала и княгиня Васильчикова. Мы въ Венеціи не заживемся и въ виду имѣемъ еще недѣли три виноградnаго леченія въ Швейцаріи или въ Германіи, а тамъ.... а тамъ... Сердечно желаю возвратиться домой, хотя доктора опасаются за меня, послѣ столь многихъ леченій, Петербургской осени и зимы. Не знаю, право, на что и рѣшиться. Увольненіе мое отъ управленія банкомъ нѣсколько развязываетъ мнѣ руки и совѣсть. Явка моя на службу теперь уже не такая повелительная обязанность и необходимость. Впрочемъ, что будетъ и что скажетъ мой оракулъ Геденусъ. Но въ случаѣ нужды, вы, надѣюсь, позволите мнѣ снова обратиться къ вашему дружескому ходатайству, которое при добромъ содѣйствіи графа Киселева было уже для меня такъ дѣйствительно. Кстати, при сей вѣрной оказіи потрудитесь передать графу мой усердный и признательный поклонъ. Охотно раздѣлю съ вами грустную обязанность изготовить новое изданіе твореній нашего незабвеннаго друга (Жуковскаго). Но вѣроятно и послѣднее еще не раскуплено. Не лучше ли повременить? Желательно было бы собрать и напечатать письма его, въ которыхъ такъ живо отпечатлѣлись умъ и духъ его, въ разныхъ ихъ видоизмѣненіяхъ, отъ высокаго до площаднаго, отъ умилительнаго и религіознаго до буфонства и каррикатуры. Жаль не сохранить полной физіономіи характера его. Изъ Москвы пишутъ мнѣ, что вдова его все нездорова. Признаюсь, грустно и страшно думать о позднемъ переселеніи ея на чужую сторону и въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ.

Замѣчаю, что я очень переступилъ за законную грань англійскаго письма. Виноватъ. Впрочемъ, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ не грѣшно сдѣлать что-нибудь и въ пику Пальмерстону. А знаете-ли вы, что мой *Ратникъ* не только въ *Сѣверной Пчелѣ*, но и въ Times, разумѣется, въ переводѣ прозою.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ СВЕРБѢЕВОЙ.

Теперь Венеція опять смотритъ Венеціею, то-есть невиданною красавицею, днемъ блистающею въ золотой парчѣ солнца, ночью въ серебряной парчѣ луны. И не знаешь, въ какомъ нарядѣ она красивѣе. „Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша!“ Но не буду говорить вамъ о Венеціи. Вы ее знаете, и къ тому же ненавижу les lieux communs, а говоря о ней, мудрено не впасть въ избитую колею, которую всѣ путешественники прорыли своими фразами объ *Адріатической Венерѣ*, о *разнѣжанной царицѣ* и проч. и тысячу прочихъ. Только скажу вамъ, что почти каждый день захожу въ базилику Св. Марка и всегда съ новымъ удовольствіемъ и всегда съ новымъ удовлетвореніемъ любопытства и вниманія.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ВОЕЙКОВОЙ ВЪ ЛОНДОНЪ.

Что вы изволите такъ спѣсивиться гордая и коварная островитянка? Вамъ пишутъ милое и остроумное письмо, вамъ посылаютъ прекрасные стихи (которые даже и *Times* вашъ перевелъ и напечаталъ), а вы на все это ни отвѣта, ни привѣта, ни головою не кивнете, ни плечомъ не тряхнете. На что это похоже? Завеселились вы, запировали, забылись въ чаду. Пожалуй еще, чего добраго, сила крестная съ нами, вы даже, можетъ быть, кокетничаете съ лордомъ Пальмерстономъ и заразились его мерзкимъ тономъ, отказались отъ людей и отъ насъ варваровъ православныхъ. Но, сдѣлайте милость, нечего вамъ съ нами зазнаваться. И мы также почти соленые островитяне, не хуже вашего. Нашъ хотя и уснувшій левъ право стоитъ вашего жаднаго и лукаваго кота, котораго изъ тщеславія вы пожаловали въ леопарды. Наше солнце посвѣтлѣе вашего, наша луна почище вашей. И не отдамъ я моей гондолы, въ которой въ лунную ночь плыву мимо великолѣпныхъ дворцовъ и храмовъ, за весь вашъ флотъ, какъ онъ ни хорохорится въ Безикѣ и въ Spithead. Но дѣло не въ томъ, и чтобы небаловать вашу гор-

дость, скажу вамъ откровенно, что пишу вамъ вовсе не для васъ, а для себя. Не подумайте, что

Moi, qui Vous aime tendrement,
Je n'écris, que pour Vous le dire,

тѣмъ болѣе, что уже никакъ нельзя мнѣ сказать вамъ:

Vous n'écrivez, que pour écrire,
C'est pour Vous un amusement.

Объ этомъ нѣтъ ни рѣчи, ни помышленія, а я только обращаюсь къ вашей совѣсти, если она не совершенно опальмерстонилась, и убѣдительно прошу васъ сказать мнѣ: получили ли вы мое письмо изъ Дрездена.

Вотъ и все. А теперь Богъ съ вами и съ Пальмерстономъ. Будьте здоровы, торжествуйте, веселитесь, кушайте roast beef и запивайте его стаканомъ ale (только берегитесь слишкомъ растолстѣть), но чтобы не поперхнуться отъ упрека совѣсти, дайте мнѣ знать.

Какъ я на васъ ни сердитъ, а все-таки цѣлую *безграмотную* ручку вашу.

---

5 сентября.

Принцъ де-Конти (братъ великаго Конде) долженъ былъ жениться на одной изъ двухъ племянницъ кардинала Мазарини и не хотѣлъ выбирать, говоря, что все равно для него, которая изъ нихъ, потому что *онъ женится на кардиналѣ, а вовсе не на племянницѣ.*

M-me de Sévigné говорила объ аббатѣ Cosnac (послѣ епископъ de Valence), что надобно подходить къ нему, *какъ къ лошадямъ, которыя лягаются.* „J'adhère, avait dit l'empereur Nicolas, *à l'expédient concerté à Vienne*; mais qu'il soit bien entendu, que la Porte n'y changera pas un mot, et qu'elle n'y fera point d'observation; je ne veux pas recommencer une discussion qui doit être close: c'est là ma condition absolue; et si la Porte ne l'observe pas mon adhésion, par cela même, devra être considérée comme non avenue" (Journal des Débats, 18 сент. 1855). Не знаю, точно ли это слова императора, но они похожи на правду и желательно, чтобы они были правда.

Французы и Англичане въ своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ всегда двусмысленны и двуличны, потому что боятся они журнальныхъ толковъ, биржи, политическихъ партій. Наша дипломатика одна можетъ говорить прямо, потому что она выраженіе личной воли, особенно въ обстоятельствахъ, когда личная воля сходится съ народнымъ сочувствіемъ, какъ то оказывается нынѣ въ отношеніи къ такъ называемому восточному вопросу.

БУЛГАКОВУ.

Венеція 7 сентября.

Jo sudo—io ho sudato—io sudero! Вотъ все, что въ первыя двѣ недѣли нашего здѣсь пребыванія могъ бы я тебѣ сказать, что, между прочимъ, доказало бы тебѣ, что, кромѣ общаго пота, я еще особенно и въ придачу потѣю надъ Италіанскою грамматикою. Я изнемогалъ подъ вліяніемъ внѣшняго и внутренняго scirocco и del dolce far niente. Не писалъ ни журнала своего, ни стиховъ, ни, словомъ сказать, даже писемъ къ тебѣ. Я такъ потѣлъ днемъ и ночью, что боялся сдѣлаться самъ лагуною. Послѣ того вдругъ въ одну ночь погода перемѣнилась. Мы были уже не въ Венеціи, а въ Питерѣ, не на canale e grand, а хоть бы на Мойкѣ! И сыро, и свѣжо, и пасмурно, и вѣтрено. Венеція, какъ я говорилъ, уже была не красивый и стройный лебедь, а просто мокрая курица. Италіанцы перепугались, запрятались, сняли купальни, повязали свои cache-nez, перестали ѣсть мороженое и проч. и проч. Перепугался и я и говорилъ себѣ: не стоило же выѣзжать изъ Россіи, чтобы встрѣтиться съ суровою осенью въ послѣднихъ числахъ августа. Но страхъ мой не долго продолжался. Все пришло въ надлежащій порядокъ. Жара поумѣрилась, но погода прекрасная. Что сказать тебѣ о Венеціи, чего бы ты не зналъ, чего не зналъ бы каждый? Мнѣ она очень нравится. Я наслаждаюсь тишиною ея, болѣзненнымъ видомъ, унылостью. Пышная, здоровая, могущая, шумная, можетъ быть, менѣе нравилась бы она мнѣ. На праздникъ можно заглянуть мимоходомъ и порадоваться, но вѣчно празд-

новать—скука смертельная. Я почти благодаренъ Австрійцамъ, которые угомонили этого льва и эту львицу. Парижъ несносенъ мнѣ своимъ ежедневнымъ тезоименитствомъ, вѣчнымъ именинымъ пирогомъ и вѣчными шампанями въ изъявленіе всеобщей радости. Тамъ нѣтъ будней, а будни нужны моимъ нервамъ, нуженъ отдыхъ, полусвѣтъ. Здѣсь есть праздникъ, но праздникъ природы: небеса и море, живыя картины, а для охотниковъ — и мертвыя, которыя стоютъ живыхъ. Для меня онѣ не очень доступны, потому что я близорукъ глазами и художественнымъ чутьемъ живописи. Она меня вообще мало удовлетворяетъ, предпочитаю ей скульптуру и водчество. Тутъ глазамъ моимъ есть за что ухватиться. Каждый день захожу въ базилику Св. Марка и любуюсь ею. И что за богатство во всѣхъ другихъ церквахъ. Можно бы вымостить весь міръ ихъ мраморами и драгоцѣнными камнями. Какъ я ни плохъ по части живописи, а совѣтую тебѣ, если будешь въ Венеціи, сходить въ мастерскую Schiavoni-отца (и сынъ отличный художникъ, но, какъ это часто встрѣчаешь: молодой гораздо степеннѣе и строже старика. Не подумай, что я говорю это обиняком о тебѣ и о Костѣ). Старикъ Schiavoni большой охотникъ и большой мастеръ представлять женщинъ au naturel. Между прочими, есть у него нагая красавица, только съ необходимымъ виноградчымъ листкомъ, т.-е. слегка накинутымъ легкимъ покровомъ, чтобы не застудить и не застыдить (что, впрочемъ, одно и то же: *студъ* и *стыдъ*) нѣжную часть тѣла. Особенно рекомендую тебѣ лядвею и колѣно этой красавицы. Я ничего подобнаго не видалъ. Такъ и выходитъ, такъ и округляется, такъ и дотрогивается до тебя изъ рамы своей. Мнѣ, право, было совѣстно и я все пятился и отходилъ въ сторону, чтобы какъ-нибудь неосторожно не столкнуться колѣномъ съ колѣномъ. Но проклятое колѣно такъ и подвигалось на меня, такъ меня и задѣвало нагостью и наглостью своею. Ужъ я говорилъ ему: „да сгинь, окаянное, что ты привязалось ко мнѣ, что ты меня приводишь въ смущеніе и въ соблазнъ! Оставь меня въ покоѣ! Вотъ я тебѣ пришлю пріятеля своего Булгакова, его не испугаешь, онъ, пожалуй, готовъ сыграть колѣнце съ тобою, но я никуда не гожусь“. Ни-

что не помогало, и я наконецъ опрометью выбѣжалъ изъ дома. Во всю ночь, во снѣ, это колѣно, какъ домовой, упирало меня въ грудь и теперь еще, на яву, мерещится мнѣ.

Нельзя же не сказать словечка о знаменитой Piazza, сборномъ вечернемъ мѣстѣ Венеціанскаго народонаселенія. Объ этомъ салонѣ, которому, по словамъ Наполеона (не поддѣльнаго, а настоящаго) одно небо достойно служить потолкомъ. Жена моя нашла, что Piazza напоминаетъ залу Московскаго благороднаго собранія, съ своими галлереями кругомъ. Мнѣ она болѣе нравится днемъ, нежели вечеромъ, когда съѣзжаются, или сплываются и сходятся гости на всенародный раутъ. Особенно люблю ее часу въ пятомъ и шестомъ послѣ обѣда, т.-е. до обѣда, когда полъ и procuratie vecchie и nuove уже подернуты тѣнью, а фасадъ Базилики, съ своими мозаиками, статуями, мраморными шитьемъ и узорами, блещетъ, горитъ, отливается, разливается огромными изящными и стройными калейдоскопами. Почти ежедневно, между купаньемъ и обѣдомъ, захожу любоваться этою невыразимою и выше всякаго понятія картиною. Вечеромъ также, почти каждый день, являюсь на Piazza, но болѣе по привычкѣ, по обязанности, нежели по влеченію сердца. Она освѣщена газомъ, на досаду кровнымъ Венеціанцамъ, которые говорятъ, что ей нуженъ ночной мракъ. Можетъ быть, оно и справедливо, но во всякомъ случаѣ она слишкомъ мало освѣщена. Ужъ если не оставлять ее въ темнотѣ, то слѣдовало бы залить ее блескомъ, какъ залили бы подобную площадь въ Лондонѣ или въ Парижѣ. А теперь ни то, ни се. Музыкальная часть также очень жалка. Надобно быть въ музыкальной и мелодической Италіи, чтобы имѣть понятіе о томъ, что могутъ выдержать уши. Кажется, Карачіоли говорилъ, что уши Французовъ обиты сафьяномъ. Въ такомъ случаѣ, уши Итальянскіе вымощены камнемъ. Какъ вспомнишь Дрезденскіе, Вѣнскіе и другіе Нѣмецкіе оркестры, которые слушаешь за пару грошей, и слышишь на Piazza, предъ кофейными, нестройныя и дикія раззвучія голосовъ и инструментовъ, то морозъ подираетъ по ушамъ и по кожѣ. Только и отдыхаютъ уши въ тѣ дни, когда играетъ Австрійская полковая музыка, которая отлично хороша. Но Венеціанскіе патріоты

предпочитаютъ ей свои доморощенные кошечьи оркестры. Вообще Венеція дуется на своихъ военныхъ постояльцевъ, да и они какъ-то не умѣютъ ладить съ нею. Власти не живутъ открытыми домами, не даютъ праздниковъ и ничего не дѣлаютъ, чтобы привлечь и слить разнородныя стихіи. Я увѣренъ, что нѣсколько баловъ смягчили бы ожесточенныя сердца здѣшнихъ львицъ, а за ними и львовъ. Вообще городъ опустѣлъ, но въ нынѣшнее вилежіатурное время года городъ не только пустой, но и пустѣйшій. На Piazza не видишь аристократическихъ кружковъ, все чернь, mezzo stato,—иностранцы. Тамъ, гдѣ въ старину завязывались и развязывались драмы и романы, теперь просто ѣдятъ мороженое и отталкиваютъ отъ себя мальчиковъ тунеядцевъ, которые обступаютъ тебя и просятъ qualche cosa per carità,—торговцевъ башмаками, зажигательными спичками и всякою возможною дрянью. Въ старину, сказываютъ, до утра площадь кипѣла народомъ, теперь въ десять часовъ вечера толпа уплываетъ и площадь очищается. Мы одни, залетные гости, засиживаемся или загуливаемся иногда до 12-го часа, среди нѣсколькихъ искателей счастья, которые подбираютъ на площади разный соръ, лоскутки бумаги и догорѣвшихъ сигаръ, на завтрашнее дневное пропитаніе, или людей, нашедшихъ уже счастіе и спящихъ крѣпкимъ сномъ на стульяхъ и на камняхъ лѣстницъ и подножій колоннъ. Вообще много бѣдныхъ и все очень вздорожало. Для окончательной характеристики Piazza нельзя не упомянуть о скамьяхъ и соломенныхъ стульяхъ, на которыхъ слѣдуетъ сидѣть. Вспомня слова Карачіоли, должно полагать, что у Итальянцевъ и Итальянокъ нѣкоторая часть тѣла также туго обита сафьяномъ, а для насъ эти сѣдалища настоящія орудія пытки, вѣроятно, остатки древней мебели, на которой инквизиція усаживала гостей своихъ въ пріемные дни. Теперь съ площади отправимся домой. Гондола ждетъ насъ у Piazzetta.

Vieni, la barca è pronta;
Lieve un auretta spinr...
Tutto d'amor sospira
Il mar, la terra, il ciel.

Ночь лунная, небо и море, какъ зеркало, освѣщенное сенями. Грѣшно не сказать имъ спасибо и не воспользоваться праздникомъ, которымъ они тебя угощаютъ. Прежде, чѣмъ воротиться домой, поплывемъ мимо великолѣпнаго и темнаго Георгіевскаго Maiopa, т.-е. S. Giorgio Maggiore in isola, въ сторону Публичнаго сада, которымъ Наполеонъ (опять-таки настоящій, а не фигляpный) осѣнилъ голову немного лысой Адріатической красавицы. Очаровательно! Вдали, за Лидо и за Murazzi кипитъ, бушуетъ море и грохотъ его до насъ доходитъ, а насъ даже нисколько не укачиваетъ, не убаюкиваетъ лодка, которая молчаливо скользитъ по голубой, серебряными узорами вышитой скатерти. Мы повернули къ храму Maria della Salute, вплываемъ въ canale grande и причаливаемъ къ Cale Barbier, которая родилась съ тѣмъ, чтобы быть Palazzo Venier, но обмѣнена была on nourrice и не достигнула своего великаго назначенія. Тутъ мы живемъ. И какъ судьба сочетала съ именемъ Пашковыхъ. Тутъ живетъ съ дочерьми и Мери Пашкова, урожденная Баранова, и мы живемъ дружно и семейно. Для Венеціи у насъ двѣ рѣдкости: терраса надъ каналомъ съ двумя павильонами и садъ между ими и домомъ нашимъ. Дамы пьютъ чай, барышни поютъ Итальянскія и Русскія пѣсни, я курю сигару и разучившись волочиться за земными красавицами, волочусь за небесною и въ любви объясняюсь съ луною, пока еще прозою, но рифмы уже бурчатъ во мнѣ и скоро будетъ извержение, чтобы не сказать испражненіе. Впрочемъ трудно воспѣвать Венецію. Она сама пѣсня. И какъ ни пой ее, она все таки тебя перепоетъ. Я думаю, и Паганини не взялся бы акомпанировать на скрипкѣ своей соловью. Онъ заслушался бы его, да и баста. Какъ я говорилъ тебѣ, теперь здѣсь мертвый сезонъ. Театръ della Fenice закрытъ и вѣроятно не дождусь открытія его. Для необходимаго продовольствія публики даютъ оперы на театрахъ Gallo a S. Benedetto и S. Samuel (здѣсь и оказанные театры подъ опекою святыхъ). На послѣднемъ бываютъ и балеты, но пѣніе и пляска довольно посредственны. Танцовщицы здѣсь имѣютъ дворцы, но не имѣютъ ногъ. У нашей знакомки Тальони здѣсь четыре палаццо, на большомъ каналѣ, одно другаго лучше, и

между ими знаменитое la Доге (а не la d'oro, какъ прежде думали и писали, до открытія свидѣтельства, что этотъ домъ принадлежалъ древне семейству Доге). La Taglioni ha comprato questi Pallazzi con la sue gambe говорилъ мнѣ мой гондольеръ, живая лѣтопись всѣхъ здѣшнихъ дворцовъ, храмовъ, галлерей и любовныхъ похожденій. Одинъ изъ этихъ дворцовъ Тальони подарила *пріемышу* своему князю Трубецкому, который, сказываютъ, женитьбою своею съ ея дочерью много повредилъ себѣ въ здѣшнемъ обществѣ. Итальянцы очень снисходительны и доброжелательны къ любовнымъ слабостямъ, но это родовая и наслѣдственная любовь уже пересолила. Баста! Довольно толковать про Венецію, въ которую окунулъ я тебя и продержалъ въ ней довольно долго. У меня подъ глазами три письма твои отъ 29 іюля, 5 и 19 августа. Не помню, всѣ-ли три остались безъ отвѣта. На всякій случай

Предъ тобой, моя икона,
Положу я три поклона.

А знаешь-ли ты, что въ Times напечатана моя пѣсня въ переводѣ прозою? Скажи это Полторацкому. Онъ поѣдетъ въ Англію, чтобы пріобрѣсть эту библіографическую курьезность. Здѣсь княгиня Васильчикова съ больною дочерью и другіе Русскіе мелькаютъ. Была здѣсь ваша пріятельница Болдырева, которая тебѣ и сыну твоему приказала кланяться. Что она за синьора? Я разгадать не умѣлъ, но, грѣшный человѣкъ, окрестилъ ее Тамбовской Венеціанкой. Кажется, борятся въ ней два начала: Самойловское и Болдыревское. Намъ обѣщали Радецкаго. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на этотъ Итальянскій переводъ нашего Суворова. Здѣсь нѣтъ теперь ни Герцогини Беррійской, ни сына ея. Венеціанскій ужинъ Вольтера не на лицо. Мы осматривали ея дворецъ, бывшій Vendramini. Рѣдко о которомъ дворцѣ не прибавишь *бывшій*. Это еще не грустно, а то: Albergo Real, бывшій palazzo Mocenigo, albergo dell'Europa — бывшій palazzo Giustiniani, и такъ далѣе, ни дать, ни взять, какъ въ нашей бѣлокаменной. Теперь прости и обнимаю, если только есть мѣсто распростереть объятья.

Mery Beck писала Лизѣ (Валуевой): que je n'étais pas son poète favori parce qu'elle me trouvait trop profond et qu'elle préférait Joukowski. Я отвѣчалъ ей: И такимъ образомъ вы, матушка Марія Ивановна, жалуете меня въ Нѣмцы и *проявляетесь* въ моей *глубокомысленности*. Покорнѣйше благодарю за одолженіе. Впрочемъ не смущайтесь и не берите обратно слова своего. Вы отчасти правы. Вы въ стихахъ любите то, что надобно въ нихъ любить, что составляетъ ихъ главную прелесть: звуки, краски, простоту. Этого всего у меня мало, а у Жуковскаго много. Только въ стихахъ моихъ порокъ не тотъ, который вы имъ изволите приписывать. Это было-бы еще не бѣда, а бѣда та, что я въ стихахъ моихъ часто *умничаю* и вслѣдствіе того сбиваюсь съ прямаго поэтическаго пути, что вы и принимаете за глубокомысленность. Вотъ вамъ моя исповѣдь и ваше оправданіе. Только прошу не передавать ея Булгарину и прочимъ врагамъ моимъ. А то они меня засудятъ, въ силу собственнаго моего признанія.

Венеція, 19 сентября.

Эта *безколесная* жизнь, эта тишина убаюкиваетъ душу и тѣло. И у насъ было нѣсколько дней ненастныхъ, дождливыхъ и вѣтреныхъ, нагрянувшихъ на насъ со дня на день послѣ сильныхъ жаровъ, но все скоро опять пришло въ прежній порядокъ. Дни уже не такъ горячи, но ночи теплыя, а когда онѣ и мѣсячныя, то баснословно хороши. Я въ Булони былъ только нѣсколько часовъ, потому и не упорствую въ впечатлѣніи, которое городъ этотъ во мнѣ оставилъ. Онъ можетъ быть и не такъ гадокъ, какъ мнѣ показался, — хотя мудрено, чтобы Французскій городъ не былъ гадкимъ,—но во всякомъ случаѣ это не Венеція. Впрочемъ не стану говорить вамъ о ней. Каждый, даже и не бывавшій въ ней, знаетъ ее наизусть, знаетъ вдоль и поперегъ. Предоставляю описывать ее Сухтелену, ему, который такъ удачно и оригинально говорилъ объ авроръ, aux doigts de rose, и о томъ, что число гостей за обѣдомъ не должно быть менѣе числа граціи и выше числа музъ (pour de plus amples

informations, adressez vous à m-lle Sophie Karamsine). Говорить о Венеціи и о физіономіи ея, отличающейся отъ физіономій всѣхъ возможныхъ городовъ во всемъ мірѣ, тоже, что, говоря о желѣзной дорогѣ, замѣтить, какъ смѣло замѣтилъ, помнится мнѣ, тотъ же Сухтеленъ,—что желѣзныя дороги удивительно сокращаютъ разстоянія. Воля ваша, я въ эти дерзости никакъ пускаться не могу. Ни языкъ мой, ни перо мое не поворотятся, чтобы занестись въ эти превыспренности. Однимъ словомъ, не пускаясь въ фразы и въ описательную прозу, скажу вамъ, что по мнѣ Венеція прелестна и жизнь въ ней имѣетъ невыразимую сладость. И во всякомъ случаѣ, если лукавый дернулъ-бы руку мою и сталъ бы я нанизывать прилагательныя и эпитеты, читая письмо мое въ шумномъ, пестромъ, тревожномъ Парижѣ, въ Парижѣ, въ этомъ морѣ, воздвизаемомъ вѣчными бурями и вѣчною суматохою, вы не поняли-бы ни меня, ни милыхъ моихъ лагунъ. Нужно *истрезвиться* и утишить *вся чувствія*, чтобы оцѣнить и вкусить эту чистую нѣгу.

Когда погода хороша, жена моя не сходитъ съ террасы, а о прочихъ частяхъ и рѣдкостяхъ Венеціи знаетъ по наслышкѣ. Имѣемъ иногда вѣсти отъ Тютчевой. Она у брата своего въ Lindau въ Баваріи. Въ концѣ октября думаетъ она быть въ Петербургѣ.

Отецъ Фридриха Великаго былъ гулака, любилъ вино, но не любилъ учености. Однажды вздумалось ему дать рѣшить Берлинскому Обществу наукъ, основанному Лейбницемъ, задачу: отчего происходитъ пѣна шампанскаго вина, которая очень ему нравилась. Академія попросила 60 бутылокъ, для добросовѣстнаго изслѣдованія задачи и нужныхъ испытаній. „Убирайся они къ чорту“, сказалъ король, „лучше не знать мнѣ никогда въ чемъ дѣло, пить шампанское могу и безъ нихъ“.

Римляне говорили о человѣкѣ, который изъяснялся на трехъ языкахъ: „*у него три души*“. En effet, c'est changer d'âme que de quitter la langue de son pays, et je ne sais si ce changement se peut faire impunement, говоритъ Eugène Despois, въ разборѣ своемъ книги Bartholmess. И наше общество перемѣнило душу свою.

КНИЖКА 17-я.

(1858).

Карлсбадъ, 12 мая 1858 г.

Мы выѣхали изъ Дрездена 8 мая, пріѣхали сюда 9-го.

Я всталъ въ 6 часовъ. Въ 6½ былъ на водахъ и ходилъ тамъ до 8-ми. Послѣ отправился на Hirschensprung. На дорогѣ гдѣ-то вырѣзано на камнѣ: „*plutôt être, que paraître*“. По русски можно такъ перевести этотъ девизъ: „*не слыть, а быть*“.

Былъ у молодаго князя Otto v. Schönburg и у Дрезденскаго старика Könneritz. У него встрѣтился съ г. Kalm, мужемъ Брунсвигской красавицы, съ которою обѣдалъ я въ Дрезденѣ, у графа Kleist.

Вечеромъ пріѣхала княгиня Репнина. Дорогою изъ Дрездена въ Карлсбадъ додѣлалъ я куплеты, которые уже давно вертѣлись въ головѣ моей и должны быть вставлены въ мое стихотвореніе *Полтава*.

13. Хотя на водахъ и запрещено заниматься дѣлами, но все не худо имѣть всегда при себѣ въ карманѣ *нужныя бумаги*. Эта глупость напоминаетъ мнѣ анекдотъ Крылова, имъ самимъ мнѣ разсказанный. Онъ гулялъ или, вѣроятнѣе, сидѣлъ на лавочкѣ въ Лѣтнемъ саду. Вдругъ... его. Онъ въ карманъ, а бумаги нѣтъ. Есть гдѣ укрыться, а нѣтъ, чѣмъ..... На его счастье, видитъ онъ въ аллеѣ приближающагося къ нему графа Хвостова. Крыловъ къ нему кидается: „здравствуйте, графъ. Нѣтъ-ли у васъ чего новенькаго?“ — Есть, вотъ сейчасъ прислали мнѣ изъ ти-

графіи вновь отпечатанное мое стихотвореніе, и дастъ ему листокъ. „Не скупитесь, графъ, и дайте мнѣ 2—3 экземпляра". Обрадованный такою неожиданной жадностью, Хвостовъ исполняетъ его просьбу и Крыловъ съ своею добычею спѣшитъ за своимъ дѣломъ. Кстати о Крыловѣ... Крыловъ написалъ трагическую фарсу „*Трумфъ*", которую въ старину разыгрывали на домашнихъ театрахъ и между прочими у Олениныхъ. Старикъ каммергеръ Ржевскій написалъ эпиграмму... Крыловъ отвѣчалъ ему:

Мой критикъ, ты чутьемъ прославиться хотѣлъ,
Но ты и тутъ въ прюсакъ попался:
Ты говоришь, что мой герой....
Анъ нѣтъ, братъ, онъ....

Этотъ старикъ каммергеръ Ржевскій не нашъ Московскій Павелъ Ржевскій, а родственникъ фельдмаршала графа Каменскаго. Онъ написалъ стихи на свадьбу Блудова, на которые очень забавно жаловался мнѣ Блудовъ и требовалъ отъ меня, чтобы я его отомстилъ. Болѣе всего Ржевскій прославился тѣмъ, что имѣлъ *крѣпостной балетъ*, кажется, въ Рязанской деревнѣ, который послѣ продалъ дирекціи Московскаго театра. Грибоѣдовъ въ *Горѣ отъ ума* упоминаетъ объ этой продажѣ.

14. Сегодня Frohnleichnamsfest. Духовная процессія съ музыкою и пальбою. Бракъ герцога Брабантскаго съ Австрійскою герцогинею, вѣроятно, не очень будетъ пріятенъ въ Дрезденѣ. Тамъ надѣялись выдать за него одну изъ принцессъ. Заходилъ къ D-r de Carro, нашелъ его также, какъ оставилъ прошлаго года, безъ ногъ и въ постели. Ему за 80 лѣтъ. Хвалится сномъ своимъ и аппетитомъ, голова совершенно свѣжа, но послѣ паденія своего все еще не можетъ справиться съ своими ногами. Онъ издалъ на нынѣшній годъ свой Карлсбадскій Альманахъ, въ которомъ есть замѣчательная статья о Петрѣ I-мъ и о сношеніяхъ его съ Лейбницемъ на здѣшнихъ водахъ. Онъ готовитъ новую книгу о своемъ 27-ми-лѣтнемъ пребываніи въ Карлсбадѣ. Онъ въ постелѣ своей заваленъ книгами и бумагами, безпрестанно читаетъ или пишетъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что фамилія de Carro, которую мы знавали въ Москвѣ, побочная отрасль

его фамиліи и что генералъ Филиппъ Карро, который служилъ, кажется, при императрицѣ Аннѣ, не оставилъ послѣ себя законныхъ наслѣдниковъ.

Дивлюсь, что у насъ не учредятъ ордена гражданской шпаги за храбрость, или гражданскаго Георгія, для вознагражденія смѣльчаковъ, подобныхъ напримѣръ Норову, который никогда не занимавшись финансовою частью пошелъ прямо въ товарищи министра Финансовъ. Это по мнѣ еще смѣлѣе, чѣмъ первому пойти на приступъ. У насъ обыкновенно все пересолятъ. Мы слыхали, что въ Англіи, по обычаю, изстари заведенному, никогда не назначаютъ моряка въ первые лорды Адмиралтейства. На этомъ основаніи почти на всѣ мѣста назначаются у насъ люди посторонніе. Понимаю еще, что Канкринъ могъ бы взять Норова себѣ въ товарищи. Онъ любилъ пиликать на скрипкѣ, а Норовъ большой піанистъ. Но не могу придумать, на что онъ будетъ годенъ Броку. Одоевскому должно быть обидно повышеніе Норова. Они всегда разыгрывали въ четыре руки ученую нѣмецкую музыку.

16. Monsieur le marquis de Custine en 1844. Lettres adressées a m-me la comtesse Josephine Radolinska par Eugène de Breza. Довольно глупая книжонка, въ которой мало рѣчи о Custine. Тутъ нашелъ я два довольно замысловатыя слова нашей Дрезденской пріятельницы: un esprit de cabotage, о людяхъ, которые промышляютъ чужими мыслями, и écrire c'est délayer.

Вечеромъ ходили черезъ горы за Hammer. Дорогою разговорился я съ плотникомъ, который живетъ въ деревнѣ, за часъ отъ Карлсбада, и каждый день оттуда отправляется въ 5 часовъ утра, а въ 7 къ себѣ возвращается. Зарабатываетъ онъ въ день 40 кр., изъ которыхъ онъ 3 крейц. платитъ подрядчику. Днемъ ѣстъ онъ только хлѣбъ и выпиваетъ рюмку водки, а возвратившись домой ужинаетъ молочнымъ или водянымъ супомъ съ картофелемъ и другими овощами. Рѣдко, рѣдко, когда зимою ѣстъ онъ немного свинины. Наши работники не довольствуются такою скудною пищею. Вечеръ былъ прекрасный. Ярко и разноцвѣтно оттѣнялась зелень по уступамъ горъ и зелень лѣсовъ. Ничто такъ не украшаетъ и не одушевляетъ сельской

картины, какъ рѣчка, которая съ шумомъ перекидывается чрезъ каменья. Тогда сценическое представленіе въ полномъ совершенствѣ: кругомъ обстановка декорацій, а рѣчка-оркестръ разыгрываетъ свои свѣжія мелодіи. Актеръ—каждый изъ насъ, и молча разыгрывается въ душѣ таинственная драма, веселая или грустная, смотря по содержанію и по минутному вдохновенію...

Въ Клопштокѣ нашелъ я оду:

Ueberschätzung der Ausländer.

Verkennt denn euer Vaterland,
Undeutsche Deutsche! steht und gafft,
Mit blöder Verwunderung grossem Auge
Das Ausland an!
etc. etc. etc.
Dem Fremden, den ihr vorzieht, kam's,
Nie ein, den Fremden vorzuziehn!
Er hasst die Empfindung dieser Kriechsucht
Vernichtet euch,
Weil ihr ihn vorzieht
etc. etc. etc.

17. Ходилъ съ кн. Репниной къ D-r. Carro. Онъ все и всѣхъ обращаетъ къ своему Карлсбаду и въ немъ сосредоточиваетъ весь міръ. Такіе люди и нужны, чтобы ничто не пропадало на свѣтѣ.

Aglaja. Romantische und historische Erzählungen. Nach dem Russischen des Karamsin, herausgegeben von Ferdinand v. Biedenfeld. Leipzig, F. A. Brockhaus. 1819. Тутъ помѣщены слѣдующіе переводы: Leben in Athen. Sierra Morena. Marfa Possadniza. Mein Dorf. Der Paradiesvogel. Amalie P. oder der Familienhass. Scenen aus einem russischen Wirthshause. Blümchen auf das Grab meines Agathon's. Я пересмотрѣлъ нѣсколько страницъ, и сколько могу судить, переводъ исправенъ. Только не помню въ подлинникѣ, что за повѣсть Amalie.

18. Писали къ Павлу. Въ 4 часа отправились съ княземъ Шенбургомъ къ Neuberg въ Giesshübel, за часъ отъ Карлсбада, по Пражской дорогѣ, мимо развалинъ замка Engelhaus. Все горы, и очень живописныя. Источникъ Giesshübel за часъ отъ помѣщичьяго дома. Ничего не могли видѣть, потому что пошелъ

дождь и поднялась гроза. Neuberg продалъ прошлаго года 140,000 кувшиновъ этой воды, которая, послѣ прошлогодняго посѣщенія Греческимъ королемъ, названа die König Otto-Quelle. Neuberg получилъ отъ короля за это посвященіе орденъ Спасителя. И можно поручиться, что во всемъ Греческомъ королевствѣ нѣтъ ни одного вѣрноподданнаго, болѣе преданнаго королю, чѣмъ Neuberg.

Вечеромъ узналъ изъ газетъ о смерти Шихматова. Вѣроятно истомило и уморило его министерство. Канкринъ также жаловался на *опенный стулъ* министерства финансовъ. Впрочемъ, Шихматова, вѣроятно, заѣли болѣе бумаги, нежели дѣла. Неужели послѣ него будетъ министерствовать Норовъ? А почему же нѣтъ? Была пословица: что городъ, то норовъ. Теперь можно сказать: что министерство, то Норовъ. Не говорю о министерствахъ, которыя хотя и безъ Норовыхъ, а съ норовомъ.

Geschichte Peter des Grossen von Eduard Pelz. Leipzig. Verlagsbuchhandlung v. Carl B. Lorck. 1848. Не съ любовью къ Петру и къ Русскимъ писанная исторія. Тутъ злая выписка о пребываніи царя и царицы въ Берлинѣ изъ Denkwürdigkeiten der Markgräfin von Baireuth. Того же сочинителя Эдуарда Пельца. (Treumund Welp), Petersburger Skizzen in 4 Bänden.

19. Вечеромъ полилъ потопный дождь и разшумѣлась страшная гроза. Громъ, многократно повторяемый эхами горъ, не умолкалъ. Я однако же немножко гулялъ подъ этими батарейными огнями. Жители Карлсбада и лавочники были ночью встревожены и боялись наводненія (что здѣсь дѣло не шуточное, потому что воды не разъ доходили до перваго этажа), но впрочемъ все обошлось благополучно.

20. Сегодня боялись повторенія вчерашней грозы, но весь день обошелся довольно хорошо. Вечеромъ ходилъ я къ храму и обелиску Фиидлатеръ (der Mylordstempel). Искалъ Schiessaal, прославленный Петромъ I-мъ, попалъ на Jägersaal, на Klein-Versailles а не нашелъ того, чего искалъ.

Пріѣхалъ графъ Кушелевъ съ женою. Ничего особеннаго изъ Петербурга нѣтъ. Холера гораздо уменьшилась. Въ послѣд-

нее время молоко было любимымъ и употребительнѣйшимъ питьемъ выздоравливающихъ.

23. Графъ Кушелевъ говорилъ о междоусобной войнѣ Грека и Булгарина въ *Сѣверной Пчелѣ*. Слѣпцы спорятъ о краскахъ. Замѣчательно, что въ нашемъ высшемъ обществѣ многіе, можетъ быть, никогда ничего не читали Державина, Жуковскаго, Пушкина и сосредоточиваютъ всю Русскую литтературу въ лицѣ братьевъ Сіамцевъ, которые показываются въ *Сѣверной Пчелѣ*. Вотъ что значитъ постоянное дѣйствіе ежедневной газеты. Попадись она въ другія, чистыя руки, и вліяніе ея на Русскую литтературу и на Русскую публику было бы весьма благодѣтельно.

24. Я полагалъ, что наши альманачники совершенно перевелись. Но, нѣтъ, на бѣду еще живы курилки. Третьяго дня получилъ я письмо изъ Москвы отъ Сушкова, который проситъ стиховъ въ свой *Раутъ*. Вчера изъ Петербурга отъ воскресшаго Владиславлева, который того же проситъ въ *Утреннюю Зарю*.

25. J. de Débats, кажется, начинаетъ склоняться на нашу сторону въ восточномъ вопросѣ. За то La Presse вретъ и бѣснуется. Журналы не имѣютъ никакого понятія о Россіи и Турціи, а расправляются ими, какъ своею собственностью.

26. Писалъ въ Страсбургъ книгопродавцу Шмиду, который публиковалъ каталогъ Русскихъ книгъ. Вообще старыя. Пріѣхалъ князь Анатолій Барятинскій съ женою. Въ дипломатическихъ переговорахъ съ Турціею мы будемъ всегда одинъ противъ трехъ, если не болѣе, т. е. будемъ имѣть противниками Турковъ, Англичанъ и Французовъ. Между тѣмъ, Австрія и Пруссія, какъ съ нами ни дружны, но будутъ намъ изъ-подтишка перечить, и вся мелкотравчатая Европейская дипломатія, и всѣ революціонные бродяги, которые гнѣздятся въ Перѣ, будутъ подбивать Порту намъ не поддаваться. Въ случаѣ войны—дѣло другое, и предстоитъ еще вопросъ: будутъ-ли Французы и Англичане сильно помогать Туркамъ войсками и кораблями. Весьма ошибочно мнѣніе, что мы можемъ озадачить Турковъ словесными требованіями. На словахъ они ничего намъ не уступятъ и наши попытки будутъ всегда безуспѣшны. Намъ нужно негоціировать не съ перомъ въ рукахъ, а съ дубинкою Петра Великаго. Если не при-

ило время вытащить ее изъ кунстъ-камеры, то лучше молчать и выжидать удобнаго случая.

Мнѣ сказывали, что въ 1812 г., при Ртищевѣ, Кавказское наше войско состояло изъ 25,000 человѣкъ, а теперь простирается оно до 180,000. Если не Меншиковъ, то Веригинъ при немъ удачно покончилъ свой Восточный вопросъ. Говорятъ, что онъ обыгралъ молодаго Нессельроде на 150,000 р. Наши сановники не слишкомъ разборчивы и совѣстливы въ выборѣ людей, коими они себя окружаютъ.

Пріѣхалъ князь Николай Васильевичъ Долгорукій. Онъ сказывалъ, что графъ Воронцовъ переѣхалъ въ Подмосковную и пріѣзжаетъ въ Петербургъ по понедѣльникамъ, чтобы засѣдать въ Совѣтѣ. Могъ-ли Петръ I-й предвидѣть такія чудеса. Молодой Адлербергъ издалъ путешествіе свое въ Іерусалимъ.

28. Сегодня нашъ праздникъ Вознесенія. Вечеромъ взлѣзъ я по крутой и узкой тропинкѣ на Бельведеръ-зицъ. Дикая и живописная природа! Съ вершины горы видны развалины замка Engelhaus, т.-е. говорятъ, что видны, а я ихъ своими глазами не видалъ. Высота горы 274 Вѣнскихъ Klafter надъ моремъ и 86 надъ Sprudel. Назадъ возвратились по другой дорогѣ, болѣе удобной, мимо Friedrich Wilhelmsplatz. Съ этого мѣста прекрасный видъ на городъ.

Во Французскихъ газетахъ 7 іюня напечатаны взятыя изъ Times двѣ ноты Меншикова на имя Рейсъ-Ефенди и проектъ договора. Въ нихъ рѣшительно нѣтъ никакихъ особенныхъ притязаній со стороны Русскаго правительства на господство въ Турціи, а только требованія, чтобы права, уже дарованныя Грекамъ, были снова утверждены Султаномъ для предупрежденія недоразумѣній и злоупотребленій Турецкихъ мѣстныхъ властей. Дѣло совершенно чистое, а между тѣмъ, тѣ же журналы, которые печатаютъ эти оффиціальные документы, все еще вопіютъ и бѣснуются противъ такъ называемыхъ самовластныхъ и нелихаанныхъ требованій Россіи. Дура публика не обращаетъ вниманія на оффиціальные документы и увлекается криками журнальныхъ крикуновъ.

30. Запасные заряды изъ Пужула противъ Пужула, если со-

берусь отвѣчать на брошюрку его: *La France et la Russie à Constantinople* (1853).

О Фарисеяхъ: Le fils de Marie faisant allusion à leur ardeur du prosyléthisme, leur disait qu'ils couraient la terre et la mer pour gagner à eux un seul homme (pag. 91).

Plusieurs se trompent sur le caractère et la nature de la religion catholique, la religion des aïeux; ils n'y voient qu'une forme nécessairement destinée à recevoir des modifications diverses selon les vicissitudes des siècles. Le catholicisme n'est pas comme un vêtement du Christ, qui peut changer ainsi que toutes les images du monde extérieur, c'est la doctrine chrétienne, elle-même enseignée aux hommes par une autorité constituée au nom du Dieu rédempteur. Cette doctrine, étant la vérité, doit rester éternellement la même, parce que la vérité demeure une et immuable au-dessus de la vie et du temps, au-dessus des tourbillons de poussière que fait l'erreur, au-dessus des bouleversements perpétuels, qui s'accomplissent dans le monde. Il n'est donc pas philosophique, pas logique, pas admissible de dire qu'il puisse y avoir une nouvelle vérité religieuse appropriée à chaque grande époque de l'histoire de l'humanité. L'Évangile, tel qu'il a été prêché depuis dix-huit siècles, suffira pour éclairer la grande caravane humaine jusqu'à ce que, sortant des déserts de la vie, elle parvienne à l'éternelle et radieuse montagne où Dieu réside. Il n'y a ni découverte, ni révolution, ni crise morale, qui puisse prendre au dépourvu ce guide immortel qu'on nomme l'Évangile (pag. 120). Выписано изъ Poujoulat *Исторіи Іерусалима*, стран. 91 и 120. Изданіе: Bruxelles et Leipzig. Meline, Cans и comp. 1842.

31. Пріѣхали Мещерскіе и Лиза Карамзина. Я былъ у Бибеско. Говорили о Турецкихъ дѣлахъ. И онъ того же мнѣнія, что напрасно затянулись въ длинные переговоры. Надобно было съ пріѣзда Меншикова дать дней 8 или 10 сроку Туркамъ на отвѣтъ наложеннымъ требованіямъ. Если есть возможность съ успѣхомъ дѣйствовать на Турковъ, то развѣ внезапно и рѣшительно, чтобы не дать имъ времени опомниться и обпюхаться съ другими.

Про одного губернатора съ губернаторшею говорили, что

это круговая порука: мужъ беретъ, а жена даетъ. Тютчевъ говорилъ о молодой княгинѣ Т., которая очень мамерилась, не имѣя впрочемъ поклонниковъ: „elle minaude dans le vide".

Іюня 1. Водилъ Николая Мещерскаго на Hirschensprung. Вечеромъ водилъ Лизу Карамзину на Drei Kreutze и на Otto's Höhe, что прежде было Orientirungs-Höhe. Это высшій пунктъ близъ города: 304 Wiener Klafter (сажень) надъ моремъ и 107 надъ Спруделемъ.

2. Сегодня день рожденія Павла. Празднуетъ ли онъ его вмѣстѣ съ женою?

3. Праздновали вчерашній день рожденія обѣдомъ въ Posthof съ Мещерскими. Журналы уморительны своею нелѣпостью. Въ *Presse* 13 іюня сказано, впрочемъ взято изъ какой-то Нѣмецкой газеты, что Великій Князь Константинъ Николаевичъ такъ обремененъ занятіями, что вмѣсто его предсѣдательствовалъ въ географическомъ обществѣ генералъ Муравьевъ и что *это служитъ доказательствомъ, какъ дѣятельны военныя приготовленія Россіи противъ Турціи.*

4. Князь Мещерскій отправился въ Вишн. Сегодня узналъ я о смерти Льва Пушкина. Съ нимъ, можно сказать, погребены многія неизданныя стихотворенія брата его, которыя онъ одинъ зналъ наизусть.

5. Журналы начинаютъ немного утихать, хотя все еще врутъ. Пріѣздъ графа Панина въ Парижъ, вѣроятно за женою, связывается имъ также съ Восточнымъ вопросомъ.

Продолженіе зарядовъ de l'Histoire de Jérusalem.

Après la décision du concile de Jérusalem, Saint Pierre se trouvant à Antioche, ne s'était pas maintenu vis-à-vis des nouveaux fidèles dans des termes tout à fait conformes à la décision apostolique; sa conduite tendait à soumettre les gentils à la loi juive. Cette déviation de la voie évangelique portait déjà des fruits funestes; Saint Paul fut assez grand pour rappeler publiquement l'apôtre à la vérité et l'apôtre fut assez humble pour incliner son autorité devant les remontrances de l'ancien persécuteur de la foi, dont nous parlerons bientôt. La silencieuse résignation de Simon Pierre sauva le berceau de l'Église d'un schisme, dont les effets eussent

été désastreux; le premier pontife de Rome donna ainsi l'exemple de la soumission religieuse et de la nécessité de briser son orgueil au pied de la vérité. (Pag. 172).

7. Нашъ Троицынъ день. Первый день совершенно лѣтній. Пріѣхалъ князь Алексѣй Трубецкой съ увѣчною головою. На дорогѣ опрокинулась коляска его. Пріѣхали графъ Петръ Паленъ съ братомъ его Николаемъ.

Въ первомъ приказѣ по арміямъ, писанномъ Шишковыхъ 13-го іюня 1812 г., между прочимъ, сказано: *въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ*. Что за ералашъ? *Громкая кровь течетъ побѣдами*. Но въ рескриптѣ фельдмаршалу Салтыкову безсмертныя слова: „Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ". Эти слова тѣмъ прекраснѣе, что они оправданы были на дѣлѣ.

9. Представлялся эрцгерцогу Карлу-Фердинанду, сыну знаменитаго эрцгерцога Карла, и шефу нашего уланскаго Бѣлогородскаго полка. Продолжаю читать записки Шишкова, которыя привезъ сюда Завадовскій. Добрый Шишковъ удивительно забавенъ своимъ простодушіемъ, чтобы не сказать простоуміемъ. Онъ разсказываетъ, что, на дорогѣ отъ Твери въ Петербургъ, видѣлъ онъ на небѣ два облака, изъ которыхъ одно имѣло видъ рака, а другое — дракона, и что ракъ побѣдилъ дракона. „Сидя одинъ въ коляскѣ", говоритъ онъ, — „долго размышлялъ я: кто въ эту войну будетъ *ракъ* и кто *драконъ*?" Другому пришло бы въ голову, что ракъ означаетъ Россію, потому что армія наша все ретируется; но добрый Шишковъ чистый Израильтянинъ, *въ немъ нѣтъ лести*, и ему пришло, что ракъ означаетъ Россію, поелику оба сіи слова начинаются буквою *Р. И эта мысль*, заключаетъ онъ, *утѣшала меня во всю дорогу*.

10. Утромъ былъ у баронессы Stolzenberg, морганатической супруги принца Wilhelm von Anhalt-Dessau.

Я очень люблю въ прогулкахъ отыскивать безъименныя тропинки, удаляясь отъ большихъ трактовъ, изъ которыхъ каждый носитъ здѣсь свой ярлыкъ *zur* или *zur* — что-нибудь. Познакомился съ Австрійскимъ генераломъ Кудрявскимъ, братомъ нашего старика Кудрявскаго. Онъ долго служилъ на Востокѣ.

Это что-то не къ добру: Булгаринъ въ *Сѣверной Пчелѣ*, 30 мая, ужасно меня расхваливаетъ по поводу моей *Масляницы*. Неизвѣстно, кто прислалъ мнѣ этотъ листокъ изъ Петербурга.

12—14. Пріѣхала Пашкова съ своею *крылатою дружиною*, съ своимъ мужемъ и сыномъ. Они изъ Парижа, а сынъ изъ Петербурга. Онъ сказывалъ, что тамъ холера сильно и скоро дѣйствуетъ. Недавно умерла отъ нея Шереметева, урожденная княжна Горчакова.

Недаромъ я говорилъ, что Булгаринъ хвалилъ меня не передъ добромъ. Я получилъ извѣстіе, что въ Баденѣ случилась непріятность: раскрали около 2000 старыхъ дѣлъ, Богъ знаетъ, для какой цѣли. Были у насъ князь Лобковицъ, графъ Путбусъ и Пехлинъ, котораго знавали мы во Франкфуртѣ, гдѣ онъ былъ Датскимъ посланникомъ. Онъ переводчикъ Лалла-Рукъ на Нѣмецкій языкъ, издалъ недавно томъ своихъ стихотвореній и занимается теперь исторіею эпической поэзіи. Изъ Бадена получено извѣстіе о смерти кн. Горчаковой. Можно-ли было думать, что двѣ развалины, отецъ и мать ея, переживутъ свою дочь.

15. Вчера узналъ я о другой печальной смерти. Бѣдная княгиня Вѣра Голицына скончалась въ Берлинѣ. Когда я изъ Дрездена послалъ къ ней, передъ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, свой портретъ со стихами, я имѣлъ какое-то минутное чувствіе, что все это дойдетъ до нея не во-время. И въ самомъ дѣлѣ, все это пришло въ Берлинъ, когда она была уже отчаянно больна и, кажется, она ни портрета, ни стиховъ моихъ не видала. Давно-ли была она въ Константинополѣ въ полномъ цвѣтѣ здоровья, силы и красоты? Умеръ въ Берлинѣ и нашъ Русскій священникъ, и къ княгинѣ Голицыной пріѣзжалъ священникъ изъ Парижа.

16. Человѣческое тщеславіе всюду прокрадывается: я замѣчаю, что многіе, которые пьютъ Sprudel, гордятся предъ нами, смиренно пьющими Schlossbrunn.

17. Восточный вопросъ все еще всѣхъ занимаетъ. Всѣ ждутъ на него отвѣта. Журналы кричатъ и шумятъ, а ничего не объясняютъ. Циркуляръ графа Нессельроде, по-моему, очень хорошо и

дѣльно изложенъ. Я увѣренъ, что все сказанное въ немъ сущая правда, но правда никого не проучитъ тамъ, гдѣ дѣйствуютъ страсти; а противъ насъ въ Европѣ враждуютъ страсти: зависти, ненависти и страха.

Иногда самыя повидимому маловажныя примѣты убѣдительнѣе значительнѣйшихъ явленій. Когда я думаю объ участи Наполеона III и о продолжительности настоящаго порядка дѣлъ во Франціи, двѣ примѣты удостовѣряютъ меня, что все это ненадежно и непрочно. Нельзя вѣровать въ положеніе, въ которомъ негодяй Дантезъ-Гекеренъ сенаторъ, а негодяйка Матильда Демидова разыгрываетъ роль императорской принцессы. Случай часто проказитъ, но проказы его непродолжительны. Рано или поздно Промыслъ беретъ свое и приводитъ дѣла и лица въ надлежащій порядокъ. Le hazard peut s'encanailler, mais non la Providence. Вечеромъ ѣздили съ Трубецкими въ Elbogen. Сегодня здѣшнее Петра и Павла. По дорогѣ встрѣчали богомольцевъ и передъ селеніями кукольныя изображенія святыхъ имянинниковъ съ распущенными хоругвями и проч. Мѣстоположеніе Эльбогена очень живописно: цѣпной мостъ, древній рыцарскій замокъ, обращенный нынѣ въ тюремный замокъ. О времена! О нравы! Впрочемъ, вѣроятно, и прежніе жильцы, благородные рыцари, были такіе же разбойники, какъ и нынѣшніе жильцы.

18. Писали къ Павлу. Вечеромъ на Wiese музыка праздновала пріѣздъ князя Эстергази, бывшаго посла въ Лондонѣ. Пріѣхалъ также графъ Красинскій, Варшавская развалина, и рыжій Голицынъ, тоже обломокъ прежняго Варшавскаго житья.

19. Пріѣхала изъ Петербурга маркизша Castelbajac. Заходилъ къ намъ графъ Красинскій. Онъ очень слабъ и плохъ.

20. Вчера получилъ я письмо отъ Валуева, онъ назначенъ Курляндскимъ губернаторомъ, и письмо отъ Брока, который извѣщаетъ меня, что я переименованъ въ члены совѣта министерства финансовъ, вѣроятно, вслѣдствіе безпорядка, случившагося въ Банкѣ, хотя онъ о томъ ничего и не говоритъ. Я и не воображалъ, что я такой бдительный начальникъ, и что безъ меня дѣла пойдутъ хуже. А шутки въ сторону—особенное счастіе, что я въ разныя управленія свои имѣлъ на рукахъ и въ

рукахъ многіе милліоны таможенные и банковскіе, и что все обошлось исправно.

21. Старикъ Радзивилъ, помѣщикъ славной Аркадіи, когда пеняли ему, что мало даетъ онъ денегъ сыновьямъ своимъ на прожитокъ, отвѣчалъ, что довольно и того, что даетъ онъ имъ свое имя, которое имъ не слѣдуетъ. Въ глубокой старости своей потерялъ онъ память и часто спрашивалъ жену свою: „а кто бишь отецъ Валентина, я никакъ не могу вспомнить?“ Одинъ изъ Радзивиловъ былъ сынъ нашего Варшавскаго посла Стакельберга, другой — сынъ герцога Lauzun и т. д.

Государь Павелъ Петровичъ обѣщалъ однажды быть на балѣ у князя Куракина, вѣроятно, Алексѣя Борисовича. Передъ самымъ баломъ за что-то прогнѣвался онъ на князя, раздумалъ къ нему ѣхать и отправилъ вмѣсто себя Константина Павловича съ порученіемъ къ хозяину. Тотъ къ нему явился и говоритъ: Государь Императоръ приказалъ мнѣ сказать Вашему Сіятельству, что вы, сударь, ж..., ж... и ж... Съ этими словами поворотился онъ на-право кругомъ и уѣхалъ.

ПИСЬМО ТОЛСТОМУ.

Карлсбадъ 4 іюля 1858 г.

Здѣсь не до чтенія. Здѣсь надобно жить жизнію животнаго, а не умственною. Со всѣмъ тѣмъ Цареградскія дѣла и насъ озабочиваютъ и ждемъ съ нетерпѣніемъ развязки крупнаго вопроса. Въ самомъ началѣ мало надѣялся на успѣхъ. Когда всѣ радовались блестящему и торжественному пріему Меншикова на Босфорѣ, я кому-то писалъ: „хорошо онъ пріѣхалъ, посмотримъ, каково онъ уѣдетъ“. Я имѣлъ случай нѣсколько ознакомиться съ Востокомъ и съ нѣкоторыми въ немъ дѣйствующими лицами и убѣдился, что тамъ съ переговорами намъ дѣлать нечего. Мы всегда будемъ одни противъ трехъ, т.-е. противъ насъ будетъ одна глупая нація и двѣ шельмы націи, какъ вы говорите, не говоря уже о тѣхъ, которыя будутъ,

хоти и скрытно, но все-таки намъ недоброжелательствовать и изподтишка подбивать Турковъ намъ не поддаваться. И сами единовѣрцы, за которыхъ мы хлопочемъ, изъ трусости и подлости будутъ показывать, что боятся и не хотятъ нашего покровительства. Все это такъ ясно и достовѣрно, что не понимаю, какъ тѣ, которымъ вѣдать о томъ надлежитъ, того не вѣдаютъ. Наше дѣло до поры и до времени сидѣть у моря и ждать погоды. Погода, рано или поздно, придетъ непремѣнно и пригонитъ, какъ древле, наши ладьи къ Цареградскимъ стѣнамъ; но самимъ преждевременно погоды подпимать намъ не слѣдуетъ. Впрочемъ и я скажу съ вами: „увидимъ“. А пока мы здѣсь читаемъ кузину вашу „La dame aux perles“. Авторъ ея успѣлъ однимъ разомъ сдѣлать и подлый поступокъ и пошлую книгу. Въ бытность мою въ Парижѣ, я видѣлъ въ канцеляріи посольства маленькую Французскую брошюру о *Святыхъ Мѣстахъ*, писанную, помнится, духовнымъ лицомъ въ нашу пользу. Нельзя-ли мнѣ прислать ее? У меня также чешется рука написать что нибудь объ этомъ, въ отвѣтъ на брошюрку Пужула. Скоро кончу свой водопой и тогда принялся бы я за работу. Слышу также о какой-то брошюркѣ или статьѣ нашего іезуита Гагарина о восточномъ вопросѣ. Нельзя-ли и ею одолжить меня? Здѣсь бывшій вашъ посолъ графъ Паленъ, и братъ его космополитъ и много другихъ Русскихъ. Погода не очень насъ балуетъ, но мы не унываемъ и пьемъ да гуляемъ во всю Ивановскую.

22. Вечеромъ въ курзалѣ концертъ Rudolph Willmers, Скандинавскаго піаниста. Игра бойкая и пріятная, но великіе піанисты такъ размножились, что и высшее превосходство въ этомъ искусствѣ сдѣлалось почти ремесломъ и пошлостью. Онъ между прочимъ игралъ *Nordische National-Hymn* aus den Scandinavischen Liedern, есть что-то похожее и на Англійскій гимнъ и на *Боже Царя Храни*. Willmers собирается въ Россію. Намъ обѣщаютъ сюда и Листа, или по крайней мѣрѣ княгиню Wittgenstein. Передъ концертомъ ходилъ я съ Ленскимъ въ Hammer и припоминали наше Варшавское и Петербургское житье-бытье. На дняхъ заходилъ я къ Lady Гренвиль.

23. Меня и случайная безсонница пугаетъ, какъ начало и возобновленіе прежнихъ безсонницъ. Тогда минувшія мои страдальческія ночи и ночи будущія колоссально возстаютъ и каменѣютъ передо мною, и кажется мнѣ, не пробью никогда этой ужасной громады. Утромъ дѣвица Лазарева-Станищева начала писать портретъ мой карандашемъ. Она нѣсколько лѣтъ училась живописи въ Италіи и пожалована въ члены нашей Академіи Художествъ, подъ этимъ титуломъ и поименована она въ здѣшней Bade-Liste. Пріѣхала изъ Варшавы m-me Сухозанетъ съ своею красавицею племянницею.

24. Можетъ быть я уже перепилъ. Костя Булгаковъ заболѣвъ, говорилъ о себѣ: я уже не человѣкъ, а перепелъ. Третьяго дня, или правильнѣе, третьей ночи, во время безсонницы принялся я за записки Шишкова. Что за дичь въ манифестахъ своихъ заставлялъ онъ подписывать бѣднаго Императора Александра. Особенно замѣчателенъ манифестъ 1-го января 1816 года. Что-то похожее на Китайскіе манифесты. Добрый Шишковъ не силенъ былъ въ натуральной исторіи. Въ книгѣ своей о *Старомъ и Новомъ слогѣ*, говоритъ онъ: „чай, *китайская трава*“. Въ *Запискахъ* своихъ говоритъ онъ: „находилъ на меня въ этой пустотѣ комнатъ, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе“. Что это за насѣкомыя? Лягушки! Вечеромъ ходилъ по берегу Эгера черезъ деревню Drachowitz мимо Modens-Hof на Панораму. Дорога очень пріятная, полями и огородами, и совершенно сельская. Хотя бы въ Остафьевѣ съ тою только разницею, что Остафьевскія картины не окаймлены горами подобно здѣшнимъ.

25. Опять тревожная ночь со всѣми припадками и взрывами прежнихъ безсонницъ. Опять принялся я за ночнаго товарища своего Шишкова. Не смотря на тоску свою, мнѣ почти забавно было видѣть, какъ бѣдный морякъ съ трудомъ уживался съ военными тревогами главной квартиры. То объѣзжаетъ онъ большія дороги, чтобы не попасться въ плѣнъ Французамъ, то по проселочнымъ дорогамъ боится, чтобы не опрокинули его съ коляскою. И все это разсказываетъ онъ съ какимъ-то ребяческимъ простосердечіемъ. Вообще всѣ его путевыя впечатлѣнія и

замѣчанія совершенно дѣтскія. А между тѣмъ на досугѣ сочиняетъ онъ манифесты не только по заказу Императора, но иногда и для своего собственнаго удовольствія на всякій случай. Какъ Государь не безразборчиво и слѣпо подписывалъ подобныя его бумаги, но случалось, что и онъ догадывался иногда о неприличіи и невозможности говорить то, что заставлялъ его говорить Шишковъ. Одинъ изъ такихъ несостоявшихся манифестовъ, послѣ Лейпцигскаго сраженія, Шишковъ кончаетъ слѣдующими словами: „*Сего ради повелѣваемъ: да отворятся во всемъ пространствѣ области нашей всѣ Божественные храмы etc. etc, да проліются отъ всего народа горячія слезы благодарности и проч. и проч.*“. Довольно забавно заставлять Государя говорить: повелѣваемъ плакать.

26. Здѣсь полученъ Русскій манифестъ. Онъ очень хорошо принятъ здѣшнею нашею колоніею и шевелитъ струнами Русскаго сердца. Я подумалъ бы, что онъ писанъ Блудовымъ, но одно выраженіе меня сбиваетъ: Пюристъ Блудовъ не позволилъ бы себѣ сказать: *вручить* престолъ. Вручается то, что принимаешь въ руки. Вечеромъ ѣздилъ я въ коляскѣ съ Трубецкимъ въ Schlackenwert — первую станцію отъ Карлсбада и помѣстье герцога Тосканскаго, которое даетъ ему до 35,000 f. доходовъ. Все въ упадкѣ и запущеніи, но старинный садъ прекрасенъ и очень тѣнистъ. Писали къ Павлу.

Давно не принимался я за свой дневникъ. Постараюсь хотя наскоро собрать свои воспоминанія.

Немножко отъ жаровъ, немножно отъ безсонницъ, которыя начинали меня тревожить, немножко отъ Карлсбада, который начиналъ мнѣ надоѣдать, немножко отъ именинъ своихъ, чтобы не разыгрывать здѣсь торжественную и праздничную роль именинника (Алексѣй Лобановъ говорилъ о племянникѣ своемъ графѣ Воронцовѣ, что онъ похожъ на вѣчнаго именинника), рѣшился я съѣздить въ Маріенбадъ. 28 числа, около 5-ти часовъ послѣ обѣда, сѣли мы съ женою въ свою коляску, запряженную четверкою почтовыхъ лошадей, и пустились въ путь. Только успѣли мы доѣхать до Гамера, какъ погода перемѣнилась, воздухъ охладѣлъ и полилъ дождь. Можно сказать, что

дорога слишкомъ живописна для проѣзжающихъ. Все горы да горы. Шагомъ или въѣзжаешь на гору или съ горы съѣзжаешь. Тормазъ нашъ былъ въ такомъ употребленіи, что скоро прорвался, надѣли запасный крючекъ, да и онъ протеръ колесо до дерева и хорошо еще что безъ бѣды доѣхали. Мы проѣхали станцію Petschau съ замкомъ, принадлежащимъ герцогу Бофору и купленнымъ у Кауница. Намъ говорили, что до Маріенбада не болѣе пяти часовъ ѣзды, но надобно всегда придать нѣсколько часовъ къ сказанному и доѣхали мы не ранѣе полуночи. Разумѣется весь Маріенбадъ давно уже спалъ. Долго стучались мы въ дверяхъ нѣсколькихъ гостинницъ, но никуда насъ не впускали и говорили, что все занято. Наконецъ нашли мы гостепріимную гостинницу zur Stadt Weimar, гдѣ и пріютились въ трехъ хорошихъ комнатахъ. Ночь провелъ я очень хорошо. Маріенбадъ мнѣ очень понравился своею красивостью, миловидностью и опрятностью. Тутъ все свѣжо. Все съ иголки: дома, галлереи, прогулки, источники съ красивыми навѣсами и пр. Вообще болѣе простору и дышешь свободнѣе. Природа не такъ грандіозна, какъ въ Карлсбадѣ, но за то болѣе удобна для ежедневнаго употребленія. Въ Карлсбадѣ все ущелья, все взбираешься или слѣзаешь по длиннымъ коридорамъ съ нѣкоторыми отверстіями для зрѣнія на живописную даль.

29. Ходилъ я по городу и близкимъ окрестностямъ. Видѣлъ Kreuzbrunn, который болѣе всѣхъ употребляютъ, Karolinenbrunnen и пр. Ѣздили мы на Flaschenhütte, гдѣ выдѣлываются глиняные кувшины для отправленія воды въ разные края. Выдѣлка очень легка и скоро изготовляется. Работникъ кладетъ на маленькій станокъ кусокъ глины и въ двѣ минуты ручной работы кувшинъ готовъ. Тутъ ихъ выдѣлываютъ до 700,000 въ годъ. Маріенбадъ, собственность духовенства, въ медицинскомъ отношеніи слыветъ холоднымъ Карлсбадомъ (das kalte Karlsbad). Тутъ я нашелъ изъ Русскихъ Московскаго Боде съ Петербургскою дочерью, которой удаленіе изъ Петербурга толкуютъ различнымъ образомъ, Ивана Фундуклея, котораго зналъ губернаторомъ въ Кіевѣ и который нынѣ сенаторъ въ Варшавѣ, Ломоносова съ женою, урожденной Щербатовою (онъ оправляется

отъ своего паралича, началъ ходить, двигать рукою и говорить довольно внятно), Абрамовыхъ, которыхъ мы знали въ Дрезденѣ, и сестру ея, молоденькую и хорошенькую вдову. Есть и другіе Русскіе, но я ихъ не знаю; между прочими Сибирскій генералъ-губернаторъ Муравьевъ.

30. Часу въ 3-мъ, послѣ обѣда, оставили мы Маріенбадъ и отправились въ Königswart, замокъ и лѣтнее пребываніе князя Меттерниха. Довольно красивое и лѣсистое мѣстоположеніе. Паркъ и домъ очень хорошо содержаны. Въ домѣ много картинъ фамильныхъ и царскихъ портретовъ, мраморная статуя Кановы, изображающая исторію. При замкѣ Museum съ разными древностями, рѣдкостями естественными и современными знаменитостями, какъ-то: рукомойникъ Наполеона на островѣ Эльба и другія принадлежавшія ему вещи и разныя другія принадлежности и памятники многихъ знаменитыхъ лицъ. Также показываютъ тутъ двѣ Египетскія муміи въ ихъ гробахъ. И самъ бѣдный хозяинъ не такая-ли же политическая мумія, заживо пережившая свою дѣятельность, свою славу и свою эпоху. Самого его въ замкѣ не было, а были два сына его, которыхъ впрочемъ я не видалъ. Изъ Königswart отправились мы въ Эгеръ черезъ Sandau, гдѣ угостили насъ по-русски, т.-е. продержали на станціи болѣе 3-хъ часовъ, хотя въ глазахъ нашихъ отправлялись дилижансы, и не знаю, какимъ образомъ, но вѣрно съ грѣхомъ пополамъ, дали пару лошадей графу Стадіону, который пріѣхалъ послѣ насъ. Графъ Стадіонъ говорилъ мнѣ, что ни къ чему не поведетъ жаловаться на неисправность почты, потому что держитъ ее князь Меттернихъ. Это также по-русски. Перемѣнивъ лошадей въ Эгерѣ, поѣхали почевать въ Franzensbad на квартиру Абрамовыхъ, которые намъ ее предложили. Пріѣхали туда къ полночи и кое-какъ улеглись спать и я спалъ хорошо.

1 Іюля. Утромъ походилъ я немножко по городу и по прогулкамъ около источниковъ и отвѣдалъ Salzquelle, которую я пилъ въ Петербургѣ и довольно безуспѣшно, при началѣ болѣзни моей. О Franzensbad нечего сказать особеннаго: довольно опрятно, площадки обсаженныя деревьями, гдѣ гуляютъ и пьютъ кофе, укрываютъ отъ зноя солнца. Въ Эгеръ пріѣхали мы въ пол-

день. Пошелъ я смотрѣть въ домѣ бургомистра комнату, въ которой Wallenstein былъ убитъ. Тутъ сохраняется оружіе (Partisane, Pertuisanne), которымъ онъ былъ убитъ, и нѣкоторые рѣзные шкафы, ему принадлежавшіе. Теперь комната завалена канцелярскими бумагами. Осмотрѣлъ я развалины стараго замка, въ которомъ церковь съ красивыми мраморными колоннами и одно окно, также съ маленькими мраморными колоннами, хорошо сохранились. Чрезъ Schiesshaus возвратились мы къ почтовому двору и отправились обратно въ Карлсбадъ чрезъ Elbogen, гдѣ мы обѣдали на террассѣ, любуясь прелестями окрестной картины. Жаль мнѣ, что я поздно узналъ въ Карлсбадѣ отъ графа Палена о существованіи въ Эгерѣ знаменитаго палача, который, оставивъ ремесло свое, посвятилъ себя собранію различныхъ древнихъ и новыхъ орудій казни и вообще всякихъ древностей, какъ-то: монетъ и проч. Сказываютъ, что онъ участвовалъ въ приведеніи въ порядокъ и устройствѣ Königswart-Museum. При въѣздѣ нашемъ въ Карлсбадъ, торжественно проѣхали мы по Wiese шагомъ при музыкѣ и сквозь толпу гуляющаго народа. Вообще я очень доволенъ своею поѣздкою и ночами своими, которыя пришли въ порядокъ.

2. Обѣдалъ я въ Posthof съ Русскою колоніею: съ Паленымъ, Пашковымъ, Кушелевымъ, Барятинскими и проч. и проч.

Во всѣ эти дни, т. е. до нынѣшняго 8 числа, ничего особеннаго не было, кромѣ пріѣзда Лизы Валуевой съ отцомъ. Пробывъ съ нами двое сутокъ, отправился онъ обратно въ свое Литавское воеводство. Много чувствъ и грустныхъ воспоминаній возбудило во мнѣ свиданіе съ ними, но впрочемъ вынесъ я ихъ безъ большого волненія. Дорогою въ Маріенбадъ кончилъ я свою пѣсню *Русскаго Ратника*, которой начало было уже наброшено въ головѣ моей еще въ Карлсбадѣ, и дописалъ я другую пѣсню, которая уже давно была мною начата:

Ножкой чудной, легкокрылой
Къ башмачку прильнула ты, и проч.

На этихъ дняхъ писалъ я къ Павлу.

Послѣ обѣда подходили мы къ благословенію Сербскаго патріарха Іосифа. Старикъ почтенной и привлекательной наружности,

и, кажется, отличающійся славянскимъ простодушіемъ. Онъ порядочно изъясняется по-русски или, по крайней мѣрѣ, по-славянски, и мы другъ друга свободно понимали.

8. Утромъ былъ я у патріарха Австрійскихъ Сербовъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что получаетъ изъ Россіи много пособій для своихъ православныхъ церквей, какъ-то: церковныя книги, утвари и платья для духовенства, особенно изъ Москвы. Онъ хвалится покровительствомъ молодаго Императора Австрійскаго въ пользу православной церкви. По журналамъ все идетъ къ миру и восточный вопросъ приближается къ развязкѣ. Даже и маркиза Castelbajac гораздо спокойнѣе, а до-нынѣ восточный вопросъ, т. е. страхъ лишиться посольскаго мѣста въ Петербургѣ, гораздо болѣе тревожилъ ея внутренность, чѣмъ Карлсбадскія воды.

10. Вечеромъ всѣ наши знакомые Русскіе и Нѣмецкіе, а нѣкоторые и незнакомые, были у насъ на прощальномъ чаѣ и кофеѣ. Всѣ изъявляли большое сожалѣніе о нашемъ отъѣздѣ. Всѣхъ гостей заставилъ я записать свои имена въ книгѣ. Charles Rothschild, вѣроятно опасаясь, чтобы какъ нибудь не воспользовались и не употребили во зло его подписи, тѣснился наспину между двумя уже готовыми подписями. 11-го утромъ, въ 7-мъ часу выѣхали мы изъ Карлсбада и пріѣхали въ Прагу и остановились въ гостинницѣ Zum Englischen Hof. Первый разъ ѣхали мы довольно хорошо, безостановочно и даже скоро, по Нѣмецкому покрою. Природа по дорогѣ довольно красива, но уже не такъ величава, какъ въ Карлсбадѣ.

Прага.

12 іюля. Не думалъ я дожить до нынѣшняго дня. Сегодня день моего рожденія и стукнулъ на меня 61-й годъ. Былъ я у Гапки и у баронессы Kotz. Ошибкою попалъ я къ президенту здѣшней полиціи Sachar, вмѣсто того, чтобы попасть къ маіору и коменданту Прагской военной полиціи Альбинскому, къ которому имѣлъ я письмо отъ Фридланда. Президентъ сказалъ мнѣ, что открыты заговоры въ Парижѣ, Вѣнѣ и Берлинѣ и что одна надежда на Императора Николая, чтобы установить порядокъ. Обѣдали мы въ гостинницѣ довольно порядочно. Послѣ

обѣда ѣздили мы съ комендантомъ и съ женою его въ Waldgarten и на Josephinceninsel. Вездѣ очень хорошая полковая музыка, Венгерская и Италіанская. Здѣсь въ гарнизонѣ Венгерскіе и Италіанскіе полки. Нельзя не подумать, съ грустью глядя на это: неужели Богъ все такъ устроилъ, чтобы Венгерцы и Италіанцы должны быть не дома, а въ Богеміи. Городъ прекрасный и древними и новыми зданіями своими. Мосты на Молдавѣ очень красивы и живописны. Вечеромъ былъ я въ театрѣ. Вѣнская пѣвица Wildauer въ оперѣ *Цыганка*.

13. Въ 10 часовъ утра отправились мы съ Ганкою въ университетъ. Шафарикъ показывалъ намъ библіотеку. Особенныхъ рѣдкостей, кажется мнѣ, нѣтъ. Впрочемъ я въ этомъ дѣлѣ profanъ и смотрю на все только изъ приличія и для очистки совѣсти. Я обѣщалъ Шафарику прислать изъ Петербурга полную исторію Карамзина, которой у нихъ только 8 томовъ, подаренныхъ Императрицею Маріею Ѳеодоровною или Елизаветою Алексѣевною. Послѣ отправились мы въ Stift Strahow и бѣгло осмотрѣли библіотеку, потому что было уже около 12 часовъ и Ратеr Adolph Fischer, добрый и веселый старичекъ, боялся опоздать къ трапезѣ. Нѣсколько разъ съ хохотомъ повторялъ онъ мнѣ, что помнитъ Суворова: o, ich bin immer hinter ihm *geloffen*. Осмотрѣли церковь. Отправились въ St. Veits Kathedrale въ Градшинѣ. Серебряная гробница Св. Непомуцена и проч. и проч., подсвѣчникъ изъ храма Соломонова. Во дворцѣ древняя зала Wrati'слава, заново подготовленная и устроенная, съ трибунами и лавками, въ силу и въ ожиданіи конституціи, которая при рожденіи своемъ умерла. Испанская и Нѣмецкая залы. Замокъ Валленштейна съ садомъ и съ гротою, въ которой купался Валленштейнъ. Въ лѣтнемъ дворцѣ королевы Анны расписываютъ залу картинами изъ Чешской Исторіи. Обѣдали въ Café Français съ Ганкою и комендантомъ. Послѣ обѣда осматривали Museum, находящійся подъ вѣдѣніемъ Ганки. Въ отдѣленіи естественной исторіи, между прочимъ, собраніе 30,000 разнородныхъ жуковъ. Митрополитъ Амвросій могъ бы остаться довольнымъ. Когда Александръ Тургеневъ представлялъ ему Жуковскаго, онъ привѣтствовалъ его желаніемъ: „дай намъ Богъ по-

болѣе такихъ жучковъ". Ѣздили въ садъ князя Кинскаго. Вечеромъ въ театрѣ.

14. Ѣздилъ я съ Ганкою осматривать разные храмы и, между прочими, die Teynkirche (отъ слова *тына*, заборъ), вѣроятно, древнѣйшую церковь въ Прагѣ. Жаль, что теперь загорожена она не тыномъ, а домами. Ѣздили въ мастерскія ваятелей братьевъ Мах. Эммануилъ Максъ работаетъ теперь надъ колоссальною статуею Радецкаго, которая будетъ воздвигнута въ городѣ. Надгробный камень (памятникъ), представляющій спящую женщину (кажется, графиню Мико), также очень замѣчателенъ. Были и у третьяго ваятеля, молодаго Чеха, котораго имя я, къ сожалѣнію, забылъ. Онъ былъ пастухомъ и для забавы занимался рѣзьбою изъ дерева. Эти опыты попались въ руки Schwanthaler, который ихъ оцѣнилъ и приврѣлъ и образовалъ молодаго художника. Мало заказываютъ ему работъ потому (по словамъ Ганки) что онъ Чехъ, а не Нѣмецъ. Тѣ же жалобы, что и у насъ. Были въ типографіи Haase, одной изъ величайшихъ на твердой землѣ. Работаютъ до 700 человѣкъ. Русскіе и Славянскіе шрифты очень хороши. Послѣ съ женою и съ Лизою ѣздили въ Градшинъ. Обѣдали дома съ Ганкою. Показывали намъ окно, въ которомъ убита была княгиня Виндишгрецъ. Вечеромъ въ театрѣ, въ ложѣ баронессы Kotz. Пѣвица Wildauer въ операѣ *Дочь полка*. Послѣ театра ѣздили на Sophieninsel, гдѣ была музыка и освѣщеніе, по случаю Anna-Fest. Въ числѣ городскихъ украшеній замѣчателенъ памятникъ Императору Францу II, сооруженный однимъ изъ братьевъ Мах. Тутъ представлены, въ видѣ фигуръ, разныя области въ Богеміи, каждая съ своею особенною принадлежностью. Мало трехъ сутокъ для осмотрѣнія Праги, которая прекрасна и любопытна во многихъ отношеніяхъ. Лучшаго путеводителя не могъ я имѣть. Ганка былъ неразлучно со мною во все это время.

15. Въ началѣ 11-го часа утра отправились мы по желѣзной дорогѣ и благополучно прибыли въ Дрезденъ въ 5 часовъ по-полудни. Эта поѣздка лучшее доказательство, что мое здоровье поправилось и что я духомъ ободрился. Прошлаго года не могъ я безъ ужаса думать о желѣзной дорогѣ и всюду

разъѣзжалъ въ допотопной каретѣ, на удивленіе почтарямъ и лошадямъ, которыя уже отвыкли возить проѣзжающихъ. Сторона отъ Праги по берегу Молдавы почти вплоть до Боденбаха довольно плоская и мало живописная. Но послѣ природа оживляется, а Саксонская Швейцарія развиваетъ картины чудесной красоты, которыми любуешься на-лету. Остановились мы въ Britisch Hotel. Писалъ Лизѣ Карамзиной. А вотъ что я вписалъ и Ганкѣ въ его памятную книжку:

Слово дано отъ Бога человѣку на благо и съ тѣмъ, чтобы люди другъ друга разумѣли и вслѣдствіе того другъ другу сочувствовали и помогали. Слово должно быть орудіемъ мира и братскаго дружелюбія между народами и между правительствами. Горе тѣмъ, которые употребляютъ этотъ даръ во зло и обращаютъ его въ орудіе вражды, ненависти, зависти и междоусобій. Мы, Славяне, дѣти слова, расторгнутыя ошибкою, чтобы не сказать преступленіемъ исторіи, все еще родные братья по крови, по слову. Этой живоначальной и неистребимой силѣ обязанъ я за наслажденіе, которое здѣсь встрѣтилъ и съ которымъ бесѣдовалъ на родномъ языкѣ съ просвѣщеннымъ и добродушнымъ хозяиномъ этой книги, въ которую съ радостью и благодарностью вписываю имя свое.

На добрую память P. W.

21. Съ Дрезденомъ уживаюсь я, какъ съ старымъ пріятелемъ. Съ удовольствіемъ вижу снова знакомыя лица и знакомыя мѣста. Почти каждый день, часу въ 8 утра, начинаю прогулкою въ Grosse-Garten, который великолѣпно зеленъ и тѣнистъ. 20-го отправился я съ Видертомъ, въ 7-мъ часу утра, въ Freiberg, за отысканіемъ слѣдовъ Ломоносова. Но и эта моя Франклинская экспедиція, кажется, останется безуспѣшною. Ледяныя горы Нѣмецкой флегмы загородили путь къ желаемой цѣли, хотя и обѣщали мнѣ порыться еще въ старыхъ бумагахъ покойнаго профессора Henkel, на котораго указалъ мнѣ Погодинъ. Дѣло въ томъ, что во время Ломоносова Горная Академія еще не была устроена и, слѣдовательно, въ оффиціальномъ архивѣ ничего отыскать нельзя. Странно, что имя Виноградова, товарища Ломоносова, осталось въ памяти, а слѣды Ломоносова совер-

шенно простыли. Вотъ тебѣ и слава! Главнымъ начальникомъ въ Фрейбергѣ v. Beust, братъ министра, который мнѣ далъ письмо къ нему. Горный Музей показывалъ мнѣ August Breithaupt, директоръ его и профессоръ минералогіи, который недавно былъ въ Петербургѣ и съ большою похвалою отзывается о нашемъ Горномъ Корпусѣ. На Фрейбергскихъ заводахъ около 8,000 работниковъ и чистаго дохода, за вычетомъ издержекъ, выручается, кажется, до 80,000 талеровъ. Въ Фрейбергѣ жилъ недавно служившій по горной части Гердеръ, сынъ знаменитаго писателя, и оставилъ по себѣ прекрасную память. На дорогѣ изъ Дрездена въ Фрейбергъ воздвигнутъ ему памятникъ, а самъ, по собственному желанію своему, похороненъ онъ вблизи одного изъ заводовъ. Сынъ Шиллера также гдѣ-то какимъ-то ратомъ (Rath), но, говорятъ, вовсе не въ отца.

КНИГА 18-я.

(1853, 1854, 1855).

Венеція, 25 октября 1853 г.

Продолжаю прерванный мой дневникъ. Первую книжку кончилъ я 19-го октября. Въ теченіи этихъ дней былъ я съ Стюрмерами въ Palazzo Albrizzi. Замѣчательны потолки съ изваяніями геніевъ и амуровъ во весь ростъ (изъ terra cotta), которые въ разнообразныхъ положеніяхъ поддерживаютъ, развертываютъ draperies, также изъ штукатурки. Работа очень художественная и граціозная. Удивительно, какъ эта штукатурка не обваливается. Вѣроятно стоило большихъ денегъ. Изъ комнаты перекинутъ мостикъ чрезъ узкій каналъ въ садъ. Дворецъ не на большомъ каналѣ. Хозяйка дома славилась своею красотою и любовными похожденіями и нынѣ еще, говорятъ, красавица. Дочь ея, графиня Галвани, которая пошла въ матушку, показываютъ иностранцамъ на piazza, какъ первую Венеціанскую львицу. Въ литературныхъ и свѣтскихъ преданіяхъ Венеціи хранится имя другой графини Albrizzi (Venise par Jules Le Comte, page 616). Послѣ пошелъ я чрезъ разныя мытарства на знакомыя мнѣ Zattera. Одинъ изъ нищихъ спросилъ меня: не былъ-ли я боленъ, что давно не видать меня. Теперь, что переѣхали мы на онъ-полъ канала, прогулки и нищіе мои перемѣнились. Напрасно полагаютъ, что Венеція вовсе не пѣшеходный городъ, не экипажный, тамъ и ходить есть гдѣ: улицы преоригинальны, иногда узки, какъ ружейный стволъ, площади, площадки, кое гдѣ довольно широкія набережныя. Я очень люблю проникать въ эти

кишки, въ эту довольно животрепещущую внутренность Венеціи, гдѣ жизнь простонародная круговращается во всей своей дѣятельности и простотѣ. Въ Венеціи, какъ и въ прочихъ городахъ Италіи и Востока, люди развѣ только ночуютъ въ домахъ и то не всѣ и не всегда, а всѣ домашнія дѣла, упражненія и испражненія производятся обыкновенно на улицѣ. Дурасовъ, сынъ Петербургскаго сенатора, давалъ вечеромъ серенаду. Одни чужестранцы и проѣзжіе возобновляютъ этотъ старинный обычай и оглашаютъ и освѣщаютъ струи канала давно умолкшими пѣснями и погасшими фонарями. Пѣвцы не очень хороши, но все есть какое-то наслажденіе лежать въ гондолѣ подъ сводами Ponte-Rialto, особенно для русскаго, въ ноябрскую ночь, и слушать созвучія Италіанскаго языка, который уже самъ по себѣ пѣніе и мелодія. Проѣзжая мимо дома бывшей г-жи Benzoni (умершей въ 1839 г.), пѣвцы неминуемо затягиваютъ извѣстную и знаменитую баркаролу: la biondina in gondoletta, которая въ честь ея была сочинена. Вотъ также безсмертіе! Впрочемъ она оставила по себѣ и преданіе умной и любезной женщины. Кажется, не вынесу изъ Венеціи никакого личнаго воспоминанія, заслуживающаго особенной отмѣтки въ записной книжкѣ собственныхъ именъ. Смерть и революція послѣднихъ годовъ все очистили; тѣмъ чище и любовь моя къ Венеціи. Въ любовь мою не вмѣшивается никакое личное пристрастіе. Любилъ-бы я ее и живую, но люблю ее, голубушку, и мертвую. Рядомъ съ Ботаническимъ садомъ церковь S. Giobbe (Fondamenta Sestiere di Canneregio). Въ ней богатый памятникъ надгробный графа Argenson, картины Bordone, Bellini. Въ каждой изъ церквей есть какое нибудь богатство. Нѣтъ сомнѣнія, что Римская церковь была вдохновительницею искусствъ.

Боюсь, что дѣла наши на Востокѣ портятся. Греческій архіерей, который обыкновенно, въ честь Русскихъ богомольцевъ, читалъ *Вѣрую*, или *Отче нашъ* по-русски, сегодня прочелъ ихъ на одномъ Греческомъ языкѣ, pour ne pas se compromettre. Да проститъ мнѣ Господь мое прегрѣшеніе, если не справедливо клеплю на добраго старца. Но Греки все-таки Греки. Они не наши, когда Богъ за насъ. Но сила перейдетъ-ли

на сторону Турковъ, они—полумагометане. Каша и безтолковщина продолжается пуще прежняго. Дошло уже до драки, но не поймешь, война-ли это или фантасмогорія; облако, какъ въ битвахъ Гомера, объемлетъ ратующихъ и не знаешь, кто побилъ и кто побитъ. Политика, разумѣется, особенная наука и со стороны, незнающему всю подноготную, трудно судить о явленіяхъ ея. А простымъ разсудкомъ никакъ не поймешь, какъ остается нашъ посланникъ въ Англіи, когда не журналы одни, но и члены правительства явно говорятъ при всякомъ случаѣ, что Русскій царь поступаетъ несправедливо, хищнически. Какія же это мирныя и дружелюбныя сношенія? И частному лицу не слѣдуетъ пропускать такія рѣчи о себѣ, а представителю могущественнаго государства и подавно. Франція также дѣйствуетъ. Все это, можетъ быть, очень тонкая политика, но не надобно забывать, что гдѣ тонко, тутъ и рвется.

Журналы все дивятся, что Восточный вопросъ ежедневно видоизмѣняется. Но не сами ли они пустыми и ложными извѣстіями путаютъ его? Биржа и журналы ловятъ рыбу въ мутной водѣ и не хотятъ, чтобы она устоялась и очистилась такъ, чтобы видно было въ ней насквозь. Я увѣренъ, что Французское правительство имѣетъ большое участіе въ лихорадочномъ треволненіи биржи и Жилблазъ-Наполеонъ дѣлаетъ тутъ свои *жирныя капусты*. Французы и Англичане безпрестанно сваливаютъ на нашего Царя отвѣтственность за Европейскую войну и всѣ гибельныя послѣдствія для общественнаго порядка, которыя влечетъ за собою возбужденіе Восточнаго вопроса. Но кто, если не они, обратилъ въ общій Европейскій вопросъ, вопросъ исключительно частный, кто даетъ поединку между двумя спорными противниками обширные размѣры всенародной, всеевропейской битвы? Они подняли гвалтъ, да они же говорятъ, что мы зачинщики. О Лондонскихъ и Парижскихъ ротозѣяхъ рѣчи нѣтъ, но правительства очень хорошо знаютъ, что Россія не хочетъ завладѣть Царьградомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Россія не хочетъ покорить Турціи, но не хочетъ, чтобы нравственно Франція и Англія владѣли ею. О независимости, о самостоятельности Турціи толкуютъ одни дураки, или недобросо-

вѣстные публицисты. Турція стоять сама собою не можетъ: она можетъ только падать. Въ ней одна сила тяготѣнія. И видимое назначеніе Провидѣнія—когда пробьетъ ея роковой часъ—пасть въ объятія Россіи. А до того времени — лучшій ея союзникъ, вѣрнѣйшій стражъ ея—Россія. Но для этого нужно, чтобы другіе не мѣшались въ ея спошенія. Вмѣшательствомъ своимъ они только раздражаютъ Россію и ускоряютъ день паденія Турціи, собирая на ея голову горячіе уголья. Свидѣтели спора, возникшаго между двумя противниками, Западныя державы, т. е. Франція и Англія, могли сказать подъ рукою Россіи: кончайте споръ свой, какъ хотите, но знайте, что мы добровольно не согласимся на новыя завоеванія и Царьграда безъ боя вамъ не отдадимъ, если сами Турки не будутъ умѣть отстоять себя. Да и чего бояться намъ, если дѣло на то пойдетъ, передряги, которую могутъ подпять недовольные при разгарѣ Европейской войны? Французамъ она опаснѣе, нежели намъ. Могутъ вспыхнуть частные безпорядки въ Польшѣ, но Польша теперь не возстанетъ, какъ въ 1830 году. Мятежъ въ Россію не проникнетъ. Революціонныя начала могутъ возмутить существующій порядокъ, но установить враждебнаго порядка не могутъ. Мы видѣли на опытѣ въ 1848 году какова зиждительная сила революціи. О гибельныхъ послѣдствіяхъ войны думать не намъ, а имъ, и въ особенности Французамъ. Красные страшны болѣе имъ, а не намъ, и если изъ глупаго самолюбія и изъ зависти къ намъ они вооружатся за Турокъ и, ослабивъ внутреннюю вооруженную силу, очистятъ мѣсто для Ledru-Rollin, то можно будетъ сказать Наполеончику: tu l'as voulu, George Dandin. Для Россіи впрочемъ не знаю, что лучше: торжество революціи въ лицѣ Наполеона, или въ лицѣ какого-нибудь Ledru-Rollin, или Кассидьера. Нельзя же назвать порядкомъ то, что теперь господствуетъ во Франціи: c'est un ordre subversif; примѣромъ своимъ этотъ порядокъ беззаконный гораздо опаснѣе судорожнаго безпорядка торжествующей черни. Чернь опасна дома, а если захочетъ она разлиться за границы, то благоустроенное, твердое правительство всегда совладѣетъ съ нею. Пока Франція не возвратится къ прежнему порядку, дореволюціонному, она всегда будетъ враждебною всѣмъ другимъ

законнымъ правительствамъ. Пускай же ее бѣсится и сама поглощаетъ она силы и достоинства свои. Нельзя же не убѣдиться, что нравственно она упала. Народы, или, покрайней мѣрѣ, здравомыслящіе въ народахъ, согласны въ этомъ мнѣніи. Одни кабинеты изъ страха все еще обходятся съ нею почтительно. Еще двѣ—три революціи, которыя неминуемо ожидаютъ ее впереди, и она вся разслабнетъ и обвалится.

27. Вчера были съ Schiavoni сыномъ въ Palazzo Mantrini. Картинная галлерея. По мнѣнію Schiavoni, много хорошаго, много подлинниковъ, но много и посредственнаго и поддѣльнаго. Портретъ Кипрской царицы Корнаро Тиціана, картины Giorgione, картина Рембрандта, котораго произведенія рѣдко встрѣчаются въ Венеціи. Schiavoni говоритъ, что онъ знаетъ одни тѣ картины, которыя ему особенно нравятся, другія извѣстны ему только мимоходомъ, и съ самаго дѣтства онъ былъ исключителенъ въ выборѣ своихъ сочувствій. Нашъ дворъ былъ безсовѣстно обманутъ и ограбленъ въ покупкѣ галлереи Барбарино alla terrazza. Картины, не стоящія золотаго наполеона, были заплачены по 100 наполеоновъ. Во всемъ собраніи только нѣсколько хорошихъ подлинниковъ. Въ подобныхъ заочныхъ покупкахъ, какъ не обратиться правительству къ лучшимъ художникамъ и составить изъ нихъ подобіе присяжнаго суда. Бруни былъ присланъ въ Венецію для укладки картинъ, когда покупка была уже совершена. И по книгамъ (Juls Le Comte) извѣстно, что quelques personnes, qui ont des tableaux à vendre profitent de l'hospitalité de ce palais (Barbarigo) pour mêler leur marchandise baptisée pompeusement et plus modestement étiquetée parmi les oeuvres de cette collection". Картины въ галлереѣ Mantrini такъ дурно развѣшены, залы такія темныя, что большей части картинъ разглядѣть невозможно. Послѣ были мы съ Schiavoni въ академіи и на-скоро обѣжали нѣкоторыя залы. Schiavoni отправилъ къ В. К. Михаилу Павловичу портретъ (въ подарокъ) Великой Княгини и никогда не имѣлъ извѣстія о полученіи портрета, хотя другая картина, вмѣстѣ съ нимъ отправленная, кажется, къ графу Толстому,—дошла до своего назначенія. Объ отправленіи портрета извѣстно адъютанту Великаго

Князя, бывшему въ Венеціи. Не Путята ли? Справиться въ Петербургѣ.

28. Меншиковъ подлинно на первую аудіенцію великаго визиря въ Портѣ ѣздилъ въ пальто. Но болѣе всего раздражило визиря и министровъ, что въ назначенный день для переговоровъ, когда всѣ высшія лица ожидали Меншикова, онъ мимо ихъ на пароходѣ своемъ пронесся и отправился неожиданно къ султану. Все это хорошо, когда имѣешь за собою армію и флотъ, которые при первомъ несогласіи готовы заступить мѣсто несостоявшихся негоціацій. Но пристать съ пистолетомъ къ горлу, требуя кошелька, или жизни, и говорить при этомъ: впрочемъ дѣлайте какъ хотите, призовите на помощь своихъ друзей, а мы готовы обождать и дать вамъ время справиться съ силами— это уже черезъ чуръ рыцарски и простодушно. Съ самаго начала этой продѣлки я говорилъ и писалъ, что если мы надѣемся на успѣхъ своихъ негоціацій, то останемся въ дуракахъ. Наши негоціаціи съ Турками: послѣ перваго слова, не получившаго удовлетворительнаго отвѣта, хвать въ рожу и за бороду. Вотъ наша дипломатика. А не то сиди смирно и выжидай вѣрнаго случая. Съ Турками и Европою у насъ одинъ общій языкъ: штыки. На этомъ языкѣ еще неизвѣстно чья рѣчь будетъ впереди. А на всякомъ другомъ насъ переговорятъ, заговорятъ, оговорятъ и, по несчастію, уговорятъ.

29. Вчера былъ въ мастерскихъ ваятелей Zandomeneghi и Ferrari, сынъ умершаго скульптора. Извѣстнѣйшія произведенія сына: надгробный памятникъ доктору Aglietti—группа Лаокона, еще недокончennый,—не копія съ древняго, а собственное изобрѣтеніе,—одинъ изъ сыновей уже лежитъ мертвый; Меланхолія—памятникъ отцу семейства: двѣ дочери оплакиваютъ его, въ одеждѣ нынѣшняго покроя. У Zandomeneghi колоссальныя статуи для какой то церкви, изображающія разныя христіанскія добродѣтели. Вообще не люблю аллегорическихъ изображеній: напримѣръ геній поэзіи, ваянія, живописи? Почему живописи? Потому что держитъ въ рукахъ альбомъ. Почему та же фигура не будетъ изображеніемъ музыки, математики и проч.? Вечеромъ былъ у Стюрмера. Нашелъ у нихъ Венеціанца кавалера

Scarella, кажется такъ, много разсказывалъ о нашемъ министрѣ Mocenigo, не здѣшней знаменитой фамилiи Mocenigo, а грекѣ, кажется, Іоническихъ острововъ. Имѣлъ какую-то непрiятную исторiю въ Неаполѣ, вышелъ въ отставку и поселился въ Венецiи. Нажилъ большое богатство. Послѣ смерти его и жены, бывшей красавицы, вся фортуна, по назначенiю его, перешла въ собственность воспитательнымъ заведенiямъ, кажется, въ Корфу. Всегда повязанъ былъ огромнымъ галстухомъ, вѣроятно, въ родѣ прiятеля нашего Вьельгорскаго. Многiе полагали, что онъ этимъ скрываетъ какой нибудь недостатокъ: наростъ на шеѣ, или тому подобное, но дѣло въ томъ, что изъяна не было, а кутался онъ просто изъ удовольствiя. Вообще былъ очень странепъ и смѣшенъ. Прозвали его Monsieur Nigaud (Mocenigo). Ему приписываютъ эту фразу въ депешѣ: la potence à la quelle j'ai l'honneur d'être attaché. *Potenza*, puissance, которую въ буквальномъ переводѣ выразилъ онъ potence. Помнится, по поводу его, какой-то Англичанинъ спрашивалъ Александра Булгакова: avez vous des imbéciles en Russie? и на отвѣтъ его, что, какъ вездѣ, и у насъ, вѣроятно, сыщутся дураки—en ce cas, возразилъ онъ, pourquoi votre Empereur emploit il des imbéciles étrangers, quand il en a de russes. Scarella, кажется, хорошiй знатокъ въ искусствахъ, подтвердилъ мнѣ, что продажа Русскому правительству галлереи Barberigo- неслыханное воровство. Любопытно быть на Piazzetta передъ зданiемъ Loggietta, когда въ ней разыгрывается лотерея. Народъ всѣхъ званiй и всѣхъ возрастовъ толпится, лица озабоченныя, ожиданiе, надежда выигрыша, страхъ проиграть; на другихъ лицахъ зрителей, не участвующихъ въ лотереѣ, одно любопытство; всѣ съ бумажкою въ рукѣ для записыванiя провозглашаемыхъ нумеровъ, другъ друга ссужаютъ карандашемъ, а за неумѣнiемъ грамоты, иной проситъ записать на его клочкѣ счастливый №, потому что послѣ по улицамъ разносятъ эти клочки и собираютъ деньги за сообщенiе прохожимъ вышедшихъ нумеровъ. На часъ, или на два площадь оживаетъ, какъ въ блаженныя времена: Sotto San-Marco, то-есть Sotto l'antica republica. У коренныхъ Венецiанцевъ это слово *republica* звучитъ

особеннымъ образомъ, напримѣръ, у custode, который показываетъ темницы Pozzi.

Ни Вимпфенъ, ни Горшковскій не отплатили мнѣ карточками за мои визиты. Не въ силу ли осаднаго положенія? или просто отъ сродной имъ невѣжливости? Эту отмѣтку хоть бы Вигелю вписать въ свой дневникъ. Сегодня были въ palazzo графини Вимпфенъ. Много богатства и вкуса. Она въ немъ почти никогда не живетъ. Вечеромъ былъ у графини Воронцовой.

31. Сегодня въ 10-мъ часу утра отправился въ Torcello. Утро свѣжее, но прекрасное и свѣтозарное, вода блеститъ, а вдали, въ туманѣ, Тирольскія горы, подъ снѣжными шапками, напомнили мнѣ Ливанскія горы съ своими снѣжными нахлобучками, или, правильнѣе, здѣсь нахлобучки, а тамъ вѣнцы. Соборъ, или Dôme, начатый при епископѣ Orso Orseolo, въ 1008 г., удивительное богатство мраморовъ, мозаикъ, лучше сохранившихся, нежели въ S. Marco, le bénitier—остатокъ идолопоклонства —мраморная эстрада съ ступенями и посреди епископальнымъ сѣдалищемъ, въ окнахъ мраморныя ставни. Рядомъ церковь S. Fosca, составленная изъ развалинъ и обломковъ Римскихъ зданій. Sansovino и Scarpagnino любовались этимъ храмомъ и, по мнѣнію Cicognara, частью подражали ему. На площадкѣ предъ церквами кресла каменныя, — по народному преданію, престолъ Аттилы, который былъ въ Торчелло. Въ городѣ было, сказываютъ, до 80,000 жителей. Теперь пѣтъ и ста. Трава растетъ по площадямъ и улицамъ. Жители рыболовы и охотники— егеря. Послѣ въ Murano, извѣстное своими бусами, стеклянными и зеркальными издѣліями. Производство не то, что въ старину, когда бусы, фальшивый жемчугъ были общимъ женскимъ нарядомъ, но для бездѣятельной и праздной Венеціи оно и нынѣ довольно значительно. Церковь св. Петра и Павла съ картинами Виварини, Palma, Тинторетта. Церковь св. Доната, извѣстная подъ названіемъ le dôme de Murano, архитектуры Греко-Арабской 12 вѣка. Полъ мозаичный, колонны Греческаго мрамора, деревянный рѣзной и раскрашенный образъ (Pancone en bois), изображающій епископа св. Доната, съ двумя фигурами podestà Memmo и жены его—образъ 1310 года. Островъ

San-Cristoforo della pace, соединенный впослѣдствіи времени съ островомъ S. Michel—общее Венеціанское кладбище. Въ серединѣ нѣтъ надгробныхъ памятниковъ, а просто кресты надъ прахомъ простонародныхъ покойниковъ. Могилы отборныя въ крытыхъ галлереяхъ съ надписями по стѣнамъ и рѣдко гдѣ барельефами. Въ протестантскомъ отдѣленіи поразила меня надпись: „да будетъ воля твоя!“ Тутъ покоится бывшій нашъ генеральный консулъ въ Венеціи Фрейгангъ. Въ сторонѣ видишь островъ Бурано, который годится только развѣ для рифмы Мурано (славившійся нѣкогда кружевною промышленностью) и островъ S. Francesco in deserto, въ самомъ дѣлѣ пустыня послѣ разоренія бывшаго монастыря, но привлекаетъ онъ взоры нѣсколькими деревьями, на немъ возвышающимися.

1 Ноября. Греческая обѣдня. Нынѣ опять Русскія молитвы, хотя по газетамъ дѣла наши идутъ не хорошо. Если имъ вѣрить, то мы до того финтимъ, или рыцарствуемъ, что даемъ бить себя Туркамъ. Надняхъ я занесъ ногу въ безсмертіе: я далъ въ Св. Марковскую библіотеку собранные въ одномъ переплетѣ: *Масляницу*, *Пѣснь Русскаго Ратника*, *8 января* и *Венецію* и *Живописное обозрѣніе* Плюшара съ описаніемъ Венеціи и статью Давыдова о Гоголѣ.

3. Надняхъ графиня Эстергази показывала мнѣ свои автографы: письмо Екатерины II къ мужу ея, когда онъ былъ еще ребенкомъ (она дала мнѣ копію съ этого письма), письма императора Павла къ ея beau père, письма къ нему Людовика XVI-го, Маріи Антуанеты, великой княгини Александры Іосифовны къ ней. Вчера былъ вечеромъ у Стюрмеръ. La biondina in gondoletta славилась долголѣтними своими любовными похожденіями, а подъ старость была лысая и безобразная старуха съ претензіями. Оригинально и забавно выражалась на Венеціанскомъ діалектѣ. Сегодня былъ я въ Zecca, готовится новая монета флоринъ, т. е. 3 цванзигера. Всего около 20 работниковъ, довольно все неопрятно и болѣе походитъ на кузницу, чѣмъ на монетный дворъ.

4. Княгиня Изабелла Гагарина разсказывала чудеса о вертящихся, говорящихъ и пишущихъ столахъ дочери ея. Николай

Мухановъ спрашивалъ столъ о выигрышномъ № рулетки, о днѣ и часѣ, когда имъ играть, и согласно съ полученными указаніями выигралъ въ Гомбургѣ нѣсколько тысячъ франковъ. Она же сказывала, что Софья Киселева, по совѣту пророческаго стола совершенно обратилась на истинный путь: перестала играть, оплакиваетъ прежнюю жизнь, каждый день бываетъ у обѣдни, часто у исповѣди и причастія. Не знаешь, чему тутъ вѣрить и чему нѣтъ.

5. Въ манифестѣ 20 Октября не желалъ бы я видѣть слѣдующихъ словъ: „Тщетно даже главныя Европейскія державы (слѣдовательно, подразумѣвается здѣсь и Англія и Франція) старались своими увѣщеваніями поколебать закоснѣлое упорство Турецкаго правительства. На миролюбивыя усилія Европы, на наше долготерпѣніе, оно отвѣтствовало объявленіемъ войны и прокламаціею, исполненною извѣтовъ противъ Россіи". Къ чему это лицемѣріе словъ? Не одни журналы, но и министры Англіи и Франціи гласно и явно обвиняютъ въ упорствѣ не султана, а Царя. Кому неизвѣстно, что Франція и Англія подбивали и подбиваютъ Турцію намъ не уступать, восхищаются съ умиленіемъ ея великодушіемъ, самоотверженіемъ и повторяютъ за Турціею, или, правильнѣе, Турція повторяетъ за ними всѣ *извѣты*, на кои жалуется манифестъ. Всѣ дѣйствія, особенно Франціи, не только недоброжелательны для насъ, но оскорбительны. Нѣтъ тутъ достоинства хвалиться содѣйствіемъ людей, которые явно строятъ намъ преграды и козни. Въ отношеніи къ Европѣ это малодушно, въ отношеніи къ Россіи безполезно. Къ чему ее обманывать, да къ тому же и не обманешь. Напротивъ, если объявить бы чистую правду и вывесть на чистую воду дѣйствія Франціи и Англіи, то еще вѣрнѣе можно бы возбудить въ Русскомъ народѣ рвеніе защитить оружіемъ свою оскорбленную честь. Мы должны быть сильны правдою. И правительство наше, когда обращается къ орудію слова, обязано говорить правду: не то молчать. Другія правительства, связанныя многими путами, могутъ и должны лукавить и лгать. Болѣе или менѣе конституціонныя державы, имѣя многосложныя и частью лживыя, или фиктивныя начала, осуждены на вѣчную *репрезентацію*, то есть, попросту,

комедію. La charte peut ne pas être une vérité, ou plutôt ne peut être une vérité, *истина*. Не люблю я также этой необходимой библейской заплаты, которою клеймятъ у насъ всѣ манифесты. Хорошо разъ, да и будетъ....

7. Послѣдствія не замедлили оправдать мои замѣчанія: *Moniteur* опровергаетъ слова манифеста: «il n'est pas exact de dire, comme le fait le manifeste russe, que les principales puissances de l'Europe aient vainement cherché par leurs exhortations à ébranler l'aveugle obstination du gouvernement Ottoman. Les principales puissances de l'Europe, et particulièrement la France et l'Angleterre, ont au contraire reconnu, que si leur action conciliatrice n'était pas épuisée, l'arrangement à intervenir ne devait plus être conclu à des conditions, dont le cabinet de Saint-Pétersbourg s'était chargé lui même de démontrer le danger» (Циркуляръ Нессельроде о Вѣнской нотѣ). Такимъ образомъ Наполеонъ говоритъ, что Императоръ Николай лжетъ. *Moniteur* не простой журналъ, а оффиціальный органъ Французскаго правительства. Опровергается здѣсь не нота, не депеша Нессельроде, а манифестъ, то есть собственныя слова Государя. Тутъ нѣтъ обиняковъ, двусмысленности, а просто отвѣтъ одного Царя другому Царю: неправда! И послѣ того Киселевъ остается въ Парижѣ и еще, можетъ быть, поѣдетъ охотиться въ Фонтенебло. До чего мы дожили? Я всегда былъ того мнѣнія, что грамата намъ не далась. На письмѣ мы всегда будемъ въ дуракахъ. Не даромъ *Moniteur* надъ нами смѣется, говоря, que nous nous sommes chargés nous mêmes d'éveiller l'attention de l'Europe sur le danger qu'il y avait pour la Turquie à accepter l'arrangement proposé à Vienne. Между тѣмъ и дѣйствія наши что-то не лучше нашей логики и нашей реторики. Мы дѣйствуемъ слабо. Неужели мы подняли всю эту передрягу и сунулись впередъ такъ опрометчиво, не увѣрившись заранѣе, что при первомъ движеніи Турокъ, мы не только устоимъ, но еще и сокрушимъ ихъ совершенно. По всему оказывается, что подготовленныя силы наши недостаточны.

9. На дняхъ съ балкона Дукальнаго дворца смотрѣлъ я на

извощичью биржу внизу, т.-е. на tragetto или, пожалуй, рядъ черныхъ гондолъ, точно галоши въ сѣняхъ какого-нибудь бюргеръ-клуба. Иностранные журналы, Англійскіе и Французскіе, продолжаютъ критиковать манифестъ въ моемъ смыслѣ, т.-е. въ здравомъ смыслѣ; ибо неосновательность и неловкость извѣстной фразы каждому кидается въ глаза. Талейранъ, не знаю въ какомъ случаѣ, говорилъ въ отвѣтъ товарищамъ своимъ, которые полагали, что нужно обстоятельно разсмотрѣть и обсудить дѣло, подлежащее ихъ разсмотрѣнію: commençons par frapper et nous examinerons plus tard. Этому правилу должны мы слѣдовать, особенно въ сношеніяхъ нашихъ съ Турками. Допустивъ переговоры, Европейское посредничество, третейскій судъ, по истинѣ Шемякинъ судъ, чего мы достигли? Попасть подъ опеку Европы наравнѣ съ Турціею. Европа смотритъ на нашу ссору, какъ на ссору дѣтей, которыхъ нужно развесть и унять. Это положеніе для Россіи неприлично и унизительно. Призваніе Россіи оставаться въ сторонѣ или рѣшать Европейскія тяжбы, когда дѣло дойдетъ до ея участія. Изъ судьи сдѣлалась она нынѣ подсудимою. По письму Убри видно, что Турки ретировались на правый берегъ Дуная, не дождавшись сраженія. Жаль. Вопросъ такимъ ,образомъ остается нерѣшенный и въ прежнемъ положеніи. Надобно было прогнать Турокъ киселями и штыками въ задницу. Теперь Французы и Англичане скажутъ, что Омеръ-паша ретировался по ихъ убѣжденію, чтобы унять кровопролитіе и дать средство завязать новые мирные переговоры.

Сегодня festa per la Madonna della Salute, въ память избавленія Венеціи отъ чумы 1631 г. На каналѣ построены два моста на баркахъ, одинъ, чтобы пройти ко храму, другой для обратнаго пути. Ходъ духовенства, городскихъ властей. Весь городъ на ногахъ. Разумѣется, все это торжество нынѣ бѣдная тѣнь того, что бывало во время оно. Въ книгѣ г-жи Renier-Michiel, Origine delle Feste Veneziane описаніе того празднества. Княгиня Клари-Фикельмонтъ пріѣхала въ Венецію. Le docteur Véron, въ своихъ Mémoires d'un bourgeois de Paris, говоритъ о Нѣмецкихъ врачахъ, qu'ils ne sont que *polypharmaque* (то-есть многорецептники). Хороши же и Французскіе доктора. У нихъ

всегда два, три лекарства въ ходу, en vogue и à la mode, и безъ разбора примѣняютъ они ихъ всѣмъ болѣзнямъ, всѣмъ больнымъ, всѣмъ темпераментамъ и всѣмъ возрастамъ. Теперь ядъ въ чести. Онъ же говоритъ: voici les dernières paroles, que prononça le prince Tufiakin à son lit de mort: „Plumkett danse-t-elle ce soir?“ Это лебединое слово вельможи XVIII-го вѣка. Предпочитаю ему предсмертное слово В. Л. Пушкина: „Какъ скученъ Катенинъ“. Веронъ спрашивалъ однажды Тюфякина, какимъ образомъ остается онъ всегда молодымъ: „mon Dieu, me dit-il, je n'ai jamais changé ni de régime, ni de conduite!“ Malitourne говорилъ во время реставраціи: Je serai tranquille sur le sort de nos princes légitimes, lorsqu'ils croiront être rentrés chez nous, et nous chez eux“. Онъ же о Шатобріанѣ: „C'est le républicain le plus dévoué à la monarchie“, то-есть ни на что не годный, ни на республику, ни на монархію. Когда Веронъ просилъ его припомнить quelques uns de ces traits qu'il jette si souvent au milieu de familières causeries: „il en est, отвѣчалъ онъ, de mon esprit comme de mon argent: je n'ai jamais pu prendre sur moi d'écrire ma dépense“. C'est un homme de mérite, говорилъ Soumet о своемъ зятѣ, очень ученомъ и мало говорливомъ: „il se tait en sept langues“. Веронъ говоритъ: „il faut dépenser son dîner“, а не садиться тотчасъ послѣ лакомаго обѣда за карточный столъ, или въ ложу душной театральной залы. Дружеская, живая бесѣда лучшее вспомогательное средство для хорошаго пищеваренія. Въ этихъ Mémoires приводятся письма Бальзака, Жоржъ Сандъ, Дюма, Евгенія Сю. Нѣтъ въ нихъ ничего литературнаго, а одно цеховое ремесло, поденщина, или нахальная спѣсь баричей, которые вчера еще были холопами. Дюма, Жоржъ-Сандъ доносятъ подрядчику о работѣ своей, какъ столяры, которымъ сдѣланы заказы къ такому-то дню. Сю говоритъ о собакахъ своихъ, теплицахъ. Бальзакъ о дорогихъ покупкахъ своихъ въ Дрезденѣ. Вообще первый томъ этихъ Mémoires не очень любопытенъ: отъ Верона нельзя было ожидать ничего возвышеннаго и назидательнаго, по крайней мѣрѣ, много остроумной болтовни, сканда-лезныхъ нескромностей, — и того нѣтъ. Онъ напоминаетъ мнѣ

иногда Сергѣя Глинку сбивчивостью своихъ разсказовъ—кидаетъ его изъ одной стороны, изъ одной эпохи въ другую.

Вчера отправилъ я свою оффиціальную переписку: Броку, Мейендорфу, Бибикову. 10-го ѣздилъ я съ Египетскимъ Фокъ въ Тревизу по желѣзной дорогѣ. Скажу, какъ дожъ, что болѣе всего въ Тревизѣ удивило меня видѣть себя въ колескѣ, запряженной парою лашадей. Послѣ *плавной* и рыбной жизни Венеціанской странно очутиться посреди колесной и четвероногой жизни даже и малаго городка, но на твердой землѣ. Древній соборъ Св. Петра (duomo), церковь Св. Николая и здѣсь и тамъ картины Тиціана, Порденона. Въ одной изъ нихъ вырѣзана была голова, неизвѣстно кѣмъ и какъ, но подозрѣваютъ въ томъ Англичанина туриста. Театръ, библіотека. Ѣздили въ виллу Mantrini, нынѣ не помню чью; садъ. Возвратились къ обѣду.

12. Вечеръ у Стюрмеръ. Первый въ Венеціи. Разыгрывали въ лотереѣ акварель бѣднаго Нѣмецкаго художника. Выиграла графиня Адлербергъ. Принцесса Клари бѣлоплечная съ успѣхомъ поддерживаетъ плечистую славу бабушки своей Елизы Хитровой. Красива и мила. На дняхъ была у насъ графиня Пизани съ мужемъ. Красавица черноглазая и бѣлозубая. Много живости, веселости и простодушія. Она говорила мнѣ, что отецъ ея, когда она нездорова, никакого лекарства ей не прописываетъ. „Да вы лечите же другихъ", замѣчаетъ она. „Другихъ поневолѣ, отвѣчаетъ онъ, потому что я докторъ, но дочь свою обманывать не хочу".

Chancellerie de l'ambassade de France près la Porte Ottomane. Avis. Le samedi 12 Novembre 1853, à onze heures du matin, il sera procédé, dans la chancellerie de l'ambassade de France, à Constantinople à l'adjudication de la fourniture des vivres à livrer aux bâtiments de guerre français depuis Constantinople jusqu'à *Odessa* etc. (J. de Débats 19 Nov.). Кажется ясно. Слѣдовательно Французы допускаютъ возможность, что флотъ ихъ будетъ въ Одесской гавани. А мы все еще великодушничаемъ и любезничаемъ съ Франціею. Никогда дипломація не доходила до такого евангельскаго сми-

ренія. Генералу Гюіону Наполеонъ приказываетъ отказаться отъ приглашенія въ Варшаву, а нашъ Киселевъ отправляется охотиться въ Фонтенебло. Вотъ охота! На мѣстѣ Киселева я ни за что не поѣхалъ бы. Хоть въ отставку, а не поѣхалъ бы. Киселевъ умный малой и Русскій чувствомъ, не сомнѣваюсь, но, по несчастію, онъ прежде и выше всего парижанинъ. Для него внѣ Парижа нѣсть спасенія. Въ обстоятельствахъ, подобныхъ нынѣшнимъ, представители Россіи предъ Европою должны бы быть другаго роста и другаго покроя. Грустно встрѣчать въ военныхъ бюллетеняхъ названіе Туртукай. Поневолѣ вспомнишь Суворова. Но Горчаковъ не поэтъ и не дождешься отъ него стиховъ: „Слава Богу! слава Вамъ“ и проч. Видно, что у насъ всѣ надѣются на голодъ Франціи, на соперничество, на враждолюбіе Англичанъ и Французовъ. Все это можетъ быть, но вражда противъ Россіи сильнѣе всего, по крайней мѣрѣ на настоящій часъ. Когда пришлось бы дѣлиться барышами, то старый антагонизмъ явится на лицо. Но теперь идетъ дѣло о обезсиленіи общаго врага и братья-разбойники дѣйствуютъ заодно. Голодъ тоже не помѣха. Напротивъ: войска пойдутъ ѣсть чужой хлѣбъ. Дорогою часто приходило мнѣ желаніе распросить Фока о томъ, что онъ обо мнѣ знаетъ. Онъ вѣрно знаетъ многое, чего я самъ о себѣ не знаю. Онъ четыре года былъ при Бенкендорфѣ и именно, кажется, во время Турецкой кампаніи, когда сдѣланъ былъ доносъ на меня и князь Дмитрій Голицынъ такъ честно и благородно отстаивалъ меня, а добрый Жуковскій шелъ за меня на приступъ въ Зимнемъ дворцѣ. Дрезденъ также мирный городъ и спокойная опочивальня, но тамъ засыпаешь нѣсколько тяжелымъ, пивнымъ сномъ: здѣсь въ Венеціи сонъ или сновидѣніе, которымъ очарованы были Олимпійскіе боги послѣ нектарной попойки. На днихъ былъ я на вечерѣ у доктора *Паміаса*. Венеціанская стихотворица *Вордони* читала два стихотворенія: Кометы и Видѣніе Сафы. Сдается мнѣ, что наша Бунина должна походить на нее. Все, что другимъ могло бы казаться преувеличеннымъ, театральнымъ, Итальянцамъ сходитъ съ рукъ. Вордони, читая стихи свои на диванѣ предъ пятью или шестью слушателями, вопила, трепе-

тала, какъ Пиѳія на треножникѣ, и замѣтно было, что слушатели находили это совершенно приличнымъ.

15. Dumas пишетъ Верону, редактору *Конституціонеля*: «voici comment les gens, qui ont du talent travaillent. Je vous envoie 120 pages de papier blanc, vous le ferez timbrer par votre garçon de bureau, dans un coin, celui opposé aux numéros. Vous me les renverrez jeudi matin par le premier convoi. Vous trouverez votre volume commencé en venant dîner chez moi, jeudi 14, et je vous le reporterai fini en allant dîner chez vous, jeudi 21.

Въ *Mémoires* de Bilboquet, родъ пародіи записокъ Верона, довольно забавно цыганятъ этотъ способъ литературной поставки: Vous me direz, говоритъ Бильбокету писатель, который пишетъ avec l'obélisque de Louqsor et qui a la Méditerranée pour écritoire, — que ce genre de littérature-là doit me fatiguer beaucoup? Du tout, mon cher, c'est excessivement facile. Vous prenez 7 ou 8 millions de rames de papier; je dine chez vous aujourd'hui, vous dinez chez moi demain, je redine chez vous après demain, et au moment du pousse-café, je vous remets un roman, qui pourrait, à la rigueur, tenir dans les bâtiments de la Bibliothèque Royale... quand on aura déménagé les livres. Въ старину и Морковъ при настоящемъ Наполеонѣ бывалъ у него въ обстоятельствахъ, не весьма благопріятныхъ и лестныхъ для Русскаго, но, по крайней мѣрѣ, ѣдкій и желчный Морковъ самъ зубы вострилъ на зубастаго хозяина. Едва-ли ожидать можно отъ Киселева того же въ Фонтенебло у поддѣльнаго Наполеона. Забавно читать въ газетахъ, что есть надежда, что зимою, когда невольно послѣдуетъ перемиріе между двумя враждебными арміями, дипломація опять примется за переговоры для удовлетворительнаго разрѣшенія Восточнаго вопроса. Это напоминаетъ квартетъ Крылова: „Пересядемъ теперь такъ, возьмемся съ этого конца...“ Нѣсколько мѣсяцевъ дипломація путала и запутывала и ни до какого конца дойти не умѣла. Кажется можно было бы образумиться. Нѣтъ, хотятъ приняться за тоже пустословіе и безтолковщину.

Въ *J. de Débats*, въ статьѣ о нашихъ прежнихъ войнахъ въ Турціи, авторъ, впрочемъ, довольно благосклонный къ Ка-

менскому (Saint-Ange), говоритъ, что подъ Рущукомъ: en vain le général en chef les (les soldats) faisait-il retourner l'assaut à grands coups de knout, rien ne put ranimer leur premier élan". Какъ можетъ J. de Débats, выдающій себя за журналъ благовоспитанных людей, допускать въ своей редакціи подобныя нелѣпости нахальства.

16. Были старовѣры: нынѣ явились *столовѣры*. „Ce qui contribue encore à rendre difficile à comprendre, c'est pour moi cette inaction des Russes plus militaires assez considérables. Pourquoi les avoir dus? Pourquoi ne les a-t-on pas défendonner sans combat». formés; si l'on était décidé à les aban- On a de la peine à s'expliquer pourquoi le général Dannenberg s'est retiré (Gazette de Cologne). Военный приказъ Горчакова даетъ на это худое объясненіе: le général Dannenberg ayant atteint le but qu'il s'était proposé jugea à propos de ne pas poursuivre ses avantages, боясь потери людей. По несчастію, побѣды иначе не покупаются, какъ цѣною людей. Цѣль наша не та, чтобы препятствовать Туркамъ занять такое-то или другое положеніе, а разбить Турокъ сокрушительнымъ ударомъ и на спинѣ ихъ за одинъ разъ поколотить друзей ихъ, Англичанъ и Французовъ. Мы растратили много времени въ пустыхъ негоціаціяхъ. Теперь тратимъ его въ слабыхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Сказываютъ, что Кутузовъ, отправляясь въ армію, говорилъ Государю о Наполеонѣ: „побьетъ-то можетъ быть и побьетъ, но обмануть не обманетъ". Того и смотри, что теперь мы будемъ и побиты и обмануты. Если Венеція *лысая красавица*, то за то Венеціанки заросли тучными и дремучими волосами. Глаза и волоса отличительное ихъ украшеніе. А старухи съ своими сѣдыми и взъерошенными волосами — настоящія Макбетовскія вѣдьмы. Вообще встрѣчаешь здѣсь болѣе красивыхъ мужчинъ, нежели женщинъ. Фокъ разсказывалъ мнѣ, что онъ встрѣтился за-границею со старикомъ Хрептовичемъ, который разъѣзжалъ безъ камердинера, но съ картиною Корреджіо и віолончелемъ. Онъ же: „Солдатъ заглядѣлся на улицѣ на попугая, который сидѣлъ на балконѣ. Попугай закричалъ: дуракъ. Солдатъ торопливо снялъ

фуражку, вытянулся и сказалъ: извините, ваше благородіе, я думалъ, что вы птица".

Нынѣшній Египетскій паша большой проказникъ и тысячеодиночникъ въ своихъ забавахъ. Большую бѣломраморную залу дворца своего освѣщаетъ онъ вечеромъ множествомъ огней и впускаетъ въ нее стаю голубей съ бриллiантовыми ожерельями на шеѣ и тѣшится свѣтозарнымъ ихъ полетомъ.

17. На дняхъ былъ у меня восточный Залеманъ. Ничего особенно новаго о Цареградскихъ дѣлахъ и миссіи Меншикова не сказалъ, но подтвердилъ и частью объяснилъ уже извѣстныя подробности. Главная бѣда, что мы скоры и круты въ приступѣ къ дѣлу, а медленны, слишкомъ опасливы въ исполненіи. Это тѣмъ объясняется, что хочетъ и рѣшитъ всемогущая воля, а приведеніе въ дѣйствіе зависитъ отъ внѣшнихъ орудій, повидимому всепокорныхъ, но, не менѣе того, повинующихся иногда не охотно и съ тайною оговоркою. Нѣтъ сомнѣнія, что графъ Нессельроде честный человѣкъ и государственный человѣкъ, съ отличными способностями; но не подлежитъ также сомнѣнію и то, что возбужденіе Восточнаго вопроса, и вся обстановка этого дѣла и способъ, которымъ вели его, совершенно противорѣчатъ его понятіямъ, правиламъ и убѣжденіямъ. Какъ же ожидать успѣха отъ руководства его, какъ же ожидать хорошихъ вдохновеній въ дѣлѣ, которое не можетъ имѣть хорошаго окончанія. Второстепенныя орудія, подчиненныя ему, также въ фальшивомъ положеніи. И потому нѣтъ единства въ волѣ головы и въ исполненіи рукъ. Это явленіе натуральное: la force et la logique des choses le veulent ainsi.

Въ Mémoires de Bilboquet есть еще пародія упомянутаго письма Dumas къ Верону: „Mon cher Bilboquet, voici comment les gens qui ont du poignet font de la besogne: J'en lève un poids de cent kilos de la main gauche, un autre poids de cent kilos de la main droite, je saisis avec mes dents un troisième poids de cent kilos, et dans cette position, je dicte à mon secrétaire une nouvelle sentimentale qui pèse 300 kilos. Annoncez la chose dans le *monimentales* et n'oubliez pas de dire, que je suis prêt à *tomber* le pre-

mier croquant de lettres qui voudra entrer en lice avec moi. Alexandre Arpin, alcide du roman".

Вотъ, что тутъ же говоритъ Elva, бывшая madame Bobinet, пародія Жоржа-Санда: „règle générale, quand on sent qu'on est une femme de style et qu'on veut se lancer dans les lettres, la première chose à faire, c'est de planter là son mari. C'est le premier conseil que vous donne la muse". Это все пародіи, но въ подлинникѣ Французская литература еще нахальнѣе и безобразнѣе. Французы давно утратили чувство политическаго достоинства: оно истерлось и сокрушилось въ безпрерывномъ треніи шестидесятилѣтнихъ революцій. Чувство литературнаго достоинства и приличія еще болѣе исказилось и опозорилось. Что остается Французамъ, чтобы имѣть еще голосъ въ *Европейскомъ капитулѣ* (Voix au chapitre). Сила преданій и суевѣріе другихъ въ эту силу. Разумѣется, Французы еще подерутся за себя, но противъ большинства храбрость ихъ устоять не можетъ, а въ 1814 году мы видѣли, какъ они сговорчивы, когда ихъ разъ побьютъ.

Капкринъ говаривалъ, что дипломаты должны быть по необходимости болѣе или менѣе пустыми людьми, по привычкѣ и по обязанности придавать часто важность пустякамъ. Никогда дипломація, какъ въ нынѣшнихъ событіяхъ, не оказывала во всей силѣ своей ничтожности. Да и какъ было ей успѣть? Она хотѣла невозможнаго. Желаніе Европы и выгода ея, какъ она ее нынѣ понимаетъ: ссорить Турцію съ Россіею, ибо въ ладахъ ихъ видитъ она для себя опасность, — а боязнь Европейской войны, въ случаѣ разрыва ихъ, ставитъ ей въ обязанность поддерживать миръ между ними. Нельзя же достигать этимъ двухъ цѣлей противоположныхъ въ одно время. Англія и Франція, а частью и Австрія, готовы допустить лады между Россіею и Турцію, но, съ тѣмъ, чтобы эти лады не приносили никакой пользы Россіи, а только имъ. Вотъ тутъ и весь Восточный вопросъ.

Напрасно нѣкоторые угрюмые и желчные умы утверждаютъ, что успѣхъ въ свѣтѣ есть достояніе глупцовъ и злыхъ. Нѣтъ, глупцы и злые не всегда торжествуютъ. Баловень успѣховъ въ свѣтѣ есть человѣкъ дрянь. Это особенный типъ: онъ и не уменъ и не глупъ, не добръ и не золъ: все не то, а онъ просто и

выше всего *дрянь*. Между прочими качествами, которыя утверждаютъ за нимъ успѣхъ, удачу, есть то, что каждому съ нимъ ловко. Природа его сгибается на всѣ стороны, онъ подается на всѣ руки. Глупецъ можетъ, наконецъ, надоѣсть, или втянуть въ бѣду товарища, или хозяина своего. Злой человѣкъ всегда отвратителенъ и можетъ при удобномъ случаѣ обмануть васъ и противъ васъ обратиться. Человѣкъ-дрянь не пугаетъ ни злостью, ни глупостью. Чтобы ясно и вполнѣ выразить мнѣ мысль мою, нужно было-бы собственное имя. Оно у меня на языкѣ и подъ перомъ: но, избѣгаю личности. Пускай каждый дастъ себѣ трудъ отыскать объясненіе въ спискѣ своихъ пріятелей.

19. Когда встрѣчаю людей, которые, затвердивъ старыя политическія аксіомы, надѣются въ нынѣшнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ на вѣковѣчную вражду Англіи и Франціи, вижу въ нихъ человѣка, который ожидалъ бы спасенія своего отъ того, что съ двухъ сторонъ двѣ шайки разбойниковъ напали на него. *Le conflit des voleurs* очень хорошъ въ баснѣ Лафонтена, но, въ дѣйствительности это плохая подмога. Только и выгода ему въ томъ, что ограбятъ и поколотятъ его посильнѣе. Единомысліе въ добромъ дѣлѣ—явленіе рѣдкое. Но, чтобы напасть на третьяго, каждый готовъ дѣйствовать съ противникомъ руку въ руку и душа въ душу.

20. Графиня Эстергази показывала мнѣ вчера серебряный карандашъ, принадлежавшій Екатеринѣ II. Она употребляла его, когда была еще Великою Княгинею и лежалъ онъ всегда на ея чернильницѣ. Подарила она его маленькому Эстергази, который имѣлъ большую наклонность къ рисованію. Вотъ любопытно было бы магнетическимъ способомъ (нынѣ въ употребленіи) заставить этотъ *карандашъ* написать свою исповѣдь и развѣдать отъ него все, что случилось ему написать.

Темпоризація въ исполнительной власти можетъ быть очень полезна и спасительна, когда она во время успѣваетъ затормозить стремленіе безотвѣтственной воли. Но, когда эта воля уже приступила къ дѣлу и высказала во всеуслышаніе, чего она хочетъ, исполнительная темпоризація только что нарушаетъ достоинство верховной власти и компрометируетъ ее. Тутъ тоже

выходитъ: traduttore traditore. Исполнители-переводчики съ умысломъ ослабляютъ, измѣняютъ положительный смыслъ подлинника. Наша дипломація обыкновенно невѣрный переводъ высочайшаго текста. Онъ кажется ей слишкомъ рѣзокъ и она — добросовѣстно, вѣрю, но часто неловко — старается смягчить выраженіе. Представьте себѣ, напримѣръ, каковъ можетъ быть переводъ Брунова, это—текстъ Тацита въ переводѣ Шаликова. Какой-нибудь Ермоловъ, вотъ настоящій въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ переводчикъ Русскаго Царя на Англійскій языкъ, или Французскій. Газеты разсказываютъ, что Наполеонъ былъ очень внимателенъ къ Киселеву въ Фонтенебло. Еще бы нѣтъ! Довольно и того униженія, что Киселевъ былъ въ Фонтенебло. Лежачаго не бьютъ.

21. Вчера минуло два года Парижской передрягѣ и бивакамъ подъ окнами на Елисейскихъ поляхъ. Вечеромъ былъ у Стюрмеръ. Лакуръ, въ проѣздъ свой чрезъ Венецію, говорилъ, что Каннингъ заварилъ всю кашу, убѣдивъ Порту не согласиться на Вѣнскую ноту. А теперь онъ и старается угомонить Турокъ и сдѣлать ихъ сговорчивыми, но они его не слушаютъ и возражаютъ ему, что онъ же вовлекъ ихъ въ войну, что всѣ усилія, всѣ издержки ими сдѣланы, и уступить то, что отвергали они прежде, теперь уже не время. И вотъ что называется независимостью и самобытностью Турціи, о которыхъ такъ хлопочутъ. Никогда Турція не дѣйствуетъ отъ себя, а всѣ ея дѣйствія направляются то въ ту, то въ другую сторону, тѣмъ и другимъ. Турція на то только и существуетъ, чтобы періодически ссорить Европу между собою. Вечеромъ въ Apollo опера Parisina, которую въ 1835 году слушалъ я въ Римѣ съ такимъ удовольствіемъ. Память моя затвердила:

È deliro l'amor mio...
Non ha speme, non desio,
È una face che consuma
D'un sepolcro nell'orror.

Пѣвица Унгеръ выражала эти слова съ удивительною страстью. Нынѣшнее представленіе не отвѣчало Римскимъ воспоминаніямъ. Пѣвица Софія Перуцци, которая не дурна была

въ Сафо, совершенно убила роль Паризины. Она мнѣ такъ не понравилась, что отбила у меня желаніе развѣдать: не дочь-ли она нашихъ Московскихъ Перуцци.

22. Обѣдня. Прогулка въ giardini publici — воспоминаніе осенних прогулокъ на Петербургскихъ островахъ; шорохъ поблекшихъ листьевъ подъ ногами. Обѣдъ у Свистуновой, съ Клейстомъ. Вечеръ у Кассини. Говорили о потомкахъ нѣкоторыхъ дожей и знаменитыхъ Венеціанскихъ фамилій. Дѣвицы Фоскари получали до кончины отъ Австрійскаго правительства по нѣскольку цванцигеровъ въ мѣсяцъ на пропитаніе, и брали по цванцигеру на водку отъ путешественниковъ, показывая имъ дворецъ своихъ предковъ. Другой потомокъ какого-то дожа и теперь торгуетъ зажигательными спичками на Piazza. Впрочемъ, многія богатыя фамиліи раздаютъ ежегодно богатыя милостыни. *Тревесъ*, еврейскій банкиръ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выигралъ въ лоттереѣ 200,000 цванцигеровъ, и всѣ ихъ роздалъ по неимущимъ своимъ единовѣрцамъ и христіанамъ. Венеціане вообще худые хозяева и немногіе и изъ богатѣйшихъ не кончаютъ разореніемъ. Милліонщикъ Маруцци, братъ генеральши Сумароковой, имѣлъ богатыя помѣстья, рыбныя ловли, за которыя случалось ему иногда приплачивать ежегодно значительныя суммы, вслѣдствіе безпечнаго управленія. Этотъ Маруцци былъ краснобаемъ Флоріанскаго кафе, гдѣ проводилъ всѣ ночи, окруженный многолюдными слушателями. И теперь встрѣчаются въ кофейныхъ домахъ говоруны, но, по общимъ отзывамъ, далеко не стоющіе Маруцци. Въ Россіи переводятся эти типы. Послѣдній изъ нихъ былъ сенаторъ Павелъ Никитичъ Каверинъ. Встрѣчаешь болтуновъ, но говоруновъ ужъ нѣтъ. Ничего нѣтъ глупѣе этого разрыва въ обществѣ между Венеціанцами и Австрійцами. До послѣдней революціи его не было. Около 60 лѣтъ, съ паденія республики, были они всегда подъ чужимъ владѣніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ подурачились, бѣсновались — и очутились послѣ въ первобытномъ положеніи. Не совсѣмъ пріятно, согласенъ. Но, какъ не дуйся, а покориться необходимости должно.

Хорошо наше положеніе. Если мы будемъ биты Турками, то Французы и Англичане будутъ смотрѣть на это со стороны

и съ особеннымъ удовольствіемъ, не трогаясь съ мѣста, пока Турки останутся побѣдителями. Начнемъ ли мы Турокъ бить, Англичане и Французы скажутъ, что это никуда не годится, и что если мы не уймемся, они пойдутъ выручать Турокъ.

24. Екатерининъ день. Хоть бы въ этотъ день поколотили Турокъ по Екатерининскимъ и по Суворовскимъ. Но бѣдная Екатерина не въ чести въ наше время. Вотъ уже и ноябрь уплываетъ, а мы все еще не можемъ оторваться отъ обольстительной адріатической русалки. Впрочемъ, сегодня, принимаюсь укладываться.

25. И другая моя догадка сбылась: отступленіе Омеръ-паши за Дунай начали приписывать наступательнымъ требованіямъ пословъ Французскаго и Англійскаго.

А. Я. БУЛГАКОВУ.

Карлсруэ, 29 декабря 1853 г.

Послѣ многихъ странствованій по сушѣ и морямъ, по озерамъ и по горамъ, и, въ особенности, по снѣгамъ, которымъ и вы могли бы завидовать, вотъ, наконецъ, мы дома, то-есть въ Carlsruhe, или въ Paulsruhe, у сына въ гостяхъ. Съ самаго Милана провожала насъ зима со снѣгомъ, морозами и мятелью. Тамъ познакомился я съ живописнымъ и поэтическимъ Комскимъ озеромъ. О переходѣ чрезъ Сплюгенъ и говорить нечего. Впрочемъ, день былъ тихій и мы благополучно совершили свое вознесеніе и сошествіе въ маленькихъ санкахъ гуськомъ, и могли еще любоваться этою дикою и величественною природою. Въ Мюнхенѣ промерзли мы около двухъ недѣль и согрѣвались только у нашего пріятеля Сѣверина, который отопляетъ свои комнаты, какъ подобаетъ полномочному министру Россійскаго Двора. Экъ-король Баварскій такъ обстроилъ свою столицу Греческими зданіями, что добрые Баварцы думаютъ, что они въ самомъ дѣлѣ согрѣваются аттическимъ солнцемъ и не оберегаютъ себя отъ стужи, которая при насъ доходила до 17 и 19 градусовъ мороза. Въ Стутгартѣ провелъ я сутки у Горчакова, слушалъ тамъ съ особеннымъ удовольствіемъ давно неслыханную мною Русскую обѣдню; много говорилъ о Москвѣ, о тебѣ, о прекрасной Ольгѣ

съ Любовью Голицыною, и познакомился съ нашимъ священникомъ, который напутствовалъ Жуковскаго въ послѣдній путь, и такъ хорошо описалъ предсмертные дни его. Вотъ тебѣ короткій, но вѣрный отчетъ въ моихъ дѣяніяхъ и движеніяхъ съ отъѣзда моего изъ Венеціи и послѣ моего письма тебѣ отъ 25 ноября. Да, забылъ я сказать, что въ Веронѣ познакомился я съ Радецкимъ, который на 85 году кажется такъ изумительно бодръ, свѣжъ и живъ. Онъ принялъ меня очень радушно и, кажется, отъ чистой души желаетъ намъ успѣховъ въ нашемъ новомъ 1812 годѣ. Здѣсь надѣялся найти письмо отъ тебя, но надежда не сбылась. Боюсь, не затерялось-ли оно гдѣ нибудь, бѣгая за мною по разнымъ царствамъ и мытарствамъ. О здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ еще ничего сказать не могу: не успѣлъ оглядѣться. Да мнѣ же нужно немного привыкти къ мѣсту, чтобы полюбить его. Конечно, послѣ Венеціи, Карлсруэ нѣсколько сухая матерія. Но за то есть семейная жизнь: дѣтки Павла очень милы и мнѣ нужны дѣти, чтобы раскрасить и оживить грунтъ житейской картины. Впрочемъ, городъ мнѣ нравится, хотя и смотритъ опахаломъ. Улицы широкія, и всѣ ведутъ къ городскимъ воротамъ, во всѣ направленія, и къ загороднымъ прогулкамъ, а мнѣ, отчаянному пѣшеходцу, то и любо, и надобно. Большихъ развлеченій нѣтъ, но съ меня довольно. Я представлялся герцогской фамиліи. Они всѣ очень привѣтливы и простаго обхожденія. Регентъ, кажется, уменъ и дѣятельно занимается управленіемъ своей вотчины. По мнѣнію нѣкоторыхъ, даже слишкомъ дѣятельно, мало времени оставляя себѣ для отдыха и развлеченій, нужныхъ въ его молодыя лѣта. Его мать герцогиня Софія, очень мила. Въ кабинетѣ ея портреты Александра и Елисаветы. Она указала мнѣ на одну даму, которая была при Императрицѣ еще до ея Императорства и живой архивъ воспоминаній. Хочу ее эксплоатировать. Зима начинаетъ сходить, и снѣжные валы, которые баррикадами возвышались вдоль улицъ, мало-по-малу таютъ. Воздухъ имѣетъ въ себѣ что-то весеннее, наше апрѣльское. Но, впрочемъ, увѣряютъ, что мы съ зимою еще не окончательно раздѣлались. Русскихъ здѣсь, кромѣ насъ, Озерова и словаря Рейфа нѣтъ. Кстати о немъ.

Онъ сказывалъ мнѣ, что изъ Турціи требуютъ отъ него много Русскихъ словарей и грамматикъ. Турки, вѣроятно, надѣются, что съ тобою, земляком своимъ, будутъ говорить по-русски, когда овладѣютъ они Москвою. Хорошо, что старикъ Кутайсовъ умеръ, а то пришлось бы Закревскому выслать его изъ Москвы, какъ Растопчинъ выслалъ Кузнецкій мостъ. А вотъ и 54-й годъ стучитъ въ двери. Милости просимъ! Только принеси намъ побѣдоносный отвѣтъ на дерзкій циркуляръ мусье Drouyn de Lhuys. А пока желаю тебѣ и всѣмъ твоимъ добраго здравія и Божіей благодати.

КНЯЗЮ ДОЛГОРУКОВУ.

Карлсруэ, 31-го декабря 1853 г.

Позвольте мнѣ представить на благоусмотрѣніе и цензуру Вашего Сіятельства стихи, которые по вашей части. Осмѣливаюсь покорнѣйше просить васъ приказать напечатать ихъ въ *Инвалидѣ*, если будутъ они удостоены надлежащаго одобренія. Во всякомъ случаѣ, не откажите мнѣ въ отправленіи прилагаемыхъ у сего пакетовъ по принадлежности, какъ слабой, но искренней дани Русскаго сочувствія и Русской благодарности, приносимой двумъ воспѣтымъ мною героямъ. Простите мнѣ, что такъ нескромно и безсовѣстно докучаю вамъ моими просьбами посреди вашихъ великихъ заботъ и многочисленныхъ трудовъ.

Въ заключеніе, примите, ваше сіятельство, поздравленіе мое съ наступающимъ новымъ годомъ и желаніе, чтобы, на зло г-ну Drouyn de Lhuys съ братьями, этотъ годъ былъ годомъ новой славы для нашего Царя и для христолюбиваго и побѣдоноснаго его воинства, и порадовалъ насъ еще чѣмъ нибудь, въ родѣ du désastre du Sinope, какъ называютъ они побѣду нашу, подобно тому, какъ во время оно и вслѣдствіе той же фразеологіи, отцы ихъ прозвали свое пораженіе въ Россіи: le désastre de Moscou. Въ этомъ общемъ желаніи вмѣщается и частное и усердное желаніе мое лично вамъ, почтеннѣйшій князь, лучшей награды за всѣ ваши попеченія и труды.

П. С. НАХИМОВУ.

Позвольте незнакомому вамъ лицу, но, Русскому и, слѣдовательно, благодарною душою, вамъ и славѣ вашей сочувствующему, принести вашему превосходительству дань слабую и подвига вашего недостойную, но, по крайней мѣрѣ, искренно выражающую, какъ съумѣлось выразить чувства, коими порадовали и ободрили вы меня на чужой сторонѣ.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и въ душевной и неизмѣнной преданности.

Князь Петръ Вяземскій.

Карлсруэ,
31-го декабря 1853 г.

КНЯЗЮ В. О. БЕБУТОВУ.

Хорошо Русскимъ побѣдоноснымъ громамъ долетать изъ-за горъ Кавказскихъ до Рейна, и раздаваться по всему бѣлому свѣту, но, суетно и высокомѣрно откликаться имъ издалека слабыми стихами. Не смотря на то, не умѣю противиться желанію принести вашему сіятельству посильную дань Русскаго сочувствія и Русской благодарности, которую прошу принять благосклонно, вмѣстѣ съ увѣреніемъ въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и душевной преданности.

Князь Петръ Вяземскій.

Карлсруэ, 31-го декабря 1853 г.

ГРАФУ П. Д. КИСЕЛЕВУ.

Карлсруэ, 9-го января 1854 г.

Не умѣю выразить вамъ, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ Павелъ Дмитріевичъ, какъ неожиданно былъ я порадованъ новымъ доказательствомъ вашего благосклоннаго и дружескаго обо мнѣ попеченія, и какъ глубоко отозвалось въ душѣ

моей благоволеніе Государя Императора къ старому, а нынѣ заочному и безполезному слугѣ его. Но вы, надѣюсь, отдадите мнѣ справедливость и безъ словъ моихъ поймете, что въ душѣ моей умѣю цѣнить и всегда помнить оказанное мнѣ добро. Здоровье мое, благодаря Бога, мало-по-малу приходитъ въ надлежащій порядокъ. Можетъ быть, въ апрѣлѣ и въ маѣ придется мнѣ въ третій разъ обратиться къ Карлсбадскимъ водамъ, чтобы къ вамъ явиться въ іюнѣ совершенно очищенному отъ прежнихъ недуговъ и дури. Теперь, послѣ нѣсколькихъ поэтическихъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Венеціи, нахожусь въ скромномъ и прозаическомъ Карлсруэ. Но здѣсь сынъ мой съ милымъ семействомъ и, слѣдовательно, есть другаго рода наслажденіе въ этой тихой семейной жизни.

Знаю, что вы до стиховъ не охотники и помню, что въ старину смѣялись надъ моими, но, не смотря на то, позвольте мнѣ сообщить вамъ стихи, которые могутъ служить доказательствомъ, что если грѣшное мое тѣло скитается по разнымъ Нѣмецкимъ мытарствамъ, то душа моя, болѣе нежели когда нибудь, въ Россіи.

Жена моя благодаритъ васъ за добрую о ней память и передаетъ вамъ сердечное свое привѣтствіе.

Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить Васъ отъ души и примите, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, увѣреніе въ моей глубочайшей и неизмѣнной преданности.

Князь Вяземскій.

ИЗЪ ПИСЬМА ЛИЗѢ КАРАМЗИНОЙ.

Quant à votre proposition de venir vous voir à Reval, je ne puis y penser, car une fois rendu à Pétersbourg, ce ne sera pas pour demander un nouveau congé. Du reste, j'espère, que nos amis y mettront bon ordre. Je ne serai ni trop effrayé, ni trop peiné, si cette bonne ville avait le sort du salon jaune d'aurore. Il est quelquefois nécessaire et bon de cautériser tant soit peu l'épiderme et les extrémités du corps pour donner une nouvelle vigueur à la

circulation du sang et réveiller la partie noble et vitale du corps. Un joueur de mes amis disait, qu'après le plaisir de gagner au jeu, il n'en connaissait pas de plus grand que celui de perdre. Je dirai à mon tour, qu'il est des moments dans la vie des peuples où après l'honneur de battre, il n'y a d'honneur possible qu'à être battu. La revanche peut venir plus tard, mais pour celui qui cède, il n'y a plus de revanche à espérer. Vous voyez, que je suis très monté, mais aussi très resigné. Les chances de la fortune ne dépendent pas de nous, mais les devoirs de l'honneur ne se calculent point. D'ailleurs je dirai avec un autre de mes amis, que notre honneur est entre de bonnes mains. Je m'en remets à elle et j'espère que sans quelques petites brûlures, qui ne manqueront pas aussi d'échauder et de roussir les brûleurs, nous finirons par triompher — de la mauvaise foi, de la stupidité et de l'outrecuidance de nos ennemis et de nos amis, qui se ressemblent comme deux gouttes d'eau, ou de boue.

ИЗЪ ПИСЬМА НЕССЕЛЬРОДУ ВЪ ВАРШАВУ.

Мы другъ другу не писали, но, безъ сомнѣнія, часто думали съ тобою объ одномъ и томъ же. Хорошъ твой возстановитель и блюститель общаго спокойствія. Какъ могъ ты съ своимъ монархическимъ чутьемъ и монархическимъ исповѣданіемъ не разнюхать тотчасъ этого негодяя, лже-Дмитрія, лже-Наполеона. Онъ васъ всѣхъ напугалъ краснымъ спектромъ и за этимъ пугаломъ воровски взлѣзъ на престолъ. И что воцарилъ онъ съ собою на престолѣ. Тоже революціонное начало, но тѣмъ еще опаснѣе, что оно прикрыто нѣкоторою благовидностью порядка. Престолъ его, добытый пронырствомъ, есть въ виду другихъ законныхъ престоловъ Европейскихъ живое нарушеніе монархическихъ правилъ и явное торжество революціи. Не говорите мнѣ, ради Бога, о 8 милліонахъ голосовъ, провозгласившихъ законность этого престола. Начать съ того, что во Франціи все ложь, цифры, какъ и все прочее, и что Французы, храбрые на полѣ сраженія, не имѣютъ вовсе гражданскаго мужества и готовы на всякую подлость политическую, чтобы только обезпечить обѣдъ свой въ привычномъ имъ café и вечеръ

свой въ привычномъ театрѣ. Не знаю, что изъ этого будетъ, не ослѣпляю себя, въ виду трудностей, пожертвованій и тяжкихъ испытаній, предстоящихъ Россіи, но надѣюсь на благость Провидѣнія. И едва-ли, по волѣ его, не суждено Россіи еще разъ очистить Французскій престолъ отъ засѣвшей на немъ саранчи. Въ этомъ безумномъ озлобленіи, которое пихаетъ племянника (хорошъ племянникъ, курвинъ сынъ) на Россію, есть какое-то предзнаменованіе, что если не въ славѣ, то въ паденьи, Провидѣніе готовитъ ему участь дяди (Карлсруэ, 16-го янв. 1854).

Каждый разъ, что мы прибѣгаемъ къ дипломатической уловкѣ, есть всегда въ поступкѣ нашемъ что-то ребяческое и неловкое. Нашъ вопросъ, въ отвѣтъ появленію союзныхъ флотовъ въ Черномъ морѣ съ цѣлью, объявленною и циркуляромъ французскаго министерства, и посланниками въ Царьградѣ, и адмиралами, командующими этими флотами,—совершенно неумѣстенъ и въ противоположности съ характеромъ Государя, который любитъ и привыкъ дѣлать дѣла на чистоту. Намъ дали пощечину на Черномъ морѣ, съ угрозою, что если не уймемся, то будутъ насъ бить, а мы послѣ того спрашиваемъ Англію и Францію: quel est le caractère et l'étendue des mesures, que les deux gouvernements rattachent—au soufflet qui nous a été donné. Разумѣется, всѣ журналы подняли на смѣхъ этотъ простодушный вопросъ. Да къ чему же у насъ Брунновы и Киселевы, если они не только не объясняютъ мѣры, принимаемыя правительствами, но данными объясненіями не предваряютъ нашего правительства о значеніи и силѣ, которыя чуждыя правительства придаютъ этимъ мѣрамъ. Одно средство выйти изъ этой путаницы есть вызвать нашихъ посланниковъ изъ Лондона и Парижа и прекратить всѣ дипломатическія сношенія. Тогда дѣла заговорятъ: а теперь слова дѣйствуютъ и все и всѣхъ сбиваютъ съ толку. 19 янв.

Мы около года не только потеряли, но проиграли въ пустыхъ переговорахъ, которые дали время противникамъ нашимъ

осмотрѣться, стакнуться и собраться съ силами. Если черезъ 24 часа послѣ рѣшительнаго отказа, сдѣланнаго Портою Меншикову, мы приступили бы съ флотомъ своимъ къ Царьграду, однимъ этимъ появленіемъ, безъ малѣйшаго кровопролитія, мы предписали бы законъ султану и послѣ отступивъ, доказали бы Европѣ, вѣрнѣе, нежели словами, которымъ никто вѣрить не хочетъ, что мы не посягаемъ на цѣлость Турціи, а только отстаиваемъ права свои.

ПИСЬМО КЪ ГР. А. О. ОРЛОВУ ВЪ ВѢНУ.

Вашему Сіятельству теперь не до меня и не до стиховъ. Но вы читали такое множество скучной болтовни о Восточномъ вопросѣ и, вѣроятно, осуждены прочесть еще столько же, что одною глупостью болѣе или менѣе—все равно. А потому осмѣливаюсь представить вамъ и мой голосъ по этому дѣлу. Вы же, почтеннѣйшій и любезнѣйшій графъ, ветеранъ 1812 года и были въ числѣ нашихъ смѣлыхъ и бойкихъ банщиковъ. Можетъ быть, ради этого и примите благосклонно воспоминаніе мое о русской банѣ, принаровленное къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Какъ бы то ни было, позвольте отъ глубины души пожелать вамъ успѣха и счастія, то-есть вамъ и намъ. Не совсѣмъ легкій подвигъ вамъ предстоитъ: образумить и навесть на истинный путь людей, которые одурѣли и сбились съ толку. Надѣемся, что богатырская, орловская сила и тутъ перетянетъ на свою сторону.

Примите ваше сіятельство и проч.

Карлсруэ, 21 янв. 1854 г.

За пенмѣніемъ матеріаловъ въ Карлсруѣ для продолженія своего дневника, вношу въ него нѣкоторыя изъ моихъ писемъ, особенно тѣ, которыя касаются до Восточнаго вопроса. Мнѣ здѣсь не скучно, но пусто. Жизнь здѣсь, какъ и почва, ровная, плоская. Въ прогулкахъ за городомъ ни на что не набредешь. Въ салонахъ ни на какую оригинальность, или возвышенность не наткнешься. Люди, кажется, добрые, но безцвѣтные. Ближе всѣхъ сошелся я съ m-me Schönau. Разговорчивая, веселая и ми-

ная женщина. Къ тому же глаза прелестные. C'est toujours un point de vue agréable. Въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не облачался я въ мундиръ и не воздѣвалъ ленты такъ часто, какъ здѣсь въ теченіе мѣсяца, на балахъ придворныхъ и частныхъ, даваемыхъ для двора. Принцесса Марія очень мила. Дрезденъ новый Вавилонъ, Содомъ и Гоморъ въ сравненіи съ Карлсруэ.

Carlsruhe, 22 Janvier 1854.

Vous m'avez donné, cher comte, le mal de mer, c. à d. le mal du pays, c. à d. le mal de Venise, en me parlant de votre printemps et de vos promenades en gondole. Que vous êtes heureux et que je vous porte envie. Je ne suis nullement contrarié de me trouver à Carlsruhe et m'accomode fort bien de cette bonne petite existence. Mais *ruhe*, pour *ruhe*, j'aurai préferé l'Italienne à l'Allemande, si je pouvais y réunir ma famille. Vous avez bien raison de dire, que l'année 1854 s'annonce mal. Il est impossible de ne point être préoccupé des événements, qu'elle porte dans ses flancs. Mais néanmoins en qualité de vétéran de 1812, je ne suis pas trop effrayé en vue des nuages, qui s'amoncèlent sur notre horizon. A cette époque aussi nous avions l'Europe sur les bras et moins de moyens de résistance, qu'aujourdhui. Qu'en est il arrivé! l'histoire le dit. Il n'y a que la France oublieuse du passé, l'Allemagne qui a toujours peur de la France et fait semblant d'avoir peur de la Russie, qui peuvent vouloir recommencer les évènements de cette époque. Nous pourrons, je n'en disconviens pas perdre des batailles navales, quelques vaisseaux, voir quelques uns de nos ports incendiés: c'est fort désagréable à coup sur, mais tout cela n'entame pas l'existence d'une nation, qui ne veut, ni ne peut céder à l'étranger. Nous resterons toujours maîtres, et indépendants chez nous et ceux qui viendront nous y chercher finiront toujours par périr, tant par les succès momentanés qu'ils obtiendront que par les échecs qu'ils subiront. Qui nous dit que la providence ne nous appelle pas encore une fois par la voie des épreuves à restaurer l'Europe sur de nouvelles bases, à remettre bien des choses et bien des individus à leur place, à balayer le terrain des ordures qui s'y sont entassées. Vous direz,

peut-être, que tout cela est de la poésie. Mais si ces évènements se réalisent, j'espère, que nous ferons alors nos affaires à nous et non celles de nos amis, qui ont deviné et pratiqué d'avance le mot attribué au P-ce de Schwarzenberg: d'étonner le monde par l'énormité de leur ingratitude.

Je suis honteux d'avoir laissé de côté vos paisibles et pratiques lagunes par lesquelles j'avais débuté pour me jetter dans cette incartade politique. Je m'empresse de revenir à Venise. Si je ne vous ai pas écrit plutôt, c'est que notre voyage a duré plus longtemps que je ne l'avais supposé.

Rappellez moi au bon souvenir de nos compatriotes de la comtesse Sturmer, Esterhazy, et de la Princesse Clary et dites à cette dernière que son souvenir se rattache aux regrets, que j'ai de ne plus être à Venise. J'avais beaucoup de plaisir à la voir, d'abord parce qu'elle était elle et puis encore, parce que pour moi elle était sa mère.

25 янв. Въ *Journal de Francfort*, № 31, 4 февр., напечатана моя статья: *Quelques mots d'un vétéran de 1812 en réponse au nouvel ultimatum de M. Emile de Girardin*. Въ печати вкрались нѣкоторыя ошибки, или ошибочныя исправленія. У меня: dans son agression injuste et impolitique envers la Russie относится къ слѣдующей фразѣ и должно быть предъ словами Napoléon. a par contraint и такъ далѣе, а не заключать предъидущую фразу. Послѣ того, что сказано: c'est ainsi que les Français écrivent non seulement des articles de journaux, mais l'histoire, прибавлено: c'est aussi de cette manière qu'ils font de l'histoire. Эти слова замѣнены слѣдующими: c'est de cette manière, qu'ils croient faire des livres sérieux, что вовсе не нужно. Мысль моя была та, что они не только пишутъ такъ исторію, но и дѣйствуютъ для исторіи. Dont il veut essayer la chance! У меня: dont il veut effrayer la France относится къ словамъ: le spectre de 1815. Другая статейка моя, по письму Столыпина, будетъ на дняхъ напечатана въ Нѣмецкомъ переводѣ въ Kreuz-Zeitung.

Журналы извѣщаютъ о смерти Silvio Pellico въ Туринѣ, 31 января, 1861-го года. Помнится еще не такъ давно пронесся

слухъ о смерти его. Авось и нынѣшній окажется лживымъ. Проѣздомъ черезъ Туринъ въ 1835 г. познакомился я съ Пеллико. Послѣ того получалъ я отъ него по временамъ письма. Въ бумагахъ моихъ въ Петербургѣ должны быть два, три письма его, довольно интересныхъ. Въ одномъ защищаетъ онъ смертную казнь. Теперь, въ проѣздъ мой черезъ Миланъ, возобновилъ я знакомство съ Манзони, котораго узналъ въ томъ же 1835 г. Онъ вовсе оставилъ литтературу, т. е. дѣятельную, текущую. Вообще, кажется, ко всему довольно охладѣлъ, не сочувствуя ни понятіями, ни чувствами, ни убѣжденіями со всѣмъ тѣмъ, что нынѣ дѣлается и пишется.

Д. Г. БИБИКОВУ.

Карлсруэ, 28 янв. 1854.

Сколько мнѣ помнится, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Дмитрій Гавриловичъ, ваше высокопревосходительство, никогда не очень жаловали стиховъ. И, вѣроятно, министерство внутреннихъ дѣлъ васъ съ поэзіей не болѣе сблизило. Но вы, какъ и я, и гораздо болѣе меня грѣшнаго и недостойнаго, ветеранъ 1812 года. Вы такъ усердно и себя не жалѣя парили дорогихъ нашихъ гостей, что пожертвовали имъ рукою своею. А потому, не ради стиховъ моихъ, а ради воспоминанія, прочтете, можетъ быть, мои современныя замѣтки, которыя при семъ имѣю честь вамъ представить. Одинъ заграничный мой пріятель, которому я сообщалъ ихъ, отвѣчалъ мнѣ, что если бы отъ него зависѣло, онъ разослалъ бы мои стихи во всѣ армейскіе штабы и всѣмъ губернскимъ предводителямъ и уѣзднымъ исправникамъ. А шутки въ сторону. Не только въ Европѣ забыли, но боюсь, что и въ Россіи мало, или худо помнятъ нашъ православный 12-й годъ. Надѣюсь на васъ, что вы будете для всѣхъ живымъ и краснорѣчивымъ преданіемъ. Надѣюсь и на лѣсину вашу, которую оторвало французское ядро, и на вашъ французскій девизъ: fais ce que dois, advienne que pourra. Робѣть нечего: увѣчье не стыдъ и не смерть. Потерпимъ и напослѣдокъ свое возьмемъ. А крѣпко начинаетъ попахивать двѣнадцатымъ годомъ. Вмѣсто теплаго мѣстечка, котораго просплъ

я у васъ въ послѣднемъ письмѣ поемъ, не придется ли вамъ опять ссудить меня конемъ, какъ подъ Бородиномъ? Жаль очень было выѣхать изъ Венеціи.

Не знаю, напечатаны ли въ *Инвалидѣ* стихи мои на Синопъ и на Кадыкъ-Ларъ. Посылаю и ихъ кстати, или не кстати. По принадлежности, отправилъ я ихъ военному министру, но ни слуху ни духу о нихъ не имѣю. Авось министръ Безрукій приметъ ихъ милостивѣе министра Долгорукаго.

ГРАФИНѢ БЛУДОВОЙ.

Карлсруэ, 1 Февр. 1854.

Въ одно время узналъ я отъ нашей пріятельницы Эрнестины Ѳеодоровны Тютчевой о вашей сердечной тревогѣ и о вашемъ успокоеніи, то есть о болѣзни и благодаря Бога о выздоровленіи почтеннѣйшаго графа Дмитрія Николаевича. Скажу, какъ говорилъ нѣкогда мой знаменитый сослуживецъ Пельчинскій: n'anticipons pas sur le passé, и спѣшу, любезнѣйшая Графиня, отъ души поздравить васъ, что вы благополучно перешли тяжкіе дни испытанія и, надѣюсь, наслаждаетесь нынѣ яснымъ спокойствіемъ, которое еще дороже послѣ бури. Дай Богъ, чтобы дальнѣйшія извѣстія оправдали и подтвердили мои надежды и сердечныя желанія. Вотъ и мы теперь, хотя иногда со скукою пополамъ, вкушаемъ тихое спокойствіе въ мирномъ Карлсруэ. Здѣсь даже и Восточный вопросъ, на который нельзя добиться отвѣта, мало волнуетъ умы, или, по крайней мѣрѣ, гораздо менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Вся политика Нѣмцевъ заключается въ одномъ страхѣ, чтобы какъ нибудь Французы ихъ не побили. Далѣе и выше этого они ничего не видятъ. Этотъ страхъ ихъ привычка и, слѣдовательно, ихъ вторая натура, если, впрочемъ, не первая. Пока Французы не грозятся перейти чрезъ Рейнъ, они на все смотрятъ хладнокровно. Впрочемъ, не подумайте, что я здѣсь скучаю. Грустно было мнѣ разстаться съ Венеціею, въ которую влюбился я по уши, но радъ, что зажилъ здѣсь нѣсколько семейною жизнью. Къ тому же я такъ часто бѣшусь на событія, на газеты, что и

при другихъ условіяхъ не имѣлъ бы я времени скучать. Изливаю желчь мою Русскими и Французскими чернилами, прозою и стихами. Пишу статьи для иностранныхъ журналовъ и стихи для *Инвалида*, которые, не знаю какою судьбою, попадаютъ всегда въ *Сѣверную Пчелу*. Жду случая воспѣть и князя Горчакова, но онъ что-то не напрашивается на мои стихи. Я готовъ, но, кажется, онъ не готовъ. Грѣшный человѣкъ, часто вспоминаю извѣстные стихи отца его и примѣняя ихъ къ сыну говорю:

И наконецъ я зрю въ Валахіи родной
Движеній тысячу, а битвы ни одной.

Но вотъ и я неправъ и попуталъ меня лукавый. Сержусь на журналы, которые врутъ ахинею, толкуя о томъ, чего не знаютъ, а самъ дѣлаю тоже. При первомъ случаѣ готовъ я принести повинную голову и радъ буду доказательству, что мое нетерпѣніе было неблагоразумное и несправедливое. Но войдите и въ наше положеніе. Мы здѣсь не знаемъ ничего о томъ, что дѣлается въ Россіи. Какое дается тамъ направленіе событіямъ, какъ тамъ судятъ о нихъ. Иностраннымъ газетамъ не вѣримъ, а все таки онѣ смущаютъ насъ. Дорого далъ бы я послушать Графа Дмитрія Николаевича Тютчева. Мы здѣсь съ сыномъ толкуемъ до упаду, переворачиваемъ эту матерію на всѣ стороны и все не можемъ добиться толку и узнать положительно, что лицо и что изнанка. Послѣдніе стихи мои вѣроятно уже вамъ извѣстны. Но не смотря на то, позвольте мнѣ поднести ихъ вамъ. Я съ большимъ удовольствіемъ читалъ Петербургскіе стихи о русской машинѣ. Не Мальцова ли? Подбейте Тютчева подать голосъ въ этомъ дѣлѣ и написать опроверженіе по французски всѣхъ бредней не только журналистики, но и Кларендона и г-на Дрянь-да-нылсъ, какъ Парижскій Яковъ Толстой переводитъ на русскіе нравы имя Drouyn de Lhuys. Простите мнѣ, что я такъ заговорился. Прошу передать мое душевное почтеніе графу и принять увѣреніе въ моей особенной и неизмѣнной преданности.

Вяземскій.

6. Вчера былъ я у гофъ-дамы Freystedt. Она была при Маркграфинѣ, матери Императрицы Елисаветы Алексѣевны, и помнитъ отъѣздъ ея въ Петербургъ. Елисаветѣ Алексѣевнѣ было тогда не съ большимъ 13 лѣтъ, а сестрѣ ея, которая была вмѣстѣ съ нею отправлена, менѣе 12. Она читала мнѣ нѣсколько выписокъ изъ писемъ ея изъ Таганрога къ матери, послѣ кончины Императора. Онѣ чрезвычайно трогательны выраженіемъ скорби, покорности. Упоминая, какъ особенно въ послѣднее время душа его прояснилась, возвысилась, еще болѣе умягчилась любовью и благостью, она говоритъ, между прочимъ, que son âme avait *centuplé*, qu'il était mûr pour l'éternité. Буду просить копіи съ этихъ выписокъ. Старушка Фрейштедтъ знавала и помнитъ Шишкова, съ которымъ игрывала она въ бостонъ въ Карлсруэ. Шишковъ, въ запискахъ своихъ о 1812 г. и о слѣдующихъ годахъ, говоритъ о пребываніи своемъ въ Карлсруэ. По одному изъ писемъ Императрицы видно, что она не соглашалась возвратиться въ Петербургъ и отклонила предложеніе Императрицы Маріи Ѳедоровны занять прежніе покои свои въ Зимнемъ дворцѣ. Изъ Карлсруэ выѣхала она въ Стутгартъ, но, подъѣзжая къ городу, встрѣтила посланнаго ей отъ короля, который просилъ ее не ѣхать далѣе. Она не могла постигнуть причины тому и только позднѣе узнала, что въ этотъ самый день скончалась королева Екатерина Павловна, къ которой ѣхала она для свиданія. Я въ то время пріѣзжалъ изъ Варшавы въ Петербургъ и при представленіи моемъ Императору, говорилъ онъ мнѣ съ благодарностью о сердечномъ участіи, принятомъ Карамзинымъ въ скорби его. Для характеристики времени и общества, можно замѣтить, что по случаю траура, наложеннаго при дворѣ, въ городѣ не давали баловъ, но на вечерахъ *танцовали безъ музыки*, между прочимъ, у князя Ѳедора Сергѣевича Голицына.

ГР. НЕССЕЛЬРОДУ ВАРШАВСКОМУ.

Carlsruhe, 8 (20) Février 1854.

Si vous n'avez pas voulu le reconnaître pour un chenapan *avant la lettre*, avouez du moins que c'est un chenapan après la lettre.

L'histoire ne présente rien de comparable à ce document plein d'inconvenance et de présomption. La publication d'une pareille lettre serait une chose insolite même entre relations de particulier à particulier, et bien plus encore de souverain à souverain. Comme document politique, comme fond, elle est complètement nulle, n'apprend rien de nouveau, ne présente aucune issue nouvelle et possible pour sortir du réseau, du cercle vicieux de complication où l'on a renfermé cette question orientale si simple à son origine et si embrouilliée et inextricable aujourd'hui, grâce à tout ce que l'on a fait pour la débrouiller. Des médecins inhabiles, des charlatans, des empiriques, (ou plutôt des empireurs) ont converti une légère indisposition en une maladie grave et aigue. La nouvelle recette de l'Empereur—Empereur n'est faite que pour envenimer et précipiter le mal. Comme fond, je l'ai déjà observé, elle est nulle. Dans cette lettre il est répété pour la cent et unième foi, ce qui a été cent fois dit par les journaux et copié de ces journaux par le ministère français dans ses circulaires et ses dépêches. Car à cette occasion plus que jamais la diplomatie française et anglaise a été traînée à la remorque par la presse périodique de façon que l'Empereur de Russie n'avait rien de nouveau à apprendre de la lettre qui lui est adressée. Reste la forme qui est d'une maladresse peu commune, si la lettre a été vraiment écrite dans un désir de conciliation, ou d'une arrogance, sans exemple, si elle a eut pour but d'exercer une nouvelle intimidation. Dans tous les cas un pareil langage entre particuliers devrait amener une rétractation de la part de celui qui l'a tenu ou un duel à mort. Entre représentants respectifs de la puissance et dignité nationale, elle est à elle seule un casus belli. Dans un de ses discours Louis Napoléon a avoué et proclamé *qu'il était un parvenu*. Cet aveu avait de la noblesse et de l'à-propos. Mais pour avoir les rieurs de son côté, il fallait, tout en étant un parvenu, ne pas agir en parvenu. Et cette lettre en porte le cachet dans tout son clinquant. „Ces trois mille bouches à feu à l'entrée du Bosphore". „Ces alliés qui doivent être respectés partout où nos canons peuvent atteindre!" Tout cela ne sont que des rodomontades françaises empruntées au vaudeville et au mélodrame de la Gaieté. Cela n'a pas de sens. En état de guerre, non seulement les alliés

de l'Angleterre et de la France, mais les Anglais et les Français eux-mêmes, ne seront pas respectés. J'ai une grande considération pour leurs bouches à feu et ne doute nullement qu'elles n'aient l'occasion de nous faire du mal, mais encore leurs canons ne sont pas des têtes de Méduse, et ne pétrifieront pas les nôtres, qui riposteront à leur tour. «Quand à la flotte russe en lui *interdisant* la navigation de la Mer Noire» etc.—on dirait que la Russie s'est déjà mise à la discrétion de la France et de l'Angleterre. Dites que vous attaquerez notre flotte partout où vous la rencontrerez, c'est autre chose mais il serait encore de bon goût et de bon sens, tout en énoncant votre menace de laisser quelque chose aux chances du combat. N'est ce pas traiter la Russie en enfant, que de lui permettre, parcequ'elle y tient, de négocier directement avec la Turquie une convention qui serait *soumise* à la conférence des quatre puissances». Mais si, par un motif *difficile à comprendre* V. M. opposait un refus», etc. Comment, gredin, vous que le hasard et vos intrigues et vos parjures ont porté sur le trône de France, qui a été pendant des siècles, un des premiers trônes de l'Europe, il vous est *difficile de comprendre* que des intimidations, des menaces pareilles à celles que vous faites, ne peuvent réduire un souverain qui se respecte et respecte sa nation, qu'à la nécéssité de rejetter toutes vos propositions et de perdre jusqu'à son dernier homme avant d'y souscrire. Que la France, qui à la suite de ses révolutions a perdu tout sens moral, toute appréciation du juste et de l'injuste, du possible et de l'impossible, ne soit pas révoltée de ce que son souverain ose tenir un pareil langage au nom de son pays, cela se comprend aisément. Mais que l'Angleterre, qui n'a pas de motifs historiques pour expliquer et excuser sa déchéance morale, ne répudie pas la solidarité de déshonneur attaché à l'action de son allié, ceci est plus difficile à saisir. Voici donc l'Angleterre encanaillée à son tour, quand elle dit par l'organe de John Russell, qu'elle n'hésite pas à déclarer qu'elle a entièrement approuvé la démarche de l'Empereur des Français, et qu'elle espère qu'elle sera en définitive *couronnée de succès*». En général les discussions du parlement anglais au sujet de cette question orientale, sont pitoyables. On s'élance dans des subtilités sans fin pour déterminer si

l'on est en paix ou en guerre. On ne veut pas de la guerre et l'on ne nous ouvre aucune issue honorable pour accepter la paix. On veut la guerre et l'on n'a pas le courage de l'avouer, car on n'a aucun motif plausible pour la déclarer. On fait mille évolutions, mille tours de passe-passe diplomatique pour tromper les badauds et leur faire croire que c'est l'adversaire qui veut la guerre et pour le mettre au pied du mur pour la déclarer. De fait, qu'elle a été notre conduite depuis l'occupation des principautés, qui a été explicitement annoncée par nous dès le début du différend, et n'a été considerée, ni par les Turcs, ni par leurs alliés (comme les documents publics en font foi), comme un *casus belli*. Ce n'est que plus tard que l'on s'est ravisé. Mais arrivés dans les principautés, nous n'avons pas poussé plus loin notre agression. Au lieu que les puissances maritimes n'ont cessé d'aller d'empiètement en empiètement. Enhardis par leur approbation et le déploiement de leurs forces, les Turcs nous déclarent la guerre, nous attaquent dans les principautés, nous attaquent en Asie, remportent même de légers succès, et quand nous voulons repousser la force par la force, on veut nous lier les bras et nous rendre responsables d'avoir commencé les hostilités. Si nous l'avions voulu, qui nous eut empêché de nous porter dans le Bosphore avant les flottes alliées et de leur rendre l'entrée dans les Dardanelles impossible? Ceci est un fait qui dément complètement les intentions d'envahissement que l'on nous prête. Cette accusation d'avoir attaqué l'escadre Turque à Sinope, n'est qu'une mauvaise plaisanterie, une absurdité, et une allégation de mauvaise foi. Une frégate à nous „la Flora", avait été bien avant l'affaire de Sinope, attaquée par des steamers turcs. Le point de départ, c. à d. l'occupation des principautés est donc mis hors de cause. On a protesté contre cette occupation, mais plutôt de droit que de fait, et plus tard nous n'avons été que trop peu actifs, ce que l'on ne nous pardonne pas, c'est de n'avoir pas cédé aux intimidations. Que l'Angleterre et la France jouent ce jeu, on le comprend. Mais que l'Autriche et la Prusse viennent appuyer les intimidations de ces deux puissances et oublient que si la Russie cédait, s'en serait fait à jamais de leur indépendance à elles, et que la France et l'Angleterre viendraient à la première occasion leur

imposer la loi, c'est une politique qu'il était donné à m-r de Manteuffel et au comte de Buol—Schauenstein de mettre en pratique. La présence des deux puissances allemandes dans la conférence, où elles sont traînées à la remorque par les cabinets anglais et français, toujours hostiles à l'Allemagne et particulièrement à l'Autriche (en Hongrie, en Italie, en Suisse) est une faute et une honte, dont elles auront peine à se relever, si les circonstances providentielles ne viennent encore, comme en 1812 et 1813, nous donner l'occasion de les remettre à flot. Mais si jamais telle devait être l'issue et le mot de l'énigme de cette grande commotion dont nous sommes menacés, j'espère bien, que nous agirons autrement. Nous avons toujours été les dupes de nos alliances généreuses. La Russie pour être forte doit être isolée et ne pas courir au feu pour sauver les maisons des voisins. Jusqu'à présent nous sommes incombustibles, une espèce de mur de la Chine, un grand écran de toile d'amiante nous garantit du feu des révolutions qui peuvent éclater en Europe. Que la révolution aussi rouge, que faire se peut, se déchaine en Europe, elle ne peut nous atteindre (je parle toujours de l'heure présente, à chaque jour sa peine). En tout cas, elle n'a de force que pour détruire et ne peut rien consolider, et je ne vois pas ce que nous perdrons à voir déchoir des puissances qui n'ont jamais eu de sympathie pour nous et nous ont toujours été ou tièdement favorables ou sourdement hostiles. Le mot attribué au Prince Schwarzenberg sur *l'énormité de l'ingratitude* dont l'Autriche se prépare à donner l'exemple, peut être nouveau, mais la chose n'est pas nouvelle. Nous n'avons jamais eu à faire qu'à des ingrats. Et cependant nous aussi nous avons sous la main des outres d'Eole qui valent bien celles de Canning, elles renferment les éléments orthodoxes et slaves. Si jamais nous voulions sérieusement les remuer et les prendre sous notre protection et garantie, l'Europe changerait de face. Mais nous avons toujours été trop loyaux, trop consciencieux, et peut être trop niais pour soulever ces leviers. Les cabinets de l'Europe le savent; c'est notre côté faible. Ils ont la conviction que jamais notre gouvernement et particulièrement l'Empereur ne voudraient recourir à des mesures révolutionnaires, même en cas de légitime défense. Mais enfin tôt ou tard la force des choses, *l'inéxorabilité* des choses pourra

nous entrainer dans cette voie. C'est alors que sonnera le quart d'heure de Rabelais pour cette Europe occidentale si infatuée de son mérite et que l'Europe orientale règlera ses comptes avec elle, comme elle l'entend. Capital et intérêts tout sera remboursé intégralement. Ce ne sont que des rêves et encore des rêves d'avenir, me direz-vous, et en attendant le présent est très critique. J'en conviens avec vous. Mais nous sommes donc une nation d'avenir. L'Empereur Alexandre l'a dit au comte de Narbonne à Vilna: „J'ai pour moi l'espace et le temps". C'est ce que dit aussi la Russie. Une flotte brulée, quelques batailles perdues, les mouvements de notre commerce gênés, ce sont comme de raison de larges et de profondes blessures, qu'il faudra beaucoup de temps pour cicatriser. Mais en somme ce n'est qu'une maladie et notre constitution est assez robuste pour la supporter. Mais ce n'est pas la mort. Si nous succombons à Sébastopol, à Riga, voire même à Pétersbourg, nous avons encore de quoi et où nous refaire. Nos assomeurs ne peuvent cependant pas passer leur vie à nous garder à vue dans la Mer Noire, et dans la Baltique. Et bien le lendemain du jour où ils nous quitteraient, ce serait à recommencer, car encore une fois le temps et l'espace sont pour nous, tandis qu'ils sont contre nos ennemis, même victorieux. Vous pouvez donc juger, que moi aussi je ne vois pas les choses en rose. Mais quand le devoir et la nécessité parlent, il n'y a pas à s'enquérir de leur couleur, noire ou rose, c'est égal il faut l'adopter. Eh bien, je crois que tel est le cas aujourd'hui. Voilà ce que j'écrivais à Pétersbourg il y a quelques semaines. Et comme joueur, vous me comprendrez mieux qu'un autre. «Un joueur de mes amis, disait, qu'après le plaisir de gagner au «jeu, il n'en connaissait pas de plus grand que celui de perdre. «Je dirai à mon tour, qu'il est des moments dans la vie des na«tions, où après l'honneur de battre, il n'y a d'honneur possible «qu'à être battu. La revanche peut venir plus tard, mais pour «celui qui cède, il n'y a plus de revanche à espérer. Les chances «de la fortune ne dépendent pas de nous, mais les dévoirs de l'hon«neur ne se calculent pas." Ouf! je suis tout essoufflé, éreinté, étourdi de ma longue diatribe. Cela me reporte aux beaux jours de nos luttes politiques et parlementaires au sujet de Josse de Beau-

voir. Mais nous étions tous deux jeunes alors. Aujourd'hui je parle d'avenir et m'y réfugie en désespoir de cause, mais l'avenir me manque. Et en tout cas que mes prophéties s'accomplissent ou non, ce n'est pas moi qui pourrai dire comme Siméon *qui attendait la consolation d'Israel*: «C'est maintenant, seigneur, que selon votre «parole, vous laisserez mourir votre serviteur en paix, car mes «yeux ont vu le sauveur». (St Luc. chap. 2). Non ce n'est pas nous qui le verrons, la lutte qui s'engage ne pourrait finir promptement que si dès le début nous remportions quelque succès éclatant, foudroyant. Mais comme cela n'est pas à prévoir, les succès des alliés n'auront aucune influence sur le prompt dénouement de la lutte. Au contraire ils en retarderont la fin, et il est impossible de prévoir jusqu'où et jusqu'à quand. C'est ce qui est triste pour nous autres, cher ami, qui n'avons plus beaucoup de temps devant nous pour attendre. Nous assisterons aux pénibles péripéties du drame qui commence, mais nous n'y serons pas, pour applaudir au dénouement et à la moralité de la pièce. Je ne puis songer à notre Empereur sans la plus vive émotion et le plus profond attendrissement. Comme homme il a pu se tromper et être trompé par d'autres, sur l'opportunité et l'à-propos de la mission de Menchikoff. Mais cette mission par elle-même, était nécessaire depuis bien des années, nous avions perdu toute influence en Orient. Et la perte de cette influence est beaucoup plus grave pour nous, que la perte de notre flotte, si elle devait avoir lieu. Oui, certainement, je vous reconnais pour bon et très bon Russe, tout comme si vous étiez des bords de la Moskova, ou du Volga, mais comme vous le dites vous même, il vous manque quelque chose, c'est le *Православіе* et dans la question pendante, ce quelque chose est le tout. Voilà pourquoi notre politique étrangère qui sous d'autres rapports a pu être habilement représentée et défendue par des hommes de capacité et de zèle, a toujours été tièdement et maladroitement représentée sous le point de vue, qui échappait à leur intelligence et à leur instinct moral. Pour la Russie tout est dans son orthodoxie. C'est là sa raison d'être. C'est là qui constitue son indépendance, son individualité dans la famille européenne. Si Dieu nous a fait une grande puissance, ce n'est pas pour nous occuper des affaires de Monaco. Nos intérêts,

nos devoirs, notre politique ne sont pas là, nous sommes orthodoxes: *par la grâce de Dieu et la volonté historique* et comme tels, nous ne le sommes pas uniquement pour nous, mais bien aussi pour nos frères, pour les protéger, pour les appuyer. C'est bien là le cas de dire: „ces alliés doivent être respectés partout où nos canons peuvent atteindre". Ceci n'est point une radomontade. Pour nous c'est une nécessité; la France peut fort bien exister, être puissante et honorée, tout en laissant la Russie réclamer le protectorat des Grecs orthodoxes. Mais la Russie abdique, comme puissance, dès qu'elle renonce à être la sauvegarde, l'espoir et l'appui de ses coréligionnaires.

---

10 (22) Février.

Voyez comme la vérité s'échappe des lèvres de ceux qui ont le plus d'intérêt à la cacher. Les circulaires, les dépêches anglo-françaises n'ont-elles pas démenti vingt fois l'assertion du comte Nesselrode, que l'occupation des principautés par nos troupes n'était en partie qu'une réponse aux mouvements des flottes alliées. Et voici maintenant, dans la séance du 17 février à la chambre des communes, que le ministère pressé par les accusations de l'opposition d'avoir agi avec hésitation et mollesse, vient annoncer par l'organe de Sir Graham que: „la flotte anglaise avait reçu l'ordre de se rendre à Bésika le 31 Mai, tandis que l'occupation des principautés danubiennes n'a commencé que le 7 Juillet". Comment ne pas dire à la suite de cette duplicité de conduite et de langage, que des deux côtés de la Manche, ce n'est pas une autre paire de manches, mais toujours la même canaille.

Je vous remercie de tout mon cœur pour votre bonne lettre, je l'ai lue avec le plus grand intérêt. Nous pouvons avoir avec vous des différents points de vue, mais au fond nous sommes du même bord et désirons la même chose. Le haro général de la presse périodique et même des cabinets sur nous, ne me surprend nullement et ne me fait pas craindre que nous ne soyons pas dans notre droit et le vrai. L'Europe est moins jalouse de notre puissance que de *notre virginité*. Les peuples et les gouvernements ont tous

été, dans ces derniers temps, plus ou moins souillés au contact de la révolution et en tout plus ou moins honteux. Ils ne nous pardonnent pas d'être restés purs au milieu de la contagion générale et on saisit la première occasion venue pour s'en venger. Ce sont des filles publiques, qui rougissent involontairement devant une fille de bonne conduite, qui n'a ni dévergondage, ni vérole à se reprocher. Ces filles sont enchantées de pouvoir jeter un peu de boue à la pauvre innocente. Cela ressemble à un sophisme, ou à une vanterie, mais il n'en est pas moins vrai que la Russie est *trop comme il faut*, de trop bonne naissance, de manières trop nobles pour avoir les sympathies de la société européenne, telle qu'elle a été faite par les derniers évènements. L'Angleterre n'a point subi de révolution, mais son ministère est révolutionnaire. Et une fois qu'elle a adopté le dogme monstrueux *du fait accompli* elle s'est encanaillée avec les autres.

Cette lettre est tellement ma profession de foi politique, que si je trouvais dans la presse, un journal assez indépendant pour la publier je le ferai volontiers en le signant de mon nom en toutes lettres, sauf à me faire lapider après dans les rues. Mais en tout cas, ne craignez pas, je n'agirai pas comme Louis Napoléon et ne la mettrai pas à votre adresse. Vous doutez-vous que je suis aussi un des correspondants de la Kreuz-Zeitung, et que vous avez pu m'y lire? et dans le J. de Francfort français, № 31 et 45 m'avez vous reconnu dans le vétéran de 1812. Je sais bien, que tous mes articles passent inaperçus en présence d'un public prévenu et passionné, mais il faut bien trouver un épanchement à la bile qui m'étouffe. Vous en êtes aussi un peu la victime, cher ami, et je vous demande pardon des dimensions formidables de ma lettre. Ne me répondez pas en détail, mais accusez moi simplement réception de cette lettre, afin que je sache qu'elle vous est parvenue. On m'a annoncé de Pétersbourg l'envoi de l'ouvrage de Milutine, mais il est probablement oublié dans les chancelleries de Vienne ou de Berlin. Et j'aurais été désireux de le lire. Je crois que Starynkevitch se trompe en attribuant à Paul 1-er une grande correction de langage. Mais il y avait de l'élan dans cet homme et son style

devait s'en ressentir. Dieu merci, me voilà arrivé au bout de la feuille, et je n'ai de place que pour vous serrer dans mes bras.

---

13 (25) февраля. Представлялся сегодня маркграфу Вильгельму. Добродушный и благоразумный старикъ. Онъ взятъ былъ въ плѣнъ въ Лейпцигскомъ сраженіи и тогда въ первый разъ видѣлъ Императора Александра. Онъ признался мнѣ, что это знакомство въ подобныхъ обстоятельствахъ было для него довольно затруднительно и непріятно; но Императоръ ласковымъ пріемомъ своимъ тотчасъ ободрилъ его, оцѣнилъ справедливо критическое положеніе Баденскаго герцогства, которое не могло уже дѣйствовать независимо, имѣя Францію на плечахъ своихъ. Послѣ былъ онъ подъ командою Витгенштейна, противъ котораго сражался въ Россіи. Въ 1816—1819 годахъ былъ онъ въ Петербургѣ. Благодарно преданъ памяти Александра и глубоко уважаетъ Императора Николая, которому по словамъ его не прощаютъ, что въ 1848 и слѣдующихъ годахъ былъ онъ оплотомъ противъ революціоннаго потока и что онъ въ Венгріи нанесъ смертельный ударъ революціи. Я обѣщалъ сообщить ему брошюрку Базили. Первая статья моя изъ *J. de Francfort* перепечатана въ *J. de St.-Pétersbourg* и въ *Indépendance*. Вчера отправилъ въ *Indépendance* переводъ въ прозѣ Петербургскихъ стиховъ: „Вотъ въ воинственномъ азартѣ". Разумѣется перевода не напечатаютъ, а все-таки лучше подразнить этихъ негодяевъ.

15. Получилъ милый, скромный отвѣтъ Нахимова на письмо и стихи мои. Получилъ отвѣтъ отъ Дмитрія Бибикова. Онъ, между прочимъ, говоритъ, что оба мои стихотворенія напечатаны по повелѣнію Государя. Въ *Indépendance Belge*, 2 марта, напечатанъ мой переводъ пѣсни *Вотъ въ воинственномъ азартѣ*. Удивляюсь храбрости редакціи. Пѣсня подымаетъ на смѣхъ Лже-Наполеона; а во Франціи смѣхъ сильнѣе и опаснѣе разсужденія. Но право и я заслуживаю георгіевскій бумажный крестъ за мои партизанскіе наѣзды въ журналы.

Monsieur,

Avant de contester la sincérité des paroles avancées par un homme d'honneur, surtout alors qu'il s'agit des paroles d'un souverain, on doit être bien convaincu de l'infaillibilité de la réfutation qu'on se permet. On ne saurait en pareil cas se donner assez de peine pour examiner et controler l'assertion mise en doute. Cette obligation morale, nécessaire dans toute controverse privée, devient plus impérieuse quand le débat porte sur une question d'un intérêt général, et quand le journal qui s'érige en juge de deux opinions contradictoires, est un journal sérieux, ayant pour lecteurs l'Europe, et tout le monde civilisé Dans un article du Journal des Débats (N. du..) vous citez, Mr., les paroles suivantes de l'Empereur de Russie à l'Empereur des Français: „Votre Majesté perd de vue que cette occupation (celle des principautés danubiennes) purement éventuelle encore a été devancée et en grande partie amenée par un fait antérieur fort grave, celui de l'apparition des flottes dans le voisinage des Dardanelles".

Vous ajoutez après cette citation:

„Nous avouerons que ce n'est pas sans étonnement que nous avons lu cette phrase, l'argument qu'elle semble contenir avait déjà été invoqué dans une circulaire adressée par Mr. de Nesselrode au corps diplomatique russe, discuté dans une dépêche de Mr. Drouyn de Lhuys en date du 17 Juillet et nous le croyons condamné sans retour etc". Je ne sais si je me trompe, Mr., mais l'étonnement que vous avez éprouvé provient peut-être d'une seule cause, à savoir que pour vous éclairer sur cette question vous n'avez consulté que la dépêche de Mr. Drouyn de Lhuys et cette dépêche étant en contradiction avec l'assertion de l'Empereur de Russie, vous avez cru que l'argument avancé par lui avait été *condamné sans retour*. Si vous aviez songé à recourir à d'autres sources pour vous tout aussi peu suspectes qu'un document émané du ministre des affaires étrangères de France, les discussions du parlement anglais vous auraient révélé un fait qui eut pu certainement modifier votre opinion. Dans la séance du 17 février répondant à l'opposition qui l'accusait d'avoir déployé trop peu de fermeté et d'activité dans le différend turco-russe, le premier Lord de l'Amirauté disait: „Voyez les

dates. La flotte anglaise a reçu l'ordre de se rendre à Bésika le 31 Mai, tandis que l'occupation des principautés danubiennes n'a commencé que le 2 Juillet. „Ce qui veut dire, en d'autres termes, que le cabinet anglais bien loin de décliner la responsabilité de l'initiative prise par lui à cette occasion, s'en fait un mérite aux yeux de son pays. D'un autre côté, il est notoire que les mouvements de la flotte anglaise n'ont été qu'une suite, une conséquence de mesures semblables prises auparavant par le gouvernement français.

On n'a que trop jusqu'ici cherché à jouer sur les mots et les dates, et à égarer l'opinion par de vaines subtilités. Le gouvernement russe n'avait pas besoin d'attendre l'arrivée des flottes dans le voisinage des Dardanelles pour savoir qu'elles avaient reçu l'ordre. Comme toutes les autres puissances il a des agents diplomatiques qui le préviennent des mesures arrêtées par les gouvernements près desquels ils sont accrédités.

Le journal français de Francfort, du 2 Mai dans un article communiqué par un vétéran de l'armée russe en 1812, contient une appréciation plus développée de l'aveu échappé à Lord Graham. Je m'y réfère et engage à le consulter, ceux qui désireraient se renseigner à ce sujet.

J'abandonne pour le moment votre réfutation d'un autre passage de la lettre de l'Empereur Nicolas. Ce point de la controverse, quoique moins saillant que le premier, nécessiterait cependant un examen plus approfondi des différentes phases de la question orientale. Permettez moi donc de ne pas vous suivre sur le terrain pour ne pas donner à cette lettre une trop grande extension. Votre loyauté et votre impartialité me sont trop connues pour douter un instant que vous n'ouvriez à ma lettre les colonnes de votre journal.

Veuillez, M-r., agréer l'assurance de ma considération distinguée.

P-ce Pierre Wiasemsky.

27 février (11 mars) 1854.

à M-r. le rédacteur en chef du Journal des Débats.

СѢВЕРИНУ.

Карлсруэ, 13 (25) марта 1854.

Горчаковъ сообщилъ тебѣ, любезнѣйшій другъ, стихи мои на *1854 годъ* и Къ Ружью! А вотъ еще четыре новинки, ему неизвѣстныя, которыми можешь подѣлиться съ нимъ. Ты видишь, что я по примѣру твоему не унываю. Изъ газетъ знаю, что и ты въ пользу православныхъ нашихъ воиновъ принесъ богатыя и звонкія рифмы. Спасибо! Надѣюсь, что и этому примѣру, тобою данному, послѣдуютъ твои собратья. Не знаю, отъ того ли, что придаю себѣ бодрость рукопашными стихами моими, или отъ чего другого, но plus j'approche du terme et moins je le redoute. Хотя мы съ тобою новыхъ Французовъ не любимъ, а все-таки воспитаніемъ и памятью мы старые Французы, а потому не удивишься ты цитатѣ моей изъ Chaulieu. Но въ самомъ дѣлѣ, нельзя отвергать руки Провидѣнія въ событіяхъ, которыя готовы совершиться передъ нами. Какъ люди ни страшны, ни злы, ни безумны, а тутъ дѣйствуетъ сила свыше человѣческой. Она гонитъ, стремитъ противниковъ нашихъ. Куда? Вѣроятно въ бездну, если только Богъ поможетъ намъ устоять и ни на какія уступки не подаваться. Разумѣется, надобно намъ будетъ терпѣть; если вытерпимъ до конца, то непремѣнно оттерпимся. Я говорю: Русскій человѣкъ и задпимъ умомъ и задпимъ оружіемъ крѣпокъ. Мы никогда сразу не управимся. Дѣло Французовъ вершки хватать. Наше выжидать и у моря ждать погоды. А читали ли вы, ваше превосходительство, статьи Ветерана 1812 года въ Journal de Francfort и угадали ли, что это азъ грѣшный и недостойный кидаюсь въ борьбу не на животъ, а на смерть съ вашими политическими и кабинетными знаменитостями; у меня еще изготовлено нѣсколько подобныхъ статей и зачаты другія, которыя хочу всѣ вмѣстѣ отпечатать особою книжечкою. Жаль, что изъ того прока не будетъ и никого не вразумлю. Но каждому данъ здѣсь свой удѣлъ и свое орудіе, мнѣ дано перо и валяй!

21 марта (2 апр.). Вчера былъ я въ первый разъ въ жизни въ Баденъ-Баденѣ. Познакомился съ могилою Наденьки, и былъ въ комнатахъ, гдѣ жилъ и скончался Жуковскій. Ѣздили на развалины древняго замка.

Chambre des communes 23 Juin. M-r. Oliveira: hier les débats d'une affaire portée devant la cour du shériff ont établi que le lord contrôleur de la maison de la reine (Lord Drumlanring) avait parié qu'un boxeur de profession nommé Johnni Walker en battrait un autre, et avait engagé 1,000 livres dans ce pari. Je demande au Lord président du conseil privé s'il ne conviendrait pas d'ouvrir une enquête pour savoir si un noble Lord qui a de tels goûts est un homme qu'il convient de mettre en rapports de tous les jours avec S. M. (*la Presse* 25 Juin 1854).

Карлсбадъ, 16 іюня. Сегодня Карлсбадъ мнѣ опостылѣлъ. Утромъ на водахъ видѣлъ я князя Воронцова, сидящаго между двумя лэди. Ланскоронскій сказалъ Бибеско, что пишутъ изъ Вѣны, что Россія принимаетъ предложенія Австріи и выводитъ войска свои изъ княжества. Самъ Бибеско, завидя старую курву княгиню Эстергази, подбѣжалъ къ ней съ привѣтствіями: votre altesse и проч. Хорошо, что я уже пересталъ пить воды, а то все нынѣшнее питье бросилось бы мнѣ кровью къ сердцу. По мнѣ лучше проиграть три сраженія, чѣмъ уступить Австріи. Надѣюсь еще, что это ложный слухъ.

Князь Воронцовъ далъ мнѣ на прочтеніе біографію Котляревскаго, написанную Сологубомъ. Больно читать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Что за время было и что за люди были въ это время! Разумѣется, и нынѣ не менѣе храбрости, самоотверженія, но все это жертвы, а тогда и счастіе вѣнчало неустрашимые подвиги. Какой-то духъ увѣренности, удачи, побѣды носился въ воздухѣ и всѣхъ одушевлялъ.

Charles Albert сказалъ: Italia farà da sè! Меттерних въ свое время говаривалъ: „l'Italie n'est plus qu'une expression géographique“.

Въ Піемонтезской камерѣ во время долгихъ преній о томъ, что нужно ли изгнать Іезуитовъ и упразднить обитель: des Dames du Sacré coeur, одинъ депутатъ сказалъ: „Si nous perdons le temps à supprimer quatre moines, nous ne supprimerons jamais les Allemands“. Кто то сказалъ о Россіи:

Où le milieu du jour arrive d'un côté,
Tandis que minuit sonne à l'autre extrémité.

При этомъ Babinet, de l'Institut, говоритъ въ своей статьѣ Climats du nord, по поводу англійской книги, Travels in Siberia, by S. Hill, esq., London, 1854 (Revue des deux mondes 1-er Juillet 1854): on peut remarquer que l'empire russe occupe bien plus de la moitié du contour entier de la terre, et que, comme on l'avait dit autrefois de l'empire espagnol, le soleil ne se couche jamais pour lui. L'empire britannique peut prétendre aujourd'hui à la même distinction; mais ce qui est particulier à l'empire russe, c'est la continuité de son territoire. Un homme d'état disait plaisamment des habitans de Genève: „Quand vous voyez un Genevois se jeter par la fénêtre, jetez-vous-y-toute de suite après lui, il y a encore cent pour cent à gagner“.

Графъ Александръ Ивановичъ Апраксинъ пріѣхалъ однажды ко мнѣ съ просьбою замолвить о немъ доброе слово Дашкову, тогдашнему министру юстиціи, для назначенія его сенаторомъ, по ходатайству, кажется, графа Бенкендорфа. Апраксинъ числился тогда гдѣ-то по министерству финансовъ. Дашковъ отвѣчалъ мнѣ, что онъ точно спрошенъ былъ по приказанію Государя о возможности удовлетворить желанію Апраксина и далъ поэтому отвѣтъ *стереотипный*, даваемый имъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, а именно, что онъ Апраксина лично не знаетъ и потому не можетъ судить о способностяхъ его, но долгомъ считаетъ повторить, что для возвышенія Сената, какъ того желаетъ Государь, должно имѣть постоянно въ виду, что сколько опредѣленіе въ Сенатъ людей способныхъ и того званія достойныхъ можетъ привести къ сей цѣли, столько назначеніе людей, несо-

отвѣтствующихъ этому званію, должно неминуемо отклонять отъ предположенной цѣли и содѣйствовать упадку Сената. На этотъ разъ желаніе Апраксина не состоялось. Но послѣ, не знаю уже ни кѣмъ, ни какъ, но, кажется, уже послѣ Дашкова, Апраксинъ назначенъ былъ въ Сенатъ, украшенъ лентами и звѣздами. Вѣроятно частью способствовало тому появленіе въ свѣтъ дочери его, которая красотою своею очень понравилась honny soit qui mal y pense. По этому же случаю, Дашковъ сказалъ мнѣ, что напрасно приписываютъ ему назначеніе сенаторовъ по его усмотрѣнію, что онъ, напримѣръ, представлялъ въ сенаторы Д. П. Бутурлина, котораго полагалъ онъ весьма способнымъ занять мѣсто въ межевомъ департаментѣ, и получилъ отказъ на томъ основаніи, что Бутурлинъ никогда не будетъ принятъ вновь на службу въ нынѣшнее царствованіе. Кажется, недовольны были личностью его во время послѣдней Турецкой кампаніи. Несмотря на то, Бутурлинъ вскорѣ послѣ того былъ опредѣленъ въ Сенатъ, потомъ въ Совѣтъ, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Тутъ рѣшительно помогли ему жена и Аничковскіе балы, на которые онъ не пускалъ ее безъ себя, а его не приглашали, какъ отставного. Впрочемъ, успѣхи его по службѣ и по другимъ отношеніямъ небезосновательны. Онъ человѣкъ былъ умный и съ способностями, съ большими предубѣжденіями; сердца, полагаю, довольно жесткаго и честолюбія на многое готоваго, но вообще одаренный тѣмъ, что выводитъ людей вездѣ и всегда. Мало, кто имѣлъ бы столько прозвищъ, какъ онъ. Сперва былъ онъ Бутурлинъ-Жоминн, потому что сталъ извѣстенъ военными сочиненіями; тамъ Бутурлинъ-Трокадеро, потому что находился при главной квартирѣ герцога Ангулемскаго во время Испанской войны; тамъ Бутурлинъ-доктринеръ, по сгибу ума его и мнѣніямъ, цѣльнымъ и порѣшеннымъ однажды навсегда. Подъ конецъ прозвали его *барыней 17-го столѣтія*, по поводу драмы, которую представляли на Александринскомъ театрѣ, и вслѣдствіе понятій его отсталыхъ. Это послѣднее прозваніе придалъ ему, кажется, графъ Николай Гурьевъ; по крайней мѣрѣ, отъ него первато услышалъ я о немъ. Еще можно было бы прозвать его

Бутурлинымъ-цензоромъ, потому что, вѣроятно, ему обязанъ учрежденіемъ той высшей и ретроспективной цензуры, которой назначенъ онъ былъ предсѣдателемъ.

Вообще у насъ замѣчается, что люди умные мало способны къ службѣ, а люди къ ней способные, когда и бываютъ они умны, какъ-то отрекаются отъ ума. Первые заносятся въ превыспреннія, затѣваютъ мѣры и преобразованія неудобоприимѣнемыя; другіе тащутся въ колеѣ формальностей и канцелярской очистки бумагъ. Выборъ правительства очень затрудняется въ тѣхъ и другихъ. Но это доказываетъ, что должно измѣнить самый составъ и духъ службы нашей и найти среднюю дорогу, по которой могли бы идти рядомъ умственная дѣятельность и порядокъ, или преданіе.

„Въ дѣлѣ не былъ, а Георгія получилъ“ (приписываютъ Меншикову).

Gesang der Nachtwächter in Stuttgart.

Ihr Leutlein, will ich sagen
Die Glocke zehn Uhr hat geschlagen,
Bewahret Feuer und Licht.
Auf dass euch Gott behüt
Wohl auf zehn Uhr!

Пѣснь ихъ же на разсвѣтѣ:

Steht auf im Namen Jesu Christ,
Der helle Tag vorhanden ist,
Der Tag vertreibt die finstre Nacht,
Ihr lieben Christen seid munter und wacht
Und lobet Gott den Herrn.

Мы слишкомъ уже начали промышлять чудесами. И въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и объявленіяхъ и въ частныхъ извѣстіяхъ все сбивается на этотъ ладъ. И въ спасеніи Одессы чудо, и въ крушеніи Тигра, и въ Соловецкомъ монастырѣ,—все то же. Мы должны благодарить Бога за милосердіе Его и за

каждую нашу удачу и за каждое наше избавленіе отъ предстоявшей бѣды, но не имѣемъ права по собственному нашему произволу провозглашать чудеса. Если на то пойдетъ, то какъ же не спросить: почему же въ Бомарзундѣ не явилось чуда и нашъ тысячный гарнизонъ не могъ устоять противъ непріятеля, въ десятеро его сильнѣе, а если считать и флотъ, въ 30, въ 40 разъ его сильнѣе. Теперь ужъ и въ Измайловскомъ пожарѣ не обошлось безъ маленькаго, но неминуемаго чуда. *Полицейскія Вѣдомости* доносятъ, что между лѣсами, окружавшими строющійся домъ, стояла мачта, на верхней части коей былъ крестъ, обыкновенно водружаемый при закладкѣ строенія, и, продолжаютъ онѣ: „тутъ излишни всякія разсужденія, всякія объясненія: все сгорѣло, крестъ уцѣлѣлъ. Этотъ замѣчательный случай, говоритъ донесеніе полиціи, имѣетъ глубокій смыслъ, который будетъ понятенъ каждому христіанину". Дѣло въ томъ, что и Галаховъ по своей полицейской части хотѣлъ то же имѣть свое маленькое чудо. Статья Погодина о нападеніи на Соловецкій монастырь—сущая проповѣдь, но какъ нѣтъ въ немъ апостольскаго призванія, то и выходитъ, что проповѣдь его совершенно неумѣстна.

---

29 авг. 1854. Вчера проѣзжалъ чрезъ Стутгартъ Гакстгаузенъ и я провелъ съ нимъ вечеръ у Титова. Онъ говорилъ, между прочимъ, что бѣда въ томъ, что демагоги считаютъ все возможнымъ, а консерваторы находятъ во всемъ невозможность. Тѣ все разрушаютъ, полагая, что ничего легче, какъ все сызнова перестроить, а тѣ боятся до чего нибудь дотронуться, чтобы все тутъ же не рушилось. Онъ упоминалъ объ отзывѣ Гримма во время Германскаго парламента: когда сойдутся для разсужденія три профессора, то неминуемо окажется четыре мнѣнія.

Въ донесеніи о вышесказанномъ пожарѣ объявляютъ, что до ста домовъ сдѣлались жертвою огня и въ числѣ ихъ до 20 каменныхъ, а казенныя зданія, за исключеніемъ нѣсколькихъ деревянныхъ навѣсовъ, *всѣ спасены*. Признаюсь, желалъ бы я,

чтобы хотя одинъ сгорѣлъ, а то невольно приходитъ на мысль, что за *спасеніемъ казенныхъ зданій* нѣсколько пренебрегли частными собственностями.

Капштадтъ, 30 августа 1854 г.

Heine разсказываетъ въ своихъ Les aveux d'un poète (Revue des deux mondes 15 сентября 1854 г.), что онъ однажды встрѣтилъ Нѣмецкаго портнаго Weisling, либерала, и что онъ былъ очень недоволенъ его фамильярнымъ обхожденіемъ: „Ce qui blessa surtout mon orgueil, ce fut le peu de déférence que le drôle me témoigna en parlant. La casquette sur la tête, il était assis sur un escabeau, se frottant avec la main audessus de la cheville de la jambe droite qu'il tenait élevée en l'air, de telle façon que son genou lui touchait au menton. J'attribuais cette singulière position aux habitudes de métier du tailleur,—но вскорѣ узналъ онъ, что причина тому была другая, — il me dit d'un ton tout à fait insouciant, comme si c'était la chose la plus simple du monde, que, pendant sa résidence dans les différents cachots de la confédération germanique, on lui avait souvent mis les fers aux pieds, et que sa jambe se ressentait toujours de la douleur que lui avait causée la pression de quelques anneaux trop étroits. Je crois que j'ai reculé de plusieurs pas, quand, avec le geste familier d'un bohémien s'adressant à un vagabond initié aux habitudes extra-légales de la confrérie, Weisling me révéla cet incident. Cela n'est pas comme il faut, et un homme de bonne compagnie ne doit pas s'allier à des individus ferrés de cette espèce. Singulières contradictions dans les sentimens du coeur humain! Moi, qui avait un jour à Munster baisé avec des lèvres brûlantes les reliques du tailleur Jean de Leyde, ainsi que les chaines qu'il avait portées—moi, qui avais voué un culte fervent au tailleur mort, je sentis une invincible aversion à l'approche du tailleur vivant, de cet homme qui était pourtant l'apôtre et le martyr de la même cause pour laquelle avait souffert Jean de Leyde".

Гейне, сидя послѣ обѣда у Гегеля, восхищался звѣзднымъ небомъ. „Les étoiles, hum! hum! проворчалъ про себя Гегель, les

étoiles ne sont qu'une lèpre luisante sur la face du ciel". „Au nom de Dieu, воскликнулъ Гейне, который называлъ звѣзды жилищемъ блаженныхъ душъ,—il n'y a donc pas là-haut un lieu de béatitude pour récompenser la vertu après la mort? Mais Hegel me regardant fixement de ses yeux blêmes, me dit d'un ton sec: vous réclamez donc à la fin encore un bon pour-boire pour avoir soigné madame votre mère malade, et pour n'avoir pas empoisonné monsieur votre frère!

«Il y a des gens qui croient, que c'est une chose admirable que de se gouverner soi-même parcequ'alors ils ne se gouvernent pas du tout et qu'ils se passent tous leurs caprices: c'est en cela que consiste pour eux la beauté du *self-gouvernement* (S-t Marc Girardin,—Jean-Jacques Rousseau. Revue des deux mondes, 15 Сент.).

Въ Revue des deux mondes, 15 августа, преглупая статья Saint Réné Taillandier: les Allemands en Russie et les Russes en Allemagne. Говорится тутъ, между прочимъ, о Чашниковѣ, директорѣ Митавской гимназіи, который ставилъ Ломоносова выше Шиллера, потому что этотъ сынъ капитана, въ рангѣ маіора, едва ли былъ выше отца своего чиномъ, а Ломоносовъ сынъ рыбака, дослужился до статскихъ совѣтниковъ и имѣлъ пять знаковъ отличія. О книгѣ Bruno Bauer, Russland und das Germanenthum, который надѣется на Россію pour passer le niveau sur les nations и утвердить торжество демагогіи, коммунизма. „Le duc de Vicence, demeuré fidèle au malheur (послѣ Ватерлоо), mais comprenant que la fortune n'est past seule coupable de la défaite de son maitre, n'hésite pas à condamner le retour de l'empereur et lui dit hardiment devant les courtisans consternés et déjà indécis: «Sire votre place est au milieu de votre armée». Napoléon, comprenant trop tard sa faute irréparable, laisse échapper l'aveu terrible qu'il avait jusque-là retenue sur ses lèvres: «Je n'ai plus d'armée». (Du poète historien о сочиненіи Ламартина Histoire de la Restauration, статья Gustave Planche. Revue des deux mondes, 15 авг.)

Я нашелъ сходство между собою и Лейбницемъ. Онъ читалъ много, mais il redoutait les livres dont le poïds et la masse

relentissent la lecture. Онъ самъ признается въ письмѣ 1680 г., ему было тогда 34 года, что онъ не успѣлъ еще прочесть со вниманіемъ сочиненій Декарта. А однако же, какъ замѣчаетъ Французскій рецензентъ, lorsqu'un grand penseur comme Descartes prend la peine d'écrire, ne devrait il pas pouvoir se promettre surtout un lecteur comme Leibnitz. «Le style *familier* et *aisé* est plus conforme à un homme, qui *veut tout lire*, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. Вотъ здѣсь разница со мною. Я много читаю, но не хочу *всего* читать. Страшно и совѣстно было бы признаться, чего я не читалъ. Лейбницъ мало читалъ по нѣмецки, а больше по латыни и всего болѣе по французски. Онъ даже писалъ французскіе стихи, и порядочные, по удостовѣренію аббата *Foucher*, съ которымъ онъ былъ въ постоянной перепискѣ (Lettres et opuscules inédites de Leibnitz,—publiés par A. Foucher de Careil. J. de Débats. 20 Сент. 1854). Les romans de W. M. Thackeray connu longtemps sous le pseudonyme Michael-Angelo Titmarsh, anciennement un des rédacteurs du Punch, où il publia par chaptires le livre des *Snobs* etc. etc. *Brummel*.

Un sermon sous Louis XIV par Bungener. Умная и занимательная книга, въ формѣ драматической повѣсти, гдѣ выводятся лица: Bossuet, Bourdaloue, Фенелонъ, еще въ молодости, протестантскій предикаторъ Claude de Charenton, извѣстный преніями своими съ Боссюэтомъ, духовникъ короля le père Lachaise. И разумѣется, самъ Людовикъ XIV и m-me de Montespan—прекрасные разборы духовнаго краснорѣчія. Все въ духѣ протестантскомъ, но умѣренно и довольно безпристрастно. Невозможность доказать историческимъ образомъ пребываніе апостола Петра въ Римѣ и, слѣдовательно, оправдать претензіи папъ. La tradition place sa mort en 66, la même année que celle de S-t Paul.

Or, le Livre des Actes nous le montre sans interruption soit à Jérusalem, soit à Césarée, soit à Antioche, jusqu'à 52, dès lors nous le perdons de vue; mais en 58, ou 59, S-t Paul écrit l'épître aux Romains. Dans toute cette longue lettre, pas un mot sur S-t Pierre, et, à la fin, quand l'auteur nomme et salue jusqu'à 27 personnes, pas un mot non plus pour celui qu'il eût été naturel de nommer et de saluer le premier. Evidemment donc, en 58, Pierre n'était

pas à Rome. En 61, Paul arrive dans cette ville, les Actes racontent son séjour, et sur Pierre, même silence. En 62, ou 63, il écrit de Rome 4 épîtres: Pierre n'y est pas nommé. En 66, l'année même de sa mort, il écrit encore à Thimothée. «*Tous* l'ont abandonné» dit-il: où était Saint Pierre? «Nous mourrons *tous*... tous... oui, Sire, presque tous...» dit un jour un prédicateur devant Louis XIV. Il parait qu'à ce mot «tous... tous" le roi avait fait un mouvement, et que le pauvre orateur, craignant de l'avoir blessé, n'avait rien trouvé de mieux qu'un «presque» pour adoucir l'effet de son «*tous*».

Неудивительно, что Императоръ Австрійскій поспѣшилъ *побрататься* съ нынѣшнимъ Наполеошкою. Это согласно съ политическими Австрійскими преданіями. Въ 1756 г., послѣ Версальскаго мира, Марія-Терезія не назвала ли въ письмѣ г-жѣ Помпадуръ: ma cousine.

Вольтеръ писалъ à M. D'Argence de Dirac, 24 Fév. 1761: «Si vous voulez des nouvelles de nos armées, le régiment de Champagne *s'est battu comme un lion, et a été battu comme un chien.* Si vous voulez des nouvelles de la marine, on nous prend des vaisseaux tous les jours. Si vous aimez mieux des nouvelles de finance, nous n'avons pas le sou". Грустно и страшно это читать.

Вено, 15 окт. 1864.

Du temps des fictions, c'était le vrai qui se cachait sous le faux; aujourd'hui que tout le monde raisonne, c'est le faux qui se cache sous les formes du vrai (Trois sermons sous Louis XV par Félix Bungener, troisième partie, page 117).

«Quelqu'un disait à l'abbé Terray, contrôleur général: mais vous voulez donc, monseigneur, prendre notre argent jusque dans nos poches, à quoi l'abbé repondit naivement: où voulez vous donc que je le prenne?»

Silhouette, также министръ финансовъ, въ царствованіе Людовика XV-го, началъ нѣкоторыми экономическими реформами (напримѣръ, бѣлье короля и царской фамиліи возобновлялось каждые три года, онъ установилъ пятилѣтній срокъ, позднѣе Неккеръ 7-ми-лѣтній), но послѣ года напрасныхъ усилій, онъ оставилъ свое мѣсто. Мода и карикатура овладѣли его именемъ: узкіе штаны, узкіе сюртуки именовались à la Silhouette; профильные портреты черною краскою — силуэтами, и это имя за ними осталось.

Странная участь можетъ быть ожидаетъ Меншикова: онъ, управляющій морскимъ министерствомъ и строитель нашего флота, мѣрами своими можетъ содѣйствовать уничтоженію его передъ Севастополемъ.

Un grand seigneur demandait à un de ses amis: que donnez vous à votre valet? Cent écus. Moi, j'en donne deux cents au mien... Il est vrai que je ne le paye jamais.

Sous Louis XV les pensions, accordées à tort et à travers n'étaient jamais régulièrement payées. «Je vous ai accordé, disait un jour le roi, à un officier de sa maison une pension de mille écus, mais n'allez pas augmenter vos dépenses, car on ne vous la payera pas». Это немного напоминаетъ наши пожалованныя земли, которыя самъ Киселевъ называетъ *пожалованный снижокъ*.

Пишутъ изъ Петербурга Принцу Ольденбургскому: «смерть Корнилова всѣхъ крайне поразила и огорчила. Онъ раненъ ядромъ въ лѣвый пахъ и жилъ послѣ того малое время. Послѣднимъ словомъ его было къ солдатамъ предсмертное завѣщаніе защищать отечество и умереть за него, ибо не всѣмъ дается утѣшеніе умереть за отечество. Государь много пролилъ слезъ о немъ. Одинъ изъ его сыновей находится юнкеромъ въ эскадрѣ адмирала Путятина, еще есть два сына меньшіе.

Меншиковъ въ своемъ донесеніи отъ 15 октября пишетъ: „потеря съ нашей стороны едва-ли значительна, но, къ истинному сожалѣнію, велика тѣмъ, что генералъ-адъютантъ Корниловъ, раненый ядромъ въ ногу, вскорѣ умеръ".

Довольно сухо и холодно. Впрочемъ ни въ какомъ отношеніи оффиціальная грамота намъ не далась. Это бы еще не бѣда, только дѣлалось бы дѣло, да и то какъ-то идетъ плохо. По всему видно, что у насъ мало силъ,—и это непростительно. Россія истощается для содержанія войска, а когда и гдѣ войско нужно, тогда и тамъ его нѣтъ. Вотъ болѣе года, что журналы толкуютъ о нападеніи на Крымъ, а подмоги наши подходятъ туда только теперь, когда непріятель уже занялъ часть Крыма.

Здѣшніе Пруссаки такъ довольны моею брошюрою, что послали экземпляръ Прусскому Королю. Я не обольщаюсь достоинствомъ своей брошюрки и не придаю ей цѣны, которой имѣть она не можетъ, но я твердо убѣжденъ и вижу тому доказательства, что подобныя публикаціи дѣйствуютъ на умы сильнѣе и успѣшнѣе, нежели многія дипломатическія ноты. У насъ должны бы всячески поддерживать такого рода вылазки противъ непріятеля. Но наши дипломаты держатся одного правила: быть ниже травы, тише воды, и заботятся объ одномъ: какъ бы покойнѣе и долѣе просидѣть на своемъ мѣстѣ. Это миролюбіе, эта уступчивость и накликали на насъ войну. Будь наша дипломатія зубастѣе, и непріятельскіе штыки и ядра не губили бы тысячи и тысячи нашихъ братьевъ, которыхъ кровь вопіетъ противъ водяныхъ и сахарныхъ чернилъ нашихъ дипломатовъ. Очень мило, что жалуются на русскій Кобленцъ, а что же сказать о революціонномъ Кобленцѣ, который Англія питаетъ и согрѣваетъ за пазухою своею? О русской типографіи въ Лондонѣ, въ которой печатаются возмутительныя сочиненія противъ Россіи, и гдѣ Русскіе призываютъ соединиться съ непріятелями и возстать противъ Царя? Вотъ что должно бы отвѣчать на нелѣпыя требованія какого нибудь Брукера. Нашъ Царь, спасибо ему, умѣетъ говорить за себя и за Россію, но глашатаи его тщедушны, мало-

душки и дуютъ въ соломенку. Пора бы всѣхъ ихъ, или почти всѣхъ, на покой, благо они такъ любятъ покой, а поставить людей плечистыхъ и грудистыхъ, людей, отъ которыхъ пахнетъ Русью и которые по-русски мыслятъ, чувствуютъ и говорятъ.

Простите и простите, или кстати сказать здѣсь, какъ говорятъ наши купцы: просимъ прощенія. А знаете ли, что соединеніе двухъ смысловъ въ одномъ и томъ же словѣ очень трогательно и имѣетъ глубокое человѣческое значеніе. Прощаясь съ кѣмъ нибудь, просимъ у него прощенія за всѣ вольныя и невольныя оскорбленія, непріятности.

«Il bavarde et pleurniche, il pleurniche et bavarde. Toutes ses paroles ont de longues oreilles. Une femme enceinte qui l'avait entendu parler est accouchée d'un âne».

«Avez-vous encore de grands hommes? dit le roi. En ce moment, dit le Souabe, il n'y en a pas de grands; il n'y en a que de gros.

— Menzel, ajoute le roi, a-t-il encore reçu beaucoup de soufflets? Merci pour lui, dit le Souabe; il en a encore assez de ceux qu'il a reçu autrefois.

Le roi dit: tu n'es pas aussi bête que tu en as l'air, mon ami. Cela vient, dit le Souabe, de ce que les Kobolds m'ont changé en nourrice.

«J'entends au fond de mon cerveau un grand remue-ménage. Il me semble que quelqu'un y fait sa malle, et que mon esprit,— O mon Dieu!—que mon esprit va déguerpir avant que je ne m'en aille moi même.

— Peut-être aussi la société des matous faisait-elle la répétition du grand opéra que le plus grand pianiste de Hongrie a composé pour Charenton.

Ce n'est qu'au point du jour que le sabbat a fini. Il a été cause qu'une cuisinière enceinte est accouchée avant terme. La pauvre accouchée, devenue folle, a complètement perdu la mémoire; elle ne sait plus quel est le père de son enfant.

Était-ce Pierre? était-ce Paul? Dis-nous, Lise, quel est le père

de l'enfant? Lise sourit, transfigurée par la béatitude, et s'écrie: O Liszt! ô matou céleste!

(Henri Heine. Le livre de Lazare. Revue des deux mondes 1-er novemb. 1854).

---

25 ноября 1854. Пишу Якову Толстому, по случаю союза, заключеннаго Австріею съ Франціею и Англіею, о которомъ говорятъ газеты. „А что выкинула Австрія? Не можно еще изъ газетъ добиться настоящаго толка. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, должно полагать, что она точно *выкинула* и ничего не родила".

Генералъ Пиллеръ-Пильхау длинный сухой мужчина. Прежде писалъ онъ фамилію свою Пиллеръ-Пильшау. Кто-то спросилъ Остенъ-Сакена, когда сдѣлалъ онъ эту перемѣну? Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ онъ, что стали писать не донъ-Кишотъ, а донъ-Кихотъ.

В. К. Елена Павловна даетъ по четвергамъ вечера подъ именемъ и приглашеніемъ княгини Одоевской. Кто-то назвалъ ихъ des soirées morganatiques. Я было прозвалъ ихъ des soirées pseudonymes, но то названіе лучше.

На обѣдѣ, данномъ въ честь Тотлебена въ клубѣ шахматныхъ игроковъ, нашего академика Якоби поколотили. Веневитиновъ говоритъ, что онъ слышалъ, что на этомъ обѣдѣ яко-бы били.

А. С. ХОМЯКОВУ.

С.-Петербургъ, 16 Апрѣля 1856.

Юрій Александровичъ Нелединскій разсказывалъ мнѣ, что, отправившись когда-то во внутреннія губерніи, заѣхалъ онъ по дорогѣ къ пріятелю своему въ деревню. Оба были страстные игроки и, разумѣется, за картами дѣло не стало. Хозяинъ на-

чалъ метать банкъ, а гость понтировать, и съ такимъ счастьемъ, что вскорѣ выигралъ 20,000 рублей, и имѣя правиломъ никогда не отгибать и не отписывать, поставилъ онъ новую карту на 40,000 рублей. Банкометъ отказался бить; они разочлись, и Нелединскій отправился, куда слѣдовало. На возвратномъ пути заѣхалъ онъ опять къ пріятелю, который предложилъ дать ему случай отыграться. Нелединскій согласился; спокойно вынулъ изъ кармана сохраненную имъ колоду картъ и также спокойно поставилъ на прежнюю карту тѣ же 20,000 на 40,000 рублей. Испуганный банкометъ раскричался, увѣрялъ, что это дѣло неслыханное, что нельзя начинать игры съ такого значительнаго куша, и проч. и проч.“ Да я и не начинаю, отвѣчалъ Нелединскій, а продолжаю“.

Признайтесь, любезнѣйшій Алексѣй Степановичъ, что вы поступили съ цензурою какъ Нелединскій поступилъ съ своимъ банкометомъ. Но разница та, что цензура не свободный банкометъ и что, въ настоящемъ случаѣ, не была она властна дать вамъ поставленную вами карту, а обязана была ее побить, добить и убить. Она сама находилась подъ высшимъ запретительнымъ приговоромъ, котораго отмѣнить была не въ силахъ, котораго отмѣнить были не въ правѣ ни Министръ, ни Главное Управленіе цензуры. По порученію А. С. Норова, я прочелъ вашу статью, отозвался о ней, что по сущности своей, что сама по себѣ можетъ она быть напечатана. Министръ былъ того же мнѣнія. Но когда дѣло дошло *до справокъ*, то оказалось, что печатать нельзя. По совѣсти скажу вамъ, что тутъ никого обвинить не можете. Не въ оправданіе свое, или наше, скажу болѣе: вамъ и жалѣть о томъ не слѣдуетъ. Не говорю уже о цензурномъ неприличіи и даже совершенномъ неудобствѣ приводить выписки съ поясненіями и частью съ одобреніемъ, изъ статьи, которая, правильно, или нѣтъ, но была запрещена верховною властью, а, воля ваша, какъ-то, и чисто въ литературномъ отношеніи, странно начинать новый журналъ отвѣтомъ на статью, нѣсколько лѣтъ передъ симъ напечатанную.

А у меня и на это есть для васъ анекдотъ. У Карамзина былъ камердинеръ Матвѣй, заика. Однажды зоветъ онъ его изъ

кабинета, отвѣта нѣтъ. Зоветъ въ другой, въ третій все нѣтъ отвѣта. Занятый своимъ дѣломъ, Карамзинъ уже успѣлъ забыть и Матвѣя, и то, что онъ хотѣлъ ему сказать, какъ вдругъ слышитъ изъ передней, словно пистолетный выстрѣлъ: „с... с... с... сейчасъ".

Все это обязанъ я былъ написать вамъ ранѣе, но это послѣднее время я хворалъ и сидѣлъ дома. Позднѣе узналъ я, что Аврамъ Сергѣевичъ писалъ о томъ со всѣми объясненіями Котелеву. Надѣюсь, что эта первоначальная неудача не охладитъ васъ къ журнальному дѣлу. Мы рады вамъ помогать, но и вы помогайте намъ, не ставьте насъ между двухъ огней и не требуйте отъ насъ невозможнаго. Христосъ Воскресе!

Обнимаю васъ, душевно и неизмѣнно вамъ преданный.

КНИЖКА 19-я.

(1854).

ГРАФИНѢ ЛЮДОВОЙ.

16 Апрѣля 1854 г. Баденъ-Баденъ.

Сердечно благодарю васъ, любезнѣйшая графиня, за ваше милое и занимательное письмо. Теперь болѣе нежели когда-нибудь кстати сказать:

Мила намъ добра вѣсть о нашей сторонѣ,
Отечества и *дыма* намъ сладокъ и пріятенъ!

Особенно когда это дымъ пороховой! Радуюсь, что здоровье графа поправляется. Мы было пріѣхали сюда погостить на нѣсколько дней и на прощаніе съ своими, и нашли всѣ ужасы природы въ этомъ благорастворенномъ и прославленномъ Баденъ-Баденѣ. Снѣгъ, градъ, дождь, морозъ, буря. Мерзнемъ въ комнатахъ и только молимъ Бога, чтобы такая погода и втрое хуже угостила нашихъ черноморскихъ и балтійскихъ заѣзжихъ пріятелей. Нельзя не злобствовать и не жестокосердствовать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Тутъ уже не до филантропіи и не до милыхъ ближнихъ. Я очень радъ, что *Письма Ветерана* вамъ понравились, хотя и критикуете въ нихъ кое-что. Но, помилуйте, какъ же не имѣемъ мы историческаго права на Восточное наслѣдство, когда оно сдѣлается выморочнымъ. Не говорю уже о семейныхъ отношеніяхъ царей нашихъ съ восточными царевнами, о гербѣ нашемъ, но, главное дѣло: церковь. Изъ Восточной Имперіи она одна уцѣлѣла и душа этой церкви къ намъ перешла. Тамъ остался одинъ ея трупъ. Знаю, что Правительство наше не хо-

четъ присвоенія Царьграда. И, можетъ быть, оно и право. Но, исторія хочетъ, чтобы со временемъ Царьградъ былъ Русскій. И воля ваша, она права. Неужели, когда поганая феска слетитъ съ головы Востока, мы отдадимъ эту голову Нѣмецкому бумажному колпаку какого нибудь Нѣмецкаго принца, какъ отдали возродившуюся Грецію нашему Карлсбадскому пріятелю, царю Аѳанасію. Нѣтъ, этому не бывать. Греки братья наши. Какъ же не имѣть намъ историческихъ правъ? Да вся исторія наша ничто иное какъ развитіе этого права. Это не только наше историческое право: еще болѣе, это наша историческая обязанность. Я не говорю, что слѣдуетъ зарѣзать пожизненнаго владѣльца, чтобъ скорѣе завладѣть имѣніемъ его. Но, если и когда владѣлецъ этотъ честнымъ манеромъ околѣетъ, то не можемъ допустить, чтобы кто другой сѣлъ на его мѣсто, а чтобы не дать другому сѣсть, одно средство: сѣсть самому. Другого, воля ваша, ничего не придумаешь. А пока, вотъ вамъ мои послѣдніе стихи, долгъ мой князю Горчакову. Я послалъ Плетневу много другихъ стиховъ, чтобы отпечатали ихъ особенною книжечкою въ пользу нижнихъ нашихъ Дунайскихъ чиновъ. Поручаю ихъ вашему милостивому попечительству. Чрезъ нѣсколько дней отправимся въ Дрезденъ, гдѣ должны мы съѣхаться съ Тютчевой и передать ей Лизу Валуеву.

Баденъ-Баденъ. Апрѣля 13. Писалъ Горчакову. Послалъ стихи Ганкѣ.

16. Пріѣзжала Столыпина изъ Карлсруэ. Холодъ, дождь, вѣтеръ.

20. Пишу Булгакову: Второстепенныя и маленькія Нѣмецкія державы вообще за насъ. За то двѣ большія державы ставятъ себѣ за честь стоять гайдуками на запяткахъ кареты, въ которой изволятъ прогуливаться Ихъ Величества Гришка Отрепьевъ и Викторія-Марина. Смѣшеніе тѣней и сіяній на горахъ меня всегда восхищаетъ.

Май 1. Писалъ Булгакову съ вѣткою Жуковской.

5. Вчера выѣхали изъ Бадена и пріѣхали въ четвергъ но-

чевать въ Гейдельбергъ. Видѣлъ графиню Гурьеву, княгиню Бутера, у нея сына и графа Григорія Шувалова.

6. Вчера пріѣхали въ Франкфуртъ. Видѣлъ Глинку. Былъ у Баденскаго генерала Krieg, который перевелъ стихи мои Баварскому королю. Въ Гейдельбергѣ встрѣтилъ у Гурьевой Парижскаго священника.

30 (Карлсбадъ). Писали Аннѣ Тютчевой. Получили вчера письмо отъ Павла съ извѣстіемъ о рожденіи сына.

Іюнь 1. Прусскій король давалъ обѣдъ въ честь и въ день рожденія Англійской королевы. Очень нужно. А она празднуетъ ли его рожденіе?.....

4. Бельгардъ говорилъ мнѣ, что Ростопчинъ въ Парижѣ ѣлъ одинъ рисъ.

6. Со многихъ сторонъ доходитъ, что Австрійская армія вовсе не желаетъ войны противъ насъ, и въ томъ числѣ и генералъ графъ Schlik.

7. Пріѣхало семейство принца Schaumburg-Lippe. Съ 1787 года наслѣдовалъ онъ отцу (трехъ лѣтъ), родившемуся 1723 года. Долѣе 130 годовъ въ двухъ поколѣніяхъ.

11. Писалъ Плетневу со стихами *Блюхера* и *Веллингтона*, которые ради осторожности перекрестилъ въ *Иженародныя витіи*.

12. Силистрія и прочее ядромъ засѣли мнѣ въ душу. Тяжело.

13. Здѣсь проѣздомъ Цареградскій Пурталесъ. Онъ хорошо знаетъ Турцію и увѣренъ, что ей ни въ какомъ случаѣ не сдобровать; но онъ кажется принадлежитъ той партіи, которая при этомъ случаѣ хочетъ ослабить и Россію.

14. Писалъ Гапкѣ съ Трубецкимъ. Говорятъ, что Англичане и Французы обѣщаютъ Австріи протекторатъ Дунайскихъ княжествъ.

15. Дундасъ въ донесеніи своемъ адмиралтейскимъ лордамъ говоритъ, что Русскимъ корпусомъ, осаждающимъ Силистрію, командуетъ Великій Князь Константинъ!!!

17. Грустно читать газеты. Знаешь, что мы не можемъ наносить скорые и рѣшительные удары, а всетаки больно видѣть, что дѣла наши не подвигаются, а многое и раздвигается.

21. Газеты говорятъ о ранахъ, полученныхъ Паскевичемъ и Шильдеромъ. Что-то нѣтъ намъ счастія. Большая неустрашимость, примѣрное самоотверженіе, но нѣтъ блистательныхъ ударовъ. Послѣ Синопа и Баш-Кадык-Лара мы заговѣлись; а въ нашемъ положеніи нужно поражать мнѣніе блестящими успѣхами.

23. Письмомъ Александрины Толстой подтвердилось печальное извѣстіе о смерти милаго Андрея Карамзина. Я былъ зловѣщимъ поэтомъ. Богъ не благословилъ моей пѣсни. Грустно и тяжело. Пріѣхали князь Воронцовъ и графиня Шоазель.

25. Бѣдный Андрей! Въ донесеніи о дѣлѣ, въ которомъ онъ былъ убитъ, заключается родъ посмертнаго выговора ему.

26. Вечеромъ былъ у князя Воронцова.

Іюля 7. (25 Іюня) Вчера Воронцовъ получилъ извѣстіе о новой побѣдѣ Андроникова. День рожденія Императора. Былъ у обѣдни въ латинской церкви.

11. (29 Іюня) Сегодня Петра и Павла. Вечеромъ у Воронцовыхъ.

19. Выѣхали изъ Карлсбада.

20. Пріѣхали въ Лейпцигъ. Прогулка въ Розенталь, о коемъ упоминаетъ Карамзинъ. Читалъ его письма изъ Лейпцига. Въ Лейпцигѣ Греческая церковь въ частномъ домѣ. Церковь заведена, сказываютъ лѣтъ за 70 двумя Русскими князьями братьями, которые обучались въ Лейпцигскомъ университетѣ. Не Голицынымъ-ли? Искалъ *голубаго ангела*, о которомъ упоминаетъ Карамзинъ. И слуху нѣтъ. Выѣхали послѣ обѣда въ Дрезденъ.

24. (12) День моего рожденія. Стукнуло 62 года. Дѣло идетъ къ развязкѣ.

25. Выѣхали изъ Дрездена.

26. Вечеромъ пріѣхали въ Баденъ-Баденъ. Павелъ съ женою въ Штуттгардтѣ.

28. Былъ представленъ Принцу Карлу Прусскому. У Титовой встрѣтился съ принцессой Эмиліей Гессенской. Говорилъ онъ мнѣ о моихъ Франкфуртскихъ письмахъ. Баденъ для меня слишкомъ фашьонебеленъ, я обмѣщанился въ Карлсбадѣ и въ Дрезденѣ. Никто въ политическихъ дѣлахъ толку добраться не можетъ. Для всѣхъ тьма кромѣшная.

Августа 1. Былъ на аудіенціи у Государя сказалъ ему: „Sire, je suis chargé par mon gouvernement".—„Par quel gouvernement"?—прервалъ Государь — „Je suis chargé par mon Auguste Maître"—спохватился Буль, который злопамятенъ и недоволенъ пребываніемъ своимъ въ Россіи.

3. Былъ у профессора Щепкина (сынъ актера). Судя по слухамъ, я нашелъ его, относительно къ здоровью, въ лучшемъ положеніи, нежели полагалъ. Встрѣтилъ у него баронессу Шепингъ.

7. Былъ у Щепкина. Онъ занимается большимъ твореніемъ объ объясненіи всѣхъ нашихъ древностей, миѳическихъ, общежитныхъ, пѣсней, сказокъ, поговорокъ. Боится, что смерть не дастъ ему кончить.

13. Отправился изъ Бадена въ Карлсруэ.

15. Канштатъ. Провелъ вечеръ у Великой Княгини на виллѣ.

18. (6) Спасъ.

23. „Не возможно есть не прійти соблазномъ: горе же, его же ради приходятъ" (Евангеліе отъ Луки, 17, 1).

26. Былъ въ церкви, что въ Ротенбергѣ. Тутъ вѣнчался Жуковскій. При панихидѣ въ память Екатерины Павловны и сами отслужили панихиду по Машенькѣ и Андреѣ Карамзиной.

27. Дмитрій Княжевичъ умеръ и погребенъ въ деревнѣ Багрѣевой, Полтавской губерніи.

30. Вечеромъ Титовъ читалъ у насъ *Записки Охотника*, отца Аксакова. Очень мило. Свѣжее и глубокое чувство природы. Степь. Мастерское описаніе.

31. Ѣздили съ Титовымъ и Княжевичами въ Лудвигсбургъ. Дворецъ съ галлереею семейныхъ портретовъ. Въ портретѣ матери Маріи Ѳеодоровны много сходства съ дочерью.

Сентября 2. (21 Августа) Сегодня день коронаціи. Былъ у обѣдни.

9. Великая княгиня (Ольга Николаевна) прислала мнѣ на прочтеніе записку о смерти Андрея Карамзина, писанную на Французскомъ языкѣ, присланную изъ Вѣны отъ Анатолія Демидова.

10. Обѣдня съ панихидою по православнымъ воинамъ павшимъ во брани. Очень умилительно, и бѣдный Андрей такъ и носился предъ глазами моими. Вечеромъ читалъ Титову послѣднія свои стихотворенія.

11. (30 Августа) День св. Александра. Рожденіе Великой Княгини Ольги. Обѣдня, послѣ обѣдни поздравленье. Принцъ въ мундирѣ Нижегородскаго полка. Ѣздили на виллу смотрѣть подарки. Отъ Государя браслетъ съ бриллiантовыми словами: *Вѣруй и надѣйся.*

13. Выѣхали изъ Канштата.

14. Баденъ-Баденъ все тотъ же маленькій Парижъ, и вѣроятно потому мнѣ и не нравится.

15. Былъ у принца Ольденбургскаго, у герцогини Нассауской.

20. Принцесса Прусская изъявила желаніе со мною познакомиться. Я былъ представленъ ей на гуляніи. Говорила мнѣ съ чувствомъ о своей матери, о Жуковскомъ, о женѣ его.

26. Получилъ телеграфическую депешу Титова съ увѣдомленіемъ, что по ходатайству Великой Княгини Ольги Николаевны и Цесаревича продолженъ отпускъ мой до 1-го марта, т. е. опять съ невозможностью возвратиться къ сроку.

27. Отправился въ Штуттгардтъ. День рожденія Короля. Вечеромъ въ театрѣ. Выборъ піесы неприличенъ для родственнаго двора и въ присутствіи великой княгини.

28. Утромъ народный праздникъ, выставка сельскихъ произведеній, скачка. Въ мундирѣ въ королевской трибунѣ. Представленъ былъ Королю, Королевѣ, Нидерландской Королевѣ, Веймарскому герцогу, принцессамъ.

30. Выѣхалъ изъ Штуттгардта. Возвратился въ Баденъ.

Октябрь 1. (11 Сентября). Грянула на насъ Севастопольская бомба. Ни одна надежда наша не сбылась. Всѣ угрозы, которыми насъ пугали и которыя казались намъ несбыточными, постепенно оправдываются. Кто виноватъ? А виноватый есть.

2. (20 Сентября). Сегодня день рожденія Кати и маленькой Титовой. Еще не гадко, а уже грустно быть Русскимъ. Menchikoff a complété sa fatalité. Виноватъ ли онъ, или нѣтъ, намъ не-

извѣстно; но имя его на вѣки приковано къ неудачнымъ негоціаціямъ нашимъ въ Константинополѣ и къ злополучнѣйшему пораженію нашему предъ Севастополемъ.

4. Выѣхали изъ Баденъ-Бадена. Вечеромъ пріѣхали въ Базель.

7. Пріѣхали въ *Интерлакенъ*.

8. Ѣздилъ въ Гриндельвальдъ. Ходилъ на ледники le glacier supérieur и le glacier intérieur. Понялъ ихъ красоту только въ ледяныхъ пещерахъ, а то похоже на овраги наши, когда весною снѣгъ начинаетъ таять и походитъ на грязный снѣгъ. Дорогою заѣзжалъ на водопадъ *Staubbach*—образующіяся на немъ радуги отъ солнечнаго отраженія. Утромъ ѣздилъ верхомъ на Abendberg въ заведеніе доктора Güggenbühl pour les crétins. Здѣсь нѣсколько времени была дочь княгини Анны Матвѣевны Голицыной. Выѣхали изъ Интерлакена.

11. Пріѣхали въ Веве. Худо провелъ первую ночь. Бой городскихъ часовъ *смущалъ* меня и напоминалъ мнѣ мои тревожныя безсонницы.

17. Вчера у Принца Ольденбургскаго драматическій и музыкальный вечеръ. Была принцесса Лигницъ, одинъ Прусскій принцъ.

18. Заходилъ къ намъ Принцъ Ольденбургскій.

22. Ходилъ на поклоненіе въ Clarens au bosquet de Julie и въ домъ, въ которомъ жилъ Жуковскій.

26. Вечеромъ были въ засѣданіи секты Дербистовъ.

(27). Сегодня день Св. Терезы. Имянины принцессы Ольденбургской и меньшой ея дочери, очень милой малютки.

28. Принцъ Ольденбургскій получилъ подтвержденіе извѣстія о смерти Корнилова.

31. Концертъ Levasseur. Какой-то Prevost игралъ на віолончелѣ варіаціи на голосъ: *Кто мои любитъ такъ страстно.* Это меня пріятно удивило и изо всей публики я былъ одинъ du secret.

Ноября 2. Принцесса Ольденбургская начала дѣлать мой медальонъ изъ гипса.

3. Принцесса опять лѣпила сегодня мою рожу и находятъ, что съ большимъ сходствомъ.

4. Былъ у меня священникъ изъ Стокгольма, назначенный въ Женеву — Арсеній *Тимофеевичъ*, кажется такъ, Судаковъ. Третій сеансъ и, кажется, послѣдній у Принцессы. Кажется Арсеній *Трофимовичъ*.

5. Брошюра Хомякова: *Quelques mots par un* chrétien orthodoxe sur les communions occidentales à l'occasion d'une brochure de Laurentil.

Прочелъ съ большимъ удовольствіемъ присланные мнѣ Булгаковымъ листы *Московскихъ Вѣдомостей* съ біографическими свѣдѣніями о дѣтствѣ Пушкина (Бартенева). Маленькій принцъ у принцессы подъ направленіемъ скульптора *Доре*, который указалъ на нѣкоторыя нужныя измѣненія во лбу, по мнѣнію его характерическомъ.

9. Въ саду предъ домомъ, на краю Вевэ, рябина съ красными своими ягодами, изъ коихъ не умѣютъ дѣлать здѣсь ни наливки, ни пастилы. Обѣдали у Принца. Дѣти пѣли хорошо Русскія пѣсни. Послѣ пѣли Тирольцы.

11. Читали Русское донесеніе о дѣлѣ Липранди. Очень удовлетворительно и одобрительно. Но можетъ ли устоять Севастополь? Вотъ вопросъ?

12. Снѣгомъ все ниже устилаются горы. Снѣжныя полосы какъ серебряныя рѣки ниспадаютъ по черному грунту горъ.

13. Вчера читалъ Принцессѣ отрывки изъ писемъ Императрицы Елисаветы. Она велѣла списать.

14. Худыя извѣстія о Севастополѣ.

15. Чудесный день, но омраченъ худыми извѣстіями о Севастополѣ.

17. Пишу стихи Императрицѣ для альбома, который поднесенъ ей будетъ Принцессою.

28. Читалъ Принцессѣ письмо изъ Севастополя, присланное мнѣ Титовымъ.

29. Былъ у Принца Ольденбургскаго. Сынъ Варшавскаго пріятеля и поэта Моравскаго здѣсь съ больной женою.

Декабря 4. Съ Принцемъ ѣздилъ обѣдать къ Редеру. Очень хорошій обѣдъ, и все богато и щегольски.

6 (24 Ноября). Екатерининъ день. Завтракалъ у Принца. Вторая дочь именинница. Читалъ письмо Руссо Даламберу. Ужасно длинно.

7. Писалъ отцу Полисадову въ Берлинъ. Вечеръ у Принцессы.

10. Вечеръ у Принцессы.

12. Выѣхали въ Стуттгартъ съ Принцемъ въ почтовой каретѣ.

17. Освященіе церкви во Дворцѣ Великой Княгини.

18 (6). Николинъ день. Обѣдня во дворцѣ. Послѣ обѣдни, принимая, Великая Княгиня извинялась, что не можетъ пригласить къ обѣду—у нея большой обѣдъ—затѣмъ, что *не имѣетъ мѣста*. Это не дѣлаетъ чести архитектору, который построилъ дворецъ. Это мнѣ урокъ. Не соваться впредь съ учтивостями изъ за 300 или 400 верстъ.

19. Франкфуртскій Глинка также не былъ приглашенъ къ *столу* за неимѣніемъ мѣста.

20. Во вторникъ былъ вечеръ у Титова. Новыя извиненія, что не былъ приглашенъ къ обѣду. Ужиналъ за маленькимъ столомъ Великой Княгини. Говорила мнѣ о стихахъ моихъ Императрицѣ. Сегодня вечеромъ выѣхалъ изъ Стуттгарта по желѣзной дорогѣ.

21. Утромъ выѣхалъ изъ Базеля въ дилижансѣ. Дорогою сочинилъ стихи *на 6 декабря*.

22. Выѣхали изъ Берна. Началъ стихи: *Трупы мѣсные, нагія деревья*.

23. Щербатовъ далъ мнѣ на дорогу шубу, которая была вовсе не лишняя. Сегодня:

Солнце красно
Обратилося къ веснѣ.

А какъ далеки времена отъ временъ Державина, Екатерины, Александра. Скажешь опять съ Державинымъ:

Сѣверны громы въ гробѣ лежатъ.

25. Въ субботу, вечеромъ, пасторъ читалъ у Принца Ольденбургскаго 31-й псаломъ и толкованіе на него.

26. Вчера и сегодня дни весенніе. Началъ новое ветеранское письмо.

28. Кончилъ свое ветеранское письмо.

29. Цѣлое утро переписывалъ ветеранское письмо. Весь вечеръ просидѣлъ за чтеніемъ Révue des deux Mondes 15 дек. Дѣльная, умная, нравственная статья St. Marc Girardin: о Руссо и его Эмилѣ. Статья Delaveau о новомъ сочиненіи Берлинскаго Boltz и переводѣ пѣсни о Полку Игоревѣ.

31. Вечеромъ праздновали на улицахъ канунъ новаго года. Ребятишки въ маскахъ при барабанномъ боѣ бѣгали и ревѣли. Раздавались дикіе голоса и отчасти пьяные, и пѣли пѣсни. Все это продолжалось во всю ночь.

1 *Января* 1855 пов. стиля. Были у Прусскаго Принца. Вечеромъ былъ я у Моравскаго. Читалъ онъ мнѣ письмо отца къ нему обо мнѣ. Тѣ же, но еще многолюднѣе, еще пьянѣе, еще болѣе ревущіе ватаги слонялись и рыскали по улицамъ. И во всей этой веселости pas le plus petit mot pour rire, но за то нѣтъ драки и буйнаго безпорядка, или по крайней мѣрѣ безчинства. Истинная народная веселость встрѣчается въ одномъ Римѣ въ послѣдніе дни карнавала.

3. Ходилъ гулять съ Принцемъ на Панораму. Снѣжныя вершины горъ ярко и живописно освѣщенныя мѣсячнымъ сіяніемъ.

5 (24 декабря). Справляли сочельникъ у Принцессы постнымъ обѣдомъ въ 2 часа. Послѣ была елка общая для всего семейства и всѣхъ домашнихъ. Была елка и намъ съ милыми подарками. Написалъ и поднесъ Принцессѣ стихи.

6 (25 декабря). Ихъ Крещеніе, а наше Рождество. Утромъ у Принцессы пасторъ читалъ главу 2-ую Евангелія отъ Луки. (Зачѣмъ говорятъ *отъ* Луки? Это то же, что *maiora от ворота*) и толкованіе о немъ. Особенно настаивалъ на *радости велію*, которую міряне понимаютъ по-своему, а не по смыслу ангела и предаются въ эти дни суетнымъ и грѣшнымъ веселіямъ. Дѣло въ томъ, можно возразить ему, что праздники для рабочаго и трудящагося народа не только христіанскія годовщины, но и дни отдыха отъ трудовъ. Нужно же человѣку земному и тѣлес-

ному и повеселиться. Чтеніе этого Евангелія пробудило во мнѣ воспоминаніе о мѣстностяхъ: о Виолеемѣ, о мѣстѣ, гдѣ были *пастыріе* и гдѣ нынѣ стоитъ бѣдная, ветхая, полуразвалившаяся Греческая церковь. Эту же главу слышалъ я и въ Виолеемской пещерѣ Рождества Христова, 28 апрѣля 1850 года.

27 Декабря. Вечеромъ у Принцессы. Нашъ Женевскій священникъ читалъ всенощныя молитвы и молебственныя, написанныя на нынѣшнія обстоятельства, и тѣ, которыя читаются въ Россіи въ праздникъ Рождества въ благодарность за избавленіе Россіи въ 1812 году. Женевскій священникъ Судаковъ перевелъ на Шведскій языкъ и напечаталъ нашу литургію.

31 Дек. Вечеромъ русская колонія собралась въ гостинницѣ Мопе и встрѣтила новый годъ за *шампанскимъ*. Пѣли: *Боже Царя Храни!*

Грустныя извѣстія о начавшихся мирныхъ переговорахъ въ Вѣнѣ. Эта Вѣна лежитъ на насъ какъ язва. Мнѣ крѣпко сдается, что и теперь правительство наше обмануто, или опять обманывается. Мы вызвали на себя войну, къ войнѣ не приготовившись, и дали своимъ долгимъ бездѣйствіемъ или полудѣйствіями время непріятелямъ снюхаться, сговориться и собраться съ силами. Нынѣ мы соглашаемся на миръ, когда по всѣмъ признакамъ миръ болѣе полезенъ и нуженъ непріятелямъ, чѣмъ намъ. Мы пораженія еще не претерпѣли и время года намъ болѣе благопріятствуетъ, нежели врагамъ. Впрочемъ, паденіе Севастополя и самаго Кронштадта и Петербурга не должно бы вынудить насъ на принятіе мира, оскорбительнаго для народной чести, а въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ другаго мира ожидать невозможно. Предлагаемые четыре пункта, и безъ дальнѣйшихъ невыгодныхъ истолкованій и примѣненій, которыя легко предвидѣть, уже сами собою для насъ унизительны. Я былъ тогда очень молодъ, но хорошо помню, что какъ Фридландское сраженіе не было грустно для Россіи, но впала она въ уныніе не отъ него, а отъ Тильзитскаго мира. Проигранное сраженіе не можетъ оскорбить народной чести. Оно есть неудача, а не пятно. А постыдный миръ пятно. Императоръ Александръ оправился въ народномъ

мнѣніи только въ 1812 году. Главная невыгода наша въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, это недостатокъ въ отличныхъ людяхъ. Массы безпримѣрныя, но массы безъ вождей мужественно претерпѣваютъ всѣ тягости и нужды, храбро дерутся, умираютъ смертью геройскою и мученическою. Но побѣждать не могутъ. Въ недостаткѣ людей виновато Правительство. Оно вездѣ подавляло личность и требовало одного безусловнаго повиновенія, не хотѣло и опасалось людей: изъ людей сдѣлало слѣпыя и бездушныя орудія, пружины. Оно можетъ еще годиться въ обыкновенныя времена, но во времена чрезвычайныя, каковы настоящія, нужны люди, а ихъ нѣтъ: они не подготовлены, не дали имъ свободы вырости и созрѣть, какъ больной, который, боясь сильнаго дѣйствія лекарствъ, даетъ имъ выдыхаться, Правительство наше требовало однихъ выдохнувшихся людей. Кто былъ съ малѣйшимъ духомъ, тотъ оставался въ сторонѣ и безъ употребленія. Какъ въ баснѣ Крылова оно брило себя тупыми бритвами, попадобились острыя—ихъ нѣтъ. Когда Вронченко отказывался за не способностью отъ Министерства Финансовъ, Государь, чтобы убѣдить его, сказалъ ему: „Я буду Министромъ Финансовъ“. Паскевичъ говоритъ, что у него начальникъ штаба ничто иное, какъ главный писарь. Пожалуй Горчаковъ былъ и съ способностями отъ природы, но въ писарскомъ своемъ ремеслѣ, которымъ былъ онъ скованъ около 20 лѣтъ, успѣлъ онъ притупиться и нравственно одурѣть. Вышедши изъ этой давки на свѣжій воздухъ и для самобытнаго и свободнаго дѣйствія оказался онъ неспособнымъ. Иначе и быть не могло. Государственная власть можетъ быть самодержавна въ общемъ дѣйствіи и въ началѣ своемъ, но въ частности должна она имѣть орудіями своими власти отвѣтственныя. У насъ отвѣтственности нѣтъ, а есть одна подчиненность. Подчиненныя власти пользуются одною свободою дѣлать, по кругу своихъ занятій, малыя или большія злоупотребленія. Но дѣйствовать по духу, по разумѣнію своему, по совѣсти своей, никто не можетъ. Поэтому, кто ни попъ, тотъ батька. Кто дослужился до извѣстнаго чина, тотъ и министръ и полководецъ. Правительство въ выборахъ и назначеніяхъ своихъ совѣтуется съ чиномъ, а не съ способностями человѣка. Смѣшно и грѣшно

мнѣ сказать, потому что я Норова люблю и уважаю, не одно назначеніе его Министромъ Просвѣщенія можетъ служить ключемъ ко всѣмъ неудачамъ нашимъ въ нынѣшнюю войну. У насъ вездѣ Норовы и въ гражданскомъ и въ военномъ управленіи, съ тою только разницею, что Норовъ честный человѣкъ и добросовѣстный, а многіе другіе Норовы и нечестные и недобросовѣстные.

КНИЖКА 20-я.

(1854—1855).

Въ пребываніи моемъ въ Карлсруэ употребилъ я всѣ возможныя домогательства, и чрезъ великую герцогиню Софію и чрезъ министровъ, чтобы добраться до переписки Императрицы Елисаветы Алексѣевны, все обѣщали и не дали. Письма должны храниться въ Карлсруэ въ Дворцовомъ или Государственномъ Архивѣ.

Говорили, что Императоръ Николай сжегъ подлинныя и полныя записки Императрицы Елисаветы Алексѣевны, которыя по кончинѣ ея были представлены ему камеръ-фрейлиною Валуевой. По другимъ разсказамъ списокъ съ этихъ мемуаровъ остался въ рукахъ графини Фредро, дочери графини Головиной. Карамзинъ читалъ эти записки — не знаю вполнѣ ли — сообщенныя ему самою Императрицею. По кончинѣ ея онъ увѣдомилъ Государя о существованіи этихъ мемуаровъ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Въ жизни народовъ бываютъ торжественныя и священныя минуты, въ которыя великая скорбь сливается съ великимъ упованіемъ. Подобное явленіе совершается при перемѣнѣ царствованій въ державѣ, твердо основанной на благихъ началахъ государственнаго порядка и на чувствѣ народной преданности къ царской власти.

Рыдающая и столь неожиданно и столь глубоко въ любви

своей пораженная Россія, нынѣ возрождается тою же любовью: и отъ гроба въ Бозѣ почившаго Родителя Вашего, она возводитъ умиленныя и полныя довѣренности очи къ Престолу, на коемъ воцарился Его возлюбленный Сынъ.

Великая душа оплакиваемаго нами Государя отдыхаетъ нынѣ отъ славныхъ и многотрудныхъ подвиговъ своего земнаго и царственнаго поприща. Но отлетая отъ міра завѣщала она Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, благоденствіе, величіе, силу, независимость и честь Россіи, которую она пламенно любила, надъ которою неусыпно бодрствовала и за которую до конца мужественно и свято пострадала.

Въ благодарной памяти народа къ высокимъ и доблестнымъ дѣяніямъ, къ великимъ событіямъ и великодушнымъ пожертвованіямъ, ознаменовавшимъ жизнь и царствованіе незабвеннаго Вѣнценосца, хранится вѣрнѣйшій и лучшій залогъ любви и преданности нашей къ Вѣнценосному Преемнику, который данъ Провидѣніемъ Россіи какъ утѣшитель въ великой скорби и заступникъ въ великой утратѣ.

Позвольте повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мою вѣрноподданническую присягу и душевный обѣтъ посвятить служенію Вашему мои носильныя способности, мое перо, всю жизнь мою.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ,
Всемилостивѣйшій Государь,
Вашего Императорскаго Величества,
вѣрноподданный князь Петръ Вяземскій.

Вене, 26-го Февраля (10-го Марта) 1855 года.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ II СЪ ПРУССКИМЪ КОРОЛЕМЪ

6 Oct. 1763.

„Monsieur mon Frère. En apprenant la mort du Roi de Pologne mon esprit se tourne naturellement vers Votre Majesté. J'ai devant moi la lettre du 15 Févr. de cette année, où Elle me dit qu'il nous conviendrait mieux à tous les deux qu'un Piaste remplit le

trône vacant. Je veux apprécier cette convenance commune encore à une considération particulière que la prudence peut suggérer et qui est qu'une préoccupation d'élection dans la même maison ne puisse dégénérer en droit d'héritage en intimidant l'esprit de liberté dans la nation». Такъ вотъ о чемъ заботились добрые сосѣди: о сохраненіи свободы въ народѣ—то есть объ устраненіи законнаго порядка, чтобы легче было въ мутной водѣ рыбу ловить.

По Восточному вопросу—ибо при Императорѣ Александрѣ I Восточный вопросъ былъ уже на очереди—были жаркія пренія у Императора съ графомъ Каподистріа.

«L'Empereur écouta mes longues déductions et me répondit: «oui, sans doute, ce serait beau, mais tout cela ne peut se réaliser qu'en établissant d'avance un concert et un accord parfait entre les cabinets alliés. Gagnons donc par nos explications avec les Turcs le temps qui nous est nécessaire pour nous entendre avec les cours alliées».

«*Sire, en gagnant du temps nous l'aurons perdu sans retour.*

La révolution deviendra si générale qu'il ne sera plus possible de la maîtriser. Quand l'incendie est devenu trop fort, au lieu d'éteindre, il ne reste plus qu'à démolir.

Les éléments qui dans le moment présent pourraient servir à des combinaisons utiles aux chrétiens seront confondus et dénaturés. Je doute d'ailleurs que les cours alliées consentent volontairement à faire cause commune avec Votre Majesté dans une entreprise où elles redoutent un rôle secondaire.

Vous en avez eu la preuve, Sire. La coalition contre Buonaparte ne s'est formée que sur le champ de bataille et par la force irrésistible des événements et voilà pourquoi elle a réussi. То есть послѣ успѣховъ нашихъ. Если мы одержали бы верхъ, въ Крымской войнѣ, нѣтъ сомнѣнія, что Австрія и Пруссія пристали бы къ намъ и могла бы составиться новая коалиція противъ Наполеоновской Франціи. Если Англія и не присоединилась бы къ намъ, то, вѣроятно, не стала бы и дѣйствовать заодно съ Франціей. До *успѣховъ* нашихъ никогда никто за насъ въ Европѣ не будетъ, а при малѣйшемъ неуспѣхѣ все обратится противъ насъ. Какъ и что ни говори, Европа насъ

чуждается. Разумѣется когда мы кому нибудь нужны, то въ насъ заискиваютъ, но взаимнаго сочувствія, *симпатіи*, какъ говорится, нынѣ нѣтъ.

«Toutes celles au contraire qui ont été méditées et négociées d'avance n'ont abouti qu'à des catastrophes, à des résultats complètement contraires. etc. etc. etc. L'Empereur persista dans son opinion et termina cette longue et mémorable journée en m'ordonnant de préparer comme à l'ordinaire un agenda sans me laisser aller exclusivement à mes idées »

Этотъ разговоръ происходилъ осенью 1821 г. Позднѣе:

«L'audience que l'Empereur nous donna (т. е. Каподистрію и Нессельроде) après la réception de ce rapport, fut orageuse, (разумѣется грозу возбудилъ не Нессельроде) S. M. récapitula la teneur des pièces que je lui avais transmises avec l'accent d'une sévère improbation et nous ordonna sèchement de répondre à la cour de Vienne, que Mr. de Tatistcheff allait s'y rendre pour préparer conjointement avec M-r. de Metternich les négociations que S. M. se proposait de diriger.

Cette décision fut articulée de manière à ce que nulle réplique ne pouvait plus avoir lieu. Je demandai à S. M. une audience particulière qui ne me fut accordée que quelques semaines plus tard. En attendant nos séances d'office continuaient. Je fus témoin muet de celle où l'Empereur discuta et approuva l'expédition de M-r. Tatistcheff. L'Empereur fut très affecté de ce changement dans notre travail et me le témoigna. Enfin il m'accorda l'audience particulière que je lui avais demandée.

Elle dura plus de deux heures. L'Empereur écouta avec bonté le résumé historique des événements qui m'avaient porté à son service etc. etc. etc. En partant de la je lui démontrai, que le système qu'il venait d'adopter me plaçait dans l'alternative, ou de manquer à moi-même et à tous les devoirs que m'imposait la patrie à laquelle je n'avais cessé d'appartenir ou de manquer aux devoirs de serviteur de S. M. etc. etc. etc. J'exposai à l'Empereur comment à Vienne et à Vérona Son cabinet allait devenir hostile aux coreligionnaires de la Russie dans le Levant et pourquoi ce grand sacrifice ne devait produire aucun résultat conforme aux in-

tentions de S. M. I. Cette déduction portée à la dernière évidence je suppliai l'Empereur de m'ordonner ce que je devais devenir.

L'Empereur me répondit: «A votre place j'aurais dit et agi comme vous. Mais à la mienne il m'est impossible de changer de résolution» etc, etc. etc. J'osai encore pour la dernière fois lui témoigner avec une profonde émotion, la douleur que j'éprouvais à me voir condamné par ma conscience et par ma faible raison, à envisager les choses sous un point de vue tout à fait différent.

«Eh bien! reprit l'Empereur, puisqu'il le faut séparons nous. Vous resterez cependant à votre place. Vous finirez avant mon départ toutes les affaires que je vous ai confiées et notamment celles de la côte N. O. de l'Amérique. Vous ne partirez qu'après moi. Vous vous rendrez aux eaux comme vous l'avez fait autrefois. Votre santé n'en a que trop besoin et je désire que vous la rétablissiez.

Je quittai S. Pétersbourg à la mi-août 1822.

Le Prince de Metternich en voyant à Vienne le général Maitland au mois d'août 1822 le félicita en ces termes. «Eh bien mon général, le principe du mal est déraciné, le comte Capodistria est enterré pour le reste de ses jours. Vous vivrez en paix dans les Iles et l'Europe sera délivrée des grands dangers dont l'influence de cet homme la menaçait».—„L'Empereur François, en se félicitant de me savoir enfin écarté des conseils de son Auguste Allié, avait dit à M-r. de Metternich: «L'Empereur Alexandre est trop bon, si un des miens avait abusé de ma confiance comme le comte Capodistria l'a fait envers son maitre, j'aurais donné un exemple, je lui aurais fait trancher la tête».

Все это извлечено изъ *Aperçu de ma carrière publique depuis 1798 jusqu'à 1822*, писанное Каподистріа на имя Императора Николая и отправленное къ нему изъ Женевы.

12 (24) Déc. 1826.

Изъ переписки Екатерины Великой съ Фридрихомъ Великимъ:

Monsieur mon Frère. En conformité des désirs de V. M. j'ai fait remettre aujourd'hui à son ministre le comte de Solms la traduction allemande de l'instruction que j'ai donnée pour la réformation des

lois de la Russie. S. M. n'y trouvera rien de nouveau, rien qu'Elle ne sache. Elle verra que j'ai fait comme le corbeau de la fable, qui se fit un habit des plumes du paon. Il n'y a dans cette pièce de moi que l'arrangement des matières et par ci par là une ligne, un mot: si on rassemblait tout ce que j'y ai ajouté, je ne crois pas qu'il y eût au delà de deux ou trois feuilles. La plus grande partie est tirée de l'esprit des lois du président de Montesquieu et du traité des délits et des peines du marquis Beccaria etc. etc. etc. Je dois prévenir V. M. de deux choses; l'une qu'Elle trouvera différents endroits, qui lui paraîtront singuliers peut-être. Je la prie de se souvenir que j'ai dû m'accommoder souvent au présent, et cependant ne point fermer le chemin à un avenir plus favorable. L'autre, que la langue russe est beaucoup plus énergique et plus riche en expressions que l'allemande, et en inversions que le français. etc. etc. Ce me serait une marque bien sensible de l'amitié de V. M. si Elle jugeait à propos de me communiquer ses avis sur les défauts de cette pièce. Ils ne pourraient que m'éclairer dans un chemin aussi nouveau que difficile pour moi, et ma docilité à la réformer montrerait à V. M. le cas infini que je fais et de son amitié et de ses lumières. À Moscou le 17 Octobre 1767.

При чтеніи записки Каподистріа нельзя не подивиться странной участи Императора Александра, который въ двѣ эпохи царствованія своего имѣлъ при себѣ и при дѣлахъ приближенными людьми двѣ рѣзко выдающіяся національныя личности: Чарторискаго и Каподистріа. Измѣны Россіи не было ни въ томъ, ни въ другомъ, но у обоихъ въ службѣ Россіи *была умысла другой*. Въ перепискѣ Чарторискаго съ Императоромъ, недавно изданной, видно, что онъ передъ Нимъ не лукавилъ. Вездѣ говоритъ онъ, что всегда имѣетъ въ виду Польшу. Можно бы причислить къ этимъ двумъ и третью личность не національную, а *либеральную*, Сперанскаго. И онъ при Государѣ былъ вывѣска, былъ знамя, и всѣхъ трехъ удалилъ Александръ отъ себя на полудорогѣ. Впрочемъ Сперанскій былъ въ самомъ дѣлѣ только вывѣска, и вывѣска, писанная на французскомъ

языкѣ, какъ многія наши городскія вывѣски: tailleur Effremoff de Paris, и тому подобныя. Въ Сперанскомъ не было глубокихъ убѣжденій. Онъ былъ чиновникъ огромнаго размѣра по редакціонной части правительственныхъ реформъ, но разумѣется съ примѣсью плебейской закваски и недоброжелательства къ дворянству. Эта закваска, эти бюрократическіе Геркулесовскіе подвиги пережили его, и воплотились въ нѣкоторыхъ и новѣйшихъ государственныхъ дѣятелей. Ломку зданія можно приводить въ дѣйствіе и не будучи архитекторомъ. Изъ трехъ поименованныхъ личностей, Каподистріа, безъ сомнѣнія, самая чистая и симпатическая. Онъ же за дѣло имъ любимое положилъ жизнь свою. Былъ ли онъ глубокій и великій государственный человѣкъ, это другой вопросъ.

27 Февраля 1867.

Письма Екатерины къ Прусскому королю хранятся въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, отъ 1763—1784 года. Тутъ есть письмо о прививаніи себѣ оспы.

КНИЖКА 21-я.

(1854—1856).

Швейцарія. Вене, 16 Октября 1854.

Ходилъ въ Clarens искать le Bosquet de Julie. Тамошній житель повелъ меня на кладбище, увѣряя, что, по преданіямъ, на этомъ самомъ мѣстѣ происходила сцена, описанная въ *Новой Элоизѣ*, и что позднѣе срубили деревья тамъ росшія, чтобы очистить просторъ могиламъ; по другимъ указаніямъ, должно искать боскетъ, избранный Жанъ Жакомъ выше, на мѣстѣ, которое нынѣ называется les Crêtes. Довольно забавно дѣлать историческія и топографическія изысканія для опредѣленія достовѣрности романическаго и вымышленнаго преданія. Но такова сила, таковъ авторитетъ великаго писателя. Вѣришь басни его и сочувствуешь ей какъ были. Какой-то туристъ-англичанинъ требовалъ, чтобы указали ему на могилу Юліи и разругалъ провожатаго, который не могъ удовлетворить его требованію. На возвратномъ пути зашелъ я въ *Vernex* искать домъ, въ которомъ Жуковскій провелъ одну зиму. И эта попытка была удачнѣе. Онъ жилъ въ домѣ de m-r Pilivet, который теперь хозяиномъ того же дома. Первый домъ на лѣвой рукѣ, когда идешь изъ Вене. Онъ тутъ съ семействомъ Рейтерна провелъ зиму 1831 на 1832 годъ. Тутъ дѣлали ему операцію (кажется Лозанскій лекарь), чтобы остановить его геморроидальное кровотеченіе, угрожавшее ему водяною болѣзнью. Помню какъ выѣхалъ онъ больной изъ Петербурга. Опухшій, лицо было какъ налитое желто-восковаго цвѣта. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что у него

долго хранилась въ шкапѣ доска, на которой было написано что-то по русски рукою Жуковскаго и что выпросила себѣ эту доску великая княгиня Анна Ѳедоровна. Полно, она ли? Не Елена Павловна ли, или Марія Николаевна? Въ Женевѣ розыщу. Въ этомъ домѣ Жуковскій вѣроятно часто держалъ на колѣнахъ своихъ маленькую дѣвочку, которая тогда невѣдомо была его суженая и позднѣе свѣтлымъ и теплымъ сіяніемъ озарила послѣдніе годы его вечерѣвшей жизни. Этотъ романическій эпизодъ хорошо вяленвается въ мѣстности сохранившей живую память Руссо. Жуковскій былъ *очищенный Руссо*. Какъ Руссо и онъ на шестомъ десятилѣтіи жизни испыталъ всю силу романической страсти; но впрочемъ это была не страсть и особенно же не романическая, а такое свѣтлое сочувствіе, которое освятилось таинствомъ брака. Я былъ въ Vernex 10 Октября 1854, но не видалъ комнаты, въ которой жилъ Жуковскій: жильца Англичанина не было дома и комната была заперта ключемъ. *Pilivet* разсказалъ мнѣ, что за нѣсколько лѣтъ тому назадъ ночью пріѣхалъ Англичанинъ и остановился предъ домомъ, въ которомъ, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ его, заключалъ онъ, что ночевалъ Руссо или Сенъ-Пре,—потому что тутъ дѣйствительность сливается съ баснью и отдѣлить одну отъ другой, невозможно. Началъ онъ стучать въ дверь съ улицы. На стукъ вышла старая дѣвица, единственная жилица этого дома и спросила его съ удивленіемъ, что ему угодно? Провести ночь въ этомъ домѣ.—Здѣсь не гостинница, отвѣчаетъ она и къ тому же во всемъ домѣ одна кровать, которую она сама занимаетъ. Дѣла нѣтъ, говоритъ Англичанинъ, я хочу здѣсь ночевать. Пошли переговоры. Наконецъ, за опредѣленную плату хозяйка уступила свою кровать. Англичанинъ провелъ въ ней ночь и на другой день рано утромъ выѣхалъ съ убѣжденіемъ, что провелъ ночь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ почти за сто лѣтъ тому назадъ ночевалъ Руссо, или все-таки Сенъ-Пре.

Сегодня, 16 Октября, писалъ я Лизѣ Валуевой: „Думаемъ пробыть здѣсь еще недѣли двѣ. А тамъ? А тамъ? Но какъ знать,

что и гдѣ будетъ *там*? Человѣкъ знаетъ одно *здѣсь*, и то знаетъ плохо и не вѣрно. *Тамъ* слово не человѣческое, а Божіе.

Le Comte du Nord, то есть будущій Императоръ Павелъ I, проѣзжая чрезъ Женеву, которая тогда была взволнована гражданскими междоусобіями, называлъ ихъ des tempêtes dans un verre d'eau. Эти бури въ стаканѣ возобновились и нынѣ при новыхъ выборахъ и при паденіи Фази и партіи его; побѣжденное меньшинство метитъ большинству разбойническими насильствами и оппозиціею кулаковъ и палокъ. Та же буря въ стаканѣ только противниковъ своихъ топятъ не въ стаканѣ, а кидаютъ въ Рону—какъ видно изъ послѣднихъ газетъ.

---

11 Ноября 1864. Писалъ Варшавскому Нессельроде: Я никогда не бывалъ въ Швейцаріи и никогда не читалъ *Новой Элоизы*. Зато въ первый день пріѣзда моего въ Вевэ, бросился я на нее и обжирался ею и виноградомъ съ жадностью и могу сказать до конца безъ пресыщенія, хотя и признаюсь, что въ книгѣ много есть натянутаго и растянутаго. Что же касается до безнравственности, которую ей приписываютъ, то обвиненіе по мнѣ несправедливо. Романы, которые нынѣ пишутся и читаются дамами и даже барышнями, гораздо безнравственнѣе и соблазнительнѣе. Въ книгѣ Руссо супруга и мать строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей выкупаетъ шалости своей дѣвичьей жизни. Въ новѣйшихъ романахъ и въ самомъ свѣтѣ жены и матери вознаграждаютъ себя шалостями за скуку и неволю своего дѣвичья цѣломудрія. Свѣтъ не прощаетъ дѣвушкѣ, у которой есть любовникъ, а можетъ быть, и ребенокъ, и эта дѣвушка навсегда пропадшая, но свѣтъ снисходителенъ къ замужней женщинѣ, у которой любовники не переводятся и которая ссужаетъ мужа своего дѣтьми, которыя приживаетъ она отъ другихъ. Тутъ, кажется, не мудрено рѣшить: кто изъ нихъ двухъ виноватѣе? И кто безнравственнѣе: свѣтъ или Руссо?"

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ АННѢ ѲЕОДОРОВНѢ.

Madame,

Après une dizaine de jours passés à Stuttgard, où nous avons fait nos dévotions, j'ai trouvé à Carlsruhe, le bienveillant témoignage du gracieux souvenir dont Votre A. I. a daigné nous honorer, et je m'empresse de déposer à vos pieds l'hommage de notre profonde et vive reconnaissance. Ma femme et moi n'avions pas besoin du don précieux, que vous avez bien voulu nous faire pour garder à jamais la mémoire du bonheur que nous avons eu d'approcher Votre A. I. et d'apprécier les hautes qualités et l'aménité qui la distinguent; néanmoins il nous est bien doux d'emporter en Russie le souvenir vivant de Votre Auguste personne et de la bonté que vous nous avez témoignée durant notre séjour à Genève.

J'ai pris la liberté, Madame, de vous adresser le portrait de l'Empereur Nicolas fait immédiatement après sa mort. Je regrette de n'avoir pu me procurer un exemplaire de l'édition de Pétersbourg, mais on m'assure que la contre-façon parisienne est très fidèle. Si à ma rentrée en Russie, je trouvais cependant qu'elle fût inférieure à l'original, je vous demande d'avance la permission de vous en offrir un nouvel exemplaire. Nous avons eu soin de recueillir toutes les lettres de Russie qui faisaient mention du douloureux évènement dont le souvenir et les impressions sont encore si profonds et si émouvants, et j'ai l'honneur de joindre ici un extrait de ces correspondances. Je ne doute pas qu'il n'ait beaucoup d'intérêt à vos yeux, quoique quelques uns des faits qui y sont rapportés soient déjà passablement connus de Votre A. I., mais j'ai préféré l'inconvénient de la répétition des mêmes détails, à la chance d'omettre quelques particularités intéressantes. D'ailleurs, il me paraît que plus on considère et médite la fin vraiment Impériale et chrétienne de notre grand Souverain, et plus on est pénétré d'admiration, et plus on recueille avec avidité et émotion, les moindres incidents de ses dernières heures, qui résument avec une simplicité si vraie et si sublime toute une vie consacrée à l'amour du pays et au culte du devoir.

Vous allez, Madame, me trouver bien indiscret, et j'ai besoin

de prendre mon courage à deux mains, et en sérieux toutes les paroles flatteuses et confiantes dont vous avez bien voulu m'honorer pour me permettre cette indiscrétion. Mais je crois remplir un devoir de conscience en recommandant de nouveau à votre bonté et à votre indulgence notre chapelain, qui au fond est un digne et honnête homme, vous est sincèrement et profondément dévoué et se trouve péniblement préoccupé de la crainte de ne point vous être agréable. Nous comptons rester encore un mois entre Carlsruhe et Baden-Baden et puis nous acheminer par Dresde vers nos foyers. Daignez, Madame, agréer avec bienveillance les respectueux et dévoués hommages que ma femme et moi prenons la liberté de déposer aux pieds de Votre A. I. dont j'ai l'honneur d'être le plus humble et très fidèle

Serviteur P. Pierre Wiasemsky.

Carlsruhe, 1855 le 5 (17) Avril.

Monseigneur,

J'ai été profondément touché à la lecture de la gracieuse lettre dont V. A. a bien voulu m'honorer. Si je n'y ai pas répondu plus tôt, c'est que dans le moment je souffrais des yeux, et plus tard j'ai appris votre départ pour Saint Pétersbourg. Mon ami le vétéran est aussi très sensible aux témoignages d'approbation et de bienveillance que vous daignez donner à ses lettres. Enhardi par votre suffrage, il me charge d'offrir respectueusement à V. A. la collection complète de la correspondance, que je prends la liberté de vous adresser ci-joint. Je regrette infiniment de ne pas m'être trouvé à Pétersbourg durant le séjour que vous y avez fait, et bien plus encore de ce que le motif qui vous y a appelé, soit un évènement aussi douloureux pour tous les Russes. Mais d'un autre côté, ce qui me console, c'est que vous ayez vu le pays à une époque où le caractère national se manifeste dans toute la vérité. V. A. a pu juger de ce qu'est notre peuple au moment d'une double crise politique et nationale et intime à la fois. Votre noble âme, Monseigneur, a dû, je n'en doute pas, être frappée de cette unanimité de douleur et de dévouement qui anime d'un seul sentiment et réunit

dans une même famille toutes les classes de la nation. Le Vétéran aime à croire, que sur les lieux, vous lui aurez rendu justice et aurez apprécié la vérité du jugement qu'il porte sur ses compatriotes. Oui, le peuple russe a l'amour et la foi et cette civilisation là vaut bien celle que les écrivains étrangers nous refusent.

Pardonnez moi cette longue digression, et daignez, Monseigneur, agréer l'expression des sentiments respectueux et très dévoués avec lesquels j'ai l'honneur etc.

P. Pierre Wiasemsky.

Carlsruhe, 7 (19) Avril 1855.

SICILIANISCHES LIED.

(изъ гете).

Ihr schwarzen Aeugelein,
Wenn ihr nur winket etc. etc.

Этимъ глазкамъ, чернымъ глазкамъ,
Стоитъ только разъ мигнуть,
Чтобъ домá взорвать на воздухъ,
Города перевернуть.

За щедушною стѣною
Сердцу сердцу-ль моему
Устоять подъ ихъ грозою
Удѣлѣть ли одному?

EPIGRAMME. VENEDIG 1790. Гете.

Ruhig am Arsenal stehn zwey altgriechische Löwen etc.
Diese Gondel vergleich' ich der sanft einschaukelnden Wiege
Und das Kästchen darauf scheint ein geräumiger Sarg etc.

Я подражалъ этимъ двумъ піесамъ.

Мало ему быть Лже-Наполеономъ, онъ теперь является и Лже-Магометомъ, то-есть лже, лже-пророкомъ. Въ отвѣтъ его Сенату на поздравительную рѣчь, послѣ неудачнаго покушенія на

жизнь его: Je ne crains rien des tentatives des assassins. Il est des existences qui sont les instruments des décrets de la Providence. Tant que je n'aurais pas accompli ma mission, je ne connais aucun danger".

В. П. ТИТОВУ.

1 Сентября 1855.

Давно тосковалъ я, любезнѣйшій Владиміръ Павловичъ, по нашей прежней перепискѣ и благодарю васъ, что вы тоску мою угадали и откликнулись ей письмомъ вашимъ отъ 19 Августа. Вы меня поздравляете и воспѣваете, а я только-что не отпѣваю себя. Новое назначеніе мое могло бы во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворить моему самолюбію и даже затронуть мою душу. И назначеніе было самое милостивое, и представленіе самое радушное и вообще встрѣчено оно было, можно сказать, единогласнымъ сочувствіемъ. Все это очень хорошо и все это цѣню я съ подобающею благодарностію ко всѣмъ и за все. Но, признаюсь, со всѣмъ тѣмъ преобладающее въ этихъ впечатлѣніяхъ чувство, есть чувство упынія. Вы меня знаете и меня поймете. Можетъ быть, лѣтъ за 20 тому, открывающаяся мнѣ дѣятельность и расшевелила бы меня и пустился бы я въ нее съ упованіемъ. Теперь, что я? До 63 лѣтъ дожилъ нулемъ, который въ счетъ не шелъ, странно мнѣ сдѣлаться цифрою, которая все-таки имѣетъ нѣкоторое значеніе и принимается въ разсчетъ другими при общемъ итогѣ требованій и ожиданій. Тутъ я и не признаю своего цифирнаго достоинства и не надѣюсь обогатить этого итога. Помню примѣръ Дашкова, и Блудова. При вступленіи ихъ въ кругъ государственныхъ дѣлъ, можно было надѣяться, что ихъ числительная важность произведетъ значительный оборотъ въ положеніи дѣлъ, или по крайней мѣрѣ, что каждый изъ нихъ сохранитъ свою внутреннюю цѣнность и внесетъ ее въ свою отдѣльную часть. Что же мы видѣли? Вся ихъ личность демонстризировалась. Вся ихъ цѣнность размѣнялась на гомеопатическія дроби. Изъ чего же мнѣ думать, что я буду ихъ искуснѣе, самостоятельнѣе или счастливѣе? Видно, тутъ не цифры виноваты, а виновата ариѳметика. Нѣтъ, какъ ни раз-

суждай, Севастополю не слѣдовало бы пасть, а мнѣ не слѣдовало бы возвышаться. Какъ бы то ни было, отъ внѣшнихъ ли впечатлѣній, отъ внутреннихъ ли источниковъ, но на душѣ очень грустно и темно. Заочно легче, то-есть свободнѣе было терпѣть. Въ Петербургѣ какъ-то не умѣютъ и не имѣютъ времени грустить. Хлопочешь и суетишься съ камнемъ на груди. Подъ Баденъ-Баденскими сѣнями, или на берегахъ Неккера было досужнѣе и свободнѣе, и даже полнѣе можно было предаваться своимъ соображеніямъ и вліянію событій. Здѣсь какъ-то все живется, дѣлается, думается, чувствуется урывками. Со всѣмъ тѣмъ убѣдительно прошу васъ сообщить мнѣ все то, что вы называете вашими елюкубраціями! Милости прюсимъ! По возможности буду пользоваться ими, если не всегда для общей пользы, то, по крайней мѣрѣ, для своей собственной. Вы знаете, что я всегда признавалъ васъ рожденнымъ для народнаго просвѣщенія. Вотъ и теперь, какъ бы хорошо было назначить васъ президентомъ Академіи Наукъ, на мѣсто Уварова, который на дняхъ умеръ въ Москвѣ. Вотъ тоже цифра, которая вездѣ чего-нибудь да стоила бы, а съ нашею ариѳметикою мало принесла пользы. Скажу по совѣсти, что Норовъ очень благонамѣренный человѣкъ, любитъ и понимаетъ просвѣщеніе, и довольно настойчивъ и твердъ въ своемъ направленіи. Онъ, можетъ быть, не имѣетъ блестящихъ способностей Уварова, но имѣетъ гораздо болѣе любви и теплоты, чище и благороднѣе душою и тверже на одной ногѣ своей, нежели былъ тотъ на двухъ, да проститъ ему Богъ всѣ его прегрѣшенія вольныя и невольныя, а мнѣ мое сужденіе о немъ надъ свѣжею его могилой. Въ этомъ отношеніи я душевно радъ быть товарищемъ Норову, и увѣренъ, что я съ нимъ не оцарапаю своей совѣсти. Норовъ отправился въ Казань осматривать университетъ, а я безъ него калифствую на часъ. Вспомните обо мнѣ въ одинъ изъ этихъ вторниковъ и представьте себѣ мою рожу въ Комитетѣ Министровъ, гдѣ я одинъ разъ уже засѣдалъ. Жуковскій спрашивалъ у одного деревенскаго священника, почему отцу нельзя быть при крестинахъ своего младенца: думаю, отвѣчалъ онъ, потому, что какъ-то неловко и совѣсть убиваетъ. Тоже могу сказать и о себѣ, когда

сажусь въ чужія кресла. А пока мы все еще на дачѣ своей въ Лѣсномъ и дремучемъ уединеніи. Городская квартира наша не готова. Да и къ тому же я радъ сократить свое городское и зимнее заточеніе. Все-таки здѣсь урвешь часъ, чтобы походить, а вотъ, благодаря табельному дню (сегодня 8 число), урвешь часъ, чтобы побесѣдовать съ вами. За свое здоровье долженъ я благодарить Бога. Оно держится и подъ суетами дѣлъ и даже подъ смертоноснымъ паденіемъ Севастополя. Всѣ здѣсь заняты отъѣздомъ Царя изъ Москвы въ Николаевъ, а кто говоритъ и на сѣверную часть Севастополя. Присутствіе его безъ сомнѣнія ободритъ и воодушевитъ войска, которыя, впрочемъ, по словамъ пріѣхавшаго на дняхъ Анатоля Барятинскаго, не лишились бодрости. За войска можно ручаться. Они герои и мученики. Но хорошо будетъ на мѣстѣ и лично пощупать нашихъ генераловъ. О способностяхъ ихъ не мнѣ судить. Но нельзя не сознаться, что нѣтъ имъ счастья; а на войнѣ, какъ въ игрѣ, счастье едва ли не выше умѣнья, или науки. Такъ думалъ и Наполеонъ.

Лѣсная дача, 15 Сентября 1856.

Мнѣ все это время было, матушка, не до тебя, да и теперь еще не очень до тебя. Около мѣсяца провелъ въ Москвѣ, и едва успѣвалъ перевести дыханіе. Такой трезвонъ, такая пальба, суматоха, что голова кружилась и сердце замирало. Были минуты прекрасныя, торжественныя и незабвенныя. Особенно великолѣпны были день въѣзда и день коронованія. Никакой городъ въ мірѣ такъ неспособенъ и неудобенъ къ подобнымъ торжествамъ. Ни Римъ, ни Царьградъ не могутъ поспорить съ Москвою въ этомъ отношеніи. Да и Русскій народъ особенно хорошъ въ такихъ случаяхъ. Эти тихія громады, тихія не отъ безчувственности и криводушія, но отъ благоговѣнія, очень умилительны. На такихъ праздникахъ религіозное чувство превышаетъ и одолѣваетъ всѣ другія чувства. На улицахъ Русскій народъ, при звонѣ колоколовъ и при торжественномъ шествіи Царя, словно въ церкви. Онъ болѣе молится и крестится, чѣмъ кричитъ ура. Русскій народъ, при каждой радости, прежде чѣмъ вскрикнуть или всплеснуть руками, осѣняется крестнымъ

знаменіемъ и душу возноситъ къ Богу. Иностранцы удивляются этой тишинѣ народа и приписываютъ ее полиціи и народному повиновенію ей. Вовсе нѣтъ. Народъ нашъ также буренъ при случаѣ, какъ и всякая другая толпа. Но тутъ онъ болѣе всего царелюбивъ и богомоленъ, то-есть тѣмъ, чѣмъ онъ есть преимущественно по свойству своему и глубинѣ души своей. Немало также содѣйствовалъ къ благолѣпію празднества и мой красный, шитый золотомъ мундиръ.

КНИЖКА 22-я.

(1855).

Веве. *Января* 1. Утромъ у Принцессы. Читалъ пастору главу изъ Посланія Св. Павла съ приличными разсужденіями о началѣ года.

4. Выпалъ снѣгъ. Довольно *зимно*: хорошее польское слово, т.-е. *холодно*, которое, какъ и нѣкоторыя другія польскія слова, могли бы мы себѣ усвоить.

8. Пріѣзжалъ ко мнѣ Веберъ изъ Лозанны съ просьбою отъ издателя смягчить нѣкоторыя крѣпкія выраженія въ вестерпанскихъ письмахъ. Кое-что я перемѣнилъ.

10. Писалъ Аннѣ Тютчевой. Вечеръ у Принцессы.

13. Листъ печатаетъ въ *Constitutionnel* высокомѣрную чепуху объ операхъ пріятеля своего Вагнера.

19. Былъ у меня Принцъ Ольденбургскій.

21. Былъ въ Лафорѣ у графини Бернердорфъ и Англичанки Вильямсонъ изъ Индіи, гдѣ знала она князя Алексѣя Салтыкова.

22. Читалъ отчетъ нашего Парижскаго священника о Русскихъ плѣнникахъ.

23. Читалъ я съ Принцессою Александрою записку Карамзина о Москвѣ и нѣкоторыя стихотворенія Тютчева.

25. Получилъ изъ Петербурга извѣстіе о смерти, почти скоропостижной, графа Протасова. Я назначилъ бы на его мѣсто Норова, а на его мѣсто Титова.

26. Отправилъ пакетъ съ моими брошюрами преосвященному Иннокентію.

28. Въ *Инвалидѣ* 15 Янв. стихи Яхонтова *Осеннему ветру*, сходятся мыслію съ моими послѣдними стихами на бурю. Стихи Яхонтова очень недурны и оригинальны.

30. Принцесса начала дѣлать мой бюстъ.

Февраля 1. Опять до обѣда меня бюстировали.

4. Узнали о скоропостижной смерти графини Наталіи Строгановой.

5. Писалъ Титову съ маленькою характеристикою графини Строгановой и нашего оффиціальнаго общества.

7. До обѣда меня бюстировали, а вечеромъ ералашничали.

8. Титовъ назначенъ на Вѣнскія конференціи.

18. Пятница. Кончина Императора Николая. Принцъ Ольденбургскій отправился въ ночь на субботу въ Петербургъ при полученіи телеграфической депеши изъ Штутгардта.

Марта 2. Всѣ эти дни былъ я подъ ударомъ смерти Государя. Одна мысль, одно чувство занимали умъ и давили душу.

10. Принцесса Ольденбургская съ семействомъ выѣхала изъ Веве. Я говорилъ: „Ce n'est point un départ, c'est une migration". Нѣсколько омнибусовъ, фургоновъ, биткомъ набитыхъ людьми и поклажею.

11. Ѣздилъ на устье Роны въ проливной дождь. Зачѣмъ говоримъ *Рона*, а не Ронъ — Le Rhône. Въ стихахъ своихъ я сказалъ Ронъ.

12. Выѣхали изъ Веве на пароходѣ. Пріѣхали въ Женеву.

13. Обѣдня въ Русской церкви. Были у графа Остермана. Указывая мнѣ на сочиненія Державина, которыя лежали на столѣ, сказалъ онъ: вотъ моя Библія; впрочемъ, тутъ же лежали и духовныя книги и *30 писемъ Ветерана*. Представлялся Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ.

Апрѣля 1. Штутгардтъ. Именины княгини Маріи Аѳанасьевны Щербатовой. Написалъ стихи.

2. Выѣхалъ и пріѣхалъ въ Карлсруэ.

9. Севастопольская пальба опять громитъ душу. Пишутъ изъ Петербурга, что потонулъ Давидъ Голицынъ по дорогѣ изъ Москвы въ деревню.

12. Пріѣхали въ Баденъ-Баденъ.

14. Писалъ *Павлу* и *Ушакову*.

18. По здѣшнему 1-го Мая и открытіе Баденской дьявольщины салоновъ, игры, ресторана.

20. Пріѣзжалъ Павелъ съ Беками.

23 (5 мая). День смерти Наполеона на островѣ Св. Елены. Что дѣлается сегодня съ Лже-Наполеономъ въ Парижѣ!

27. Павелъ получилъ чинъ надворнаго совѣтника. Неожиданная и особенная милость.

29. Обѣдали у Столыпиныхъ съ Щербатовымъ. Праздновали четырехъ-лѣтіе супружества Владиміра и Маріи Щербатовыхъ.

Мая 3. Выѣхали изъ Франкфурта.

6. Писалъ графу Нессельроде и Сенявину благодарственныя письма за Павла.

9. Въ Парижѣ вообще не вѣрятъ покушенію на жизнь Жильблаза 2 Декабря и казни Піанори. Полагаютъ, что во всемъ этомъ много поддѣльнаго.

12. Выѣхали изъ Бадена въ Карлсруэ. Съ Щербатовымъ пріѣхали въ Висбаденъ. Вечеромъ видѣлъ трехъ священниковъ.

13. Освященіе Висбаденскаго храма. Церковь великолѣпная. Нѣмецкіе пѣвчіе прекрасно поютъ по-русски.

14. Вчера въ полночь перенесеніе гроба Великой Княгини изъ латинской церкви въ нашу. Прекрасная, теплая, мѣсячная ночь. Базаровъ читалъ рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ. Кончилось около 3 часовъ утра. Церковь, при свѣтломъ освѣщеніи, еще великолѣпнѣе.

15. Троицынъ день. Обѣдня въ новомъ храмѣ. Ѣздили съ Полисадовымъ на могилу князя Василія. Онъ прочелъ нѣсколько молитвъ по усопшемъ. Оставилъ священнику 40 франковъ для очистки могилы. Отправились съ Щербатовымъ во Франкфуртъ. Обѣдали въ Гомбургѣ.

16. Вечеромъ возвратился въ Баденъ.

24. Выѣхалъ изъ Бадена во Франкфуртъ. Читалъ съ Висбаденскимъ священникомъ Янышевымъ статью о новомъ храмѣ и отдалъ ее ему для отпечатанія.

25. Выѣхалъ изъ Франкфурта. Былъ у Бисмарка.

26. Ѣхали всю ночь. Пріѣхали въ Веймаръ. Представлялся

Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ. Особенно привѣтлива и ласкова. Говоритъ все по-русски.

27. Ходилъ въ дома Шиллера и Гёте. Ѣздили встрѣчать Ольгу Николаевну. Очень милостива,—о монхъ *Письмахъ*.

30. Выѣхали изъ Веймара. Въ десятомъ часу былъ въ Дрезденѣ. Здѣсь нашелъ Воронцовыхъ, Дьяковыхъ, Казиміру Воловскую, Бобринскаго, Клементія Россети, Фирса Голицына, Гревенница, семейство Ольденбургскихъ, лэди Пенброкъ.

31. Крымскія вѣсти плохи. Не имѣю духа читать журналовъ. Меншиковъ говоритъ, что военный министръ Долгоруковъ не только не выдумалъ пороху, но и не высылаетъ въ Севастополь. Вообще все, что слышишь, не радуетъ. Тяжкіе уроки, видно, насъ не научаютъ.

Іюня 2. Жена выѣхала сегодня въ Варшаву съ Ольденбургскими.

13. Ковно.

22. Царское Село.

23. Вчера былъ у насъ Тютчевъ. Ѣздилъ съ нимъ въ Павловскій вокзалъ.

25. Былъ на панихидѣ по покойномъ Государѣ.

30. Лѣсная дача. Обѣдалъ съ Тютчевымъ и Блудовымъ. Вечеромъ во дворцѣ Каменноостровскомъ, у княгини Одоевской, т.-е. у Великой Княгини.

Іюля 1. Вечеромъ пріѣхали въ Петергофъ на дачу принцессы Ольденбургской.

2. Былъ у Олсуфьева.

3. У Анны Тютчевой видѣлъ Государя. Смерть Нахимова.

4. Вечеромъ у всенощной въ Сергіевскомъ монастырѣ.

5. День Св. Сергія. Вчера узнали, что непріятельскій флотъ пошелъ къ Ревелю. Вечеромъ былъ на Сергіевкѣ у Воейковой. Видѣлъ Великую Княгиню.

6. Вечеромъ ѣздилъ съ Воейковой въ Ораніенбаумъ на катальную гору смотрѣть на непріятельскій флотъ.

8. Былъ у М. А. Хитровой. Встрѣтилъ у нея графиню Разумовскую подъ заревомъ посѣщенія того же утра Императрицы Александры Ѳеодоровны.

10. Ѣздили въ Гатчинской заставѣ въ женскій монастырь на освященіе храма, сооруженнаго въ память Андрею Карамзину.

12. День моего рожденія. Вечеромъ былъ у Анны Тютчевой съ отцемъ ея.

15. Поражаетъ меня общее пустословіе—и когда и гдѣ же? Въ виду Кронштадта, запертаго непріятельскимъ флотомъ.

19. Представлялся Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Въ первый разъ отъ роду ее видѣлъ. Очень привѣтлива и мила. Разговоръ около часу. Приглашены были на обѣдъ ко вдовствующей Императрицѣ. Передъ обѣдомъ призывала меня одного. Съ чувствомъ говорила о своей скорби. Милостиво о томъ, что писалъ я заграницею и которое всегда обращало на себя вниманіе покойнаго Императора. Онъ былъ истинно *Русскій Царь*, сказала она.

20. Ѣздили въ городъ. Обѣдалъ у Норова Авраама. Въ немъ, въ самомъ дѣлѣ, есть что-то патріархальное. *Предложенія*. Вечеромъ возвратился въ Петергофъ.

21. Вчера заѣзжалъ къ Бибикову.

22. Нѣтъ ни пріема, ни выхода. Русская шутка часто вертится на рифмѣ: эта дама изъ Амстердама, сказалъ мнѣ Вонъ-Лярларскій.

23. Вечеромъ былъ у Анны Тютчевой.

24. Представлялся Государю Императору. Поздравилъ меня съ назначеніемъ. Говорилъ о Славянскомъ направленіи, о допетровскихъ тенденціяхъ въ литературѣ, о цензурѣ. Благодарилъ за послѣднія мои произведенія.

Августа 5. Пріѣхали изъ города въ Петергофъ.

6. Вечеромъ у Принцессы игралъ въ ералашъ съ Великою Княгинею Маріею Николаевною.

7. Были на вечерѣ у вдовствующей Императрицы.

9. Пріѣхалъ на пароходѣ въ городъ. Былъ въ Министерствѣ. Писалъ Полисадову. Вечеръ у Шепелева. Любимовъ. Розановъ разсказывалъ о житіи молодого Плетнева на Выксѣ.

10. Былъ при министерскомъ докладѣ. Вечеромъ былъ у графини Блудовой. Читалъ въ *Морскомъ Сборникѣ* біографію Се-

нивна. Рожденіе Севастополя. Грустно читать предъ страдальческою кончиной его.

11. Отвѣчалъ Погодину. Ѣздилъ съ Норовымъ къ нему обѣдать въ Павловскъ. За обѣдомъ неожиданно узналъ о смерти С. Ѳ. Лодомирской. Вечеромъ былъ въ Царскомъ Селѣ у Мещерскихъ и у нихъ ночевалъ.

12. Возвратился на Лѣсную дачу съ печальнымъ извѣстіемъ. Писалъ Александру Апраксину.

13. Засѣданіе Главнаго Правленія Цензуры. Пололи и пороли разныя иностранныя книги. *Носовые платки* съ изображеніемъ Прусскаго Короля.

14. Ѣздилъ въ Петергофъ, въ день рожденія Принца. Вечеромъ были всѣ царскія дѣти — грядущее Россіи. Безъ меня вдовствующая Императрица присылала звать меня къ обѣду.

15. Возвратился на Лѣсную дачу. Вечеромъ былъ у Блудова.

18. Панихида по Императорѣ Николаѣ въ крѣпостномъ соборѣ. Обѣдали у Блудова и оставались до вечера.

19. Писалъ статью *18 Августа*.

20. Былъ у Норова въ Павловскѣ и пожертвовалъ ему *Севастопольскими камнями* (въ статьѣ моей).

21. Ермоловъ пишетъ, что если бы Реадъ увидѣлъ во снѣ, что онъ *ослушался* приказаній начальства, то онъ не проснулся бы.

31. Пожалованъ въ тайные совѣтники и утвержденъ товарищемъ министра. Норовъ поѣхалъ въ Москву и въ Казань. Я вступилъ въ управленіе министерствомъ. Ѣздилъ въ Царское Село. Встрѣтился въ саду съ Императоромъ, который былъ верхомъ и держалъ въ рукахъ маленькую дочку Марію Александровну. Говорилъ мнѣ о статьѣ *18 Августа*.

Сентября 1. Былъ въ Министерствѣ. Подписывалъ первыя бумаги.

2. Заходилъ къ графу Киселеву. Говорилъ *о неспособности различать иныя краски* умственными глазами. Также плохо разбиралъ глупость отъ ума, неспособность отъ способности.

29. Былъ у обѣдни въ Казанскомъ Соборѣ.

Октября 10. Былъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

11. Былъ въ Комитетѣ Министровъ. Обѣдалъ въ Царскомъ Селѣ у Императрицы Александры Ѳеодоровны.

Ноября 3. Писалъ Пономареву въ Черниговскую губернію о статьѣ его, о моихъ сочиненіяхъ.

6. Былъ у обѣдни въ Казанскомъ Соборѣ.

17. Обѣдалъ у Принца Ольденбургскаго въ честь невѣсты. Послалъ записку Титова Великому Князю Константину Николаевичу.

21. Вечеромъ былъ у Лубяновскаго. Живой архивъ. Много разсказывалъ.

22. Послалъ съ Вѣнскимъ священникомъ Раевскимъ мой медальонъ и *30 lettres* въ Бибеско.

26. Получилъ извѣстіе о смерти молодого Вьельгорскаго въ Симферополѣ.

КНИЖКА 23-я.

(1857).

Октября 2. Переѣхали съ дачи въ Петербургъ. Вечеромъ былъ у Норова.

3. Долженъ былъ обѣдать у Тютчевыхъ, а обѣдалъ у Великой Княгини Екатерины Михайловны.

4. Вечеромъ на балѣ у Великой Княгини Маріи Николаевны.

5. Сборы къ отъѣзду въ Москву.

6. Выѣхали.

7. Пріѣхали въ Москву въ 9 часовъ утра. У Четвертинскихъ всѣ еще спали, кромѣ собакъ, которыя бросились на насъ. Я переѣхалъ къ Ковалевскому. Первый мой выѣздъ былъ въ клинику навѣстить избіенныхъ полиціею студентовъ.

9. Обѣдали у Ковалевскаго съ Шевыревымъ и Бабстомъ.

10. Утромъ былъ у графа Закревскаго. Разговоръ съ оберъ-полиціймейстеромъ Берингомъ.

11. Съ пріѣзда былъ на лекціяхъ Бабста, Крылова, *Лешкова*.

12. Былъ въ клиникѣ у студентовъ. Былъ у Сушковыхъ.

13. Къ прискорбію моему не былъ я сегодня у обѣдни,— и не зналъ, или забылъ, что былъ крестный ходъ въ память изгнанія Французовъ изъ Москвы.

14. Государь призывалъ насъ въ свой кабинетъ съ Ковалевскимъ. Говорилъ мнѣ о Кіевскомъ Университетѣ и Черниговской гимназіи — послѣ о здѣшней полицейской исторіи и безъ малѣйшаго предубѣжденія противъ студентовъ. Былъ у Импе-

ратрицы. Очень благосклонна, мила и разговорчива. Вечеромъ былъ у Самариной и не успѣлъ выѣхать.

15. Цѣлое утро продержали меня въ плѣну разные народы. Былъ у Маріи Щербатовой, гдѣ нашелъ еще одного Гагарина, сына князя Григорія. Заѣзжалъ къ Влудову, Шевыреву, Гончаровой. Никого не засталъ.

16. Были у меня студенты и благодарили за доброе участіе. Былъ у Волконской Сибирячки.

17. Утромъ слушалъ лекцію Бодянскаго.

18. Вообще преподаваніе у насъ какъ-то бездушно, особенно въ гимназіяхъ. Все мертвая буква, а живой мысли нѣтъ. Вечеромъ былъ у Ермолова. Разсказъ о Платовѣ, сосланномъ въ Кострому.

19. Пріѣхалъ въ Остафьево. Писалъ женѣ. Гулялъ по саженой рощѣ, по берегу замерзлаго пруда, на которомъ мальчишки гоняли кубари. Вечеромъ былъ у Окуловыхъ. Лунная ночь.

20. Былъ у обѣдни. Пили у меня чай Анна и Варвара Алексѣевны Окуловы и священникъ. Прекрасный день. Опять гулялъ по саду, рощѣ, вдоль пруда. Въ 3 часа отправился въ Москву. Пріѣхалъ прямо къ Ковалевскому, а вечеромъ переселился къ Владиміру Четвертинскому, въ домъ княгини Черкасской, на Никитской.

21. Были у меня Сибирскій-Волконскій, Павловъ, Шевыревъ.

22. Вечеръ у Сушковыхъ: Ростопчина, Левъ Толстой, Щебальскій, собиратель и литературный сыщикъ Бартеневъ, Павловъ, Шевыревъ.

23. Былъ въ клиникѣ. Всѣ немощи и ужасы человѣческаго рода. У вдовы Кирѣевской.

25. Поѣхалъ въ Остафьево. Былъ у меня Гиртъ на возвратномъ пути отъ Закревскаго, къ которому послалъ его Норовъ. Толку было мало. Вечеромъ былъ у Окуловыхъ и ералашничалъ до второго часу ночи.

26. Остафьево. Былъ у обѣдни. Крестьянская сходка. Просятся на оброкъ. Гулялъ, писалъ стихи. Въ 4 часа отправился въ Москву.

27. Былъ въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Панихида. Послѣ у Погодина.

28. Утромъ былъ у племянника Закревскаго. Вечеръ съ плясками у Закревскаго. Елисейскія встрѣчи и разговоры въ царствѣ мертвыхъ. Изъ новыхъ знакомствъ: княгиня Черкасская, Викторина, жена того, котораго называютъ здѣсь, не знаю почему, *Чижикомъ*. Зрѣлая львица, но пріятная.

29. Былъ у меня Константинъ Аксаковъ. Ѣздилъ на кладбище, на могилу матери. Она родилась въ 1762 г., скончалась въ 1802 г. Обѣдалъ въ Кадетскомъ Корпусѣ у Озеровыхъ. Вечеръ у Кошелева (*вторникъ*), не столь Славянскій, какъ я боялся. Свербѣева, Павловъ, Максимовичъ, Крузе, etc.

30. Былъ у Лонгинова. Обѣдалъ у Тимирязева.

31. Въ Университетѣ на латинской лекціи Клейна. Всего слушателей три студента. Былъ у Оболенской-Мезенцовой, у Шевырева.

Ноября 1. Былъ у меня Максимовичъ.

2. Ѣздилъ къ Филарету, но не видалъ его. Сказали, нездоровъ. Вечеромъ былъ у меня Погодинъ. Послѣ былъ я у Сушковыхъ

4. Были у обѣдни. Кошелевъ, Шевыревъ были у меня. Вечеромъ танцы у графини Паниной.

3. Былъ у меня Максимовичъ, Павловъ, Свербѣева, Четвертинская. Былъ у Аксаковыхъ.

5. Съ Ковалевскимъ ѣздилъ въ университетъ. Библіотека, музей. Просить у Министерства Внутреннихъ Дѣлъ *старопечатныхъ книгъ*. Ѣздилъ къ Иверской. Уже заперто.

6. Выѣхалъ изъ Москвы; въ вагонѣ со мною были генералъ Астафьевъ, князь Валеріанъ Голицынъ. Въ Москвѣ былъ морозъ, въ Твери снѣгъ и чѣмъ ближе къ Петербургу, тѣмъ теплѣе.

7. Благополучно пріѣхали въ Петербургъ.

Полезно было бы въ уѣздныхъ училищахъ предоставить священникамъ преподаваніе и Русскаго языка вмѣстѣ съ Славянскимъ, какъ то дѣлается въ Бѣлевѣ, по распоряженію покойнаго Ивана Кирѣевскаго, который былъ почетнымъ смотрителемъ.

Нужно, по крайней мѣрѣ, отчасти предоставить цензуру нѣкоторымъ профессорамъ. Цензурнымъ Комитетамъ выдавать деньги, назначаемыя на жалованье цензорамъ, съ тѣмъ, чтобы Комитеты платили каждому по трудамъ его.

Ешевскій. Московскій Университетъ усердно желаетъ имѣть его въ числѣ своихъ профессоровъ.

Типографію на откупъ за 50 т. р. с.; желаютъ снять ее Рябинины.

Говорили о предположеніи перевести въ Москву Румянцовскій музей.

Нужно, чтобы *слѣдствіе* по окончаніи не миновало Ковалевскаго.

10. Ѣздилъ въ Царское Село. Послѣ обѣдни представлялся Ихъ Величествамъ. Государь призывалъ меня въ свой кабинетъ. Говорили о Московской исторіи, о Константинѣ Аксаковѣ. Императрица призывала къ себѣ. Разговоръ о Наполеонѣ. Слово его о Турецкой войнѣ 1828 г. и Севастополѣ. Онъ два раза просился въ нашу службу. Благодарила меня за стихи. Вечеромъ былъ во Дворцѣ. Разговоръ съ двумя Императрицами.

11. Ночевалъ въ Царскомъ Селѣ. Обѣдалъ у вдовствующей Императрицы: Марія Вяземская, Титовъ, Ахматовъ. Разговоръ очень разнообразный и свободный. Ее не вѣрно цѣнятъ въ публикѣ. Вечеромъ Титовъ читалъ мнѣ проектъ свой о ученіи Наслѣдника съ избранными товарищами.

12. Норовъ. Новая цензурная гроза по поводу жалобы Панина на статьи объ устномъ судопроизводствѣ.

17. Приглашеніе въ Царское Село въ спектакль. Между прочимъ давали водевиль *La rue de la lune* довольно неприличный, а особенно для молодыхъ фрейлинъ. Государыня очень жаловалась на неприличность піесы.

18. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ. Они, проѣзжая въ каретѣ, остановили меня на улицѣ и удостоили приглашеніемъ. Обѣдала Анна Алексѣевна Окулова. Много шутили. Она разсказала мое слово: *по всѣмъ по тремъ—коренной не тронь*. Вечеромъ возвратился въ городъ.

19. Обѣдалъ у Авроры. Вечеромъ заѣзжалъ къ архимандриту Айвазовскому. Утромъ былъ въ Комитетѣ Министровъ. Много говорили и ничего путнаго не рѣшили.

20. Писалъ возраженіе на Чевкина, который первый на вызовъ явился съ доносомъ на цензуру; когда думать ему о путяхъ сообщеній, если онъ роется въ старыхъ журналахъ и вытаскиваетъ изъ нихъ старыя дрязги.

22. Былъ у меня Московскаго Университета Майковъ. Тютчевъ читалъ ему свои послѣдніе стихи. Изготовилъ записку для Норова о назначеніи Комитета для пересмотра Цензурнаго Устава.

23. Вечеромъ былъ у меня графъ Блудовъ и Плетневъ. Жуковскій говорилъ о графѣ Уваровѣ: „Странный человѣкъ. Часто поднимаетъ носъ, а головы никогда не поднимаетъ".

30. Были у меня Батюшковъ, Анненковъ, Софія Щербатова, Аврора Карамзина.

Декабря 3. Былъ у меня Кавелинъ. Говорилъ ему о статьѣ Бабста въ Московскихъ Вѣдомостяхъ.

4. Перелистывалъ на дняхъ вышедшій 7-й томъ Пушкина.

5. Былъ у меня графъ Уваровъ, отъѣзжающій въ Москву. Вчера читалъ біографію Маркова, написанную Бартеневымъ. Надобно отыскать мнѣ мой некрологъ Маркова, напечатанный въ *Телеграфѣ*.

6. Вчера вечеромъ были у меня Титовъ и Норовъ. Кто-то сравнивалъ голову С. Ст. съ постоялымъ дворомъ, всѣ и все въ немъ перебываютъ: и умное и глупое, и дѣльное и бездѣльное, и правое и кривое, а тамъ, когда ночью всѣ разъѣдутся, то уже ничего не останется.

7. Былъ я приглашенъ на вечеръ къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михайловнѣ, но не поѣхалъ. Сидѣли у меня вечеромъ Плетневъ и Казанскій Баратынскій.

8. Былъ воспріемникомъ у Рейтерна дочери Маріи. Воспріемницею была Императрица Марія Александровна. Мѣсто ея заступила Анна Тютчева.

9. Обѣдалъ сегодня у вдовствующей Императрицы: графиня Тизенгаузенъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, Норовъ. Го-

ворили о смерти Василія Перовскаго въ Алуштѣ и графини Бенкендорфъ въ Дрезденѣ. Государыня говорила о княгинѣ Дашковой и о запискахъ ея, переведенныхъ недавно на нѣмецкій языкъ. Спрашивала, почему Ванюша Воронцовъ наслѣдовалъ имя Дашкова, но никто изъ насъ не умѣлъ отвѣчать.

11. Обѣдалъ у Великой Княгини Екатерины Михайловны съ Титовымъ. Вечеромъ у Норова.

31. Кончилъ годъ, дома, съ Павломъ и женою его.

КНИЖКА 24-я.

(1858 — 1859).

Лозанна. Hôtel Gibbon 2 Ноября (21 Октября) 1858.

Si parmi les papiers laissés par le général La Harpe, se trouvent des lettres de feu l'Empereur Alexandre ou des mémoires, dépêches ou autres documents politiques ayant particulièrement trait à la Russie il serait à désirer, en mémoire des relations intimes et tout exceptionnelles qui ont existé entre l'Empereur et le général, que ces documents. qui appartiennent pour ainsi dire à l'histoire de Russie, fussent offert par les héritiers du général à l'héritier de son Auguste élève et ami. Le gouvernement russe serait fort sensible à cette offrande il ne manquerait pas d'en témoigner sa gratitude. Si les possesseurs actuels des papiers en question adhéraient à ce projet le prince Wiasemsky s'estimerait fort heureux d'entrer en rapport avec eux à ce sujet. Après l'éxamen de ces papiers faits en commun, on pourrait faire la part de ceux qui doivent rester entre les mains de la famille et de ceux qui, ayant principalement un intérêt et une portée russe, peuvent être livrés au cabinet de S-t Pétersbourg.

P. Pierre Wiasemsky.

„Друзья мои! (говоритъ Карамзинъ въ Письмахъ Русскаго Путешественника) когда судьба велитъ вамъ быть въ Лозанѣ, то войдите на террасу каѳедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекло тутъ въ удовольствіи и тихой радости!“ Я исполнилъ желаніе его. Когда бываю заграницею, беру всегда съ собою Письма Карамзина и перечи-

тываю многія изъ нихъ съ особеннымъ наслажденіемъ. Люблю отыскивать, угадывать слѣды его, разумѣется давно стертыя съ лица земли. Поколѣнія смѣнили поколѣніе, которое онъ засталъ и видѣлъ. Гостинницы исчезли. Все приняло новый видъ. Россія училась читать по этимъ *Письмамъ*. Они открыли новый міръ въ области умственной и литтературной. Нынѣ ихъ уже не читаютъ. Такъ называемые учители Русской Словесности считаютъ ихъ устарѣлыми и предлагаютъ ученикамъ *новѣйшіе образцы*. А между тѣмъ *Письма* эти должны служить и нынѣ образцами языка и слога: они не только *Письма Путешественника*, но настоящіе мемуары, исповѣдь человѣка, картина эпохи. Замѣчательныя лица, характеристики, разговоры ихъ, передаются въ живомъ зеркалѣ. Ни въ которомъ изъ твореній Карамзина не изображаетъ онъ себя въ такой полнотѣ какъ здѣсь. Чувствительность, такъ называемая, *сентиментальность*, пожалуй, *слезливость*, не притворны, потому что онѣ не искусственны, не лживы, а истинны. Таковъ былъ Карамзинъ въ то время. Таковымъ онъ былъ до конца жизни, разумѣется съ измѣненіями, съ зрѣлостью ума и души, которыя пришли съ лѣтами. Карамзинъ всегда сохранилъ добросердечную, мягкую, дѣтскую впечатлительность: онъ до конца любовался живостью первоначальныхъ лѣтъ, цвѣткомъ, захожденіемъ солнца, всѣми красотами природы; былъ сострадателенъ до слезливости; любящая и нѣжная душа не охлаждалась ни лѣтами, ни опытами жизни, часто отчуждающими душу отъ ближняго. Стихъ латинскаго поэта „я человѣкъ и ничто человѣческое мнѣ не чуждо“ было постояннымъ лозунгомъ всей его жизни, всѣхъ его дѣйствій, чувствъ и помышленій. Не *помѣщикъ*, онъ горевалъ при извѣстіи, что въ такой-то и такой-то губерніи неурожай. Когда Дмитріевъ заставалъ его въ такую минуту грусти и, узнавъ о ея причинѣ, говорилъ: „полно заботиться, въ Москвѣ будетъ всегда довольно калачей“, Карамзинъ добродушно смѣялся шуткѣ друга своего, но не менѣе горевалъ о лишеніи и нуждахъ бѣдныхъ крестьянъ. Тому, кто зналъ его, слышится голосъ души его въ слѣдующихъ словахъ, писанныхъ также изъ Лозанны: „я сѣлъ на уединенной лавкѣ и дождался захожденія солнца,

которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савойи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и богатство. Мнѣ казалось, что въ вѣткѣ, несущемся съ противоположнаго берега, *слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ*". Это не риторическая фигура, не филантропическая фраза, брошенная, чтобы произвести театральное дѣйствіе на читателей или слушателей. Нѣтъ, Карамзинъ и тогда слышалъ сердцемъ *вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ*, какъ лѣтъ 30 или 40 послѣ сострадалъ онъ въ Москвѣ, или Петербургѣ, въ уютномъ домѣ и за сытнымъ обѣдомъ, жалкой участи поселянъ Пензенской или Олонецкой губерніи. Самъ Карамзинъ при одной выходкѣ сентиментальности своей прибавляетъ, въ примѣчаніи: *кто хочетъ разжмется*. Слѣдовательно, онъ зналъ, что подвергается насмѣшливости нѣкоторыхъ людей, но вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлъ онъ, изъ *ложнаго стыда*, утаивать движенія своего сердца и выставлять себя не тѣмъ, чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Эти выходки, эти сердечныя нескромности драгоцѣнны для людей, даже и не раздѣляющихъ этого невиннаго простосердечія, но умѣющихъ сочувствовать всему, что есть выраженіе искренняго, истиннаго чувства. Писемъ Русскаго путешественника теперь не читаютъ, потому что онъ въ нихъ не говоритъ о желѣзныхъ дорогахъ, которыя никому тогда и во снѣ не снились; не пускается въ изслѣдованіе и разрѣшеніе вопросовъ статистическихъ, политико-экономическихъ, хотя при случаѣ не забываетъ и затрогивать ихъ, когда они попадаются ему подъ руку, и даже первый создалъ и пустилъ въ ходъ въ этихъ письмахъ слово *промышленность*. Эти господа, не обращающіе никакого вниманія на Письма Русскаго путешественника, похожи на человѣка, который пренебрегалъ бы картинами Рембрандта и фанъ-Дейка потому, что лица, ими въ портретахъ изображенныя, не одѣты и не причесаны по нынѣшнему. Многихъ не занимаетъ *человѣкъ*, въ обширномъ духовномъ и умственномъ значеніи его. Имъ, напримѣръ, нужно, чтобы лицо было современное, *нынѣшнее*, т. е., чтобы походило на нихъ самихъ, смотрѣло на предметы съ той точки зрѣнія, съ которой они смотрятъ, говорило ихъ языкомъ, или

ихъ нарѣчіемъ, вполнѣ раздѣляло ихъ убѣжденія и предубѣжденія. Однимъ словомъ, было не *личностью*, отдѣльною, самобытною, независимою, а однообразнымъ отпечаткомъ, одноцвѣтнымъ отблескомъ общаго типа, общей формы. Вотъ отчего въ наше время такъ рѣдки оригинальные умы и характеры, и литтературныя произведенія вертятся вѣчно въ заколдованномъ кругѣ, который страшатся переступить угодники вѣка изъ страха показаться запоздалыми, отсталыми и не имѣющими достаточно силы, чтобы достигнуть высоты настоящаго и общимъ аршиномъ опредѣленнаго уровня.

Знакомства Карамзина съ знаменитыми современностями. Онъ является предъ ними выборнымъ человѣкомъ возникающаго Русскаго просвѣщенія и въ этомъ званіи оцѣнивается ими, возбуждаетъ все ихъ сочувствіе, всю ихъ любовь и въ лицѣ его сочувствіе и любовь къ Россіи. Заслуга неоцѣненная, которою можемъ мы гордиться и которую не слѣдовало бы намъ забывать. Добро бы еще свѣтскимъ читателямъ, жаднымъ потребителямъ всякой новизны, но намъ, нашей нищущей братіи, непростительно отрекаться въ равнодушномъ забвеніи отъ дѣлъ и подвиговъ *пряда* нашего, который указалъ намъ дорогу, по которой всѣ мы идемъ, съ меньшимъ или бо́льшимъ успѣхомъ, который отлилъ и отчеканилъ орудіе, которымъ дѣйствуемъ; который не только на родной почвѣ высоко поднялъ хоругвь Русскаго просвѣщенія, но съ честью явилъ его и глазамъ образованнѣйшихъ мужей того времени; обратилъ ихъ сочувственное вниманіе къ новымъ, имъ дотолѣ неизвѣстнымъ, союзникамъ, къ новымъ сподвижникамъ на стезѣ образованности и въ трудахъ умственнаго и духовнаго преуспѣянія.

Въ какомъ Русскомъ писателѣ найдете вы болѣе глубокаго, вѣрнаго пониманія природы, такихъ живыхъ и краснорѣчивыхъ изображеній ея разнообразныхъ и изумительныхъ красотъ? Сколько разносторонннихъ свѣдѣній, сколько любознательности. Какія вѣрныя характеристики писателей, въ то время едва по одному имени извѣстныхъ Россіи, характеристикъ и нынѣ не утратившихъ свѣжести и вѣрности своей. Подъ легкостью, непринужденностью письменной болтовни, сколько глубокихъ на-

блюденій, чуждыхъ всякаго систематическаго педантства и сухости правоученія. Какая теплая, неограниченная любовь къ человѣчеству, вѣра въ Провидѣніе и благодарность къ нему. Какое искусство, какая простота въ разсказахъ современныхъ событій, дорожныхъ приключеній, въ историческихъ воспоминаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно уже угадывать будущаго романическаго повѣствователя и будущаго историка. Лица имъ упоминаемыя живы, встаютъ, движутся, говорятъ предъ вами. Читая эти письма, читателю сдается, что онъ былъ знакомъ съ Лафатеромъ, съ Бонетомъ, что онъ сидѣлъ въ ихъ кабинетахъ, бесѣдовалъ съ ними.

ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Madame,

A mon grand désappointement, je me vois condamné à débuter dans la série des rapports que V. M. I. a daigné m'autoriser à lui adresser, par l'aveu que mes négociations à Lausanne, n'ont point eu pour le moment le succès désiré. Les héritiers et propriétaires du général de la Harpe sont au nombre de trois. Il n'y en a qu'un de présent à Lausanne, et il n'a pu à lui seul me donner une réponse positive. Sa lettre que je prends la liberté de joindre ici comme pièce justificative, me permet d'espérer que la cause n'est pas définitivement perdue, mais qu'elle est ajournée. Au printemps prochain, je reprendrai ma négociation, et j'aime à le croire, avec plus de bonheur.

Il ne me resterait, à la rigueur, qu'à terminer ici mon humble et modeste dépêche, en la déposant ainsi que l'hommage de mon respect le plus profond aux pieds de V. M. Mais j'ose m'accorder une douce illusion. Tout poëte, bon ou mauvais, se berce de rêves. Grâce à ce privilège, je me transporte aux jours heureux, à jamais gravés dans ma mémoire et dans mon coeur quand j'avais la haute faveur d'être admis dans le cabinet de V. M. à Péterhof ou à Czarskoé Sélo. Là votre incomparable bienveillance me donnait le courage de parler à coeur et à esprit ouvert, courage et confiance, que soit dit en passant, bien peu de personnes, et personne

plus que vous, Madame, n'ont jamais su m'inspirer. J'hésite d'autant moins à me laisser aller à cette licence poétique, qu'une lettre n'est pas gênante, on la met de côté sans l'achever quand elle vous ennuie, tandis que l'on n'a pas toujours l'héroïsme nécessaire pour mettre à la porte un homme qui vous fatigue par son verbiage.

Je vais donc à mes risques et périls retracer en abrégé quelquesunes de mes impressions de voyage. Le séjour de Carlsbad m'a complètement satisfait. La saison quoiqu'avancée, a été particulièrement chaude et belle. Ma cure m'a très bien réussi, et ce qui vaut encore mieux, comme cure morale, j'ai échappé au contact de quelques sommités Anglaises, telles que les Granville, les Clarendon, qui retardataires comme nous, se trouvaient à Carlsbad. Je dois l'avouer, et j'espère que mon aveu ne sera point entendu des Princes Orloff et Gortchakoff—que quant à moi et dans mon for intérieur, les conférences de Paris sont comme non avenues. J'en suis encore à la guerre d'Orient. Tout Anglais, et principalement tout homme d'état Anglais est encore à mes yeux un des pirates qui sont venus infester et piller les côtes des mers Noire et Blanche et de la Baltique. J'ai passé huit à dix jours à Stuttgardt, et je ne saurais exprimer à V. M. combien nous avons été touchés de l'accueil gracieux que nous avons trouvé à la Villa. J'aimais à y reconnaître un reflet de cette haute et inaltérable bonté, de ce patronage lointain, qui semblable à la providence me protegeait de sa main invisible, mais toujours et partout présente. Ma reconnaissance en était partagée, et d'autant plus vive et profonde. A notre entrée en Suisse, nous avons été reçus avec tous les honneurs et témoignages dûs à notre nationalité. Le temps a complètement changé d'un jour à l'autre. Neige, gelée, brises de toute couleur et dénomination, parties de tous les cantons, de tous les lacs et montagnes se sont précipitées à notre rencontre. Ce cortège nous a suivi jusqu'à Genève, où nous avons trouvé un froid de 8 à 10 degrés; moi, qui espérais escamoter un hiver, je tombe en plein dans la gueule du loup, et encore d'un loup furieux, tandis que chez nous le froid est un loup apprivoisé. J'ai eu ici la bonne fortune de visiter l'atelier de Calame, au moment même qu'il travaillait avec beaucoup de zèle à un tableau destiné à V. M. Il m'a dit

qu'il avait mis de côté ses autres travaux pour se consacrer exclusivement à cet ouvrage. Coquerel fils, arrivé de Paris, a ouvert ici des conférences sur l'époque des persécutions subies par les réformés en France, au dernier siècle. L'orateur parle avec beaucoup de facilité, de chaleur et de verve, mais avec mesure et presque toujours avec impartialité. J'ai assisté avec intérêt et émotion à quelques unes de ces séances. Sans assimiler le moins du monde les convictions des réformés aux erreurs de nos sectaires, je pensais involontairement à eux en écoutant le ministre. Les mesures de rigueur n'étouffent point les croyances, vraies ou fausses, une fois qu'elles se sont emparées de la foi des hommes. J'ai fait la connaissance de Bungener et de sa jolie femme.

Dans les ouvrages fort remarquables et pleins d'intérêt tels qu'un Sermon sous Louis XVI et Trois sermons sous Louis XV, il a traité le même sujet que Coquerel, mais plutôt en romancier et en pamphlétaire, qu'en historien, et avec plus de fougue, d'acrimonie, et je dirai presque d'intolérance.

La présence des tempêtes que Dieu soulève sur le lac de Genève, les tempêtes des hommes dans un verre d'eau, n'en vont pas moins leur train. La position politique et sociale à Genève est fort tendue et les esprits sont très animés. Les hommes de bien se plaignent d'une grande immoralité dans le gouvernement. La lutte électorale qui est à la veille d'éclater entre le parti radical et le parti démocratique, c'est à dire, entre Fazy et ses adversaires, qui se sont abstenus jusqu'à présent, promet d'être très vive et orageuse. On suppose, cependant que le parti dominant restera vainqueur encore une fois. J'aurais bien aimé à assister à ce pugilat, car les coups de poing, dit-on, ne manqueront point, mais les étrangers sont exclus de la salle des élections.

Je suis tout confus et effrayé, Madame, du long et illisible grimoire que j'ai l'audace de mettre sous les yeux de Votre Majesté. Il me prend envie d'en faire un auto-da-fé, comme juste châtiment de mon crime de Lèse-majesté. Mais d'un autre côté, je pense que vous pouvez tout aussi bien que moi jeter ma lettre au feu. Ce qu'il me fallait c'était d'avoir le bonheur de m'entretenir mentalement avec vous, Madame, comme vous me permettiez de le

faire jadis. En tous cas, Votre Majesté sans se donner l'ennui et la fatigue de déchiffrer mes hiéroglyphes aura sous ses yeux la preuve que je me suis longuement oublié à penser à Elle.

Daignez me permettre de déposer à vos pieds l'hommage du plus profond respect et du plus pur dévouement, avec lesquels, j'ai le bonheur d'être, Madame, de Votre Majesté Impériale le plus humble des serviteurs et le plus fidèle des sujets.

P. Wiasemsky.

Genève, 2 (14) Novembre 1858.

Dans le monde, et surtout à la cour, quand on a une mission sérieuse à remplir, il faut être invulnérable, imperméable, incombustible, hermétiquement cuirassée, il faut savoir avaler des grenouilles et digérer des couleuvres. Et bien, je crois, que votre estomac n'est pas de cette force. (Изъ письма къ Аннѣ Тютчевой).

Въ Лозаннѣ Hôtel de Gibbon, на томъ мѣстѣ или близъ тѣхъ деревьевъ, подъ коими онъ писалъ свою книгу. Портретъ его въ столовой, и изъ уваженія къ имени, которымъ окрещена гостинница, она отлично содержится. Вотъ до этой общественной признательности мы еще не дошли. Улицы и гостинницы не носятъ именъ великихъ писателей, даже нашихъ, не только что иностранныхъ.

Руссо не узналъ бы своей Спартанской Женевы. Новое правительство все дѣлаетъ, чтобы обратить ее въ безнравственные Аѳины. Театръ, правда плохой, игорный домъ, кофейныя и погреба, или просто кабаки, на каждомъ шагу. Стараются *обезшвейцарить* Женеву, поглотить ея народонаселеніе приливомъ иностранцевъ, разноплеменной сволочи, бродягъ. Все это съ политической цѣлью укрѣпить власть свою чуждыми стихіями и легче рыбу ловить въ мутной водѣ. Какъ Парижъ, Женеву ломаютъ изъ края въ край и вновь обстраиваютъ. Эта ломка привязываетъ рабочій классъ къ диктатурѣ государственнаго совѣта, сосредоточившагося въ одной личности Фази. Нельзя въ

Женевѣ не думать о Руссо. Карамзинъ посвятилъ ему нѣсколько краснорѣчивыхъ страницъ въ своихъ письмахъ. Не сочувствуя многимъ политическимъ и религіознымъ мнѣніямъ Руссо, Карамзинъ любилъ его и много имѣлъ съ нимъ общаго. Гоголь также принадлежалъ семейству Руссо, съ разницею, что онъ былъ христіанинъ и усердный православный, а тотъ деистъ,— что тотъ былъ умъ высшаго разряда, а Гоголь писатель съ дарованіемъ и только. Но въ томъ и другомъ была болѣзненная организація —des hallucinations.

Въ Женевѣ видѣлъ я la maison de détention и la maison pénitentiaire. Въ первой содержатся les détenus и подвержены полной келейной системѣ днемъ и ночью. Работаютъ въ кельѣ, обѣдаютъ при безусловномъ молчаніи; не дозволяютъ имъ ни пѣть, ни свистать. Случаи помѣшательства рѣдки. Récidives, въ послѣдніе года все тѣ же лица, числомъ 5 или 6, возвращались на старое мѣсто. Большинство иногородные, пограничные Французы и Савойцы, католики, не потому, что католики болѣе наклонны къ преступленіямъ, заключеніе, которое охотно сдѣлаютъ протестанты, — но потому, что масса des contribuables католиковъ числительно болѣе, нежели протестанты. По замѣчаніямъ директора, года, въ которые жизненныя потребности дешевле, преступленій менѣе. Бѣдность не порокъ, какъ говорятъ, но, по несчастію, вводитъ въ порокъ. La maison pénitentiaire содержитъ уже осужденныхъ. Тутъ келейная система соблюдается только ночью, но днемъ работа общая по категоріямъ въ мастерскихъ, но тоже при соблюденіи непарушимаго молчанія, какъ въ Лозаннѣ. Родители имѣютъ право, съ согласія городскаго начальства, заключать тутъ дѣтей своихъ, даже и малолѣтнихъ, т. е. 10, 12 лѣтъ. Это заключеніе опредѣляется не судебнымъ постановленіемъ et n'entraine pas de flétrissure. Вообще воздухъ чистъ, все опрятно, пища, кажется, достаточная. Два раза въ недѣлю мясо. Движенія мало—часа полтора прогулки въ дворахъ. Работа не тяжелая—все болѣе мастерство. Жизнь сидячая, слѣдовательно, и не нужно очень сытной пищи.

Утромъ кофе съ молокомъ. Здоровье вообще удовлетворительно, даже когда есть эпидемическая болѣзнь, въ тюрьмы она не проникаетъ.

Мнѣ хотѣлось быть здѣсь на выборахъ, но сказали мнѣ, что иностранцевъ въ залу не допускаютъ, къ тому же, что, можетъ быть, краснорѣчіе дойдетъ до кулачной свалки. При этомъ случаѣ вспомнилъ я мое посѣщеніе на лекціи Лерминье въ Парижѣ, когда мы оба съ нимъ, одинъ въ слѣдъ другому, выскочили въ окно, благодаря Бога, изъ нижняго этажа.

Русская стихія въ Женевѣ — наша церковь и великая княгиня Анна Ѳеодоровна. Въ разговорахъ съ нею невольно и мимоходомъ отъ настоящаго перескакиваешь въ царствованіе Екатерины II, которую она застала.

„Grâce à ces 847 voix, la liste radicale a fait passer plus de 80 de ses candidats exclusifs, tandis que l'opposition n'en a fait triompher que 7. Et voilà encore une fois ce qu'on appelle de l'égalité (J. de Genève du 20 Nov.). Фази былъ девятнадцатымъ въ числѣ избранныхъ, по количеству голосовъ, а между тѣмъ онъ диктаторствуетъ. Все это какая-то безтолковщина.

Швейцарія мнѣ не дается. Впрочемъ и многое въ жизни не давалось, можетъ быть оттого, что я не умѣлъ браться. Вѣроятно, мы часто жалуемся на судьбу, не замѣчая, что во многомъ мы сами своя судьба. Какъ бы то ни было, я всегда пріѣзжалъ въ Швейцарію въ позднюю пору года, такъ, что я не могъ проникать во внутренности ея, а довольствоваться долженъ былъ опушками. Не сходилъ въ ледники, не всходилъ на горы. Все это видѣлъ издали, то съ парохода, то съ желѣзной дороги, то изъ мальпоста.

En Russie nous avons besoin de réformes, mais pour le moment nous devons nous borner, à les préparer, pour les accomplir. Nous n'avons pas d'hommes d'état, de faiseurs. Les anciennes générations, qui sont encore debout et en préférence, sont usées, rouillées dans leur vieille ornière de formalités. D'ailleurs, tous ces hommes sont plus ou moins médiocres, il n'y a pas de spécialité, pas d'esprit à initiative. La nouvelle génération nourrie dans un esprit d'opposition, d'hostilité phraseuse, et non d'action, n'est nullement préparée à l'activité. Elle a quelques idées des principes et de théorie superficielle, mais n'a pas de fond, de capital pour mettre en circulation. Ce qu'il nous faut pour le moment c'est de renforcer les études. Faire venir de l'étranger des professeurs, comme on l'avait fait dans les premières années du règne de l'Empereur Alexandre I, être sévère, mais libéral dans ce choix, et ne pas craindre les hommes à idées. Nos universités ont fleuri à cette époque, depuis, quand on a voulu se borner à des médiocrités nationales, elles ont dépéri. D'ailleurs, comme principe de réaction, on risque de se trouver en présence, parmi les nôtres, d'hommes beaucoup plus *avancés*, que ceux qu'on pourrait recruter ailleurs. Le juste milieu dans les pays où la pensée est plus libre, est plus facile à trouver que chez nous qui plus ou moins condamnés au silence, nous jettons toujours dans les extrêmes. Il faudrait établir en Russie, comme on le fait en Angleterre et en France, des commissions d'enquête pour étudier sérieusement les questions à l'ordre du jour, laisser mûrir ces questions et puis songer à la récolte. Ces enquêtes ne devraient pas être confiées à des Rostovzoff et à des Boutkoff, mais bien à des spécialités et à des experts. La plus grande publicité devrait être donnée aux travaux et au résultat de ces enquêtes. Chez nous on craint non seulement les principes et les idées, on craint, et peut être plus encore, certains mots. Par exemple: *les états généraux*, et tout ce qui a un peu l'air de consulter le pays sur telle, ou telle question, fait dresser les cheveux sur les têtes à perruque de quelques uns de nos hommes d'état. Et cependant, comment faire quelque chose de vraiment gouvernemental et national à la fois, sans consulter, de manière ou d'autre, les besoins et les sympathies de la nation. C'est se commander des bottes

sans vouloir faire prendre la mesure, ou si vous l'aimez mieux, en cas de maladie se faire traiter par un médecin à distance, sans vouloir lui montrer la langue, ni lui permettre de vous tâter le pouls.

Ломоносовъ сказалъ:

„Заря багряною рукою!

Это хорошо, только напоминаетъ прачку, которая въ Декабрѣ мѣсяцѣ моетъ бѣлье въ рѣкѣ. A-propos de l'aurore aux doigts de rose—Сухтеленъ и Софія Карамзина—все это à-propos людей, которые повторяютъ, что *желѣзныя дороги* удивительнымъ образомъ сократили пространства и сблизили разстоянія, а иные вольнодумцы, libres penseurs, еще добавляютъ *по моему мнѣнію*. Для меня человѣкъ, который это скажетъ, человѣкъ рѣшеный. Кажется Ривароль сказалъ: que le premier qui a dit l'aurore aux doigts de rose était un homme d'esprit — le second un sot. Одинъ Гомеръ и одинъ Жуковскій могутъ повторять это безпрестанно, не надоѣдая.

Марсельцы такъ горды своею улицею la Canebière, что говорятъ: si les Parisiens avaient une petite Canebière Paris aurait pu être une petite Marseille.

Въ старой Европѣ говорили: Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être poli ni insolent comme un laquais; старой Европы уже нѣтъ, и нѣкоторые изъ grands seigneurs, если не говорятъ, то думаютъ: Ce n'est pas tout que d'être grand seigneur, il faut encore être insolent, или по старой фразеологіи—il faut être laquais. Ничто такъ не служитъ вывѣскою ограниченнаго и пошлаго ума, какъ невѣжливость, возрастающая въ соразмѣрности возрастающихъ чиновъ. Въ этомъ высокомѣріи есть и большое униженіе, сознаніе, что человѣкъ самъ по себѣ считаетъ себя ничтожнымъ, и придаетъ вѣсъ себѣ только по благопріобрѣтеннымъ или часто злопріобрѣтеннымъ своимъ принадлежностямъ.

Gonzalez Bravo, въ послѣдней рѣчи противъ O'Donnel и правительства, въ лицѣ его воплотившагося, сказалъ между прочимъ: „la situacion actual no es mas que un conato de gobierno, son un conato de idea que se apoya en un conato de partido". Это напоминаетъ l'ombre d'un cocher, qui de l'ombre d'une brosse frottait l'ombre d'un carosse. Оно напоминаетъ и наше положеніе съ нашими государственными людьми, или призраками. Благая воля Царя одна выпукло рисуется и отдѣляется въ этомъ туманѣ. Но одной воли недостаточно: и волѣ нужны орудія для дѣйствія, а орудій нѣтъ; а если и есть въ ограниченномъ объемѣ, то они противодѣйствуютъ тихомолкомъ и подъ спудомъ волѣ и памѣреніямъ Царя.

Во время парламентарной коалиціи (1838) Poie-Колларъ сказалъ: j'ai vu mieux, j'ai vu pis, je n'ai rien vu de pareil.

A voir les nominations qui se font chez nous, je crains qu'un jour ou l'autre on ne me joue le mauvais tour de me nommer amiral. Pourquoi pas? Gortchakoff est bien parvenu à faire nommer Mouchanoff à l'instruction publique.

ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Madame,

Ma position sociale, de fait et de vocation, officielle et privée, est d'être toujours aux pieds de V. M. I. Il me serait donc difficile de dire aujourd'hui que je m'y prosterne. Mais je m'y complais plus respectueusement et plus dévotement que jamais. Combien ne vous dois-je pas de reconnaissance, Madame, pour les deux gracieux témoignages de bienveillance qui m'ont été transmis par M-lle Tutcheff. Il m'était impossible de commencer la nouvelle année sous de plus heureux augures.

D'après ce qui me revient de Pétersbourg, je vois que V. M. n'ignore pas que la lune de miel de mon alliance avec Nice est

un peu rousse, et que son miel est passablement fade. Au reste il y a de l'ingratitude à ne pas être satisfait de ce séjour qui a beaucoup de bon, sans parler de ce qu'il a de beau. Je crois que ce qui me gâte le plaisir d'avoir chaud en hiver, est de songer que vous devez avoir froid. J'ai conscience de contempler cette mer bleue et limpide, ou majestueusement agitée, cet horison splendide, encadré de montagnes découpées avec une élégance et une grâce de dessin admirables, de m'embaumer du parfum des orangers, des violettes et de mille autres fleurs. Je me dis alors que la Néva est recouverte d'un linceul de glace et de neige, que notre ciel natal est gris, et que si l'envie vient à quelqu'un de prendre l'air on le prend comme une médecine et à son corps défendant. Je me révolte intérieurement contre les faveurs, que le ciel nous prodigue, à la pensée de ce qui vous manque, et des privations qui vous affligent. Mais j'oublie, qu'il est de ces natures d'élite, qui portent leur ciel et leur climat en elles-mêmes. Elles acceptent leur mission; non seulement sans murmurer, mais encore en remerciant la providence. Elles sont heureuses de faire le bien qu'elles sont appelées à faire, et s'inquiètent peu du degré géographique où les a placées la providence. Quand on a parlé du soleil et des violettes de Nice, on a tout dit. La société n'y a pas de physionomie, la vie qu'on y mène n'a pas de caractère. C'est un mélange de nationalités qui se rencontrent, mais ne se confondent pas. Les indigènes ne comptent pour rien. Il n'y a ni lien, ni intérêt commun. Les émotions politiques et guerrières avaient ces jours-ci un peu agité la surface de cette existence placide; mais le calme est à peu près revenu. Si la montagne n'a point accouché d'une souris, le vulcan a accouché d'un mariage. Je sens au reste, que j'aurai mauvaise grâce à entretenir V. M. de politique, les nouvelles de Nice seraient vieilles en arrivant à Pétersbourg.

Daignez agréer, Madame, avec confiance et bonté l'hommage etc. etc. etc.

Ницца, [illegible] Января 1859 г.

Оригинально [illegible] теперь, что Наполеонъ въ Италіанскомъ вопросѣ является какъ l'exécuteur testamentaire d'Ор-

sini, что его напугало предсмертное письмо Орсини и что онъ хочетъ задобрить Италіянскихъ революціонеровъ.

Приписываютъ принцессѣ Матильдѣ слѣдующія слова о братѣ: Je ne sais pourquoi on blâme la conduite de mon frère en Crimée. Il a fait tout ce qu'il a pu partout où il s'est trouvé: si il avait *vaincu* il n'en aurait pas *pu faire* davantage.

Наши писатели безпрестанно пишутъ о *взяткахъ*. Но *взятки*— это одинъ изъ симптомовъ общей болѣзни, но не Россіи одной свойственной, а всѣмъ народамъ, болѣзни *любостяжанія* и сребролюбія. Но и эта болѣзнь не новая: еще Апостолъ сказалъ: „Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть".

Леди Verschoyle говорила мнѣ, что во время Крымской войны, предъ отъѣздомъ посольства нашего изъ Лондона, жена Бруннова въ прощальныхъ визитахъ своихъ разливалась слезами и съ горя, Богъ вѣсть, что за чепуху несла. Герцогиня Глочестеръ говорила, что сердиться на нее за вранье ея нельзя, потому что она, вѣроятно, съ горя рехнулася. И вотъ лица, назначаемыя правительствомъ нашимъ для представленія Русскаго достоинства предъ Европейскими правительствами. Самъ Брунновъ можетъ быть не плакалъ, но, безъ сомнѣнія, унижался предъ Англійскимъ кабинетомъ. Брунновъ, при всемъ умѣ, который ему вообще приписываютъ и котораго не опровергаю, потому что ума его не знаю, не можетъ имѣть чувства народнаго достоинства. Онъ, какъ всякій выскочка, долженъ былъ изгибаться предъ лордами и трусить предъ ними, потому что онъ изгибается предъ всѣми высшими. Я видѣлъ его въ Ораніенбаумѣ: онъ былъ *пластрономъ* великихъ княгинь и фрейлинъ. Сказываютъ, что эту же роль игралъ онъ въ Одессѣ, при дворѣ князя Воронцова и у князя Орлова.

A voir les diplomates on est frappé de leur suffisance; à voir les effets de la diplomatie on est frappé de son insuffisance.

Рѣдко министръ иностранныхъ дѣлъ захочетъ оставаться праздными и дать забыть о себѣ. А между тѣмъ дипломатія только тогда и хороша, когда о ней, какъ о Кесаровой женѣ, ничего не говорятъ.

Въ наше время перья дипломатовъ приводятъ къ войнѣ, а пушки къ миру. Первыя такъ запишутся, что иначе разнять ихъ нельзя, какъ дракою; другія такъ выпалятся, такъ много перебьютъ народа, что по необходимости приходится мириться.

Женева. 31 Мая. Прочиталъ въ *Православномъ Собесѣдникѣ*, издаваемомъ при Казанской духовной академіи, Январь 1859, двѣ весьма замѣчательныя статьи: 1) Общество и Духовенство; 2) Голосъ древней Русской церкви объ улучшеніи быта несвободныхъ людей. Въ первой основная мысль, что если справедлива пословица: „Каковъ попъ, таковъ и приходъ", то не менѣе справедливо сказать и на оборотъ: „каковъ приходъ, таковъ попъ". Авторъ сознается, что большею частію духовенство наше не то, чѣмъ оно могло бы и должно бы быть, но сильными красками изображаетъ состояніе нашего общества и положеніе въ немъ духовенства и остроумно и часто весьма дѣльно выводитъ изъ того, что виновато общество, если духовныя лица не вполнѣ отвѣчаютъ призванію и обязанностямъ своимъ. Кончается статья слѣдующими словами: „Есть еще условія, чрезвычайно важныя, которыми опредѣляется значеніе духовенства, условія жизни его гражданской и государственной; ими не только обозначаются права духовенства по законамъ, но объясняется и дѣйствительное состояніе его въ обществѣ, гражданское и государственное. Но объ этихъ условіяхъ, какъ выходящихъ изъ предѣловъ нашихъ сужденій, мы говорить не будемъ". Не говоримъ, но изъ всей статьи слышно, что духовенству нашему недостаетъ *независимости*, что и весьма справедливо. Духовенство наше на армейскомъ положеніи. Есть между ними солдаты, оберъ и штабъ-офицеры, есть даже и генералъ-аншефы, но всѣ они безъ изъятія подчинены свѣтской власти. Статья написана въ отвѣтъ на статью, напечатанную

въ *Журналѣ Землевладѣльцевъ* (№ 10, ноябрь 1858) и писанную *столбовымъ дворяниномъ*. Отвѣтъ написанъ кажется архимандритомъ Іоанномъ, въ Казани. Во 2-й статьѣ излагаются сильно и мѣстами особенно рѣзко, что въ старину наше духовенство въ дѣйствіяхъ, проповѣдяхъ, посланіяхъ своихъ вступалось за крестіянъ предъ царями и помѣщиками. Все подтверждается историческими фактами и ссылками на изданные акты. Особенно, на акты Кирилла Бѣлозерскаго, Сильвестра, автора *Домостроя*, и пр. „Въ XVII вѣкѣ совершилось укрѣпленіе несвободныхъ людей къ землѣ. Въ XVIII в. это укрѣпленіе возведено въ крѣпостное право, и если можно такъ сказать въ душевладѣніе. Вѣкъ этотъ, столько же, если еще не болѣе, мрачный, сколько и великій въ нашей исторіи, вѣкъ узурпаторства (!! Хоть бы Аксакову), преобладанія сильныхъ, разрозненія сословій, вѣкъ матеріализма и чувственныхъ нравовъ, едва ли не былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ вѣковъ для нашего народа, для его низшихъ классовъ. Такъ нынѣ объ этомъ вѣкѣ уже прямо говорятъ и пишутъ; намъ можно объ немъ еще одну правду сказать. По идеѣ гражданственности и иноземнаго просвѣщенія, впрочемъ плохо понятыхъ, тогда униженно было въ обществѣ духовенство, которое вслѣдствіе этого униженія стало и нравственно слабѣть, упадать, утратило прежнее нравственное вліяніе на народъ, сдѣлалось раболѣпнымъ, закоснѣло въ школьной рутинѣ, какъ бы замкнулось въ своей кастѣ".

Не *какъ бы*, а положительно.

Bungener въ книгѣ своей: *Rome et la Bible. Manuel de controversiste évangélique*, говоритъ: („онъ же обращся рече Петрови: иди за мною Сатано!") allez vous croire que St. Pierre fut réellement Satan, ou que Jésus voulait dire qu'il l'était? Prouve donc qu'il y a des mots qu'on ne doit pas prendre à la lettre et dont l'explication doit être cherchée à côté. C'est ce que nous vous avons dit de faire pour: «Tu es Pierre!». Quand vous aurez bien vu que ce mot ne réparait pas et n'est rappelé nulle part, vous comprendrez qu'il ne saurait avoir eu, ni dans la pensée du Sauveur, ni aux

yeux de ceux qui l'entendirent, l'immense portée, qu'on lui prête.— Прежде онъ говоритъ о словахъ, „ти еси Петръ и проч., что они находятся въ одномъ Евангелiи отъ Матеея, что не опровергаетъ ихъ достовѣрности, но доказываетъ, что они не имѣютъ того значенiя, которое приписываетъ имъ Римская церковь—иначе нельзя предполагать, чтобы они были упущены другими Евангелистами—une seconde observation, c'est que ce passage est une figure, et même une figure qui va jusqu'au jeu de mots, chose ordinaire en Orient. Une figure peut-elle servir de base à un système? L'éclaircir, oui, le fonder, non. Si le Nouveau Testament vous montre ailleurs St.-Pierre chef de l'église, alors nous devons reconnaître que c'est cette dignité qui lui est conférée ici; si le Nouveau Testament se fait ailleurs, s'il nous donne des faits incompatibles avec le système romain, alors nous sommes en droit de déclarer que ce n'est pas le système romain qui est au fond de cette figure!

— «Не сей ли есть Тектоновъ сынъ; не мати ли его нарицается Маріамъ, и братія его, Іаковъ, и Іоссій, и Симонъ, и Іуда; и сестры не вся ли въ насъ суть".—Ces Juifs veulent mettre en contraste la haute sagesse de Jésus et l'obscurité de sa naissance; ils le montrent fils d'un charpentier et de l'humble Marie. Le père et la mère indiqués que servirait d'indiquer d'autres personnages qui ne seraient que des cousins? Des frères à la bonne heure, car alors, c'est comme si on disait: ils sont restés dans la condition de leurs parents; pourquoi Jésus en sort-il? Въ другомъ мѣстѣ: «ces frères, nous dit-on, ce n'étaient que des cousins de Jésus, des neveux de Marie etc. Ce mot, en outre, nous le verrons toujours à côté d'un autre, celui de *mère*, lequel est incontestablement dans son sens propre, etc. etc.... à la constante association des deux mots, joignez celle des personnes. Qu'est ce que cette femme toujours et partout accompagnée de.... neveux?—enfin, redisons le encore, quand l'église romaine arriverait à découvrir une preuve du contraire, un fait subsistera toujours: c'est que l'idée de la virginité perpétuelle de Marie, qui occupe tant de place dans la doctrine catholique, n'en occupe aucu neabsolument dans le Nouveau Testament.

„И не знааше ея дондеже роди сына своего первенца". Въ Русскомъ переводѣ сказано, *какъ наконецъ* она родила etc. дондеже не значитъ *какъ наконецъ*. „Si l'évangéliste (Matthieu) avait voulu enseigner ce que l'église romaine a appelé la virginité perpétuelle de Marie, il s'en serait tenu à la première moitié de ce verset, ou il aurait expliqué la seconde, etc. etc. Si la mère de Jésus n'a point eu d'autres enfants, si surtout, la pensée de l'évangéliste a été qu'elle ne *devait* point en avoir, que l'honneur du Christ et le plan de Dieu l'éxigeaient—aurait-il appelé *Jésus son premier-né?*

Въ Москвѣ приписываютъ паденіе Закревскаго не противузаконнымъ дѣйствіямъ его въ бракѣ замужней дочери и въ выдачѣ ей заграничнаго паспорта на имя княгини Друцкой, а тому, что онъ отстаивалъ дворянскія и помѣщичьи права. Вслѣдствіе того сдѣлали сильную демонстрацію: тысячи Москвичей и иногородныхъ дворянъ явились къ нему въ первые два дня отрѣшенія его отъ должности, съ изъявленіями преданности, признательности и сожалѣнія.

---

8 іюня. Зажпваюсь въ Женевѣ, на подобіе того Англичанина, который ѣздилъ изъ города въ городъ за звѣринцемъ и укротителемъ звѣрей и не пропускалъ ни одного представленія. Онъ все выжидалъ благополучнаго дня, когда одинъ изъ звѣрей съѣстъ укротителя, а я все выжидаю, чтобы очистились и выглянули горы. Вотъ четвертый разъ, что я въ Швейцаріи, а горъ все еще не видалъ, такъ что начинаю худо имъ вѣрить.

Былъ у меня сегодня Bungener. Раздѣленіе партій здѣсь вовсе не раздѣленіе мнѣній, а личностей и выгодъ, которыя перетянули на свою сторону *радикалы*, т. е. Фази и клевреты его. Всѣ республиканскія основныя начала признаются и *консерваторами*. По мнѣнію Bungener, бѣда консерваторовъ, что нѣтъ у нихъ общей главы, за излишествомъ главъ: при выборахъ голоса не соединяются на одной личности, или на двухъ, трехъ личностяхъ, потому что равно достойныхъ и способныхъ насчи-

тысячъ десятинъ. У радикаловъ одна личность, которая превышаетъ всѣ другія, это Фази, и потому всѣ выборы падаютъ на него.

Bungener проповѣдывалъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ Голландіи. Онъ говоритъ, что Голландцы недовольны, что при совершеннолѣтіи наслѣднаго принца слишкомъ много его эмансипировали. У него свой дворецъ, свой дворъ, свои доходы; онъ кутитъ, играетъ. Однажды въ субботу вечеромъ собралъ онъ друзей на пирушку и пировали они до слѣдующаго утра, до 10-го часа, а въ Голландіи *воскресный день* уважается.

Руссо писалъ Вольтеру: „je ne vous aime pas, vous avez corrompu ma république en lui donnant des spectacles". Что написалъ бы онъ теперь Фази?

Пріѣзжіе изъ Петербурга разсказываютъ, что появились тамъ остроты по поводу памятника, воздвигаемаго Николаю I. Это у насъ въ обычаѣ. Извѣстны стихи въ царствованіе Павла на Исаакіевскій соборъ... Графъ Ѳ. А. Толстой (отецъ Закревской) увѣрялъ Карамзина, что эти стихи имъ сочинены, но Карамзинъ этому не вѣрилъ, равно какъ не повѣрятъ всѣ знавшіе Толстого. Между тѣмъ разсказывали, что Павелъ приказалъ непремѣнно сыскать виновнаго. Искали, но не могли найти, и наконецъ, чтобы удовлетворить требованіямъ и гнѣву Императора, представили какого-то несчастнаго, совершенно постороннаго этому дѣлу: ему вырѣзали языкъ и сослали на каторгу. Надобно надѣяться, что этотъ разсказъ городская сплетня.

Сцена Ж. Ж. Руссо dans un vallon le long d'un ruisseau съ M-lle de G*** et M-lle Galey въ 4-й книгѣ des *Confessions*: „J'ai déjà noté des moments de délire inconcevable, où je n'étais plus moi-même. En voici encore un des plus marqués". Разсказъ концерта, который онъ далъ въ Лозаннѣ (4-я книга). Тутъ же: „en

passant à Genève je n'allai voir personne, mais je fus prêt à me trouver mal sur les ponts. Jamais je n'ai vu les murs de cette heureuse ville, jamais je n'y suis entré, sans sentir une certaine défaillance de cœur qui venait d'un accès d'attendrissement. En même temps que la noble image de la liberté m'élevait l'âme, celles de l'égalité, de l'union, de la douceur des mœurs, me touchaient jusqu'aux larmes, et m'inspiraient un vif regret d'avoir perdu tous ces biens. Dans quelle erreur j'étais, mais qu'elle était naturelle! Je croyais voir tout cela dans ma patrie, parceque je le portais dans mon cœur. Je suis fâché de faire tant de filles amoureuses de moi; mais comme il n'y a pas de quoi être bien vain du parti que j'ai tiré de tous ces amours-là, je crois pouvoir dire la vérité sans scrupule" (4-я кн.).

„Je n'ai jamais pu rien faire la plume à la main vis-à-vis d'une table et de mon papier, c'est à la promenade au milieu des rochers et des bois, c'est la nuit dans mon lit et durant mes insomnies que j'écris dans mon cerveau (онъ дѣлалъ это съ прозою; то же могу сказать о большей части стиховъ моихъ—тѣ же щи, но пожиже)—. „Il y a telle de mes périodes que j'ai tournée et retournée 5 ou 6 nuits dans ma tête avant qu'elle fût en état d'être mise sur le papier. Mes manuscrits raturés, barbouillés, mêlés, indéchiffrables, attestent la peine qu'ils m'ont coutés". А читать его, кажется, такъ и лилась рѣчь его полноводная, ясная и стремительная. Рукописи Пушкина являютъ ту же работу. Иногда, кажется, выплываютъ только два-три стиха, а прочее все зачеркнуто. Въ наше время такъ не пишутъ ни во Франціи, ни у насъ. Писатели говорятъ: всякая строка благо и всякій даръ совершенъ — даже и не *семи* исходяй, а иногда очень *сниже*.

Русскіе употребляютъ выраженіе *mal-être* въ противоположность *bien-être*. Не знаю, отмѣтилъ-ли я уже, что въ Москвѣ переводятъ: *le bien-être général en Russie*, такимъ образомъ: *хорошо быть вообще въ Россіи*. Въ Москвѣ много остроумія ходячаго — de cet esprit qui court les rues, et entre rarement dans les salons, et encore plus rarement dans les livres, можно бы прибавить.

Прелестное описаніе жизни aux Charmettes начало 6-й книги. Припадки болѣзни совершенно сходные съ явленіями моей продолжительной болѣзни: mes artères se mirent à battre d'une si grande force, que non seulement je sentais leur battement, mais que je l'entendais même *et surtout celui des carotides*, именно, что было у меня — каротиды не давали мнѣ спать. Я сравнивалъ этотъ шумъ и бой съ шумомъ и боемъ парохода (книга 6-я). Замѣчательно, какъ оправдываетъ онъ, или объясняетъ *животныя слабости* и, нельзя не сказать, нахальство своей маленькой m-me de Warens. Въ описаніяхъ и сознаніяхъ своихъ Руссо могъ бы чаще употреблять виноградные листья, но онъ былъ слишкомъ скупъ на нихъ. Тутъ дѣйствовала и чувственность стараго грѣховодника и ложная, т.-е. въ ложномъ смыслѣ понятая, искренность. Описаніе pont du Gard и Нимы то же въ 6-й книгѣ. Въ концѣ той же книги возвращеніе къ *милой маменькѣ* и совершенное разочарованіе: „à peine eus-je resté demi-heure avec elle, que je sentis mon ancien bonheur mort pour toujours". Гордость Руссо показывается особенно въ исповѣди прегрѣшеній и порочныхъ дѣйствій, а не тамъ, гдѣ онъ себя хвалитъ. Онъ хотѣлъ кончить этою 6-ю книгою, но спустя два года принялся за продолженіе. Пребываніе и служба въ Венеціи при французскомъ посланникѣ M. de Montaigu. Приключеніе его съ la Padoana и съ Zulietta. „J'entrai dans la chambre d'une courtisane comme dans le sanctuaire de l'amour et de la beauté etc. etc. Tout à coup, au milieu des flammes qui me dévoraient, je sens un froid mortel courir dans mes veines, les jambes me flageolent, et prêt à me trouver mal, je m'assieds, et je pleure comme un enfant etc. etc. je m'aperçus qu'elle avait un teton borgne etc. je vis clair comme le jour que dans la plus charmante personne dont je puisse me former l'image, je ne tenais dans mes bras qu'une espèce de monstre" etc. etc. Наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ пароксизмовъ воображенія, Zulietta se promenant par la chambre en s'éventant, говоритъ ему d'un ton froid et dédaigneux: „Zanetto, lascia le donne, e studia la matematica."

„Le train de Paris parmi les gens à prétention était si peu de mon goût, les cabales des gens de lettres, leurs honteuses querelles,

leur peu de bonne foi dans leurs livres, leurs airs tranchants, dans le monde, m'étaient si odieux, si antipathiques, je trouvais si peu de douceur, d'ouverture de coeur, de franchise dans le commerce de mes amis, que rebuté de cette vie tumultueuse, je commençais à soupirer ardemment après le séjour de la campagne". etc. etc. (книга 8-я). Все это должно было быть такъ и объясняетъ жизнь его. Прибавьте къ тому страстную и мнительную натуру—болѣзненное раздраженіе и разстройство — и эгоистическую и болѣе или менѣе развращенную среду, въ которой онъ жилъ, и вотъ ключъ къ мизантропіи и ко всѣмъ странностямъ несчастнаго Жанъ Жака.

Въ 1754 г. возвращается въ Женеву и въ протестантское исповѣданіе. Рѣшаясь оставить Женеву: „une chose qui aida beaucoup à ma détermination, fut l'établissement de Voltaire auprès de Genève. Je compris que cet homme y ferait révolution; que j'irais retrouver dans ma patrie le ton, les airs, les moeurs qui me chassaient de Paris, qu'il me faudrait batailler sans cesse, et que je n'aurais d'autre choix dans ma conduite, que celui d'être un pédant insupportable, ou un lâche et mauvais citoyen. La lettre que Voltaire m'écrivit sur mon dernier ouvrage, me donna lieu d'insinuer mes craintes dans ma réponse; l'effet qu'elle produisit les confirma. Dès lors je tins Genève perdue, et je ne me trompai pas. J'aurais dû peut-être faire aller tête à l'orage, si je m'en étais senti le talent? Mais qu'eussé-je fait seul, timide et parlant très mal, contre un homme arrogant, opulent, étayé du crédit des grands, d'une brillante faconde et déjà l'idole des femmes et des jeunes gens?

„Il est sans contredit plus pénible à l'honnête homme de résister à des désirs déjà tout formés qu'il doit vaincre, que de prévenir, changer, ou modifier ces mêmes désirs dans leur source, s'il était en état d'y remonter. Un homme sensé résiste une fois, parce qu'il est fort, et succombe une autre fois parce qu'il est faible: s'il eut été le même, il n'aurait pas succombé" (книга 9-я).

Трудно дать себѣ отчетъ въ ссорѣ Руссо съ такъ названнымъ имъ coterie Holbachique. Съ его стороны было много причудливости и мономаніи, а съ ихъ, вѣроятно, сплетни и властолюбія, то-есть желанія овладѣть Ж. Ж. и вести его по-сво-

ему. Деспотизмъ расколовъ безграниченъ, особенно литературныхъ, безусловнѣе даже религіозныхъ.

Гриммъ былъ, видно по всему, не добрый человѣкъ. Натура его была на тысячи саженей ниже пламенной, безпокойной, но внутренно чистой натуры Ж. Ж. Въ 9-й книгѣ son amour pour m-me d'Houdetot, ссора его съ m-me d'Epinay, съ Гриммомъ etc. Ж. Ж. могъ бредить, но не могъ лгать. Онъ говоритъ, что его Тереза признавалась ему, что Diderot и Grimm подбивали ее противъ Руссо, а особенно старуху, ея мать. Но для чего? Въ чемъ состояла тайна и цѣль этого заговора, никакъ въ толкъ не возьмешь. Пустыя, пошлыя дрязги, но что-то было. *Il n'y a que le méchant qui soit seul*, сказалъ Дидеротъ въ предисловіи своемъ къ *Побочному сыну*. Ж. Ж. принялъ это за личность, и кажется не ошибся. Но, что же за пустыня, въ которую схоронилъ себя Руссо? Дача въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Парижа. Онъ основательно опровергаетъ это изреченіе: „Cette sentence est équivoque et présente deux sens, ce me semble; l'un très vrai, l'autre très faux; puisqu'il est même impossible qu'un homme qui est, et veut être seul, puisse et veuille nuire à personne, et par conséquent qu'il soit un méchant. La sentence en elle même exigeait donc une interprétation; elle l'exigeait bien plus encore de la part d'un auteur, qui, lorsqu'il imprimait cette sentence avait un ami retiré dans une solitude. Въ продолженіи говоритъ: j'aimais tendrement Diderot, je l'estimais sincèrement et je comptais avec une entière confiance sur les mêmes sentiments de sa part. Mais excédé de son infatigable obstination à me contrarier éternellement sur mes goûts, mes penchants, ma manière de vivre, surtout ce qui n'intéressait que moi seul, revolté de voir un homme *plus jeune que moi vouloir à toute force me gouverner comme un enfant*“ etc. Здѣсь кажется Руссо попалъ на истину, именно эта *Голбахшина* не могла видѣть безъ досады независимость, неподчиненность Ж. Ж. Философія XVIII-го вѣка, подобно дочери своей свободѣ XVIII-го вѣка, также уже говорила, или намекала: *la fraternité ou la mort*. Если Ж. Ж. былъ не совсѣмъ въ умѣ своемъ, то и пріятели его философы доходили до нелѣпостей. Въ числѣ обвиненій падающихъ не него за отшельничество было, и слѣдующее: „qu'il

y avait sur le rempart 20 pauvres qui mouraient de faim et de froid, et qui attendaient le liard que vous leur donniez». «Voici ma réponse, говоритъ онъ, à ce terrible argument dont Diderot paraissait si fier. Je crois avoir répondu au *Lettré*, c. à d. au fermier général (сынъ г-жи Эпинэ) que je ne plaignais pas les pauvres qu'il avait aperçus sur le rempart et attendant mon liard, qu'apparemment *il les en avait amplement délommagé* (вѣрно и довольно зло), que je l'établissais mon substitut, а самъ будетъ онъ раздавать милостыню бѣднымъ, de Montmorenci qui en avaient beaucoup plus besoin. (Livre 9).

Въ началѣ 1-й книги излагаетъ онъ какъ Гриммъ велъ свой заговоръ противъ него. Изложеніе вѣроподобно, но все остается вопросъ: съ какою цѣлью? Развѣ признать въ Гриммѣ другаго Гекерена (отца), который дѣлалъ пакости изъ любви къ пакостямъ, какъ мы видѣли это въ исторіи Пушкина; съ другой стороны, болѣзненная мнительность Ж. Ж. вездѣ пробивается: „J'entrevoyais mille choses cruelles sans rien voir *distinctement*, признаніе, котораго нельзя не принять не только къ свѣдѣнію, но и къ соображенію и къ дѣлу. Тутъ же исторія письма его къ Даламберту о спектаклѣ; въ этомъ письмѣ находилъ я сходство съ Гоголемъ. Когда Монтескье поссорился съ отцомъ Tournemine, онъ гласно говорилъ: „n'écoutez ni le père de Tournemine, ni moi, parlant l'un de l'autre; car nous avons cessé d'être à nu.

Письмо къ Вольтеру, гдѣ, между прочимъ, сказано: „Je ne vous aime pas, monsieur, vous avez perdu Genève». (Livre 10).

Le p-ce de Conti прислалъ ему корзину дичи. Въ первый разъ онъ принялъ. Вторая присылка также принята, но тутъ же онъ пишетъ къ m-me de Boufflers, что впередъ не приметъ. Въ заключеніе говоритъ онъ въ своей исповѣди: „refuser des présents en gibier d'un prince du sang, qui de plus met tant d'honnêteté dans l'envoi, est moins la délicatesse d'un homme fier qui veut conserver son indépendance que la rusticité d'un mal-appris qui se méconnait. Je n'ai jamais relu cette lettre dans mon recueil sans en rougir".

M. Bright propose qu'on profite de la vive amitié qu'on ressent en ce moment les uns pour les autres pour abolir les droits protecteurs, et il est d'avis que l'on commence par la suppression des taxes qui grèvent les vins français en Angleterre. Il est temps enfin, a dit l'honorable membre en terminant son discours, qu'après avoir professé le christianisme pendant dix-huit-cents ans, on en vienne à le pratiquer. Nous joignons sincèrement nos voeux à ceux de M. Bright pour le prochain avènement de cette ère nouvelle, et nous souhaitons comme lui que l'abolition des droits perçus sur les vins français en soit le premier signe". (J. de Débats 25 Juil. 1859).

И все это не въ шутку и не иронически сказано. Вотъ новое знаменіе Евангельскаго закона. Пьяные Англичане будутъ дешевле упиваться французскими винами. Правда, это знаменіе немного противорѣчитъ словамъ Учителя.

Четвергъ.

Выѣхалъ изъ Женевы въ Шамуни, въ коляскѣ парою за 55 фр. до Sallanches. Остановились кормить лошадей въ Bonneville. Гостинница Couronne. Хозяинъ умный человѣкъ, говоритъ, что до конституціи платилъ онъ налоговъ нѣсколько франковъ. Теперь платитъ болѣе 700. Vous voyez que c'est payer cher la liberté, dont je n'use pas que pour en dire du mal. Beaucoup de liberté, encore plus de désordre et du gaspillage pardessus tout. Говоритъ, что хочетъ, какъ Ж. Жакъ, удалиться въ деревню. Затѣмъ разговоръ о Руссо, котораго онъ съ пользою читалъ.

Ливингстонъ (Explorations dans l'intérieur de l'Afrique Centrale, de 1840 à 1856) говоритъ въ своей книгѣ (онъ протестантъ и миссіонеръ) о тамошнихъ язычникахъ: „quant à moi, plutôt que de les voir idolâtres, je préférerais que tous les nègres fussent de bons catholiques". Я желалъ бы, чтобы и наши именные православные то же говорили. У насъ въ Россіи такъ много *язычниковъ негровъ*, что есть гдѣ и кѣмъ заняться апостоламъ нашимъ, оставляя въ покоѣ папистовъ и лютеранцевъ. Бѣда въ

томъ, что наши апостолы не столько пекутся о распространеніи Евангелія, сколько о водвореніи въ совѣстяхъ свода законовъ.

„Dans ce temps-ci les travaux de l'homme sont grands et ses actions petites", сказалъ Ernest Bertot въ статьѣ J. de Débats 7 août 1859.

Лордъ Cowley сказалъ о Наполеонѣ III-мъ: „il ne parle jamais et il ment toujours".

Ученый и сенаторъ Ch. Dupin, въ качествѣ шефа общины Saizy сказалъ въ адресѣ своемъ императору: „d'un seul coup vous rendez huit peuples d'Italie *ayant*, solidaires, maitres d'eux mêmes; personne avant V. M. n'avait fait cela depuis 3000 ans". Каковъ подлецъ!

Тьеръ сказалъ о Наполеонѣ и о нынѣшней войнѣ: „il est facile de faire la guerre avec des soldats comme les nôtres, mais je le défie de faire la paix".

Beitraege zur Italienischen Geschichte von Alfred von Reumont, Band I, s. 305. Galilei und Rom. Галилей не сказалъ: „e pur si muove"; напротивъ, оказывается, что онъ былъ уклончивъ и слабодушенъ предъ возставшею надъ нимъ грозою. Жаль.

(J. de Débats. 14 авг. 1859).

Il ne faut ni semer, ni labourer quand il gèle (dit Fénélon), alors la terre est dure". А если земля круглый годъ жестка, что тогда дѣлать? Умирать-ли съ голода, что-ли?

„Muse à courte haleine". Это и моя муза, хотя и она иногда заговаривалась. Каллимахъ сказалъ: „большая книга есть часто большое зло". Когда враги упрекали его, что онъ довольствуется

непродолжительными твореніями, онъ отвѣчалъ: „Евфратъ рѣка обширная, но всему илу ея предпочитаю эти чистые и прозрачные источники, которыхъ каждая капля благотворна".

Ashley, извѣстный поэтъ, подъ именемъ графа Shaftesbury, въ царствованіе Карла II, былъ одинъ изъ пяти въ этой знаменитой Cabal, которая, по общему мнѣнію, нѣсколько лѣтъ управляла дѣлами. Слово Cabal было составлено изъ заглавныхъ буквъ слѣдующихъ пяти именъ: Clifford, Arlington, Buckingham, Ashley, Lauderdale.

Plon-plon было семейное имя Наполеона, въ дѣтствѣ его. Я это слышалъ отъ Виртембергскаго наслѣднаго принца.

Шангарнье спрашивали, воспользуется ли онъ амнистіею? „Que voulez vous que j'aille faire dans un pays", отвѣчалъ онъ, où il n'y a que des fonctionnaires, des factionnaires, et des actionnaires?"

Бутеневъ сказалъ мнѣ, что знаменитое *пальто* Меншикова сущая выдумка. Меншиковъ былъ у великаго визиря въ мундирномъ сюртукѣ и въ эполетахъ. Но Нессельроде сынъ былъ точно въ какомъ-то сѣромъ пальто. Говорятъ, вообще Русская миссія много вредила и противодѣйствовала Меншикову. Дамы сплетничали и передавали молодымъ иностраннымъ дипломатамъ слова, дѣйствія его и насмѣхались надъ ними.

Монтескье сказалъ о Вольтерѣ: „c'est l'homme, qui a le plus de l'esprit, que tout le monde".

Въ перепискѣ г-жи du Deffant, въ первый разъ въ 1859 г. напечатанной, находится мнѣніе съ этимъ сходное: „Cependant malgré les défauts qu'on peut reprocher à Voltaire, il sera toujours l'écrivain que je lirai et relirai avec le plus de plaisir, à cause de son goût, et de son universalité. Que m'importe qu'il ne me dise rien de neuf, s'il développe ce que j'ai pensé et s'il me dit mieux que

personne ce que d'autres m'ont déjà dit. Je n'ai pas besoin qu'il m'en apprenne plus que ce que tout le monde sait, et quel auteur pourra me dire comme lui ce que tout le monde sait".

Она называла la coterie philosophique *la livrée de Voltaire*. Домъ ея славился избраннымъ обществомъ, которое у нея собиралось, и ужинами, которыми она его привлекала и кормила. „Le souper était un des grands éléments de la sociabilité dans ce temps-là", говоритъ маркизъ de St. Aulaire. „Le souper", говорилъ ей одинъ изъ друзей и поклонниковъ ея, „est une des quatre fins de l'homme; je ne me rappelle pas quelles sont les trois autres". Умъ, разговоръ и умѣнье ея возбуждать живое движеніе въ умахъ другихъ le chevalier d'Aydie, большой охотникъ, сравнивалъ съ хорошею собакою „qui fait lever beaucoup de gibier".

„Je n'ai ni tempérament, ni roman", говорила она, но въ этомъ случаѣ, кажется, судила о себѣ ошибочно.

Кто-то изъявилъ Альфіери удивленіе, что онъ измѣнилъ своимъ республиканскимъ мыслямъ: „Ah", отвѣтилъ онъ, „je connaissais les grands; je ne connaissais pas les petits".

(Correspondance inédite de m-me du Deffant, précédée d'une notice par le marquis de St. Aulaire. 1850). Тутъ есть замѣчательное и злое письмо герцогини de Choiseul о Императрицѣ Екатеринѣ.

Лордъ Sandwich, ужиная съ актеромъ Foote, очень пристально смотрѣлъ на него.—Отчего вы такъ на меня смотрите? —Ищу, какой будетъ твой конецъ, умрешь ли ты de la vérole, или будешь повѣшенъ? — Это зависитъ, милордъ, отъ того, si j'embrasserai votre maîtresse, ou vos principes. (На кого я нападу, на вашу любовницу, или на ваши правила).

M-me du Deffant о своей старости: „Je suis comme les fiacres, je m'emporte dans la descente. Je fais de si grands pas vers la décrépitude, que je serai bientôt hors d'état d'en faire un

seul pour quitter mon *tonneau* (такъ называли кресло, въ которомъ она обыкновенно сидѣла).

Герцогиня Choiseul говоритъ о князѣ Beauffremont въ письмѣ къ m-me du Deffant: „Le calme de son âme repose la mienne. C'est de l'eau, qui dort et ne croupit pas; mais je voudrais qu'elle s'éveillât et s'agitât quelquefois, ne fut-ce que pour connaître son cours".

Аббатъ Бартелеми къ m-me du Deffant: Il (Télémaque) est diffus à la vérité, un peu monotone et trop chargé de descriptions, mais il est plein d'une grande morale; non de celle que tout le monde sait ou que tout le monde oublie à force de la savoire, mais de celle qui rendrait un roi et son peuple également heureux. —Ce n'est pas un poème qu'il (Fenelon) voulait fabriquer, mais un roi; et comme il parlait à un prince destiné à le devenir, il fallait qu'il lui dît 100 fois la même chose. Vous répondrez, que son intention ne justifie pas l'ennui que vous éprouvez; mais ce n'est pas pour nous qu'il écrivait; c'était pour nos maîtres. Il est arrivé ensuite que nous l'avons lu et que nos maîtres se sont bien gardés de le lire. Ils ont raison, car il les ennuierait encore plus que nous".

„M-me de Poix, après un travail de près de 24 heures et des plus rudes, est accouchée cette nuit d'un garçon. Pendant le travail elle disait: n'est il pas cruel de souffrir tant que cela pour faire un petit pois!

„La prudence m'étouffe. C'est un corps étranger en moi", пишетъ герцогиня Шоазель. Она пишетъ къ M. du Deffant: „Je vous renvoie les lettres de Voltaire. Qu'il est pitoyable ce Voltaire! qu'il est lâche! Il s'excuse, il s'excuse: il se noye dans son crachat pour avoir craché sans besoin; il chante la palinodie, il souffle le froid et le chaud. Il fait pitié et dégoût. (Все это относится къ письмамъ Вольтера и къ нѣкоторымъ памфлетамъ его, во время опалы Шоазёля, котораго онъ расхвалилъ, хваля вмѣстѣ съ

тѣмъ и преемниковъ его и тѣхъ, которые были виновниками паденія его. Герцогиня не только нѣжно любила мужа своего, но страстно уважала въ немъ и государственнаго человѣка).

О невѣстѣ графа де Прованса m-me du Deffant пишетъ: „selon toute apparence, la princesse est laide, car on la dit *bien faite*".

Герцогиня Шоазель о Вольтерѣ: „la lettre de Voltaire que je vous envoie est pitoyable. Il en avait déjà écrite une dans le même genre à M. de la Ponce, remplie d'amour pour nous, d'invectives contre le parlement, et d'éloges sur les opérations du chancelier. Il croit en rassemblant tous ces contraires se donner un air de candeur et prendre le ton de la vérité. Il vous mande qu'il est fidèle à ses passions, il devrait dire à ses faiblesses. Il a toujours été poltron sans danger, insolent sans motifs, et bas sans objet. Tout cela n'empêche pas qu'il ne soit le plus bel esprit de son siècle, qu'il ne faille admirer son talent, savoir par coeur ses ouvrages, s'éclairer de sa philosophie, se *nourrir de sa morale*, il faut l'encenser et le mépriser; c'est le sort de presque tous les objets du culte!"

„A la suite d'une vive discussion sur les mesures prises contre les jésuites, герцогъ Шоазель сказалъ Дофину: „je pourrai avoir le malheur d'être votre sujet, mais je ne serai jamais votre serviteur". (Напоминаетъ положеніе Д. Б.).

Во время несогласій съ парламентомъ и противозаконныхъ мѣръ министерства противъ него, совѣтники de la grande chambre подали въ отставку и одинъ изъ нихъ M. de Tuboeuf, видя, что не всѣ послѣдовали данному примѣру, выходя, сказалъ остающимся: „je savais bien qu'il y avait parmi nous des j. f...., mais je ne savais pas qu'il y en eût tant. Этотъ комплиментъ, не совершенно парламентарный, valut aux non démissionnaires прозвище крестниковъ Г. де Тюбёфа (les filleuls).

„Il étouffe d'idées, et quelquefois ses idées m'étouffent. Dans les matières les plus terrestres, il m'élève au-dessus des nues, d'où

je meurs de peur de tomber, et où il me semble qu'on me tient suspendu par les cheveux. Ces conversations me fatiguent tellement qu'à présent même les racines des cheveux me font mal. (Abbé Barthélemy, въ письмѣ къ m-me du Deffant).

Je n'aime plus les rois, et je n'ai jamais aimé les courtisans, писала la duchesse de Choiseul изъ ссылки своей Chanteloup.

Въ трагедіи Лемісра Barnevelt, сынъ его приходитъ къ нему въ темницу и приноситъ ему кинжалъ. Отказъ отца, потому что человѣку не дозволяется самовольная смерть.

Сынъ: Caton se la donna.
Отецъ: Socrate l'attendit.

Когда Moncrif (авторъ исторіи Кошекъ) просилъ Ришелье, по смерти Дюкло, назначить его исторіографомъ: „tu veux dire historiographe", отвѣтилъ ему фельдмаршалъ. — Карамзинъ разсказывалъ, что когда былъ онъ назначенъ исторіографомъ, лакей его велѣлъ гдѣ-то записать его: графъ исторіи.

Отвѣтъ Ришелье напоминаетъ мнѣ шутку Меншикова. Лазаревъ повторялъ при немъ нѣсколько разъ: „mon oncle Talleyrand, mon oncle Talleyrand, mon oncle Talleyrand (дядя по женѣ, урожденной принцессы Бирон), „Quand vous dites: mon oncle Talleyrand, je crois toujours que vous vous trompez et voulez dire: mon oncle Tamerlan".

„Dans ce temps-là, Mr. le duc de Maine eut une rage de dents si forte, qu'il en devint boiteux (Mémoire de Mademoiselle). Вьельгорскій пѣвалъ въ старину какой-то амфигури:

Les mouches qui étaient au plafond
Se pâmèrent de rire:
Il y en eut une qui rit tant
Qu'elle se cassa la cuisse.

А Гоголь въ Ревизорѣ: „отъ него пахнетъ всегда виномъ, потому что въ дѣтствѣ кормилица зашибла его".

„Elle assura qu'elle ne s'ennuyait jamais (la comtesse Châteaurenard): ce n'est pas en elle un bonheur communicatif", пишетъ M-me du Deffant.

Tous ces beaux esprits (Лагарпъ и прочіе), пишетъ M-me du Deffant, „sont bien peu de chose; ils tirent leur gloire de la protection que leur accorde Voltaire. Sa mort leur coupera la tête".

Она же пишетъ: „Vous savez, qu'il y a des gens qui ont dans les entrailles et l'estomac le ver solitaire, et que ce ver absorbe tous leurs aliments et les fait à la fin mourir d'inanition; eh bien! j'ai dans l'âme un ver du même genre qui s'appelle l'ennui, qui fait sur mon âme le même effet que le solitaire fait sur le corps".

Коллегію докторовъ въ Китаѣ, въ которой избираютъ, т. е. испытываютъ всѣхъ чиновниковъ на высшія должности, называютъ *лѣсъ чернильницъ*. И наши департаменты разныхъ министерствъ можно бы также наименовать.

Въ элементарныхъ школахъ Китайскихъ нужно затвердить азбуку изъ 700 буквъ, чтобы читать самую простую книгу. Для правительственной и дипломатической переписки употребляется до 7,000 буквъ. Вообще въ языкѣ не менѣе 70,000 письменныхъ знаковъ и Китайскій словарь составляетъ 70 томовъ in folio.

„Woo, Китайскій чиновникъ, émet la proclamation suivante, sérieuse, sincère et lumineuse".

Вотъ вопросъ: какое право имѣетъ Европа вмѣшиваться въ дѣла Китая и навязывать на него торговые и политическіе договоры, когда Китай не хочетъ знать варварской Европы?—Это просто разбой во имя цивилизаціи.

КНИЖКА 25-я.

(1868—1869).

1868.

Января 22. Писалъ Аннѣ Тютчевой.

28. Утромъ былъ у Императрицы Маріи Александровны. Читалъ стихи.

Апрѣля 10. Писалъ Титову съ поправкою вчерашнихъ стиховъ.

16. Мы всѣ учились по немногу
Чему нибудь и какъ нибудь.

20. Выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву и въ одномъ вагонѣ съ Авророю Карамзиной и графиней Маннергеймъ. Узналъ, что по *понедѣльникамъ* значительно менѣе выѣзжающихъ, особенно изъ женщинъ, и вѣроятно особенно изъ Москвы.

21. Пріѣхали въ Москву, остановился на Петровкѣ въ гостинницѣ Морея.

22. Вторникъ. Вечеръ у Кошелева. Свѣтованія о *программѣ*. Вообще наше правительство слишкомъ много пишетъ.

23. Вечеромъ свадьба Николая Мещерскаго въ домовой церкви графини Паниной.

24. Обѣдалъ съ Авророй Карамзиной въ Русскомъ трактирѣ бывшемъ Печкина, нынѣ Самарина. Стерляжья уха, по 3 р. сер. за тарелку. Послѣ прогулка по Кремлю. Вечеръ у Свербѣевыхъ.

26. Обѣдалъ у Кошелева съ Славянами. Былъ въ Успенскомъ соборѣ, слушалъ *конецъ всенощной*.

27. Былъ на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря. Послѣ у Погодина.

30. Ничего новаго. Все безконечныя разсужденія о улучшеніи быта крестьянъ; но отъ разговоровъ и преній самый вопросъ не улучшается, или не уясняется. Каждая сторона остается при своихъ убѣжденіяхъ и предубѣжденіяхъ. Новыхъ мыслей въ ходу нѣтъ.

Мая 2. Поѣхалъ въ Остафьево съ экономомъ 1-й гимназіи.

3. Поднимали новый колоколъ. Былъ у обѣдни. Вечеромъ возвратился въ Москву. Былъ у Закревскаго, у Титовыхъ.

4. Обѣдалъ у Свербѣевыхъ съ Хомяковымъ. Былъ у профессора Ешевскаго.

7. Выѣхалъ изъ Москвы. Ѣхали княгиня Наталія Степановна Голицына, Марія Аполлоновна Волкова.

23. Былъ въ Царскомъ Селѣ у Императрицы, утромъ. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ. Вечеромъ прогулка въ Павловскъ въ колескѣ съ Императрицею.

24. Обѣдалъ въ Павловскѣ у Великаго Князя.

25. Былъ въ Михайловскомъ театрѣ. *Бѣдность не порокъ* комедія Островскаго. Игралъ Садовскій. Успѣхъ этой комедіи и восторгъ публики доказываютъ совершенное паденіе искусства и вкуса. Садовскій хорошо, т. е. вѣрно игралъ, но что онъ представлялъ? Купца, который промотался и спился, но остался добрымъ человѣкомъ. Что тутъ за характеръ? Гдѣ творчество и художественность автора? Всѣ сцены сшиты на живую нитку и сшиты лоскутья. Единства, полноты, развитія нѣтъ.

Іюля 9. Писалъ и послалъ Д. Д. Давыдову десять писемъ отца его къ Пушкину. Отправилъ съ Дмитріемъ Оболенскимъ.

12. Лѣсная дача. Мнѣ минуло, *стукнуло*, это правильнѣе, 66 лѣтъ.

13. Отправилъ стихотвореніе *Иванову* къ Императрицѣ, Ольгѣ Николаевнѣ, Маріи Максимиліановнѣ, Тютчевой. Алекс. Долгоруковой, графинѣ Александрѣ Толстой, Мухановымъ, графинѣ Шуваловой, Горчакову. Кажется это стихотвореніе возбудило довольно живое сочувствіе.

14. Русскій театръ наводитъ на меня всегда уныніе. Дра-

матическая часть, игра актеровъ, все носитъ какой-то отпечатокъ пошлости и холопства, не исключая и публики.

15. Сегодня былъ въ Публичной Библіотекѣ.

16. Титулярный совѣтникъ Александръ Ильичъ Тимоѳеевъ въ Археографической Коммиссіи, при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. У него оставляю для приведенія въ порядокъ три ящика съ разными моими бумагами.

21. Утромъ былъ у священника Баженова. Спектакль, какъ и всегда при Дворѣ, плохой по выбору и посредственный по исполненію.

23. Обѣдалъ у Императрицы Александры Ѳеодоровны.

27. Утромъ былъ у Императрицы Маріи Александровны. Пожаловала свой портретъ.

31. Всѣ эти дни сборы къ отъѣзду.

Августа 3. Вчера выѣхали изъ Петербурга, послѣ обѣда, по желѣзной дорогѣ до Луги и въ мальпостѣ до Кенигсберга.

7. Пріѣхали въ Кенигсбергъ.

18. Пріѣхали почью въ Карлсбадъ.

19. Здѣсь Николай Тургеневъ съ сыномъ.

23. Англичанки племянницы Леди Гренвиль — дочь Кларендона съ отцомъ; но эта не по моей части и не по моимъ глазамъ. Для меня не было Парижскаго конгресса.

24. Англичане все еще для меня бомбардируютъ Одессу въ Великую Субботу и Соловецкій монастырь, и грабятъ бѣдную Чухну въ Прибалтійскихъ деревняхъ.

Сентября 4. Всѣ эти дни ужасная суматоха. Съ 6-ти часовъ утра барабанный бой, пальба, трескотня, процессіи, иллюминаціи.

5. Вчера въ городскомъ соборѣ литургія. Моцартовъ реквіемъ. Хороша и трогательна мысль закончить празднество запокойною обѣднею въ память усопшимъ Карлсбадскимъ благотворителямъ. Во время праздниковъ выставлены были въ окнахъ нѣкоторыхъ домовъ щиты съ именами жившихъ въ нихъ посѣтителей. Тутъ и Петръ Великій, и Шиллеръ, и великій князь Константинъ Павловичъ и Каталани и пр.

7. Я прочелъ романъ Андерсона. *Импровизаторъ*. Прелесть.

Много простоты, свѣжести и занимательности. Французскіе новѣйшіе романы клокочущая бездна, въ которой барахтаешься и захлебываешься. Русскіе — мелкіе пруды съ стоячею водою. Романъ Андерсона плавная, свѣтлая рѣка, въ которой видно глубокое и чистое дно, волны катятся и легко уносятъ въ даль читателя.

16. Почему съ здѣшними Англичанами Гренвилемъ, Кларендономъ не знакомился? J'évite autant que je puis la canaille, et à mes yeux il n'y a pas de plus grande canaille que les soit disant hommes d'état anglais.

20. Вчера съ генераломъ Гофманомъ (бывшимъ жандармомъ) ѣздилъ я въ Ottoquell. Много разсказовъ о Воронцовской Одессѣ. И это считалось рицаремъ и государственнымъ человѣкомъ.

21. Выѣхали изъ Карлсбада. Пріѣхали въ Теплицъ. Дорогою любовались кометою.

22. Пріѣхали въ Дрезденъ. Дорогою также любовались кометою.

„Паровозъ подъ темной бездной“ etc.

24. Музыка Вагнера не только музыка *будущаго*, но и *вѣчности*.

25. Читалъ нѣсколько нумеровъ *Петербургскихъ Вѣдомостей*. Много *дѣтскаго*.

30. Музыкальное образованіе средней публики. Нѣсколько сотъ человѣкъ во внимательномъ молчаніи слушаютъ хорошую музыку за $2^1/_2$ гроша и запиваютъ наслажденіе свое пивомъ.

Октября 1. Вечеромъ былъ въ Прусскомъ посольствѣ. Фюстумъ говорилъ о Петрѣ I. Прадѣдъ его былъ при немъ въ Саксоніи и Карлсбадѣ.

2. Оставляемъ Дрезденъ.

3. Пріѣхали въ Франкфуртъ.

5. Прибыли въ Стуттгардтъ.

6. Обѣдали съ женою и Титовымъ у Великой Княгини.

10. Вчера прекрасный балъ на Виллѣ. Смотрѣло и пахло Петербургомъ.

13. Выѣхали въ Баденъ-Баденъ съ Титовымъ.

14. Заказалъ скульптору исправить въ весной гробницу Наденьки.

15. Выѣхали изъ Бадена. Ночевали въ Базелѣ.

16. Выѣхали изъ Базеля.

17. Разговоръ Швейцарцевъ о Россіи. Превозносили похвалами дѣйствія Александра II.

18. Пріѣхали въ Лозанну.

19. Дорогою читалъ *Письма Русскаго Путешественника.*

20. Въ Лозаннѣ былъ въ Maison pénitentiaire. Заключенные *молча* работаютъ вмѣстѣ—ночью каждый въ своей кельѣ. Устройство, присмотръ и люди надзиратели очень хороши. Но по замѣчаніямъ пастора заразительность разврата все-таки и здѣсь, вопреки бдительному и строгому присмотру, существуетъ. Онъ хотѣлъ бы постоянно келейнаго заточенія.

21. Были въ Musée Arlaud. Портретъ Императора Александра I, писанный, кажется, Жераромъ, и принадлежавшій Лагарпу. При немъ и портретъ Лагарпа.

23. Былъ въ заведеніи и училищѣ слѣпыхъ. Многіе и врачіе не такъ просвѣщенны, какъ они. Сегодня пріѣхалъ въ Женеву. Здѣсь и Дмитрій Бибиковъ съ семействомъ.

24. Вечеромъ былъ въ конференціи младшаго Кокерела въ Казино о преслѣдованіи протестантовъ во Франціи. Болѣе историческое или біографическое и анекдотическое повѣствованіе. Говоритъ живо, складно. По временамъ съ увлеченіемъ. Многолюдная аудиторія слушала съ большимъ сочувствіемъ. Рукоплесканія.

26. Былъ у обѣдни. Заходилъ послѣ пить чай къ священнику Петрову. Былъ у Свербѣевыхъ. Вечеромъ во Французскомъ спектаклѣ. Публика республиканская. Въ антрактахъ свистала.

28. Былъ у меня Бунгенеръ. Очень недоволенъ положеніемъ Женевы, т.-е. безнравственнымъ и самовластнымъ управленіемъ Фази, который былъ бѣденъ и обремененъ долгами, а теперь разбогатѣлъ. Видѣлъ Фази въ театрѣ. Лицо суровое, сумрачное и, кажется, озабоченное.

30. Вчера ходилъ въ Академію. Слушалъ лекцію Richard о Французской словесности послѣднихъ періодовъ, о классицизмѣ и

романтизмѣ. Lebégueulisme de la langue Française et l'aristocratie du vocabulaire ont disparu. Немножко сбивается на нашу натуральную школу, но отдаетъ справедливость и прежнимъ писателямъ. Вечеромъ былъ на конференціи Кокереля. Разсказывалъ подробно исторію и процессъ Каласъ, предъ концемъ объяснялъ почему пасторъ и христіанинъ говорилъ съ уваженіемъ и признательностью о Вольтерѣ, принявшемъ такое дѣятельное участіе въ оправданіи памяти Каласа.

31. Ходилъ пѣшкомъ къ Великой Княгинѣ. Вечеромъ чтеніе Кокереля о прекращеніи гоненій еще отчасти и до революціи— совершенное окончаніе съ паденіемъ Робеспьера. Оправдывалъ *Рибо*, который въ Конвентѣ призналъ Людовика XVI *coupable*. У меня было на языкѣ: de quoi? Когда Rabeau былъ избранъ депутатомъ говорили: nous avons eu un *Mirabeau* aujourd'hui nous aurons un Rabeau entier.

Ноября 1. Говорилъ съ пасторомъ Леру о maison pénitentiaire. Въ числѣ заключенныхъ *убійца изъ ревности* лучшій по чувствамъ и поведенію своему.

4. Съ утра пушечная пальба, благодари Бога, холостыми зарядами, въ честь побѣды, одержанной вчера радикалами на выборахъ du grand Conseil. Побѣжденный партіей избранъ однако же Théodore de Saullare. На сторонѣ радикаловъ было 4300 голосовъ, на сторонѣ демократической, или консервативной—3500. Слѣдовательно разница небольшая. Но первые избрали 89 депутатовъ, а послѣдніе только 7. Непонятно. Все обошлось тише нежели полагали.

5. Писалъ Аннѣ Тютчевой съ письмомъ къ Императрицѣ; Плетневу со стихами.

7. Былъ въ тюрьмахъ.

9, Слушалъ въ храмѣ St. Gervais проповѣдь Mussier. Содержаніе—жизнь Апостола Павла. Кашель проповѣдника и кашель слушателей нѣсколько мѣшали порядочному вниманію. Онъ считается изъ первыхъ здѣсь проповѣдниковъ.

10. Читалъ La Justice poursuivie par l'église-appel de Proudhon. Анархія въ мысляхъ, но большая послѣдовательность, сила и ловкость въ изложеніи и въ отраженіи приговоровъ. Онъ не

правъ, но доказываетъ, что и судья и самый судъ часто не правы.

11. Выѣхали изъ Женевы. Пріѣхали въ Ліонъ.

12. Ліонъ прекрасный городъ. Городъ мостовъ и набережень-на Ронѣ и Сонѣ. Мостъ на каждомъ шагу. Исходилъ и изъѣздилъ весь городъ и кругомъ города. На горѣ la chapelle de Notre Dame Fourvière—въ родѣ нашей Иверской. Возлѣ кофейная съ вывѣскою: Café, chocolat, liqueurs et différents objets de piété. Ліонъ слыветъ особенно набожнымъ. Наполеонъ III въ немъ еще не былъ.

13. Послѣ Карамзина въ Ліонѣ протекло много крови и воды. Ужасы революціи, бунты при Луи-Филиппѣ, наводненія. Пріѣхали въ Марсель.

14. Ходилъ по новой и старой пристани. Заходилъ къ Бухарину. Онъ въ Парижѣ. Здѣсь нашелъ сенатора Халанскаго. Послѣ Швейцарскаго холоднаго воздуха и холода—невыразимо пріятны мягкость въ воздухѣ и теплота, хотя погода пасмурная и сырая.

15. Ходилъ на Cours Bonaparte и на гору, гдѣ разводится садъ. На колоннѣ бюстъ Наполеона I. Обширный видъ на городъ и на море.—И здѣсь весь городъ въ переломкѣ и въ перестройкѣ. Кажется народъ, т.-е. la bourgeoisie не очень довольна этимъ пересозданіемъ, которыхъ расходы на нихъ падутъ. Городъ дѣлаетъ заемъ въ 55 милліоновъ. Эти работы на *первое* время выгодны для работниковъ, и правительство, которое хочетъ имѣть за себя этотъ классъ, наиболѣе опасный и возмутительный, также находитъ тутъ свою выгоду, т.-е. обезпеченіе свое на извѣстное время. Après moi le déluge. Но долгъ, которымъ оно обременяетъ будущее, можетъ быть для будущаго безъисходною задачей. Вся Франція находится въ переломкѣ и перестройкѣ. Она можетъ сказать, какъ Жуковскій говорилъ о Каменскомъ въ Орлѣ: *какъ я разстроился*. Вчера вечеромъ былъ съ сенаторомъ Халанскимъ въ двухъ кафе-шантанъ.

18. Сегодня отправились въ Ниццу. Дорога скверная отъ дождей, но живописная по природѣ. Горы и растительность.

20. Обѣдали въ Cannes. Прелестный городокъ, облитый

солнцемъ и обставленный прекрасными виллами, между прочими вилла Бругама, которую въ народѣ зовутъ la Campagne de Milord. На мѣстѣ Наполеона послѣ высадки съ острова Эльбы я остался бы въ Каннѣ. Такъ показалось мнѣ тамъ хорошо и миловидно. Вечеромъ прибыли въ Ниццу. Такъ тепло, что жарко.

21. Здѣсь семейство Бибеско, Скрыпицынъ, Волконскіе-Сибирскіе: мужъ, жена, сынъ и дочь съ мужемъ Кочубеемъ, графиня Олсуфьева съ дочерьми, князь Леонидъ Голицынъ съ женою, Похвиснева съ дочерью Голицыною.

22. Обѣдалъ у Великой Княгини Екатерины Михаловны на виллѣ Орести. О Ниццѣ еще ничего сказать не могу. Увидимъ, что будетъ.

24. Слушали молитвы или *обѣдницу* у Великой Княгини. Пріѣхали Великій Князь Константинъ съ супругою. Похудѣла, но все великолѣпно хороша. Вечеромъ у Великой Княгини Екатерины Михаловны играли въ секретарь. Двѣ Августѣйшія четы, графиня Рюдигеръ, фрейлина графиня Комаровская и я.

26. Обѣдали у Великаго Князя Константина: Стакельберги, Чичеринъ Туринской миссіи, графиня Рюдигеръ.

Декабря 1. Былъ у короля Виртембергскаго. Очень уменъ и здравомыслящъ. Очень благоразумно судитъ и о нашемъ положеніи. Намъ соваться впередъ не нужно. Европа сама придетъ къ намъ, отыщетъ насъ въ затруднительныхъ своихъ обстоятельствахъ.

2. Закладка православной церкви въ Ниццѣ.

3. Меншиковъ былъ годъ студентомъ и вступилъ въ морскую службу.

5. Утромъ Майковъ читалъ мнѣ свою поэму *Сны*—4 пѣсни.

6. Писалъ Погодину.

7. Видѣлъ прекрасный портретъ Александры Іосифовны, который пишетъ Винтергалтеръ. Писалъ Великой Княгинѣ Аннѣ Ѳеодоровнѣ.

8. Обѣдалъ у Великой Княгини Екатерины Михаловны съ Александрою Іосифовною. Послѣ обѣда сигары и интерес-

ный разговоръ съ Герцогомъ въ его кабинетѣ. Поѣздка его въ Берлинъ во время войны и встрѣча тамъ съ Австрійскимъ посланнымъ для заключенія особаго трактата съ Пруссіею.

9. Встрѣча и возобновленіе знакомства съ Бунсеномъ.

10. Былъ у Бунсена. Онъ мало вѣруетъ въ долговѣчность настоящаго порядка во Франціи и нѣкоторые достовѣрные люди говорили ему, что и самъ Наполеонъ начинаетъ сомнѣваться въ себѣ и дѣйствовать болѣе порывами, нежели слѣдовать пути, заранѣе предначертанному.

11. Познакомился съ графомъ de Salmour. Говорятъ, правая рука Кавура по дѣламъ иностраннымъ. Человѣкъ умный, но кажется сухой, хотя и разговорчивый. Познакомился и съ Турецкимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ Рустемъ-Бей—сынъ графини Марини. Надобно же быть голоднымъ, чтобы добровольно пойти въ Турки. Другъ и креатура Фуадъ-паши.

12. Обѣдалъ у Бибеско. Послѣ обѣда пріѣхали Рустемъ-Бей и Salmour. Онъ говорилъ, что сама Австрія недоброжелательствомъ своимъ вызвала разрывъ съ Сардиніею. По его словамъ Мазини большой мимикъ и *имедый*; въ странствіяхъ своихъ переряжается во всѣ наряды—даже женскіе.

18. Ходилъ въ виллу Bermond, гдѣ жила Елена Павловна. Множество померанцовыхъ деревьевъ. Собираютъ до 600 тысячъ апельсиновъ. Готовятъ еще большія посадки. Съ возвышенія обширный видъ на городъ, море и горы. При захожденіи солнца все обтянулось алою сѣткою. Обѣдалъ у Екатерины Михаиловны. Вечеромъ у Волконскихъ. Пѣлъ Кочубей.

19. Вечеромъ у Бибеско. Встрѣтили за ужиномъ заморскій новый годъ, хотя и хозяева, какъ мы, старовѣры или старосчетники.

20. По здѣшнему новый годъ. Ѣздили по Туринской дорогѣ. Живописная обстановка. Горы округляются альковою, или амфитеатромъ. Ѣдешь по берегу каменной рѣки le paillon, безводной какъ Кедронъ. Да и вся картина имѣетъ оттѣнокъ Восточный и Палестинскій.

21. Обѣдница у Екатерины Михаиловны. Читаю *Записки Екатерины*, напечатанныя Герценомъ. Продается одинъ небольш-

шой томъ за 50 франковъ. Издателю *Записки* достались даромъ, а самъ кричитъ на корыстолюбіе Русскихъ чиновниковъ—и краденую вещь продаетъ въ три-дорого, разсчитывая на соблазнъ и на жадность публики къ соблазну. Вотъ они эти Катоны и Бруты.

25. Вчера всенощная у Екатерины Михаиловны. Сегодня *обѣдница*. Оставили меня завтракать. Остался вечеромъ дома и пробѣжалъ Les mémoires de Richelieu. Прелюбодѣянія и кровосмѣшенія Регента.

26. Получилъ письмо отъ Маріи Вяземской съ извѣстіемъ о помолвкѣ Вѣры.

1859.

Января 5. Обѣдалъ у Екатерины Михаиловны. Послѣ обѣда читалъ сй и Герцогу хранящіяся у меня письма Екатерины II къ графу Захару Чернышову и отрывки изъ записокъ Понятовскаго. Любопытное дополненіе къ изданнымъ нынѣ въ Лондонѣ Запискамъ Императрицы.

6. Были на молитвѣ у Екатерины Михаиловны. Отправились они на пароходѣ *Рюрикъ* въ Чивита-Веккіо, а оттуда въ Римъ, куда и меня звали съ собою. Вчера Русскій обѣдъ въ Hôtel d'Europe, на которомъ былъ и Русскій разговоръ и Русскій споръ, т.-е. всѣ кричали разомъ, перебивая другъ друга и всѣ врали во всю мочь.

9. Писалъ дѣтямъ Вяземскимъ. Вчера вечеромъ сидѣлъ дома и читалъ Исторію Карамзина.

18. Ѣздилъ въ Cannes. Вечеромъ былъ у Бунсена.

22. Писалъ Аннѣ Тютчевой съ письмомъ къ Императрицѣ и запискою Валуеву.

Февраля 10. Писалъ Ребезову съ замѣчаніями на отчетъ его и съ письмомъ къ Владиміру Мещерскому.

Марта 16. Вчера въ оперѣ il Barbiere de Siviglia. Исполненіе порядочное. Это перекипуло меня за 30 лѣтъ. Что за свѣжесть и одушевленіе въ этой музыкѣ. Вся веселость и остроуміе Бомарше такъ въ ней и кипятъ.

22. Ѣздилъ въ Cannes. Обѣдалъ у лорда Брума. Вечеромъ былъ у Бунсена.

29. Эти дни говѣли. Отецъ Васильевъ пріѣзжалъ изъ Парижа. Сегодня причащались.

Апрѣля 5. Писалъ Аннѣ Тютчевой.

9. Писалъ Титову съ стихами *Сознаніе*.

13. Ѣздилъ въ Cannes. Былъ у Бунсена. Онъ также думаетъ, что Австріи приходитъ конецъ.

14. Завтракалъ у M-me Brougham. Лордъ былъ безмолвенъ, озабоченъ и угрюмъ. Семейство говоритъ, что это съ нимъ бываетъ, когда получаетъ непріятныя извѣстія и тогда на цѣлый день запирается въ комнату. Возвратился въ Ниццу.

15. Писалъ къ Ребезову съ письмомъ къ Икорникову.

18. Отправился въ мальпостѣ въ Геную понюхать Французовъ. Въ письмахъ къ женѣ есть отчетъ въ этой военной поѣздкѣ и въ Туринъ.

29. Писалъ Титову со стихами: *Мое мнѣніе о нынѣшней войнѣ.*

Мая 3. Писалъ Батюшковой.

15. Выѣзжаемъ сегодня вечеромъ, если Богъ дастъ, въ Марсель въ мальпостѣ. Русскія книги отдалъ консулу для церковной Русской библіотеки.

16. Пріѣхали въ Марсель.

18. Вечеромъ выѣхали по желѣзной дорогѣ и пріѣхали къ полуночи ночевать въ Arles.

19. Осматривалъ городъ и его древности, которыя найдете въ любомъ Guide. Амфитеатръ довольно хорошо сохраненъ. Наполеонъ III въ проѣздъ свой чрезъ городъ въ немъ принималъ. Тутъ и другіе ходячіе фокусники и комедіанты давали свои представленія. Послѣ Римскаго великолѣпія, роскоши, остаются вѣкамъ по крайней мѣрѣ развалины и обломки, изумляющія своею величавостью. Послѣ нашихъ столицъ, если бури сотрутъ ихъ съ лица земли, что останется? Древніе были зодчіи и ваятели изъ мрамора, а мы бумажные фотографы. За городомъ большія развалины монастыря, сокрушеннаго не вѣками, не Сарацынами, а варварствомъ 93 года. Выѣхали изъ Arles по же-

лѣзной дорогѣ, съ небольшимъ часъ ѣзды, въ Avignon. Осматривалъ городъ. Вечеромъ всѣ церкви биткомъ набиты. Послѣдній день мая мѣсяца. Мой лонъ-лакей сказалъ мнѣ: la religion fait bien en France. Послѣ Марселя всѣ эти города точно мертвыя Помпеи.

Въ Марсели былъ я въ присутствіи Police de correctionelle. Дѣлъ любопытныхъ не было; но все шло скоро и кругло. Обвиненный даетъ объясненіе,—судья скажетъ нѣсколько словъ и обвиненнаго отпустятъ домой или приговорятъ къ штрафу. Ѣздилъ въ Vaucluse. Ѣдешь все садомъ, такъ обработаны и разнообразны поля по обѣимъ сторонамъ дороги—родина всѣхъ красныхъ панталонъ. Здѣсь засѣваютъ много garance. Нѣсколько кипарисовъ около Воклюзскаго источника словно памятники Петрарки. Полагаютъ, что Лаура принадлежала роду de Sades, котораго потомокъ извѣстенъ своимъ развратомъ. Вотъ игра случая: мой лонъ-лакей, говоря о любви Петрарка къ Лаурѣ, сказалъ: tout ça ce sont des bêtises. Хозяинъ гостинницы Petrarque et Laure 82-лѣтній старикъ разсказалъ мнѣ какъ графъ Воронцовъ упалъ въ источникъ. Вотъ и это была бы игра случая: Ванюша Воронцовъ, утопувшій въ источникѣ Петрарка.

Іюня 2. н. с. Выѣхали изъ Авиньона. Пріѣхали въ Nimes. Пошелъ смотрѣть амфитеатръ. Оттуда къ поэту экс-булочнику Reboul, съ которымъ я обѣдалъ въ 1838 году въ Парижѣ у Тургеневыхъ. Онъ увѣрялъ меня, что призналъ во мнѣ знакомое лицо. Чрезвычайно милый человѣкъ, плѣнительное добродушіе, какая-то сонность съ ложными вспышками поэта и умнаго человѣка. Онъ оставилъ свою пекарню, но живетъ въ ней съ сестрой своей. Онъ также былъ боленъ ипохондріею, какъ я,—и мы во многомъ сошлись съ нимъ. Онъ легитимистъ не только политическій, или не столько политическій, сколько нравственными и религіозными убѣжденіями своими. Доказательствомъ тому служатъ послѣднія его стихотворенія *Les traditionelles*. Онъ водилъ меня въ cercle читать журналы. О Гизо онъ говоритъ: c'est une tête méridionale pour laquelle a passé Genève. Онъ очень любилъ и любитъ Ламартина, но видно что жалѣетъ о паденіи

его и послѣднемъ христорадничествѣ. Посланіе его къ нему послѣ книги *Les Girondistes* благородно и замѣчательно.

Іюня 3. Осматривалъ городъ. Былъ съ письмомъ Ребуля у археолога, который возсоздалъ изъ пробки всѣ древности Нимскіе-Римскіе. Онъ далъ мнѣ два свои сочиненія. Надобно мнѣ изъ Петербурга выслать ему что нибудь изъ Русскихъ трудовъ и предложить его въ члены нашей Академіи.

4. Выѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ Нима въ Монпелье. Жена осталась въ Нимѣ. Осматривалъ городъ, музей Фабра. Фабръ былъ самъ живописецъ и женился на вдовѣ Алфьери, коего бюстъ и портретъ тутъ находятся. École du Medecin. Музей всѣхъ уродливостей, наростовъ и язвъ человѣческаго тѣла. Слушалъ лекцію ботаники, кажется профессора Martin. Говорилъ объ опіумѣ; но ничего новаго не сказалъ, по крайней мѣрѣ для меня. Послѣ моего леченія Парижскаго могу сказать:

Nourri dans l'opium, j'en connais les détours.

Около 500 студентовъ. Прежде бывало гораздо болѣе. Вечеромъ *Café chantant*. Я очень люблю таскаться по демократическимъ сборищамъ: крикъ, свистъ. Гдѣ жилъ здѣсь фонъ-Визинъ? Теперь не узнаешь. Изъ бумагъ отца моего знаю, что жило здѣсь въ старину семейство Плещеевыхъ.

5. Утромъ возвратился въ Нимъ. Здѣсь виноградники не такъ живописно раскинуты какъ въ Италіи: точно вѣники, посаженные въ землю. Вѣроятно это для винограда здоровѣе, потому что во Франціи вино лучше нежели въ Италіи. Въ Монпельѣ обратилъ вниманіе мое барынь своею походкою на пружинахъ и киваніями головы на право и на лѣво, предъ головами, предъ нимъ обпажающимися съ низкими поклонами. Это былъ префектъ, кажется, *Гавиньи*. Ни дать, ни взять нашъ любой губернаторъ. Какъ пожившь на бѣломъ свѣтѣ и поѣздишь по бѣлому свѣту, придешь къ заключенію, что за нѣкоторыми оттѣнками: tutto il mondo, è tutto come la nostra famiglia.— Reboul читалъ мнѣ не изданную еще свою поэму въ родѣ L'art poétique, но не дидактическую, а болѣе нравоучительную и философическую. Много удачныхъ стиховъ и очень мѣткихъ

на главнѣйшіе недостатки и злоупотребленія нынѣшней Французской литературы. Мы разстались съ Reboul какъ старые друзья. Въ 4 часа въ аренѣ course de taureaux родъ карикатуры тѣхъ, которые бываютъ въ Испаніи. Верховыхъ пикадоровъ нѣтъ. Нѣтъ кровопролитія, все миролюбиво. Но арена, наполненная народомъ, покрывшимъ всѣ ступени или сѣдалища, крики, рукоплесканія, шиканія и свисты, когда оплошаетъ быкъ или боецъ,—все это сливалось въ картину живописную и не чуждую поэзіи. Въ числѣ зрителей обратила на себя вниманіе наша красавица - зрительница m-lle Margoer, дочь богатаго виноторговца, которая кажется съ живою внимательностію слѣдила за эволюціями быковъ и бойцевъ, болѣе или менѣе ловко избѣгающихъ рогатые удары, на нихъ направленные. Забавно было также въ антрактахъ смотрѣть на перестрѣлку грошей, кидаемыхъ со ступеней народомъ въ арену и на ловкость продавца апельсиновъ, который кидалъ ихъ на самыя высшія ступени прямо въ руки требователя. Вечеромъ принесли извѣстіе о побѣдѣ Pont de Magenta. Кофейныя были освѣщены, по улицамъ мальчики пускали шутихи. Впрочемъ Нимское населеніе не очень Наполеонидно. Въ Avignon, въ нашей гостинницѣ, видѣлъ я комнату, въ которой былъ убитъ маршалъ Брюнъ, въ стѣнѣ осталась впадина отъ первой пули, не попавшей въ маршала. Объ этомъ происшествіи подробныя свѣдѣнія у Дюма, герцогини Абрантесъ, и въ исторіи Реставраціи, кажется Вобеля.

6. Выѣхали мы изъ Нима и пріѣхали въ Ліонъ. Съ нами сидѣла въ *купе* Англійская чета, очень вѣжливая и простодушная. Передъ тѣмъ, чтобы что нибудь сказать совѣтовались они другъ съ другомъ и съ Французскимъ лексикономъ и наконецъ разражались фразою, которую понять было невозможно, а надобно было угадать. Что Гоголь сказалъ о наслажденіи Русскаго простолюдина, не въ чтеніи книги, а въ самомъ процессѣ чтенія, можетъ примѣнить къ Англичанамъ, когда они говорятъ по французски. Интересъ ихъ не въ разговорѣ, не въ мысли, которую они выразить хотятъ, а въ изданіи французскихъ звуковъ, въ сочетаніи на Божію волю articles, родовъ,

прилагательныхъ съ существительными именами. Il y a toujours quelque chose de niais et d'enfantin dans la conversation d'un anglais qui parle français, comme de raison quand il ne sait pas le parler. Вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали мелодраму *Наполеонъ I.* Актеръ Dorsay имѣетъ что-то Наполеоновское въ лицѣ и во всемъ сложеніи. Онъ умираетъ на сценѣ, погребаютъ его на сценѣ. Піеса разумѣется плоха, можетъ быть и неприличпа; впрочемъ представляется все это въ картинахъ, почему же не представить и въ лицахъ и изустно? Прадѣды были же религіознѣе правнуковъ, а между тѣмъ въ мистеріяхъ своихъ разыгрывали на сценѣ священныя событія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта? Наполеонъ говоритъ Гудсонъ Лову: Votre prince régent l'est par le hazard, et moi j'ai été proclamé empereur par la volonté de la nation. Это не въ бровь, а прямо въ глазъ, но публика не отвѣчала на эти слова громкими и единодушными рукоплесканіями. Послышались одни тощія рукоплесканія *двухъ, трехъ набожныхъ лицъ.*

Ліонъ. 7. Былъ я à la Croix Rousse, на этомъ поприщѣ шелковыхъ издѣлій и возмущеній. Впрочемъ одинъ работникъ говорилъ мнѣ, что зачинщиками возмущеній бывали не Ліонцы, а Италіанскіе выходцы. Тутъ нѣтъ большихъ фабрикъ какъ въ другихъ городахъ, а все отдѣльныя рабочія по два, три станка; въ самой большой кажется 9. Работа все ручная: купцы даютъ имъ шелкъ и рисунки и платятъ за работу. Платы различныя отъ 50 сантимовъ до 3 франковъ въ день, смотря по количеству сработаннаго урока, иные заработываютъ по 8 франковъ когда ткутъ картины, портреты. По улицамъ изъ всѣхъ домовъ въ 6 и 8 этажей, слышится мѣрный стукъ челноковъ. Напомнило мнѣ Бейрутъ, гдѣ вездѣ слышишь *сученіе* (такъ ли?) шелка въ шелковичныхъ садахъ. Мало женщинъ видишь за работою. При мнѣ женщина сидѣла за станкомъ и ткала бѣлое платье съ букетами цвѣтовъ для Англійской королевы. Для иныхъ сложныхъ рисунковъ на обои и картины идетъ до 30 тысячъ и болѣе картоновъ, на которыхъ проткнуты узоры. Рабочіе живутъ въ этихъ домахъ по тѣснымъ и грязнымъ конурамъ. Вотъ вамъ и le travail libre — отъ 6 часовъ утра до 8

вечера въ лѣтнее время. Женщина говорила мнѣ, что при этой работѣ нужно ей непремѣнно выпить un litre de vin, а то и ѣда въ горло не пойдетъ. Въ нашей гостинницѣ нашелъ я молодаго Сапожникова, фабриканта шелковыхъ издѣлій въ Москвѣ. Работа здѣсь еще не убавилась, но боятся, что съ продолженіемъ войны она убавится, потому что сбытъ въ торговлѣ уже падаетъ.

Roche-Cardon гуляніе. Ж. Ж. Руссо любилъ это мѣсто, въ его время, вѣроятно, довольно дикое. Теперь разведенъ тутъ садъ. Place Bellecour—большая и прекрасная площадь съ большими фонтанами. Le lion de Lyon, маршалъ Кастелланъ, сѣдой старецъ, испещренный звѣздами, тутъ гуляетъ. Толпа, которая его видитъ ежедневно, бѣгаетъ за нимъ. Все тоже, что у насъ. Любезничаетъ съ дамами, которыя, кажется, очень довольны, когда онъ на нѣсколько минутъ присядетъ къ нимъ, а онъ очень доволенъ эффектомъ, который производитъ на публику. Кончится музыка, и онъ съ трудомъ садится на бѣлаго коня и въ сопровожденіи двухъ ординарцевъ возвращается домой. Впрочемъ, онъ, говорятъ, очень строгъ и нелюбимъ солдатами, которыхъ утомляетъ частыми ученіями. Въ Avignon я видѣлъ какъ обучали рекрутъ. Офицеръ поминутно вскрикивалъ: Oh, les animaux!—Опять тоже, что у насъ,—или правду молвить, можемъ здѣсь сказать: chez nous mieux.

Вечеромъ былъ au Palais de l'Alcazar родъ зимняго сада. Было представленіе cirque Italien. Великолѣпное газовое освѣщеніе. Труппа волтижеровъ очень хороша и красивы, ловкія и смѣлыя волтижерки. Кончилось par la prise de Montebello. Австрійцамъ досталось, таскали ихъ за волоса, солдаты были настоящіе солдаты, въ числѣ коихъ были и переодѣтые Австрійцами. Послѣ представленія одинъ изъ мнимыхъ Австрійцевъ жаловался товарищу Французу, что онъ его не щадилъ и билъ заправски—que veux tu mon cher, отвѣчалъ ему тотъ со смѣхомъ, j'avais envie de tuer aussi mon Autrichien en France.

Ліонъ. 8 *Іюня*. Былъ въ Hôtel Dieu. 1,800 съ чѣмъ-то кроватей для больныхъ, которыхъ принимаютъ безплатно и безъ разбора сословія, состоянія, народности и исповѣданія. Имѣетъ дохода

4 милліона франковъ. Въ больницѣ перебываетъ круглымъ счетомъ 18,000 больныхъ; смертность десятый процентъ, разумѣется изъ простолюдиновъ. Входятъ въ больницу или безнадежные, или уже изнуренные болѣзнью. La Croix-Rousse снабжаетъ больницу около третью больныхъ и большею частью чахоточныхъ. Вотъ опять le travail libre. Больной обходится заведенію въ полтора франка. Желающіе могутъ платить за свою кровать. Есть особыя комнаты, гдѣ платятъ по 12 франковъ въ день за все содержаніе и лѣченіе. Залы обширныя и кровати желѣзныя просторно расположены. Два придѣла, въ которыхъ обѣдня совершается ежедневно. За больными ходятъ сестры милосердія. Есть и въ другихъ мѣстахъ города богоугодныя заведенія. Недавно умеръ въ Ліонѣ знаменитый хирургъ *Бонне*, тотъ самый, кажется, который взялъ съ Казаковой 12 тысячъ франковъ за операцію, сдѣланную дочери ея. Въ народѣ идетъ молва, что его отравила собратія его въ Туринѣ, куда приглашенъ онъ былъ королемъ, для операціи въ семействѣ его. Кончилъ вечеръ до полуночи въ театрѣ. Давали мелодраму Картушъ. Характеръ его довольно удачно выдержанъ. Я сидѣлъ въ креслахъ и со мною было приключеніе въ родѣ маскарадnаго, за мною сидѣла довольно пріятной наружности дама съ маленькимъ мальчикомъ. Я вообще въ публичныхъ мѣстахъ не задираю разговора; но тутъ попросилъ я у нея программы, которой не могъ достать въ театрѣ. Разговоръ слегка завязался. Она сказала мнѣ, что какъ только вошелъ я въ театръ признала меня за Русскаго. Благодарить ли мнѣ, или обижаться? спросилъ я. Конечно благодарить, отвѣчала она, потому что я очень люблю Русскихъ. Говорила она мнѣ о графинѣ Бобринской Полькѣ, которую знала во Флоренціи и съ которой она въ перепискѣ. Про себя сказала она, что она смѣсь разныхъ народностей Англійской, Италіанской и Французской. Далъ я ей свою карточку. Она спросила: да вы однакоже не мужъ Вяземской, урожденной Столыпиной?—Нѣтъ, отвѣчалъ я, мужъ ея моложе и онъ мой сынъ. Ваше имя знаю теперь, а своего сказать не могу. Какъ такъ? Vous trouveriez mauvais que je sois au spectacle, mais je n'y suis venue que pour amuser un peu mon enfant. Я ничего не могъ понять въ этой

таинственности. Тутъ пошелъ разговоръ совершенно маскарадный. Я былъ на лицо, а собесѣдница моя подъ маскою и въ домино. Вдругъ блеснула во мнѣ догадка, что эта та женщина, съ которою Монго Столыпинъ былъ въ связи во Флоренціи и на рукахъ которой онъ умеръ.—Я сказалъ ей, что угадалъ ее. Если меня вы и угадали, то все таки въ томъ не признаюсь. Спросилъ я ее знаетъ ли она сенатора Халанскаго? Отвѣчала: Знаю. Это разрѣшило весь вопросъ. Халанскій былъ во Флоренціи при смерти Столыпина и говорилъ мнѣ въ Марселѣ много хорошаго о ней—какъ она ходила за больнымъ и о ея безкорыстіи. Послѣ сказала она мнѣ, что пріѣхала въ Ліонъ для дѣтей своихъ, кажется, сошлась она опять съ мужемъ и съ тещею своей — по крайней мѣрѣ, дозволено ей видѣть дѣтей,— старшаго отдаетъ въ Collège etc. etc. etc. Можетъ быть пріѣдетъ она въ Россію съ графиней Бобринской, которая приглашаетъ ее съ собою мѣсяца на два или на три. Она принадлежитъ хорошей фамиліи, мужъ ея le comte de Vogüé, имѣетъ помѣстье недалеко отъ Ліона. Въ ней много привѣтнаго и простодушнаго. Красавицею она мнѣ не показалась. Это одна изъ тѣхъ женскихъ натуръ, которая мягкостью и воспріимчивостью своею способна увлекаться и падать. Предопредѣленная добыча сердечнаго романа. Можно сожалѣть о подобныхъ женщинахъ, но осуждать ихъ совѣстно. Я увѣренъ, что въ связи съ нею Монго отдыхалъ отъ долгой, поработительной и тревожной связи своей съ ***.

9. Оставляемъ сегодня Ліонъ и ѣдемъ въ Женеву.

31 Мая (12 іюня). Женева. Троицынъ день. Былъ у обѣдни. Церковь полна Русскими.

1-го Іюня, с. с. Вчера былъ въ театрѣ Les pauvres de Paris. La canaille est honnête et les honnêtes gens sont de la canaille. Вотъ тема. Ѣздили вечеромъ къ мѣсту, называемому la Jonction, гдѣ сливается Ронъ и *Арва*, но сохраняютъ свой цвѣтъ. Вотъ что должно быть съ Польшею и Россіею. Не требовать, чтобы Польша уничтожилась предъ Россіею, а довольствоваться тѣмъ, чтобы она слилась съ нею и рядомъ текла. Прелестное мѣстоположеніе.

2. Ѣздили въ Ферней. Великолѣпная радуга.

3. Утромъ писалъ статью о Фернеѣ. Вечеромъ ѣздили по берегу озера въ Савойскую сторону. Заходилъ въ греческій домъ Фази. Очень хорошее помѣщеніе. Изъ учтивости проигралъ 10 франковъ, въ красное и черное, не зная, что черное и что красное.

4. Вечеромъ былъ въ театрѣ. Давали драму или мелодраму Don César de Bazan. Все то же направленіе. Don César промотавшійся дворянинъ, пустившійся въ развратъ. На повѣрку выходитъ, что онъ торжествуетъ надъ королемъ Карломъ II, унижаетъ его, вступается за него, убивая перваго министра и любимца его, который короля обманывалъ, и проч., и проч.

5. Былъ въ Cathédrale de St. Pierre. Эти Римскіе храмы, обнаженные и ободранные реформою, представляютъ грустное зрѣлище. Памятникъ Рогана, о которомъ говоритъ Карамзинъ. Я садился въ кресло Кальвина.

11. Наконецъ видѣлъ я Mont-Blanc при захожденіи солнца. Весь снѣгъ, вся гора были алые.

12. Ѣздилъ на гору Grand Salève — въ коляскѣ до селенія Monnetier, а тутъ пересѣлъ на ослицу, именуемую Amazone, и взобрался до шале на вершинѣ горы. Видъ, разумѣется, обширный; но Mont-Blanc былъ оберпутъ въ непромокаемыя, или непроницаемыя облака. На возвратномъ пути, около деревни Могпех, показался онъ мнѣ. Мой кучеръ толковалъ мнѣ, что вершины горы изображаютъ Наполеона, по вскрытіи гроба его на островѣ Св. Елены и въ самомъ дѣлѣ есть что-то похожее на то (анекдотъ Пушкина о лицейскомъ Яковлевѣ). Кругомъ Женевы удивительная зелень и растительность.

13. Великолѣпное захожденіе солнца на *Бѣлой горѣ*, то она розовая, то очеканена, или вылита въ золото. Шляпа, лобъ, носъ Наполеона. Точно *апофеозъ* его, въ какомъ-то необыкновенномъ сіяніи.

15. Встрѣча съ Ліонской красавицей.

17. Собирался ѣхать въ Шамуни, помѣшалъ дождь. Неожиданно явился Плетневъ.

КНИЖКА 26-я.

(1859—1860).

Царское Село, 19 ноября 1859 г.

Пріѣхали въ Петербургъ 10-го числа вечеромъ. Остановился въ гостинницѣ Демута. Еще въ Германіи простудилъ я себя, дорогою еще болѣе достудилъ и рѣшился просидѣть нѣсколько дней дома. Вчера пріѣхалъ сюда, по приглашенію на нѣсколько дней. Въ день пріѣзда обѣдалъ у Императрицы. Были князь Горчаковъ и министръ Муравьевъ. Какъ *пріѣзжаю гостя* Государыня посадила меня возлѣ себя за столомъ. Вечеромъ читали новую повѣсть Жоржъ Занда. Сегодня вечеромъ 19-го разсматривали живописныя снимки Мартынова съ Софійскаго собора и всѣхъ его принадлежностей. Князь Григорій Гагаринъ.

24. Ѣздилъ въ городъ. Обѣдалъ у Мещерскихъ. Вечеромъ спектакль и балъ у Елены Павловны.

25. Возвратился въ Царское. Вечеромъ былъ у Ихъ Величествъ. Читали начало *Стѣнной Цвѣтокъ* на могилу Пушкина — сочиненіе Кохановской. Умъ за разумъ заходитъ, и умъ не Русскій, а пораженный въ Нѣмца. Въ Пушкинѣ преслѣдуютъ какой-то предначертанный идеалъ и ломаютъ его и растягиваютъ по этому Прокустову образцу. А Пушкинъ былъ всегда дитя вдохновенія, дитя мимотекущей минуты. И оттого всѣ созданія его такъ живы и убѣдительны. Это Эолова арфа, которая трепетала подъ налетомъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ съ неба и отзывалась на нихъ пѣснью. Разсѣкать эти пѣсни и анатомизировать ихъ — и вообще созданіе всякаго поэта — и искать

въ нихъ организированную систему съ своею строгою и неуклончивою системою—значитъ не понимать Пушкина въ особенности, ни вообще поэта и поэзіи.

27. Читалъ Императрицѣ отрывки изъ воспоминаній Пущина о Пушкинѣ.

28. Играли въ Secrétaire.

29. Французскій спектакль *Une distraction* и *Les femmes terribles*. Говорили, что нѣкоторые осуждаютъ появленіе въ печати 6-го тома Устрялова о смерти царевича Алексѣя.—Конечно жаль, сказалъ я, что такія дѣла дѣлаются на свѣтѣ, какъ жаль, что, такъ сказать, на другой день созданія міра, Каинъ убилъ Авеля, что позднѣе Богъ казнилъ землю потопомъ, чтобы вразумить людей, и много тому подобное; — но что же дѣлать, если оно такъ было: нельзя же исключать это изъ совершившихся событій.

Декабря 1. Обѣдали у Императрицы Мальцова и я.

2. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ. Были министры: князь Горчаковъ и Ковалевскій, князь Василій Долгорукой, княжна Долгорукая, княгиня Софія Гагарина. Разговоръ о 6-мъ томѣ Устрялова.

3. Утромъ былъ у Императрицы. Говорили о Титовѣ, о новомъ цензурномъ положеніи etc. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ. Катенинъ изъ Оренбурга, Чевкинъ, Александръ Адлербергъ, молодой Дурново. Вечеромъ разговоръ и чтеніе.

4. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ. Были Великая Княгиня Екатерина Михаиловна съ Герцогомъ, Мальцова, баронъ Мейендорфъ, Долгорукой, Александръ Адлербергъ. Послѣ обѣда разговоръ съ Государемъ о Запискахъ Екатерины и временахъ ея.

5. Выѣхали изъ Царскаго Села. Обѣдалъ у Тютчевыхъ.

8. Обѣдалъ у Ихъ Величествъ—съ Marie Вяземской, Рибопьеромъ и Горчаковымъ.

9. Обѣдалъ у Императрицы съ четой Мейендорфъ, Мальцевой. Обѣдала и Великая Княгиня Александра Іосифовна. Императрица пригласила Мальцову и меня въ ложу свою Александрійскаго театра. Давали *Грозу* Островскаго. Драма производитъ сильное впечатлѣніе. Мастерски розыграна.

10. Обѣдалъ у министерника Ковалевскаго. Мало ученаго люда, не то что бывало у Норова. Статья Безобразова, напечатанная въ *Русскомъ Вѣстникѣ*: „Аристократія и интересы дворянства“ надѣлала много шума въ высшемъ правительственномъ кругу — и служила темою преній въ совѣтѣ министровъ. Окончательное обсужденіе ея отложено до слѣдующаго засѣданія. Вечеръ у Великой Княгини Елены Павловны подъ псевдонимомъ княжны Львовой. Были Ихъ Величества. Пѣли Италіанцы.

11. Былъ въ общемъ собраніи Сената.

1860. Января. Въ концѣ минувшаго года былъ два раза у обѣдни въ Казанскомъ соборѣ. Ѣздилъ каждый день въ Сенатъ. Нѣсколько разъ обѣдалъ во дворцѣ и два раза былъ съ Императрицею въ театрѣ. Стихи никакъ не шли, такъ что не могъ кончить стихотворенія зачатыя въ дорогѣ. „Господи и Владыко живота моего, духъ праздности, унынія, не даждь ми“. Или вѣрнѣе: отыми, отжени отъ меня, потому что я ихъ имѣю.

5. Вотъ и сегодня засѣданіе Сената продолжалось нѣсколько минутъ и въ разсмотрѣніи было всего два пустыя дѣла, требующія только подтвержденія присутственнымъ мѣстамъ. Какъ же не предоставить первоприсутствующему право созывать сенаторовъ когда нужно—и въ одномъ засѣданіи вершить дѣла, распредѣленныя на нѣсколько засѣданій. Такимъ образомъ вообще болѣе трехъ разъ не приходилось бы ѣздить въ Сенатъ. А то выгоняютъ насъ каждый день на барщину есть ли работа, нѣтъ ли работы. Вездѣ стѣснительные обряды.

27. Мнѣ съ нѣкоторыхъ поръ сдается, что со мною играютъ комедію, а я на комедію не хочу да и не умѣю отвѣчать комедіей. Отъ того мнѣ очень неловко и тяжело. Имѣю внутреннее сознаніе, что въ отношеніяхъ со мною нѣтъ прежняго, сердечнаго благорасположенія, а соблюдаются одни внѣшнія формальности. Что причиною этой перемѣны, придумать не могу. Можетъ быть просто опостылѣлъ, какъ то часто бываетъ съ женщинами и при Дворѣ. А можетъ быть и оговорили меня добрые люди. Какъ и за что неизвѣстно. На совѣсти ничего не имѣю; а положеніе мое, кажется, такъ для всѣхъ должно быть безобидно, что никому я ничего не заслоняю. Какъ бы то ни

было, вся поэзія моихъ прежнихъ отношеній полиняла и поблекла. При Дворѣ я не Дворъ любилъ и меня вовсе не тѣшило, что и я имѣю мѣсто между придворными скороходами и придворными *скороползами* всѣхъ чиновъ и всѣхъ орденовъ. Мнѣ дорого и нужно было сочувствіе; а безъ сочувствія мнѣ тамъ и дѣлать нечего, о чемъ и слѣдуетъ при удобномъ случаѣ крѣпко и окончательно подумать.

NB. Пишу это послѣ обѣда третьяго дня и вечера вчера. Стало быть обижаюсь не тѣмъ, что меня забываютъ, или что для публики я будто въ опалѣ.

Февраля 6. Княгиня Софія Григорьевна Волконская сказала мнѣ на-дняхъ, слышанное ею отъ Императрицы Елисаветы Алексѣевны въ Таганрогѣ, послѣ смерти Александра: Государь имѣлъ въ рукахъ своихъ всѣ нити заговора, вспыхнувшаго 14 декабря, но не рѣшался обратить на заговорщиковъ строгость закона, пока дѣйствія ихъ не угрожали безопасности государства. Онъ говорилъ также, что можетъ быть и самъ завлекъ нѣкоторыхъ, выражая либеральныя понятія и возбуждая либеральныя упованія.

Великая Княгиня Ольга Николаевна говорила, что Императрица Марія Оеодоровна сказала однажды: сынъ мой Александръ не могъ наказывать заговорщиковъ противъ жизни отца своего; но сынъ мой Николай обязанъ былъ наказать заговорщиковъ противъ жизни Александра.

Графъ Блудовъ увѣрялъ, что Императоръ Александръ хотѣлъ разстрѣлять Сперанскаго; но не допущенъ былъ къ преданью Сперанскаго военному суду по настойчивымъ убѣжденіямъ Парота, который тогда пользовался особеннымъ довѣріемъ Императора и котораго будто съ той поры Государь уже не принималъ къ себѣ, не отвѣчая на письма его. Признаюсь это по мнѣ невѣроятно. Если Императоръ имѣлъ бы намѣреніе предать

Сперанскаго суду, то онъ заключилъ бы его въ Петропавловскую крѣпость, а не началъ бы съ того, что тотчасъ отправилъ его въ Нижній Новгородъ.

Графъ Блудовъ полагаетъ, что Сперанскій зналъ о замыслахъ въ царствованіе Александра и приготовившихъ 14 Декабря. Онъ кажется былъ злопамятенъ и не прощалъ Государю опалы своей...

---

18 марта 1860 г.

Имя графа Андрея Разумовскаго уже упоминается въ перепискѣ барона Черкасова съ Императрицею Екатериной II. Черкасовъ былъ высланъ въ Ревель на встрѣчу принцессамъ Дармштадтскимъ, изъ коихъ одна должна была быть избрана въ невѣсты Павла Петровича.—Vous me permettrez, Madame, de vous demander vos ordres au sujet de votre gentilhomme de chambre, le comte André Rasoumowski. J'ai appris par le prince Troubetzkoy lieutenant-général congédié, qu'il lui a apporté la permission du comte (Иванъ) Чернышовъ de quitter, en arrivant ici (т. е. въ Ревель), le commandement de son vaisseau et de prendre le chemin de Pétersbourg par terre. Dois-je lui permettre de faire ce voyage *dans la suite des princesses*, en cas qu'il le demandât ou que M-me la Landgrave le souhaitât». Вся эта переписка, между прочимъ замѣчательная по подробной и во всѣ мелочи входящей заботливости Императрицы о встрѣчѣ, пріемѣ, угощеніи etc. etc., собрана въ рукописяхъ барономъ Bühler, arrière-petit-fils барона Черкасова. Тутъ Екатерина жалуется на Панина, который утаиваетъ отъ нея нѣкоторыя депеши, относящіяся до пріѣзда принцессъ и предполагаемаго брака одной изъ нихъ съ В. К. Павломъ Петровичемъ. «J'ai ordonné de communiquer vos remarques sur les légumes aux maréchaux, pour que vous soyez aussi bien servi, que faire se pourra en chemin». «Je viens d'écrire au baron Stackelberg, votre confrère en joye et en baronie (вѣроятно послу нашему въ Варшаву) pour lui recommander les intérêts du duc de Courlande votre beau-frère". Впослѣдствіи Андрей Разумовскій завелъ романъ съ Великою Княгинею, можетъ быть, еще зачатый въ до-

рогѣ. Я слышалъ отъ графа Ростопчина, что однажды въ спектаклѣ въ Эрмитажѣ Павелъ Петровичъ подозвалъ его въ себѣ, и съ видомъ веселымъ сказалъ ему: „сообщу тебѣ новость, сегодня Разумовскій первый поклонился мнѣ". Впослѣдствіи Разумовскій, нашъ посланникъ въ Неаполѣ, и какъ видно, confident du fait, былъ въ связи съ Неаполитанскою королевой. Слышалъ я, и помнится тоже отъ Ростопчина, что по смерти Великой Княгини Павелъ Петровичъ былъ очень огорченъ. Чтобы утѣшить его, показали ему любовную переписку супруги его съ Разумовскимъ. Въ 1835 г. познакомился я въ Вѣнѣ съ графомъ, тогда княземъ, Разумовскимъ. Онъ былъ уже очень старъ, но красивой наружности, и показался мнѣ очень добродушенъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ проѣхать чрезъ Прагу, которая очень напоминитъ мнѣ Москву. Но я ночью проѣхалъ Прагу и съ курьерскими депешами изъ Италіи, а потому и не могъ ни видѣть ее, ни оставаться до другого дня. Съ Прагою познакомился я позднѣе.

Можетъ быть, уже были какія нибудь вѣсти объ *отношеніяхъ* Разумовскаго съ одною изъ принцессъ, или Императрица, по догадкѣ, пишетъ позднѣе Черкасову, чтобы не отпускать его съ ними изъ Ревеля. Далѣе Черкасовъ пишетъ: «ayez la grâce, Madame, d'ordonner que l'on montrât s'il y a là un chemin particulier de Kipen à Gatchina pour toucher à Krasnoe Sélo afin que le comte André ne nous causât quelque embarras imprévu» (онъ долженъ былъ особо и послѣ принцессъ ѣхать изъ Ревеля въ Петербургъ), «ordonnez, Madame, au comte Iwan Czernischeff de lui expédier un ordre du collège de l'amirauté qu'il ait à se rendre à Czarskoe Sélo, aussitôt qu'il aurá débarqué ici (а Императрица думала, что онъ выѣдетъ послѣ), on peut lui faire entendre ensuite que c'était par impatience de lui demander des nouvelles relatives aux princesses et à leur trajet". — Вотъ какъ и тогда уже опасались его, а между тѣмъ бережно обходились съ нимъ. Въ одномъ изъ писемъ Екатерины: «La place de Kammer-mädchen restera vacante; c'est apparemment une de vos maîtresses que vous prétendez fourrer là. Voilà ce que c'est que de honter des gens médisans comme vous, on le devient aussi, mais, entre nous soit dit,

ces princesses deviendront grasses comme des poulardes, si on les nourrira à chaque pas. Adieu, portez vous bien, a я купаться пойду à votre santé. Bonjour, mon coeur! que dira la postérité quand elle verra cette lettre, elle fera des conjectures et elle se trompera».

Въ другомъ письмѣ; «et moi, qui après des 50 ans, suis vive comme un pétard. Dans l'occasion vous déconseillerez à la Landgrave de mener ses filles à l'église Luthérienne ici, et cela seulement pour un certain temps; cette précaution n'est que pour la populace; on en a agi de même avec moi; lorsque *mon* choix (а не Великаго Князя, стало быть) sera fait, les deux autres iront entendre la prêche quand elles voudront.

КНИЖКА 27-я.

(1859—1861).

1859.

Іюля 9 н. с. Стуттгардтъ. Вечеръ провели на виллѣ у Великой Княгини. Императрица Марія Александровна спрашивала черезъ телеграфъ, гдѣ я нахожусь.

10. Выѣхалъ изъ Стуттгардта въ одномъ поѣздѣ съ Великою Княгинею Ольгою Николаевною и Вѣрой Горчаковой.

Баденъ-Баденъ 29 іюня с. с. Вчера пріѣхалъ сюда.

Und allerdings ist ihre Hand frei geblieben von Blut vielleicht nur etwas befleckt von zu viel Tinte (о Пруссіи Lassalx въ рѣчи своей въ Баварской камерѣ 25 іюня).

---

25 Іюля н. с. Пріѣхалъ въ Карлсбадъ сегодня. Здѣсь Мещерскіе и Лиза Карамзина, Брокъ, графъ Левъ Потоцкій, сенаторъ Щербининъ и пр.

Августа 6. Нашелъ здѣсь Варшавскаго пріятеля генерала и поэта Моравскаго. Не узналъ бы я его, такъ онъ постарѣлъ; впрочемъ ему 77 лѣтъ. И онъ меня не узналъ.

9. Ладыженская, урожденная Сушкова, читала мнѣ свою статью о Ростопчиной. Много хорошаго.

18. Балъ въ честь Австрійскаго Императора. День рожденія его. Познакомился съ княземъ Paul Esterhasy.

29. Выѣхали изъ Карлсбада.

Сентября 1. Пріѣхали въ Баденъ-Баденъ.

4. Выѣхали съ Тютовымъ въ Интерлакенъ.

6. Вчера вечеромъ у Императрицы. Обѣдалъ у Императрицы. Тютовъ уѣхалъ послѣ обѣда. Вечеръ у Императрицы.

7. Читалъ стихи свои на вечерѣ Императрицы.

8. Поѣхали въ 10 часовъ утра съ Императрицей на пароходѣ по озеру Brienz.

9. Были съ Императрицей на развалинахъ замка. По нѣкоторымъ преданіямъ замокъ Рауля—синей бороды.

13. Думалъ ѣхать. Императрица приказала телеграфировать женѣ, что удержала меня.

14. Телеграмма отъ Государя о покореніи Дагестана и взятіи Шамиля, котораго везутъ въ Петербургъ.

15. Вчера выѣхалъ на пароходѣ.

16. Баденъ-Баденъ.

17. Утромъ былъ у принца Прусскаго, вечеромъ у принцессы qui ne me prend pas au sérieux и отдѣлывается со мною общими вѣжливостями. Сегодня писалъ Аннѣ Тютчевой.

19. Пріѣхалъ сюда Бунсенъ.

20. Цѣлый день слоняюсь безъ мысли, цѣли и желанья. Баденъ-Баденъ имѣетъ удивительную одурающую силу.

25. Выѣхали изъ Баденъ-Бадена.

27. Пріѣхалъ въ Дюркгеймъ. Дня три разнемогался я сильною простудою. Здѣсь Мещерскіе и Карамзины.

Октября 2. Писалъ Икорникову со стихами.

6. Писалъ Аннѣ Тютчевой.

9. Выѣзжаемъ изъ Дюркгейма.

10. Пріѣхали въ Гейдельбергъ. Вечеромъ были у Бунсена.

15. У Бунсена видѣлъ Нѣмецкаго поэта Майера, бывшаго секретаремъ при Альбертѣ, мужѣ Англійской королевы.

20. Былъ у профессора Греческаго языка Гофмана, высланнаго изъ Московскаго Университета въ 1848—1849 г. за либерализмъ, а по словамъ жены за участіе, которое онъ письменно принималъ въ устройствѣ Германскаго флота. Кажется, если такъ, либерализмъ очень невинный.

23. Выѣхали изъ Гейдельберга.

24. Пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ. Отца Янышева не засталъ. Онъ въ Парижѣ. Кончилъ въ курзалѣ. Музыка, игры, журналы и Никита Всеволожскій.

29. Пріѣхалъ въ Баденъ-Баденъ.

Ноября 1. Выѣхалъ изъ Бадена въ Стуттгардтъ. Видѣлъ Титова. Разговоръ о Петербургѣ.

6. Отдалъ Ольгѣ Николаевнѣ стихи Императрицъ. Сегодня выѣхали изъ Стуттгардта.

12. Пріѣхалъ въ Берлинъ. Обѣдалъ у Будберга съ Моренгеймами и молодымъ Мейендорфомъ. Вечеромъ былъ у князя Вильгельма Радзивила.

14. Кенигсбергъ.

15. La vie des vivants est déjà un assez rude métier: que dire de la vie des voyageurs? Emballer, déballer, se trimbaler — payer les aubergistes, avoir trop chaud, ou trop froid etc. etc. etc.

1860.

Іюня 22. С.-Петербургъ. Былъ приглашенъ въ Царское Село къ обѣду и оставался до 25. Возвратился на Лѣсную дачу.

Іюля 4. Пробылъ по приглашенію два дня въ Петергофѣ.

21. Пріѣхалъ въ Петергофъ вечеромъ. Былъ у Великой Княгини Екатерины Михайловны въ Ораніенбаумѣ.

22. Императрица нездорова, но принимала меня.

Августа 15. Писалъ Потаповой о газетѣ Павлова.

Возвратился изъ Москвы 10 Октября.

КНИЖКА 28-я.

(1863—1864).

Изъ рѣчи Ламартина къ депутаціи глухонѣмыхъ во время Февральской революціи: «Je vous prie rendre mes sentiments auprès de ceux qui ne peuvent m'entendre.» Нельзя не удивляться до какой степени нелѣпости можетъ возвыситься умный народъ, какъ Французы, когда они выходятъ изъ битой колеи порядка и приличій, съ которыми они срослись. И въ политикѣ и въ литературѣ нужны имъ узда и хомутъ. Какъ скоро свергли они съ себя оковы de l'art poétique de Boileau и помочи, которыя возложили на нихъ Racine, Voltaire, Fénélon и другіе ихъ классики, они понесли такую чушь, что ужасъ. Въ гражданскомъ и политическомъ отношеніи нужна имъ желѣзная рука Людовика IX и Наполеона I-го, а за неимѣніемъ ея рука фокусника какъ Наполеона III-го.

Графиня Розалія Ржевуская писала недавно своей пріятельницѣ, неистовой патріоткѣ: Néron désirait que tout le genre humain n'eût qu'une tête pour pouvoir l'abattre d'un seul coup. Je ne suis pas aussi cruelle que lui, mais je désirerais que toutes les Polonaises n'eussent qu'un d... pour pouvoir leur donner la verge.

L'or et la boue, dit Voltaire, sont confondus pendant la vie des artistes; la mort les sépare.

Grâce au ciel, ce n'est pas d'un demi-dieu que la France aura désormais besoin: ce qu'elle demande à son gouvernement, c'est *quelque prévoyance*, et quelque initiative combinées avec *du patriotisme* et *de la probité*». De Carné приводитъ эти слова, сказанныя имъ въ 1839 г., въ статьѣ своей: La tradition constitutionnelle en France de 1789 à 1863. Изъ этихъ словъ нельзя не вывести, что по мнѣнію автора Французское правительство не имѣетъ ни prévoyance, ni patriotisme, ni probité. Тутъ же: «En succédant à la monarchie constitutionnelle, à laquelle la France reproche moins ses actes que sa chute, le second empire ne saurait accepter le programme qui tendrait à transformer son gouvernement en un théâtre à grand spectacle, ou en une boîte à surprise maniée devant un public ébahi». Все это не мѣшаетъ Французамъ говорить: qu'ils sont à la tête de la civilisation, и что Европа должна отвѣчать: слушаюсь, и воля ваша, когда ей говорятъ: au nom de la France, которая послѣ переворотовъ и всякаго рода испытаній не могла установить правительство, которое имѣло бы нѣсколько *предвидѣнія*, *патріотизма* и *честности* и не было бы ларчикомъ фигляра и фокусника, выпускающаго разныя штуки на удивленіе зѣвакамъ и потѣху легковѣрной публики.

«La Russie serait pour nous l'allié le plus naturel, si entre elle et nous il n'y avait pas le fantôme de la Pologne», (discours de M-r le prémier président Bonjean. Séance du sénat du 18 décembre 1863). M-r le prémier président ne croyait pas dire si bien et si vrai. Effectivement c'est bien un fantôme que cette Pologne qui se dresse aux yeux des Français. Eh qui l'a évoqué ce fantôme si ce n'est vous, M-rs les Français.

«On interroge l'avenir, on souffre d'un mal nouveau, mais sérieux, que j'appellerai *le mal de l'inconnu*, (de la Guéronnière. Séance du sénat 15 décembre 1863). Не задолго до паденія Луи-Филиппа, не помню кто, сказалъ: la France s'ennuie. И Франція чтобы развеселить себя затѣяла Февральскую революцію. Не прибѣгаетъ-ли она къ подобному средству, чтобы полѣчить отъ *недуга*

неизвѣстности. А есть во всемъ что дѣлается и говорится многозначительные симптомы.

On a arrêté entre autres clercs, un capucin dont le tort évident est de ne porter point le costume orthodoxe de popc. Il se nomme Klepacki. Le capucin Klepacki a demandé pour quelle cause on l'arrêtait. On lui a aussitôt administré 20 coups de fouet. Le capucin Klepacki est maintenant satisfait. Il sait ce qu'il demandait; on l'a arrêté tout justement pour le fouetter. (J. J. Weiss. Journal des Débats 22 décembre).

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Позвольте мнѣ почтительнѣйше поднести Вашему Императорскому Высочеству фотографію моего рукодѣлья. Когда меня спрашиваютъ: какъ могу я въ такое смутное и грозное время заниматься подобными пустяками? отвѣчаю: я Русскій человѣкъ, а Русскій человѣкъ пьетъ со скуки и съ горя. Такъ и я, упиваюсь романами, чтобы запить и забыть, хотя временно, все что вынужденъ я прочесть и проглотить въ газетахъ. Не знаю, скажутъ ли обо мнѣ по пословицѣ: пьянъ да уменъ—два угодья въ немъ. Но, во всякомъ случаѣ надѣюсь на ваше благосклонное снисхожденіе къ моей слабости. Я, чтобы показать Вашему Высочеству, что употребляю не одну сладкую водку, а иногда и горькую съ приправою перца *прісмлю долп*, какъ писалъ покойный графъ Каикринъ, приложить здѣсь двѣ другія бездѣлки. Великодушно простите мнѣ винокуренное мое письмо, и примите милостиво увѣреніе глубочайшаго почтенія и душевной преданности, которыя въ совершенной трезвости духа и въ полномъ присутствіи ума и сердца, повергаетъ къ ногамъ Вашего Императорскаго Высочества вашъ покорнѣйшій и неизмѣнный слуга. Венеція, 3 Декабря 1863 г.

Отправился изъ Венеціи. Былъ въ оперѣ въ Миланѣ съ Павломъ, который мнѣ уже заготовилъ ложу. Театръ La Scala не отвѣчалъ моимъ ожиданіямъ и заочнымъ о немъ понятіямъ.

Театры Петербургскій и Московскій грандіознѣе и красивѣе. Пѣвцы посредственные. Миланъ славится своимъ балетомъ, но мы видѣли только изнанку его. Былъ у стараго знакомца Манзони. Онъ показался мнѣ бодрѣе прежняго. Онъ помолодѣлъ съ возстановленіемъ Италіи. Кажется, ему за 75 лѣтъ. Онъ королемъ наименованъ сенаторомъ, но въ Туринъ и въ Сенатъ не ѣздитъ, говоритъ, за старостью и за своею заикливостью. Впрочемъ онъ рѣдко и мало заикается. Онъ сказалъ мнѣ: не все еще для Италіи сдѣлано, что должно сдѣлать; но сдѣлано много, и мы пока должны быть довольны. Я не много объяснялъ ему Польскій вопросъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, а не подъ перомъ журналистовъ и подъ зубами ораторовъ и Тюльерійскаго кабинета. Хотя и горячій Римскій католикъ,, онъ, кажется, довольно безпристрастно судитъ о немъ. Я просилъ фотографіи его, которую видѣлъ у фотографа. Не далъ, говоря, что и ближайшимъ друзьямъ и родственникамъ отказываетъ. Въ прежній проѣздъ мой чрезъ Миланъ просилъ я его дать мнѣ строчку его автографіи. Тоже отказалъ, говоря, что все это тщеславіе, а что онъ, по возможности, отказался отъ всего, что сбивается на суетность. Но нѣтъ-ли въ этихъ отказахъ другаго рода тщеславія? Фотографія и строка почерка сдѣлались des lieux communs. Не давать ихъ, не дѣлать того, что всѣ дѣлаютъ, есть придавать себѣ особую цѣну. Не подозрѣваю Манзони въ сознательномъ подобномъ умыслѣ. Но на дѣлѣ выходитъ такъ. Больно мнѣ было слышать, что онъ мало уважалъ характеръ Pellico. *Ce pauvre Pellico*, говорилъ онъ о немъ въ нравственномъ и политическомъ отношеніи.

Le véritable opinion de Napoléon sur la Pologne, qui vous dit que c'est celle de 1807 et de 1812, celle de sa prospérité, et non pas plutôt celle de son exil? спрашиваетъ St. Marc de Girardin въ своей статьѣ: Journal des Débats du 9 Novembre 1863. На этотъ вопросъ: qui vous dit? отвѣтъ очень простъ: l'histoire.

Потому что судятъ о человѣкѣ по дѣламъ его, а не по словамъ его, особенно когда, по мнѣнію самого автора, la Pythie ou plutôt le Dieu lui même de S-te Hélène faisait des coquetteries

à l'opinion publique, ne pouvant plus la maîtriser qu'en la séduisant. Но St. Marc de Girardin для поддержки своего мнѣнія предпочитаетъ словесную ложь Наполеона истинѣ дѣяній его, или пожалуй сны его дѣйствительности его; Тотъ же авторъ все для той же цѣли приписываетъ Dupin слова, которыя сей послѣдній нѣсколько разъ гласно опровергъ. St. Marc de Girardin не могъ не знать этихъ опроверженій, но ему нужна была ложь, и онъ воспользовался ею. Dupin сказалъ: chacun chez soi, chacun son droit. А его слова исказили слѣдующимъ образомъ: chacun chez soi, chacun pour soi и этотъ варіантъ пустили въ ходъ.

Чарторижскій въ письмѣ своемъ на имя Dupin (Journal des Débats 26 декабря) говоритъ: les guerres de religion que la Pologne n'a jamais connues—а дѣйствія ея въ Малороссіи? Тутъ же говоритъ онъ: depuis huit mois nous n'avons pu obtenir des puissances, qui marchent à la tête du monde civilisé, le seul acte de justice que nous leur avons demandé, celui de nous reconnaître *le droit* de nous défendre contre l'oppression. Но кто же отнимаетъ у васъ это право, которымъ вы пользуетесь и возстаніемъ вооруженною рукою, и тайными убійствами? Но вы не того хотите. Вы требуете, чтобы, *признавъ* за вами право бунтовать, вѣшать и рѣзать, *отказали* Россіи въ правѣ противодѣйствовать вашимъ покушеніямъ и ограждать себя отъ нихъ.

Имя автора брошюры: Manuscrit de S-te Hélène, которая такъ много шума надѣлала въ свое время, и многими приписывалась самому Наполеону, M-r Lullin de Chateauvieux; онъ же авторъ: Lettres écrites de l'Italie en 1812, которыхъ не знаю. Въ первой книгѣ Наполеонъ говоритъ: «Nous étions tous jeunes alors, nous avions notre fortune à faire». Помню, что я тогда же пародировалъ эти слова: Nous étions tous jeunes alors, nous avions notre fortune à perdre, и эта пародія имѣла большой успѣхъ въ нашемъ кружку молодежи безпечной и расточительной.

Le duc de Broglie по поводу Июльской революціи и новой хартіи, qui fût *bâclée* en quelques heures, сказалъ: „les convocations d'assemblées primaires, les registres ouverts dans les municipalités, ce sont de méchantes farces, de ridicules simagrées; c'est une jonglerie méprisable et qui ne prouve qu'une chose: c'est que celui-là qui s'en donne le passe-temps se croit assez fort pour braver ses adversaires et se moquer de ses partisans". (Revue des deux mondes 15 Novembre. 1863, статья Léonce de Lavergne). Все это было доказано всѣми *симпріями* и фиглярствами, утвердившими власть 2 декабря и слѣдовавшими за нимъ дѣйствіями du suffrage universel. Huit mois de guerre et de diplomatie en Pologne статья Ch. de Mazade (Revue des deux mondes 15 Octobre 1863).

Le Nord 23 Декабря 1863 сообщаетъ письмо Грека Цаналонуло Врето, опровергающее глупыя слова сенатора Bonjean о Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ „c'est un peu comme la Bibliothèque Impériale de St. Pétersbourg (à-propos de la noblesse russe divisée en quatorze classes), dont un de mes collègues me dit ceci, voyant une magnifique façade, il avait voulu pénétrer dans l'édifice, mais il n'y avait que la facade et rien au delà". Хорошъ, сенаторъ! хорошъ ораторъ! хорошъ и его товарищъ!

M-me de Staël a dit quelque part: sous le règne de Bonaparte on n'a bien fait que la guerre, et tout le reste a été sciemment et volontairement mal fait.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ.

1) Графъ Блудовъ пріѣзжалъ въ Москву въ 1809 или 10 году, вѣроятно отправляясь въ Турцію къ графу Каменскому или возвращаясь оттуда. Жилъ я тогда съ Карамзинными въ Старой Басманной, въ домѣ графа Мордвинова, то-есть почти на краю города, что не мѣшало Дмитрію Николаевичу посѣщать

насъ почти каждый день. Не знаю, былъ-ли онъ уже прежде знакомъ съ Карамзинымъ; но я познакомился съ нимъ въ то время. Мнѣ было около 18 лѣтъ, слѣдовательно, по тогдашнему лѣтосчисленію мало имѣлъ я голоса *за капитулъ*. Помнится мнѣ, онъ до 12-го года еще разъ пріѣзжалъ въ Москву и провелъ часть зимы въ домѣ графа Каменскаго; въ этотъ разъ я болѣе съ нимъ сблизился. До 1831 года я не живалъ постоянно въ Петербургѣ, а только наѣзжалъ туда на короткое время. Пріятельскія сношенія мои съ Дмитріемъ Николаевичемъ опредѣлились съ окончательнаго переселенія моего въ Петербургъ. Помню, что въ одинъ изъ пріѣздовъ въ Москву онъ собирался съ Жуковскимъ совершить путешествіе по Россіи. Они отправились, но на первыхъ станціяхъ коляску ихъ опрокинули, возвратились они въ Москву, тѣмъ путешествіе ихъ и кончилось. Помню еще, что около тѣхъ годовъ Дмитрій Николаевичъ прислалъ мнѣ въ Москву плохіе стихи, написанные по случаю свадьбы его камергеромъ Ржевскимъ, родственникомъ ему по Каменскимъ, и шутя просилъ меня вступиться за него и написать что-нибудь на Ржевскаго. Позднѣе, хотя и по другому поводу, Ржевскій получилъ свою поэтическую кару: онъ попалъ въ комедію Грибоѣдова за продажу своего *крѣпостнаго* балета.

2) Дашковъ также до 12-го года познакомился съ нами, то-есть съ Карамзиными и со мною, въ Подмосковной моей Остафьевѣ, куда пріѣзжалъ съ письмомъ отъ Дмитріева, тогда министра юстиціи, при которомъ онъ служилъ и у котораго жилъ въ министерскомъ домѣ.

3) Александръ Тургеневъ кончилъ образованіе свое въ Геттингенскомъ университетѣ, и, кажется, не служилъ въ Московскомъ Архивѣ, а прямо поступилъ на службу въ Петербургъ. Жуковскій, если не ошибаюсь, началъ свою гражданскую карьеру Московскою Соляною Конторою (а я гораздо позднѣе Межевою). Служилъ-ли онъ по Архивѣ, не знаю. Но онъ мнѣ разсказывалъ, что въ коронацію Александра I онъ былъ вмѣстѣ съ Дмитріемъ Николаевичемъ назначенъ на дежурство, кажется, на площади, при принятіи билетовъ. Впрочемъ, что можетъ дать поводъ къ заключенію, что они послѣ сошлись по архивѣ есть

то, что написали они вмѣстѣ пѣсню на одного архивскаго чиновника изъ Нѣмцевъ, чуть-ли не *Либмана*. Онъ былъ или слылъ сыномъ портнаго, и содержаніе пѣсни было *Объясненіе ея любви портнаго*. Начиналась она такъ, или почти такъ:

О ты, которая пришила
Меня къ себѣ любви иглой,
Закрѣпила
Какъ самый крѣпкій шевъ двойной.

Въ нѣсколькихъ куплетахъ собраны были всѣ пріемы и выраженія, относящіеся до портняжескаго ремесла, тутъ было:

Пагрѣто сердце какъ утюгъ.

а кончалось:

Умретъ несчастный твой портной.

Эту пѣсню видѣлъ я давно и въ печати, за подписью Либмана, или что-то на это похожее, въ какомъ-то старомъ нѣсельникѣ. Жуковскій, Александръ Тургеневъ и Дмитрій Николаевичъ уже гораздо позднѣе сошлись въ Петербургѣ.

4) Ближайшее общество Карамзина въ Петербургѣ составляли одновременно и разновременно: Александръ Тургеневъ, Жуковскій, Батюшковъ, Дмитрій Николаевичъ, Полетика, Сѣверинъ, Дашковъ, Николай Кривцовъ, а лѣтомъ, въ Царскомъ Селѣ, и Александръ Пушкинъ, тогда еще лицеистъ, который проводилъ въ его домѣ каждый вечеръ. Изъ всѣхъ поименованныхъ особенно нѣжно любилъ онъ Тургенева, Жуковскаго и Дмитрія Николаевича. Дашкова онъ также любилъ и уважалъ, но Дашковъ имѣлъ въ умѣ и характерѣ что-то рѣзкое и нѣсколько крутое, менѣе сочувственное мягкой и благодушной природѣ Карамзина.

5) Уваровъ, сколько мнѣ извѣстно, не былъ Москвичемъ. Въ молодыхъ лѣтахъ былъ онъ въ Вѣнѣ при нашемъ посольствѣ. Сблизился онъ съ нами гораздо позднѣе. Въ особенной пріязни съ Карамзинымъ не былъ, хотя и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ.

6) Начало Арзамасскаго Общества слѣдующее: князь Шаховской написалъ комедію *Липецкія Воды* (еще прежде написалъ онъ на Карамзина комедію *Новый Стернъ*). Въ *Липецкихъ Водахъ* выставилъ онъ балладника, то-есть Жуковскаго. Разумѣется

все наше молодое племя закипѣло и вооружилось. Дмитрій Николаевичъ написалъ *Видѣніе въ Арзамасѣ* (желательно было-бы отыскать его). Подобное тому, что аббатъ Morlet написалъ подъ заглавіемъ *La Vision*, вслѣдствіе комедіи *Les philosophes*, въ которой Palissot выставилъ многихъ изъ тогдашнихъ энциклопедистовъ. Дашковъ написалъ и напечаталъ въ *Сынѣ Отечества* письмо къ новѣйшему Аристофану и куплеты съ припѣвомъ: „Хвала тебѣ, о Шутовской“. Я разлился потокомъ эпиграммъ, и кажется первый прозвалъ Шаховскаго Шутовскимъ, какъ послѣ и Булгарина окрестилъ въ Фиглярина и Флюгарина. Это *Видѣніе въ Арзамасѣ* и передало нашему литературному Обществу свое названіе. Дѣятельными учредителями, а послѣ и ревностнѣйшими членами были Дмитрій Николаевичъ, Жуковскій и Дашковъ. Я тогда жилъ еще въ Москвѣ. Наименованный членомъ при самомъ основаніи его, началъ я участвовать въ немъ позднѣе, то-есть въ 1816 году, когда пріѣзжалъ я въ Петербургъ съ Карамзинымъ, который привозилъ восемь томовъ своей Исторіи въ рукописи, для поднесенія Императору. Въ уставѣ общества было сказано, между прочимъ, слѣдующее: „По примѣру всѣхъ другихъ обществъ, каждому нововступающему члену Арзамаса подлежало-бы читать похвальную рѣчь своему покойному предшественнику; но всѣ члены новаго Арзамаса безсмертны, и такъ, за неимѣніемъ собственныхъ готовыхъ покойниковъ, новоарзамасцы положили брать на прокатъ покойниковъ между Халдѣями *Бесѣды* и Академіи. Протоколы засѣданій, которыя всегда кончались ужиномъ, гдѣ непремѣннымъ блюдомъ былъ жареный гусь, составлены были Жуковскимъ, въ нихъ онъ давалъ полный разгулъ любви и отличной геніальности своей и способности нести галиматію. Все долго продолжалось одними шутками, позднѣе было заявлено желаніе дать Обществу болѣе серіозное, хотя исключительно литературное направленіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ издавать журналъ. Кажется графъ Блудовъ составилъ новый проэктъ устава. Но многіе члены разъѣхались, обстоятельства измѣнились и всѣ эти благія намѣренія преобразованія остались безъ послѣдствія. Самое Общество умерло естественною смертію или замерло въ неподвижности, остались только друже-

свая связь между членами и употребленіе нашихъ произведеній въ дружескихъ нашихъ переписках. Карамзинъ писалъ объ этомъ Обществѣ изъ Петербурга въ Москву къ женѣ своей: „Здѣсь изъ нущинъ всѣхъ любезнѣе для меня Арзамасцы, вотъ истинная Русская академія, составленная изъ молодыхъ людей умныхъ и съ талантомъ". Для подробностей и хронологическихъ справокъ обо всемъ этомъ, можно обратиться къ Запискамъ Вигеля. Одинъ экземпляръ ихъ хранится въ Императорской Библіотекѣ, а другой, какъ я слышалъ, купленъ Катковымъ у наслѣдниковъ. Вѣроятно всѣ эти справки и подробности тамъ находятся и могутъ служить руководствомъ, хотя въ сущности эти Записки можетъ быть и подлежатъ иногда сомнѣнію для тѣхъ, которые знали характеръ и пристрастіе автора.

ВЕЛИКОЙ КНЯГИНѢ ЕКАТЕРИНѢ МИХАЙЛОВНѢ.

Madame,

Votre aimable et gracieuse lettre m'est parvenue avec les premiers rayons et les premières fleurs du printemps qui s'est fait longtemps attendre. Non, bien entendu, la lettre de V. A. I., qui a été pour moi une douce et ravissante surprise, mais le printemps tardif, successeur d'un long et rigoureux hiver. Veuillez bien, Madame, agréer l'hommage de ma vive et profonde gratitude pour le bon souvenir, qui est plus que flatteur, et touche moins ma vanité que mes affections les plus intimes et les plus reconnaissantes. Je suis heureux de voir que Vous daignez encore songer à moi et de pouvoir espérer qu'à mon retour en Russie je retrouverai la place et l'accueil bienveillant qui m'ont toujours été si précieux et m'ont fait passer de si doux moments, grâce à vos bontés, Madame, et à celles de Monseigneur le Duc. Vous avez bien raison de dire que les évènements se succèdent de nos jours avec rapidité et changements de lieux et de décorations comme dans un drame de Shakespeare, qui vient, par parenthèse, d'être mis à l'index dans cette belle France, qui marche à la tête de la civilisation, et a acheté au prix d'une douzaine de révolutions la liberté dont elle jouit aujourd'hui.

Malgré cette succession et cette variété d'évènements nous sommes toujours, sauf de rares exceptions, condamnés à assister à quelque folie tragique et sanglante, ou à quelque folie extravagante et stupide, témoin les ovations données à Garibaldi en Angleterre. Nous aussi, nous avons eu dans notre voisinage à Miramar une petite farce Mexicaine, passablement ridicule et dont le sens est difficile à saisir, comme tout ce qui nous vient du grand Impressario. Malheureusement, on ne peut encore dire que ce soit l'Impressario nell'imbarazzo. Mais j'aime à croire que cela viendra un jour, quand on cessera de tout côté de lui alléger la besogne et d'abonder dans son sens. Si l'on voulait s'entendre, la chose me semblerait bien facile. Pour y parvenir, il ne faudrait pas de guerre, Dieu nous en préserve, mais une volonté et une parole ferme, unanime et véritablement Européenne.

Comme Vous avez la bonté de me parler de mes projets, je prends la liberté de Vous dire que nous allons quitter bientôt Venise pour nous rendre à Méran, où je dois faire une cure de petit lait, plus tard peut-être une petite cure de raisin et encore plus tard une cure d'esprit et de coeur sous les ombrages d'Oranienbaum.

ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Madame,

Aujourd'hui le 19 Avril je veux avoir ma part dans la double allégresse que partagent Pétersbourg et Venise en fêtant à la fois le grand jour de la résurrection et celui de la renaissance de la nature. Sous cette douce influence je me laisse aller à mes aspirations et me transporte au palais d'hiver dans la chambre attenante au cabinet de V. M. I. La porte s'ouvre et m'accorde le bonheur de Vous offrir de vive voix (la voix du coeur est toujours une voix vive même en dépit des distances) mes félicitations et mes voeux et celui de recevoir de Vos Augustes mains un bel oeuf de pâques, que, réflexion faite, j'ose Vous prier de faire mettre de côté pour le moment de mon retour en Russie. Après cette expédition aérienne je redescends sur la terre et c'est encore pour déposer aux

pieds de V. M. ma profonde gratitude pour le bienveillant télégramme dont Vous avez daigné m'honorer. Vos projets de voyage me donnent l'espoir de me trouver sur votre chemin. Je quitte bientôt Venise pour me rendre probablement à Méran, où je dois faire une cure de petit lait. Dans la première quinzaine de Juin nouveau style je compte en avoir fini avec mon ennuyeuse besogne et serai désormais prêt à aller partout où Vous daignerez m'appeler. J'ose prier V. M. de me faire connaître ses ordres par M-r Titoff qui sera toujours à même de savoir où me trouver. Permettez moi, Madame, de réclamer Votre indulgente attention pour la brochure ci-jointe. J'aurais bien aimé à Vous offrir ce mets servi plus chaud. S'il n'en est pas ainsi, la faute n'en est pas au cuisinier, mais aux restaurateurs ou aux journalistes de Paris, qui ont gardé mon oeuvre dans leur buffet; plus tard d'autres complications ont encore empêché la publication de la brochure qui est devenue presqu'un hors-d'oeuvre, plût au ciel qu'il en soit ainsi! L'amour-propre de l'auteur cède volontiers le pas à l'amour du bien et de la paix. Un homme de lettres français m'écrivait dernièrement à-propos de cette brochure: „l'empereur vient d'enterrer la Pologne pour cette année au moins et, par une coincidence qui m'a frappé, la lettre que Vous m'avez fait l'honneur de m'écrire m'est arrivée mardi dernier, c. à. d. le jour même où Napoléon III recevait le prince Czartoryski pour lui signifier de s'apaiser. Si je ne craignais pas le prince Gortchakoff, j'aurais volontiers commis l'indiscrétion de donner de la publicité à cette nouvelle, en y ajoutant, comme déduction naturelle que si Czartoryski a été appelé pour rester tranquille, c'est qu'il l'aura été avant et plus d'une fois, pour être monté et mis en train. La même crainte du prince Gortchakoff m'impose silence à-propos des petits commérages de coulisses, que j'aurais pu faire relativement aux farces, qui se sont jouées à Miramar et ont soulevée ici parmi la société Autrichienne beaucoup de blâme et d'indignation.

КНИЖКА 29-я.

(1864 и послѣдующихъ годовъ).

ОТВѢТЫ М. П. ПОГОДИНУ НА ВОПРОСЫ О КАРАМЗИНѢ.

1) „О механизмѣ работы Николая Михайловича. Какъ онъ велъ ее?"

На это ничего не могу сказать положительнаго. Полагаю, что передъ тѣмъ, чтобы приступить къ Исторіи, онъ прочелъ всѣ лѣтописи, ознакомился со всѣми источниками и свидѣтельствами, сообразилъ по эпохамъ планъ труда своего и уже тогда, отказавшись отъ изданія *Вѣстника Европы* и др. литературныхъ занятій, исключительно посвятилъ себя великому труду своему.

2) „Когда перечитывалъ написанное? Какъ? Про себя или въ семействѣ или кому другому?"

Во все продолженіе времени, которое прожилъ я съ нимъ въ Москвѣ, не помню ни одного чтенія.

3) „Говорилъ ли о писаніи?"

Мало и рѣдко. Развѣ только тогда, когда открывалъ или сообщали ему новыя лѣтописи, что, помнится, было между прочимъ по случаю находки *Хлѣбниковскаго списка* и присылокъ историческихъ документовъ изъ Кенигсберга.

4) „Образъ жизни. Въ которомъ часу вставалъ? Когда принимался за работу? Сколько времени сидѣлъ за нею? Были ли среди работы отдохновенія? Какія?"

До второй женитьбы своей, а вѣрнѣе, и до первой велъ

онъ жизнь довольно свѣтскую. Тогда, какъ я слышалъ отъ него, игралъ онъ въ карты, въ коммерческія игры, и велъ игру довольно большую. Игралъ онъ хорошо и разсчетливо, слѣдовательно, окончательно оставался въ выигрышѣ, что служило ему къ пополненію малыхъ средствъ, которыя доставляли ему литературныя занятія. Съ тѣхъ поръ, что я началъ знать его, онъ очень рѣдко, и то по крайней необходимости, посѣщалъ большой свѣтъ. Но въ самомъ домѣ нашемъ по обычаю, который перешелъ къ намъ отъ покойнаго родителя моего, мы жили открытымъ домомъ и каждый вечеръ собиралось у насъ довольно большое общество, а иногда и очень большое, хотя приглашеній никогда не было. Тутъ онъ принималъ участіе въ разговорѣ, дѣлалъ партію въ бостонъ, но къ полночи всегда уходилъ и ложился спать. Вставалъ обыкновенно часу въ девятомъ утра, тотчасъ послѣ дѣлалъ прогулку пѣшкомъ или верхомъ во всякое время года и во всякую погоду. Прогулка продолжалась часъ. Помню одну зиму, въ которую ѣзжалъ онъ верхомъ по Московскимъ улицамъ и въ довольно забавномъ нарядѣ: въ большой медвѣжьей шубѣ, подпоясанный широкимъ кушакомъ, въ теплыхъ сапогахъ и круглой шляпѣ. Возвратясь съ прогулки завтракалъ онъ съ семействомъ, выкуривалъ трубку турецкаго табаку и тотчасъ послѣ уходилъ въ свой кабинетъ и садился за работу вплоть до самаго обѣда, т.-е. до 3 или 4 часовъ. Помню одно время, когда онъ еще при отцѣ моемъ съ нами даже не обѣдывалъ, а обѣдалъ часомъ позднѣе, чтобы имѣть болѣе часовъ для своихъ занятій. Это было въ первый годъ, что онъ принялся за Исторію. Во время работы отдохновеній у него не было и утро его исключительно принадлежало Исторіи и было неприкосновенно и неприкосновенно. Въ эти часы ничто такъ не сердило и не огорчало его, какъ посѣщеніе, отъ котораго онъ не могъ отказаться. Но эти посѣщенія были очень рѣдки. Въ кабинетѣ жена его часто сиживала за работою или за книгою, а дѣти играли, а иногда и шумѣли. Онъ, бывало, взглянетъ на нихъ, улыбаясь, скажетъ слово и опять примется писать.

5) „Нѣтъ ли черновыхъ какихъ листовъ Исторіи?“

Въ Остафьевѣ нашелъ я нѣсколько такихъ листовъ. Мно-

гіе роздалъ собирателямъ автографовъ, а другіе должны еще оставаться въ бумагахъ моихъ. Сколько мнѣ помнится на этихъ листахъ много перемарокъ. Замѣчательно, что черновые листы Пушкина были также перечеркнуты и перемараны такъ, что иногда на цѣлой страницѣ выплывало только нѣсколько стиховъ.

6) „Какъ былъ устроенъ его кабинетъ?"

Никакъ.

7) „Какой порядокъ въ немъ?"

Никакого. Письменнымъ столомъ его былъ тотъ, который первый ему попадется на глаза. Обыкновенный, небольшой, изъ простаго дерева столъ, на которомъ въ наше время и горничная дѣвушка въ порядочномъ домѣ умываться бы не хотѣла, былъ заваленъ бумагами и книгами. Книги лежали кучками на стульяхъ и на полу, шкаповъ не было и вообще никакой авторской обстановки нашего времени. Постояннаго сотрудника даже и для черновой работы не было. Не было и переписчика, по крайней мѣрѣ такъ было въ Остафьевѣ и вообще до переѣзда его въ Петербургъ.

8) „Его вкусы, начиная со столоваго: какія кушанья онъ любилъ, вина, аппетитъ?"

Вкусы его были очень умѣренны и просты, хотя онъ любилъ все изящное. Въ молодости и холостой, онъ, я думаю, былъ довольно тароватъ и говорилъ, что если покупать, то уже покупать все лучшее, хотя оно и дороже. Впослѣдствіи когда умножилось семейство его, а денежныя средства были довольно ограничены, онъ былъ очень экономенъ, хотя и не скупъ. Въ пищи своей и питіи былъ очень умѣренъ и трезвъ. Было время, что онъ всегда начиналъ обѣдъ свой тарелкою вареная риса, а кончалъ день ужиномъ, который состоялъ изъ двухъ печеныхъ яблокъ. Онъ любилъ простой, но сытный столъ, и за обѣдомъ пивалъ по рюмкѣ или по двѣ мадеры или портвейна.

9) „О спокойствіи или тревожности".

Вообще онъ былъ характера спокойнаго и былъ исполненъ покорностью къ Провидѣнію, что, впрочемъ, ясно видно изъ писемъ его, которыя были напечатаны. Тревожился онъ только о болѣзняхъ семейства своего и ближнихъ и о событіяхъ Оте-

чества, когда они казались ему угрожающими величію Россіи и ея благоденствію.

10) „О вспыльчивости".

Никогда не случалось мнѣ замѣтить въ немъ малѣйшаго вспыльчиваго движенія, хотя онъ чувствовалъ сильно и горячо.

11) „О терпѣніи".

Кажется, въ этомъ отношеніи могъ онъ каждому служить образцомъ.

12) „О желаніяхъ".

Желанія его личныя были самыя скромныя, чистыя, безкорыстныя. Другіе относились болѣе сперва къ ближнимъ, потомъ къ Россіи и, можно сказать, ко всему роду человѣческому. Стихъ Латинскаго поэта: „былъ онъ человѣкъ и ничто человѣческое не было ему чуждо", ни къ кому, кажется, такъ не было прилично, какъ Карамзину.

13) „О самолюбіи".

Полагаю, что былъ онъ не безъ самолюбія, но въ такой мѣрѣ, въ какой оно ни для кого не оскорбительно. Впрочемъ и здѣсь письма его могутъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

14) „О привязанностяхъ".

Нельзя было нѣжнѣе и полнѣе любить друзей своихъ, какъ онъ ихъ любилъ. Эта нѣжность простиралась и на людей, которые мало имѣли съ нимъ чего общаго, но по какимъ-либо обстоятельствамъ жизни съ нимъ сближались. Терпимость его даже и съ скучными людьми всегда меня поражала. Впрочемъ, онъ имѣлъ искусство или, лучше сказать, сердечную способность отыскивать и въ скучныхъ и посредственныхъ людяхъ какую-нибудь струну или спеціальность, и нашедши ее, слушалъ ихъ со внимательностью и даже съ сочувствіемъ.

---

12 Мая 1865 г. Пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Ниццы. Остановился въ домѣ министра внутреннихъ дѣлъ у Валуева. Государь и Государыня остановились въ Царскомъ Селѣ, гдѣ собрана была вся Царская фамилія.

19. Отдалъ Муханову пакетъ съ статьею виллa Вермонъ для Великой Княгини Ольги Николаевны. Прежде послалъ статью Бартеневу въ Москву.

21. Съ пріѣзда обѣдалъ у Владиміра Карамзина, князя Горчакова, князя Григорія Щербатова. Вчера вечеромъ былъ у опальнаго конституціониста Орлова-Давыдова. Сегодня обѣдаю у него. Здѣсь въ умахъ вообще такой же ералашъ, какъ въ погодѣ. Двое сутокъ палили изъ пушекъ, предвѣщая наводненіе. Дождь, холодная вьюга. Въ разговорахъ слышишь общее неудовольствіе; но у каждаго съ своей точки зрѣнія, слѣдовательно невозможно было бы и согласить умы, потому что каждый хочетъ не того, чего требуетъ другой. Преувеличенія, запальчивость, декламаторство, дѣлаютъ разговоръ нестерпимымъ для того, кто не зараженъ общею лихорадкою.

24. Вчера вечеромъ былъ у Принцессы Ольденбургской и у Великой Княгинѣ Екатерины Михаиловны. Сегодня у Мещерскихъ чтеніе Сербиновичемъ части біографіи Карамзина, составляемой Погодинымъ. Такія слышатся здѣсь рѣчи неуклюжія и дикія мнѣнія, что мнѣ хочется поступить какъ Кутузовъ съ Ермоловымъ. Послѣдній заявилъ на военномъ совѣтѣ мнѣніе, которое показалось Кутузову совершенно неудобнымъ. Онъ подошелъ къ нему и взявъ его за руку, какъ будто щупая пульсъ, сказалъ при всѣхъ съ видомъ соболѣзнованія: „здоровъ-ли ты мой голубчикъ?“ По поводу предложенія моего купить Россіи Villa Bermont -- кто-то сказалъ, что можно ее купить, но съ тѣмъ, чтобы сгладить съ лица земли, pour la raser. И такая дичь встрѣчена была одобреніемъ людей, впрочемъ, умныхъ и порядочныхъ. И все это отъ какихъ-то мозговыхъ воспаленій неистоваго патріотизма. Толкуютъ о Русскомъ смиреніи, о Русскомъ благочестіи, и вся эта любовь къ отечеству переводится на ненависть ко всему, что не Русское и ко всему, что дѣлается въ Россіи несогласнаго съ людоѣднымъ катихизисомъ этихъ политическихъ и узкоумныхъ раскольниковъ.

28. Писалъ Сербской Княгинѣ Юліи Обреновичъ и послалъ ей альбомъ съ фотографіями Царской Фамиліи и Петербургскими видами и брошюрой *Вилла Бермонъ*.

Іюня 12. Отвѣчалъ Погодину съ брошюрою Филарету и Китти Тютчевой.

На время увольненія Рейтерна въ отпускъ, Гротъ назначенъ управлять Министерствомъ Финансовъ. Я говорю, что для поправленія нашихъ финансовъ мало одного *грота*, а нужно бы прінскать еще Эгерію.

Въ Русскихъ газетахъ печатаются часто объявленія отъ имени *banque de commerce privée*. Не опечатка-ли? Не скорѣе-ли: banque privée de commerce? А въ объявленіи Journal de St.-Pétersbourg, 23 Іюня, еще новый варіантъ и сказано: banque de *commerce* privée.

M. de Staël называла M. de Lally le plus gras des hommes sensibles.

Жена Лафаета, женщина высокой добродѣтели и набожности, нѣжно любила мужа своего и нѣжно была имъ любима, хотя въ религіозныхъ и политическихъ правилахъ не всегда были они одномышленны: незадолго до смерти своей, въ полусознаніи и полузабытьи сказала она ему: „Êtes Vous chrétien? De quelle secte? Ah, je le sais, vous êtes Fayettiste". Vous l'étiez aussi, je crois, lui dit le général avec un triste sourire.—Oui, dit elle, avec fermeté, et je donnerais ma vie pour cette secte. Mais avant tout il faut être chrétien. Vous admirez J. Christ, un jour vous reconnaîtrez sa divinité. Voulez vous venir avec moi au martyre? Le général lui repondit qu'il la suivrait partout et elle se mit à louer Dieu, et dit à ses filles que leur père était sauvé.

Талейранъ, хорошо зная своихъ соотечественниковъ, говорилъ: «Ne vous y trompez pas; les Français ont été à Moscou, mais les Russes ne sont jamais venus à Paris».

«Un bonheur passé est un malheur présent» (изъ бумагъ отца моего).

Сентября. 6. Пріѣхалъ въ Москву. Остановился въ Кремлѣ.

9. Пріѣхали въ Ильинское. Остановился въ домикѣ *Не чуй горе.*

21. Москва. Былъ на кладбищѣ на Введенскихъ горахъ. «Княгиня Евгенія Ивановна Вяземская». Гробница на правой сторонѣ отъ воротъ за мостомъ. Въ день пріѣзда былъ я на кладбищѣ Дѣвичьяго монастыря, гдѣ погребенъ мой отецъ, сестра моя Щербатова. Неподалеку отъ нихъ гробница Александра Ивановича Тургенева и двѣ малолѣтнія дочери Карамзина.

„Православная наша церковь называетъ эту молитву (молитву духомъ) *умнымъ дѣломъ, царскимъ искусствомъ* и *неоцѣненнымъ сокровищемъ.* Въ Россіи еще въ XIV столѣтіи была она переписана преподобнымъ Ниломъ Сорскимъ, а въ концѣ XVIII столѣтія архимандритъ Паисій Величковскій перевелъ съ древне-греческаго языка книгу, гдѣ въ возможной полнотѣ изложено ученіе объ этой пневматологической молитвѣ (изъ Записокъ Юрія Никитича Бартенева о князѣ А. Н. Голицынѣ). Что это за молитва? „Она состоитъ не болѣе какъ изъ семи словъ, и въ народѣ слыветъ молитвою Іисусовою". Ужъ не просто-ли: Господи Іисусе Сыне Божій помилуй меня грѣшнаго.

Шишковъ въ Запискахъ своихъ называетъ *лягушекъ насѣкомыми*, и забавно, что въ самое то время, когда Императоръ Александръ назначилъ его, по просьбѣ его, послѣ смерти Нартова, президентомъ Россійской Академіи и сказалъ ему, *что со свѣчкою не отыщешь лучшаго человѣка* Это было во время перемирія въ 13-мъ году въ мѣстечкѣ Петерсвальдау, гдѣ Шишковъ, сидя одинъ *со свѣчкою передъ кабинетомъ Государя*, ждалъ, когда позоветъ онъ его, слушая безпрестанное кваканіе лягушекъ.

Какъ при назначеніи своемъ въ Академію, не воспользовался онъ этимъ случаемъ и довѣренностью своею у Государя и современною ненавистью ко всему иноплеменному и иноязычному, чтобы перевести на Славянскій языкъ слово *президентъ* и *Академія*, ибо въ этихъ же Запискахъ говоритъ онъ гдѣ-то „Русскому уху надлежитъ свои звуки любить“ и нападаетъ на слова *литтература* и *патріотизмъ*. Простосердечіе, а часто и простоуміе Шишкова уморительны. Каково было благообразному, благоприличному и во всѣхъ отношеніяхъ державному *джентльмену* подписывать его манифесты. Иногда Государю было уже не въ мочь, и онъ подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ откладывалъ бумагу въ длинный ящикъ. Вчера (7 октября) говоря о томъ съ Императрицею, которая также читаетъ Записки Шишкова съ Государемъ, замѣтилъ я, что Императоръ Александръ, если не по литературному, то врожденному чувству вкуса и приличія никогда не согласился бы подписывать такой сумбуръ, предложенный ему на Французскомъ языкѣ. По малое, поверхностное знакомство съ Русскимъ языкомъ—тогда еще не читалъ онъ Исторіи Карамзина—вовлекали его въ заблужденіе: онъ думалъ, что видно надобно говорить такимъ языкомъ, что иначе нельзя говорить по-Русски, и рѣшался выть по-волчьи съ волками. Подъ чушью словъ не могъ онъ разслушать и чуши ихъ смысла. Однимъ словомъ, онъ походилъ на человѣка, который безсознательно и вслѣдствіе личной довѣренности подписываетъ и осваиваетъ себѣ бумагу, писанную на языкѣ для него чужомъ и совершенно непонятномъ.

При разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ сенатскаго доклада о томъ, могутъ-ли быть членами протестантскихъ консисторій лица другихъ исповѣданій. — „Я думаю, сказалъ Канкринъ, что скоро спросятъ Государственный Совѣтъ: могутъ-ли мужчины быть кормилицами“.

Іюня 26. Пріѣхали въ Москву. Былъ на Введенскихъ горахъ на могилѣ матери, прошелъ по запущенному дворцовому

саду, вечеромъ ходилъ въ Прѣсненскимъ прудамъ, кончилъ день у Салтыковыхъ. Вчера же, т.-е. 25, обѣдалъ у постели княгини Урусовой съ нею и племянницею ея Толею Мещерскою, урожденная Мальцова.

30. Былъ въ Никольскомъ у Голицынныхъ.

Какая была бы радость и честь Василію Львовичу Пушкину, если онъ могъ бы знать, что Шишковъ въ отношеніи къ графу Аракчееву по дѣламъ Академіи цитуетъ его, говоря между прочимъ: „писатели стиховъ, безъ наукъ, безъ свѣдѣній, станутъ вопіять:

Намъ нужны не слова, а нужно просвѣщенье.

(Шишковъ говоритъ: *не нужны намъ слова* и пр.). Они крикомъ своимъ возьмутъ верхъ, и многіе повѣрятъ имъ, что вподлинну можно безъ разумѣнія словъ быть просвѣщенну. Но по разсудку такое *безсловесное* просвѣщеніе прилично только рыбьему, а не человѣческому роду".

Il y avait un juge anglais qui, lorsqu'on venait lui dénoncer un crime, écoutait patiemment le dénonciateur ou le témoin, puis quand il avait fini, lui faisait cette question: et la femme? Quelle femme?—Oui, s'il y a un crime, il doit y avoir une femme pour qui le crime a été commis et qui s'y est trouvée mêlée. И въ самомъ дѣлѣ, упорно повторяя сей вопросъ, доискивался всегда присутствія, или заочнаго вліянія женщины въ совершившемся преступленіи.

Вѣна 10 (22) іюля 1867. Выѣхалъ изъ Царскаго Села 6-го числа. Дорогою въ Варшаву встрѣтился съ молодымъ Тимирязевымъ во Псковѣ, кажется въ Вильнѣ съ Черниговскимъ Голицынымъ. Дорогою сочинилъ я стихи *Петръ Алексѣевичъ*.

Севастополь 5 Августа 1867 г. По славному и святому Русскому кладбищу водилъ насъ генералъ Тотлебенъ. Обѣдалъ въ Херсонскомъ монастырѣ. Оттуда за общими подписями, начиная отъ Великой Княжны Маріи Александровны и Сергѣя Александровича, послали мы поздравительную телеграмму Филарету въ день юбилея его.

6. Обѣдня въ Георгіевскомъ монастырѣ. Объѣздъ у Байдарскихъ воротъ. Вечеромъ въ 9 часовъ возвратились въ Ливадію.

7. Ливадія. Писалъ женѣ съ отчетомъ о поѣздкѣ.

«Ni l'ordre social, ni le gouvernement ne sont assis. Tout s'écroulerait au premier choc. Il est vrai qu'on ne voit pas dans la nature actuelle de main capable de l'imprimer. Mais il n'est pas toujours besoin de marteau contre des édifices mal construits, un coup de vent peut suffire», писалъ Royer Collard къ Токевилю Сент. 1837 года; чрезъ десять лѣтъ съ небольшимъ пабѣжалъ этотъ вѣтеръ.

Говоря о избраніи его въ депутаты, онъ совѣтовалъ Токевилю не спѣшить. Писалъ ему: ne vous ai-je pas dit, que vous appartenez à la providence? Laissez là vous appeler quand votre moment sera venu. Il viendra et peut être trop tôt. La vie du député, aujourd'hui est une vie vulgaire, si même elle n'est pas abrutissante pour le grand nombre. Ce n'est pas là qu'il faut chercher la gloire, il faut l'y apporter. Achevez donc d'abord votre livre; ce sera là un signe providentiel. (Nouvelle correspondance entièrement inédite. Oeuvres complètes d'Alexis Tocqueville, VII. Paris 1866). Возвратившись въ деревню изъ Парижа Рое Коларъ пишетъ къ Tocqueville: «Il y a cependant un repos que j'ai véritablement goûté: celui de me détourner du spectacle que j'avais eu pendant plusieurs mois, d'en vider mes yeux et mon esprit, et de rentrer en moi-même, d'être désoccupé, délivré d'un vain bruit». *Vider mes yeux* счастливое и оригинальное выраженіе. Въ самомъ дѣлѣ, живя въ свѣтѣ должно засорить глаза свои Богъ знаетъ, или здѣсь уже приличнѣе сказать чортъ знаетъ, какою дрянью.

Горамъ вѣщалъ Мадонъ: мой духъ изнемогаетъ;
Виргинію любовь со *Монсона* сопрягаетъ.

(Изъ эклоги Сумарокова: *Виргинія*).

И Новъ-Городъ ужъ старъ, а Новгородъ слыветъ.

(Изъ эпиграммы Сумарокова на *Клавину*, которая и въ старости все еще хотѣла слыть красавицею).

Въ прекрасной быть должна прекрасна и душа.

У Сумарокова рѣдкость встрѣтить подобный стихъ (Притча: *Лисица* и *Статуя*, посвященная Е. В. Херасковой), а всѣ прочіе стихи басни ужасная галиматья.

КНИЖКА 30-я.

(1864—1866).

Мерам 2 Іюня 1864. Mémoires du comte de Senft, ancien ministre de Saxe. 1863. Былъ при первомъ Наполеонѣ посланникомъ въ Парижѣ. „Le marquis D'Osmond, si respectable dans la noble simplicité de sa retraite, où pur de toute souillure, il conserva le droit de dire de l'empereur Napoléon avec tant de verité: „quiconque y touche se salit". Если онъ сказалъ это о первомъ, то что сказалъ бы о третьемъ? А Горчаковъ, кажется, все третъ насъ около его.

Въ одной нашей народной пѣсни сказано:

Въ три ряда слеза катилась,
Я утерлася платкомъ.

Подумать, что у этой красавицы было три глаза.

La question polonaise est le terrain neutre de toutes les déclamations. Aussi voyez comme les déclamateurs, les rhéteurs emphatiques, les faiseurs de phrases de toute couleur, des principes les plus opposés, les Lamartine, les Michelet, les Victor Hugo, les Montalembert, les Favres etc. etc. etc. se précipitent, se ruent, se confondent au tour de cette question. Montalembert dans son article: le Pape et la Pologne (Le Correspondant du 25 Mai 1864) dit, en parlant de l'allocution du pape (du 24 Avril): „en prononcant ces paroles le souverain pontife était sublime à voir. Sa magnifique

voix avait atteint un diapason formidable: (Француза всегда поражаетъ и восхищаетъ театральность) elle tonait. Se soulevant sur son trône, il semblait de son bras étendu lancer une foudre invisible (то-то и дѣло, что invisible и даже impossible), la sainte colère qui le remplissait avait empourpré son front, sous sa couronne de cheveux blancs, et transfiguré ses traits». — Montalembert восхищается словами Туринскаго депутата Brofferio, l'un des adversaires les plus acharnés du Saint-Siège (новое доказательство, что крайности сходятся въ Польскомъ вопросѣ) „quand je vois, говоритъ Брофферіо, un vieillard fatigué, malade, *sans ressources, sans armée*, sur le bord de sa tombe, maudire un potentat parcequ'il égorge un peuple, je me sens ému dans tout mon être". Во-первыхъ, викарію Іисуса Христа не подобаетъ и неприлично проклинать. Этого не могъ не знать Брофферіо, l'un des adversaires les plus acharnés du St.-Siège, но не могъ не знать Монталамберъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ поклонниковъ и защитниковъ Св. Престола; а во-вторыхъ, именно потому, что папа старецъ безъ всякихъ *средствъ* и *войска*, нѣтъ ни малѣйшаго мужества, нѣтъ никакой храбрости въ запальчивомъ порывѣ его безразсуднаго суесловія. Онъ безотвѣтственный издатель всего, что вздумается ему сказать. Никто не станетъ требовать удовлетворенія отъ старухи за оскорбительныя слова. А въ этомъ случаѣ старый папа безъ войскъ — та же старуха. Упорно отстаивая свой pouvoir temporel, онъ этой выходкою только доказалъ, что не умѣетъ признавать за собою обязанностей и условій, которыя царская власть налагаетъ на державныя лица. А Montalembert говоритъ: en plaidant *ainsi* pour la Pologne Pie IX a sans le vouloir et sans y songer peut-être, fourni au monde le plus grand argument en faveur du pouvoir temporel de la papauté.

Одна фраза Монталамбера дѣльно сказана: по поводу Европейскаго вмѣшательства, въ поясненіе дѣла говоритъ онъ: „les ambassadeurs des trois plus grands empires du monde se sont laisses éconduire comme des solliciteurs importuns. *Но умыселъ другой тутъ былъ*; онъ радъ былъ случаю дать мимоходомъ щелчекъ Французскому правительству. Далѣе онъ говоритъ о Польшѣ, son histoire est peut-être la seule au monde où il ne se trouve ni

attentat contre la personne d'un Roi, ni guerre de religion.—А покушеніе на жизнь Станислава Понятовскаго? А религіозные ужасы въ Малороссіи?

„Il y a du sang muet et du sang qui crie. Le sang des champs de bataille est bu en silence par la terre; le sang innocent répandu jaillit en gémissant vers le ciel. Dieu le reçoit et le venge“ (Chateaubriand, Mémoires d'outre-tombe t. 8. p. 201).

Causeries d'un curieux par Feuillet de Conches. Dernières semaines littéraires de Pontmartin. Злыя, но дѣльныя статьи о Victor Hugo, Sainte Beuve. Хорошая статья о Madame Acarie и Madame Swetchine. Causeries du Dimanche par Louis Ulbach, много ума, независимости въ сужденіяхъ (1864). Souvenirs et réflexions politiques d'un journaliste par M-r Saint-Marc Girardin. (1859). Любопытны тутъ сужденія его о Французскихъ возмущеніяхъ въ царствованіе Louis Philippe въ виду нынѣшнихъ сужденій о его Польскомъ возстаніи.

Дѣльная статья: Mirabeau, Louis XVI, Marie Antoinette, которую можно провѣрить съ письмами королевы, нынѣ изданными графомъ Гунольстейномъ.

Одинъ врачъ говорилъ: du moins mon malade est mort guéri. Тьеръ и другіе Французскіе историки также готовы сказать, что Наполеонъ палъ побѣдителемъ.

„... *Замостить* 75 верстъ, не употребляю варварскаго слова *шоссе*“ (*Русскій* № 128).

Варварское или нѣтъ, но все-таки это слово имѣетъ свое опредѣленное значеніе, которое возбуждаетъ и опредѣленное понятіе, а именно: понятіе о дорогѣ, убитой мелкимъ камнемъ и пескомъ. Въ *Академическомъ Словарѣ* переводится оно на слово: *укать*. Подъ словами *мостить* привыкли мы понимать: настилать землю деревомъ или камнемъ. *Мостовая*, *мостъ*, *мостки* ничего не имѣютъ сходнаго съ *шоссе*. Изъ любви къ православію

Русскаго языка не надобно допускать кривотолкъ въ понятіяхъ. Русскій языкъ богатъ сырыми матеріалами, какъ и вообще Русская почва. Отдѣлка, оправа, издѣліе плохо даются намъ. У насъ въ языкѣ крупныя ассигнаціи: въ мелкихъ недостатокъ, потому и вынуждены мы прибѣгать къ иностраннымъ монетамъ. Языкъ нашъ богатъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, но въ другихъ онъ очень бѣденъ. Нашъ языкъ не имѣетъ микроскопическихъ свойствъ. Мы все выѣзжаемъ на слонахъ; а человѣческое сердце есть кунсткамера разныхъ букашекъ, безконечно малыхъ, улетучивающихся эфемеровъ. Тутъ Славянскій языкъ не поможетъ. Онъ въ эти мелочи не пускается. Онъ Илья богатырь: горами вертѣть онъ не прочь, а до субтильностей, до деликатнаго обхожденія онъ не охотникъ. Онъ къ нимъ и неспособенъ.

КНИЖКА 31-я.

(1869—1871).

Кристинъ, Французскій эмигрантъ, былъ домашнимъ человѣкомъ у графа Аркадія Маркова. Не знаю, гдѣ сошлись они, но онъ жилъ въ Парижѣ у графа во время посольства его и навлекъ на Маркова непріятности со стороны Наполеона. Чуть-ли не былъ Кристинъ посаженъ въ тюрьму, за сношенія свои съ Бурбонами, или высланъ изъ Франціи.

Кристинъ (Christin) былъ умный Французъ, что еще не значитъ, чтобы онъ былъ умнымъ человѣкомъ. Хотя приписывали ему вкусы вовсе не женолюбивые, онъ много лѣтъ былъ въ Москвѣ въ связи съ графинею де-Брогліо, урожденною Левашовой. Переписка его съ княжною Туркестановой не лишена интереса, но онъ и она имѣли довольно узкій и часто предубѣжденный взглядъ на событія и лица, а потому и нельзя довѣрять имъ безконтрольно.

М. П. ПОГОДИНУ.

23 Апрѣля 1869. Христосъ Воскресе! Премного благодарю васъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Михаилъ Петровичъ, за ваши воспоминанія о Шевыревѣ. Вы принесли должную дань справедливости и признательности памяти честному и многополезному дѣятелю нашей словесности, которая немного насчитаетъ у себя ему подобныхъ. Такъ вамъ и сдѣлать подобало. Оставимъ Тургеневу превозносить Бѣлинскаго, *идеалиста въ лучшемъ смыслѣ*

слова, какъ онъ говоритъ. Мы же съ вами въ такомъ случаѣ останемся *реалистами* въ смыслѣ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина. Эта статья Тургенева утвердила меня еще болѣе и окончательно въ моемъ предположеніи, что вездѣ, а наипаче на Руси *дарованіе* и умъ не близнецы и часто даже не свойственники и не земляки. У Тургенева, у Толстаго (*Война* и *Миръ*) есть, безъ сомнѣнія, богатое дарованіе, но нѣтъ хозяина въ домѣ. Приверженецъ и поклонникъ Бѣлинскаго въ глазахъ моихъ человѣкъ отпѣтый, и просто сказать пѣтый дуракъ. Если вы что-нибудь о томъ напишете, пришлите мнѣ предварительно и я вложу въ статью вашу свою малую толику. Тургеневъ просто хотѣлъ задобрить современныя предержащія власти журнальныя и литтературныя. Въ статьѣ его есть отсутствіе ума и нравственнаго достоинства. Жаль только, что это напечатано въ *Вѣстникѣ Европы*. Хотя-бы постыдился онъ имени и памяти Карамзина. А между тѣмъ вотъ замѣтки мои на статью вашу о Шевыревѣ. Графа Д. А. Толстаго я вовсе не вижу, да и мало кто видитъ его. Онъ заваленъ работою. Выраженіе *работать* относительно занятій министровъ вошло въ употребленіе, кажется, съ учрежденія министерствъ! Одинъ изъ старичковъ, помнится Бекетовъ, говорилъ: — Да что они тамъ работаютъ? Дрова рубятъ что-ли въ кабинетѣ своемъ. Будьте здоровы и работайте, начните, напримѣръ, съ рубки Бѣлинскаго и Тургенева. Порубите съ плеча и откровенно, не такъ, чтобы овцы были цѣлы и волки сыты. Дѣло должно дѣлать на чистоту. Зачѣмъ вы на себя клеплете (стр. 10), что ваше поколѣніе *воспитано* на стихахъ Ломоносова, Хераскова. Неужели до Пушкина никто изъ васъ не читалъ Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова? Вотъ поколѣніе, изъ котораго прямо вышелъ Пушкинъ. Языкъ стихотворный былъ уже установленъ. Пушкинъ разнообразилъ его, придалъ ему новыя ноты, напѣвы, но не создалъ его. Мнѣ помнится, что чтеніе Бориса Годунова у Вяземскихъ было вечеромъ. Едва-ли еще не предъ тѣмъ Пушкинъ читалъ его у меня во время коронаціи, и положительно въ присутствіи графа Блудова. Все, что вы говорите, или по крайней мѣрѣ многое, о *Телеграфѣ* не совсѣмъ точно. Мысль о *Те-*

леграфъ родилась въ моемъ кабинетѣ. Тогда еще не было рѣчи о *Московскомъ Вѣстникѣ*, а Пушкинъ былъ въ Псковской ссылкѣ, и я крѣпко надѣялся на него для *Телеграфа*.

Стр. 14. Вы говорите: „*Я не употребилъ никакого старанія*, чтобы привлечь князя Вяземскаго и обезпечить участіе его, который перешелъ окончательно къ *Телеграфу*". Позвольте замѣтить, что выраженіе *не употребилъ никакого старанія* не совсѣмъ парламентарно и не литературно. Мы съ вами были тогда еще мало знакомы. О *Московскомъ Вѣстникѣ* мы съ вами никогда не говорили. Но Пушкинъ неоднократно уговаривалъ меня войти съ нимъ въ редакцію. Я всегда отказывался отъ предложеній и увѣщаній Пушкина, на основаніи вышесказаннаго, то-есть участія моего въ существованіи *Телеграфа*. Я не *окончательно* перешелъ къ *Телеграфу*, какъ вы говорите, а первоначально вошелъ въ него. Я былъ въ полномъ смыслѣ крестнымъ отцомъ *Телеграфа*, чуть-ли не родными, и измѣнить крестнику своему не хотѣлъ и не могъ. Слова ваши *обезпечить участіе* могутъ дать понятіе, что я будто торговался съ вами, что мы съ вами не сошлись въ цѣнѣ и пр. пр. Все это какъ вы сами знаете на дѣло не похоже. Съ моей стороны дѣло шло не объ *обезпеченіи*, про которое я не думалъ. Я просто хотѣлъ оставаться вѣренъ данному обѣщанію, и вѣроятно хотѣлось мнѣ быть полнымъ хозяиномъ въ журналѣ, что нѣкоторое время и было, тогда какъ въ *Московскомъ Вѣстникѣ* былъ бы я только сотрудникомъ, хотя Пушкинъ предлагалъ мнѣ принять участіе въ изданіи именно на тѣхъ же самыхъ *денежныхъ условіяхъ* какъ и онъ. Можетъ быть все это дѣлалъ онъ мимо васъ, но оно было такъ и буквально такъ. Тогда я былъ молодъ и богаче и о деньгахъ не думалъ, особенно въ дѣлѣ литературномъ. Мало думалъ и послѣ во всю свою *шестидесятилѣтнюю* литературную дѣятельность. Стр. 16. Съ Булгаринымъ, говорите вы, былъ въ союзѣ Полевой *Телеграфъ*. При мнѣ этого союза не было. Я постоянно и всячески щелкалъ Булгарина *Сѣверную Пчелу* подъ именемъ *Журналѣнаго Сыщика* и въ другихъ своихъ статьяхъ. По *Телеграфу* нажилъ я на себя нѣсколько доносовъ правительству, и вѣроятно именно отъ редакціи *Сѣверной Пчелы*.

Эти доносы навлекли на меня много непріятностей и имѣли значительное вліяніе на мою участь и на мои отношенія къ правительству. Надѣюсь, что при новомъ изданіи вашей статьи, вы примете мои замѣчанія въ соображеніе и *ректифируете* (какъ вы скажете это по-Русски?) обмолвки и невѣрности, которыя вкрались въ вашъ разсказъ и такимъ образомъ избавите меня отъ труда и непріятности вступить въ собственноручное и автобіографическое возраженіе.

ИЗЪ ПИСЬМА КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ОБОЛЕНСКАГО КЪ ЖЕНѢ.

„Между прочими г. Бенигсенъ, проѣзжая изъ Порхова въ Вильну, обѣдалъ у меня и весьма былъ интересенъ, говоря о настоящей кампаніи, обвинялъ Кутузова, что по трусости три раза упустилъ Бонапарта, три раза могъ пересѣчь ему дорогу и не смѣлъ на то рѣшиться. Впрочемъ, они въ ссорѣ и Бенигсенъ просилъ Государя уволить его на нѣкоторое время. Я почти ему разсмѣялся въ глаза, когда, разсказывая свои претензіи на фельдмаршала, онъ прибавилъ, что теперь въ немъ почитаетъ главнокомандующаго, но, что послѣ войны онъ не посмотритъ на его фельдмаршальство. Бенигсенъ раздѣлается съ Кутузовымъ; одному было 75 лѣтъ, а другому 80. Бенигсенъ особенно обижался тѣмъ, что Кутузовъ позволялъ себѣ, хотя за глазами, непріятныя на счетъ его шутки, называя его, напримѣръ, attaqueir des soldats en papier maché, основываясь на томъ, что въ предъидущую кампанію Французы дѣйствительно подъ Гутштадтомъ надѣлали фальшивыя батареи съ деревянными пушками и картонными солдатами и Бенигсенъ атаковалъ ихъ. Еще сказывалъ мнѣ Бенигсенъ, что онъ пишетъ исторію подъ заглавіемъ Correspondance militaire, politique et historique; три тома напечатаны въ Россіи, а еще три тома посланы въ Англію, въ двухъ послѣднихъ онъ пишетъ о кампаніи 1812 г. и посвящаетъ ихъ Кутузову".

Гдѣ же эти три тома? Не говорилъ-ли онъ, что намѣревается печатать? Я слыхалъ, что послѣ смерти Бенигсона правительство купило у вдовы его рукописные матеріалы.

Ильинское, Іюль 1869.

Выѣхалъ изъ Царскаго Села 5-го числа. Въ Петербургѣ прождалъ до $2^1/_2$, отправился по желѣзной дорогѣ въ Москву. 6. Остановился въ Кремлевскомъ Дворцѣ. Отдыхалъ часа два. Былъ у князя Долгорукаго генералъ-губернатора, Лажечниковой, князя Одоевскаго, Соболевскаго, отъ него узналъ, что въ Москвѣ Смирнова. Къ ней поѣхалъ. Постарѣла, посѣдѣла, почернѣла, пожелтѣла, поюжнѣла, полнмонѣла, но кажется сохранила всю свою умственную живость и бойкость. Кажется не вдастся въ *Окраины*, хотя любитъ Самарина.

«Je me cherche et ne me trouve plus. Je ne m'oppose à rien, je *consens à tout*: qu'on fasse du cadavre ce qu'on voudra!» (Изъ письма Lamennais 1815 г). Cadavre-то я cadavre, но не могу сказать, что на все соглашаюсь. При истощеніи всякой положительной силы и воли, имѣю еще волю и силу отрицательныя. Я совершенно обезоруженъ для дѣйствія: но еще достаточно вооруженъ для противодѣйствія пассивнаго (слово *страдательное* какъ-то худо выражаетъ это понятіе). Не умѣю сказать: *да*, а еще чисто выговариваю: *нѣтъ*. Все это умножаетъ мои страданія и дѣлаетъ мое положеніе безвыходнымъ.

Октябрь 1871.

Фенелонъ въ Академіи по поводу составленія Французскаго Словаря сказалъ: „Je voudrais autoriser tout terme qui nous manque et qui a un son doux sans danger d'équivoque. J'entends dire que les Anglais ne se refusent aucun des mots qui leur sont commodes: ils les prennent partout où ils les trouvent chez leurs voisins. De telles usurpations sont permises". Sainte-Beuve, приведя эти слова, замѣчаетъ: „Fénélon si délicat, n'était pas *re-*

tite bouche". Слова Фенелона, въ нѣкоторомъ отношеніи и въ нѣкоторой мѣрѣ идутъ и къ намъ. Разумѣется не надо злоупотреблять этими заимствованіями и завоеваніями у сосѣдовъ: но на нѣтъ и суда нѣтъ. Лучше измѣнить чистотѣ языка своего, нежели измѣнить мысли своей и, ради страха Шишкова и Даля, не сказать, не выразить того, что хочешь выразить, или ослабить мысль свою какимъ-нибудь приблизительнымъ къ ней словомъ. Нынѣ писатели наши пестрятъ языкъ свой ненужными заплатами; но это отъ того, что они плохо знаютъ и свой и Французскій языкъ. Русскій языкъ, нечего сказать, бѣденъ, особенно оттѣнками мысли и чувства, а Французскій языкъ особенно ими богатъ. Мы богаты составными словами, но это богатство не есть капитальное для языка. Напримѣръ, что за выгода, что мы можемъ сказать: *злословіе* и *злорѣчіе*, *злотворство* и *злодѣйство*, *злодѣяніе* — *зловоніе*, довольно и одного слова *вонь*. Словари наши полны подобными нашествами. Надобно-бы когда-нибудь перебрать Русскій Словарь и очистить его отъ этихъ наростовъ, суррогатовъ, отъ этой цикоріи на мѣсто кофе, отъ всѣхъ иностранныхъ словъ,—и увидѣли-бы, какъ похудѣлъ Словарь.

КНИЖКА 32-я и послѣдняя.

(1874—1877).

Изъ писемъ Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны къ Baronne d'Oberkirch, née de Waldner-Strasbourg. Эти собственноручныя письма принадлежатъ родственнику ея, нынѣ Французскому генеральному консулу во Франкфуртѣ. Гомбургъ, 1874.

Mon cher mari (qui est l'homme du monde le plus adorable) vous fait ses compliments. Ce $^{7}/_{19}$ mars 1778.

Je mène un train de vie depuis que je suis à la campagne incomparable. Je me couche à 10 h., je me lève à 5, et cela un jour comme l'autre, et je trouve cela délicieux, d'autant plus que c'est un souverain plaisir pour mon cher petit mari qui vous fait bien ses compliments.

Павелъ Петровичъ еще не зналъ ея. Письмо подписано: „Votre bien tendre et fidèle amie Marie. Czarskoeselo. Ce 30 mai (10 juin). Есть письма до замужества Великой Княгини 1775, изъ Étupes. Есть фразы на Итальянскомъ языкѣ и на Нѣмецкомъ. Въ концѣ одного коротенькаго письма: „C'est la 24 ou 25 lettre que j'écris, je n'en puis plus. Adieu, du allerliebste *Lanc*",—сокращенное имя баронессы. — Въ другомъ письмѣ изъ Царскаго Села 1778, говоря объ отъѣздѣ Bonen, кажется такъ, — она пишетъ: „il vous apportera une longue lettre de moi, dans laquelle je vous parlerai plus ouvertement que je n'ose le faire, crainte que mes lettres ne soient ouvertes".

Первыя письма Принцессы Доротеи, впослѣдствіи Великой Княгини, а позднѣе Императрицы Маріи Ѳеодоровны, къ прія-

тельницѣ ея, еще не вышедшей замужъ, такъ надписаны на оборотной страницѣ почтоваго листа:

A Madame
Madame la Baronne de Waldner
Chanoinesse du très illustre chapitre d'Herworden à Schweighausen
par Cerney
Почтовый штемпель.

Montbéliard.

Монтбліардъ перешелъ во владѣніе герцога Виртембергскаго. Вотъ какъ Принцесса Dorothée подписывала письма свои къ пріятельницѣ:

„Votre à jamais bien tendre et fidèle amie et très humble servante Dorothée princesse de Würtemberg". Pawlowsk—кажется 1794.

„Le malheur affreux, arrivé à la charmante duchesse des Deux-Ponts, m'a si cruellement frappé que je suis hors des gonds à la moindre incommodité de mes enfants. J'ai sevré ma petite pendant notre séjour de Gatchina, et grâce à Dieu, elle n'en a pas été malade: elle court et prononce quelques mots, enfin elle est gentille au possible et jolie comme un ange: aussi mon mari l'idolâtre (которая эта Великая Княжна— справиться) et j'en fais de même, enfin en un mot c'est l'enfant gâté. Nous allons tous en Ville demain pour la fête de mon mari et celle de l'Impératrice (?) Mon bon et cher mari te baise les mains.

Ta tendre et fidèle amie Marie

«Je ne suis jamais plus heureuse que lorsque je sais mes amis contents.

Pawlolskoe. 13 (24) Mai 1786.

„J'ai grâce à Dieu les meilleures nouvelles à vous donner de la santé de mon cher petit ange, demandez à Borch (?) comme il le trouve, il vous dira qu'il est à gober, car il est joli et d'une gaieté étonnante et rempli d'intelligence. Je vous avouerai, chère amie, que je l'aime et le chéris au delà de toute expression, et que lorsque je l'ai dans mes bras, il me semble que mon ame va s'envoler et qu'il n'y a pas de plus grand bonheur que celui d'être mère. Vous

le sentez tout aussi bien que moi, mon cher coeur, et votre petite Marie vous fait passer des moments tout aussi heureux, que je passe avec mon cher Alexandre. Je me suis promenée hier avec lui; mon adorable mari me donnait le bras et je tenais entre mes mains la jolie menotte de mon cher enfant. Ah, ma chère amie, que j'étais heureuse, je sentais mon coeur se partager entre le père et le fils, sans savoir à qui donner la préférence. 12 (23) Mai 1778.

Какая милая и умилительная картина семейнаго счастья. Какое святое и тихое утро послѣ такого бурнаго дня. Чистая и любящая душа Маріи Ѳеодоровны прозрачно отражается въ этихъ строкахъ.

St. Pétersbourg 30 Décemb. (10 Janvier) кажется 1784.

Ma chère Lancle je finis cette année comme je l'ai commencée par vous chérir et par vous le répéter. Le souvenir du voyage que nous avons fait ensemble, fait encore mon bonheur.

St. Pétersbourg 18 Nov. 1783.

Je mets à tes pieds une lettre de ton amant (разумѣется шуткою—должно быть какого-то Laférierre, человѣка близкаго Ихъ Высочествамъ, о которомъ часто упоминается въ перепискѣ, и всегда въ шутливомъ тонѣ) qui brûle de l'amour le plus tendre et le plus chaste, mais le dernier est en dépit de lui même, car il a bien des désirs, et quand il commence à faire l'énumération de toutes tes beautés visibles et cachées, son teint s'anime, ses yeux lui sortent de la tête, et il fait baisser les yeux à tous les assistants, étonnés d'un changement si subit. J'aurais bien envie de t'en dire plus, mais les maitres de postes sont du genre masculin, par conséquent il faut que je me taise, comme dit la chanson de Marlborough.

J'en viens à un sujet plus sérieux et je te dirai que mes enfants sont jolis comme des coeurs. Ma petite est charmante (которая изъ дочерей?) et me rend parfaitement heureuse, je pardonne à toutes les mères d'aimer les filles, car je sens que j'aime la mienne par prédilection, aussi je tâcherai d'en faire un petit être accompli.

Замѣчательно, что любовь ея къ дочери не увлекается ба-

ловствомъ, а желаніемъ усовершенствовать ее умственно и нравственно.

Письма писаны вообще довольно правильнымъ Французскимъ языкомъ, а иногда даже и щеголеватымъ и изящнымъ, но коегдѣ встрѣчаются странныя ореографическія ошибки, напримѣръ: *à cette heure* пишетъ она *acteur*, по крайней мѣрѣ такъ разобралъ я. Почеркъ въ этихъ письмахъ довольно четокъ, но они отъ времени поветшали и съ трудомъ можно иное разобрать. Впрочемъ въ почеркѣ того времени хранятся многіе признаки позднѣйшаго, который сдѣлался почти неразборчивъ: такъ мелки и сжаты буквы.

Reinsberg ce 9 Août 1776. J'espère, mon ange, que vous avez reçu ma lettre dans laquelle je vous notifie mon futur mariage avec le Grand Duc.

Mon cher Grand Duc est parti hier matin et je le suis lundi douze de ce mois, jour bien triste pour moi; mes adorables parents m'accompagnent jusqu'à Memel et à cet endroit, il me faudra me séparer d'eux, Dieu sait pour combien de temps. Ah, ma chère amie, vous connaissez mon coeur, ainsi jugez de sa sensibilité en pensant à cette cruelle séparation. J'ai dit au Grand Duc le désir que vous aviez qu'il fût parrain de votre cher petit-fils et il l'accepte avec le plus grand plaisir du monde.

Adieu, chère amie, voici la dernière lettre que vous recevrez de moi de ma chère patrie. Écrivez moi et adressez moi toutes mes lettres à Pétersbourg mais toutes sous l'enveloppe du Grand Duc.

P. S. Je ne puis finir sans vous dire que le Grand Duc est un prince adorable, qu'il m'aime au delà de toute imagination et que mon coeur lui rend la pareille.

Étupes 1776. Maman vous embrasse bien tendrement, malgré qu'elle soit fâchée contre son cher enfant, qui la néglige beaucoup depuis qu'elle est mariée. Ah, ma chère amie, le monde vous a gâtée, l'état ecclésiastique vous convenait mieux. La charmante petite chanoinesse écrivait souvent à ses amis, au lieu que l'aimable Madame d'Oberkirch les néglige. Que dites vous ma charmante amie de la mort de la Grande-Duchesse: je connais votre coeur, je suis donc sûre qu'elle vous aura fait grande peine (первой супруги

Павла Петровича) elle m'en a fait beaucoup. C'est une bien grande perte pour toute la maison de Darmstadt. Vous ne sauriez vous imaginer la fermeté que cette grande femme a fait paraître dans ces derniers moments. Elle a tâché de consoler l'Impératrice et le Grand Duc, qui tous deux en sont tombés malades de chagrin, mais cela va mieux présentement. La princesse de Prusse, de même que le prince héréditaire, en ont été bien vivement affectés. Je le répète, c'est une grande perte pour toute cette famille.

Могла-ли Принцесса Доротея, такъ живо оплакивающая Великую Княгиню, угадать, что вскорѣ придется ей замѣнить ее при Русскомъ дворѣ. Великій Князь былъ точно безутѣшенъ по кончинѣ супруги своей. Но Императрица рѣшилась *утѣшить его*,—какъ разсказывалъ при мнѣ графъ Ростопчинъ—тѣмъ, что показала ему любовную переписку покойницы съ графомъ Андреемъ Кирилловичемъ Разумовскимъ. Этотъ романъ кажется завязался еще въ дорогѣ, когда Принцесса ѣхала невѣстою въ Петербургъ. На это есть намеки въ перепискѣ Екатерины съ барономъ Черкасовымъ (кажется такъ, дѣдомъ барона Бюлера), который ѣздилъ на встрѣчу Принцессы. Графъ Андрей Разумовскій, впослѣдствіи князь, былъ въ молодости очень красивый мужчина и великій *сердцеѣдъ* (mangeur de coeurs), особенно сердецъ царицыной породы. Когда онъ былъ назначенъ посломъ къ Неапольскому двору, славному въ то время красотою знаменитой королевы, онъ послѣ перваго представленія ей распустилъ по городу слухъ, что онъ не признаетъ королеву такою красавицею, каковою слыветъ она. Это, разумѣется, до нее дошло и задрало за живое, то-есть за женское самолюбіе. Она начала ухаживать за нимъ, и чрезъ нѣсколько дней сдѣлался онъ любовникомъ ея. Онъ былъ очень гордъ; Ростопчинъ разсказывалъ, что однажды, во время придворнаго спектакля, Павелъ Петровичъ подзываетъ его и говоритъ ему: скажу тебѣ неожиданную новость; Разумовскій сегодня, не дождавшись поклона моего, первый поклонился мнѣ. Я познакомился съ Разумовскимъ въ проѣздъ мой чрезъ Вѣну въ 1835 году. Онъ былъ тогда уже очень старъ, но прекрасной и благородной старости. Онъ показался мнѣ очень привѣтливъ и простого и добродушнаго обхожденія. Онъ говорилъ

мнѣ, что я долженъ обратить вниманіе на Прагу, которая очень напомнитъ мнѣ Москву. Но въ этотъ разъ я проѣхалъ Прагу почью и не могъ остановиться въ ней, потому что ѣхалъ курьеромъ изъ Рима въ Петербургъ.

Говоря о дѣтяхъ своихъ Александрѣ и Константинѣ, прибавляетъ она: je les aime tous deux également, et celui que je vois le dernier est celui qui m'est le plus cher, le Grand Duc joue avec eux autant que moi, et c'est à qui mieux mieux les amusera. Cet adorable mari me charge de vous faire ses compliments.—Après demain lundi nous quittons la campagne pour retourner en ville. Je dirai adieu à mon cher Pawlowsk pour près de huit mois. Vous ne sauriez croire combien ma campagne est devenue charmante.

Sept heures du matin à Pawlowsk, ce 22 Août (2 Septembre) 1780.

Еще въ началѣ переписки пишетъ она: j'écris comme un chat — не совсѣмъ, но признаться почеркъ некрасивый, впрочемъ, по времени, довольно правильный. Каллиграфія тогда не входила въ кругъ воспитанія, особенно въ высшихъ сферахъ. Старые автографы высочайшихъ и знаменитыхъ лицъ служатъ тому доказательствомъ. Чистописаніе было вывѣскою низшаго разряда, бухгалтеровъ, служебныхъ писцовъ.

Какая-то дѣвица *Тило* или *Tilée*, близкая г-жѣ Оберкирхъ и Маріи Ѳеодоровнѣ, кажется вышла замужъ за Бенкендорфа? (Справиться).

Nous nous aimons toujours comme Philémon et Baucis, ce qui contribue beaucoup à l'agrément mutuel de notre situation: le bon et cher Grand Duc te dit mille belles choses; chaque jour augmente mon bonheur de côté et c'est avec la plus vive reconnaissance vis-à-vis de cet être suprême que je puis me nommer la plus heureuse des femmes. Это письмо должно быть изъ числа писанныхъ въ концѣ или въ срединѣ 1780-хъ годовъ—на письмѣ выставленный годъ трудно разобрать, потому, что говоря о дѣтяхъ своихъ, пишетъ она: mes fils sont si grands que dans quelques années ils auront dépassé mon mari. Tout cela nous rend bien vieille, ma chère amie, mais les causes m'en sont si chères que je n'en suis pas fâchée.

До сего времени не нашелъ я въ письмахъ никакого на-

мена на натянутыя и довольно непріятныя отношенія сына къ Императрицѣ, падающія, безъ сомнѣнія, частію и на Великую Княгиню. Но она, не смотря на нѣжную дружбу ея къ г-жѣ Оберкирхъ, вѣроятно, почитала бы нравственною обязанностью не выносить сора изъ семейства, тѣмъ болѣе письменно.

Читаю эти письма не по хронологическому порядку, а какъ разбросаны они въ пачкѣ, въ которой хранятся.

Ce 7 (18) Nov. 1777. Je compte faire mes couches à la mi-décembre (не многимъ ошиблась: Александръ родился 12-го декабря). Le plus adorable, le plus divin, le plus chéri des maris vous fait ses compliments.

St. Pétersbourg 25 Octobre (5 Novembre) 1785.

Извиненія, что давно не писала и объясненіе молчанію. En été nous sommes si souvent sur les grands chemins qu'à peine j'ai le loisir d'écrire à mes parents, et en hiver je donne tout mon temps à mes deux petites, j'apprends les lettres à Alexandrine, qui est toute la matinée chez moi, mes fils font tapage l'après dîner, ajoutez à cela le petit soin de ses affaires (вѣроятно домашне-хозяйственныя) et un peu de lecture, la correspondance de devoir et vous m'avouerez que je ne saurai guère faire (далѣе строка стерлась). Et puis quand nous sommes ensemble, mon mari et moi, je trouve trop de plaisir à sa conversation, et au bonheur d'être avec lui pour pouvoir m'occuper alors d'autre chose. (Прелестная домовитая картина—tableau d'intérieur, а въ особенности когда вспомнишь, что она списана съ натуры и еще натуры дворцовой. Что скажутъ на это наши плебейскіе цензора, указывающіе на суетность и пустоту высшихъ общественныхъ слоевъ). Въ томъ же письмѣ тоже характеристическія мелочи: Je te prie, chère Lanele, de me marquer si la vendange a été bonne, si les tonneaux sont remplis et si l'économie va bien. Quant à celle de Tille et à la mienne, elle ne va pas bien du côté de nos bourses (въ изданныхъ перепискахъ видно, что Ихъ Высочества жаловались на свое скудное содержаніе, а Императрица выговаривала имъ за излишніе расходы и безпорядокъ). Elle va fort bien dans l'augmentation de notre famille, car s'il plait à Dieu, à la fin d'Avril, ou au commencement de Mai,

nous aurons chacune un bambin. Dieu veuille que ce soit du sexe masculin; j'avoue que je le désire infiniment, sans oser m'en permettre l'espérance. Ma santé est assez bonne, mais j'avoue que je désire bien me reposer ensuite, car trois enfants dans deux années et demi, c'est trop fort.

St. Pétersbourg 1787—кажется такъ.

Tout le bien que M-r de *Vérac* (такъ ли? разобрать трудно) vous a dit de moi me flatte beaucoup, et me donnerait de l'amour propre, si je ne savais pas qu'une fausse louange est un blâme secret (очень тонкое и разсудительное замѣчание).

31 Mars (11 Avril). Ton amant se porte à désespérer tout le monde, nous toussons, nous éternuons à nous désespérer et lui seul garde son embonpoint, et sa physionomie rayonnante. J'ai pris une taille de nymphe depuis mes couches, ayant incroyablement maigri, j'ai moins d'embonpoint *acteur* que lorsque j'étais demoiselle. Mes couches ont été si rudes cette fois qu'une nouvelle récidive me ferait grande peur, si elle arrivait bientôt. Ma petite se porte à charme, et se fait très jolie, si elle continue de même, on pourra la nommer à juste titre la belle Hélène.

Изъ первыхъ писемъ видно, что часто Принцесса, по порученію матери, писала пріятельницѣ своей о высылкѣ сѣмянъ и растеній. Вкусъ Маріи Ѳеодоровны къ цвѣтамъ и садоводству могъ быть и врожденный, но былъ и наслѣдственный и питался въ ней воспоминаніями и любовью къ своей прежней семейной жизни.

Étupes, ce 23 Juillet 1775.

Comme vous avez le coeur si patriotique, je dois vous féliciter, mon ange, de l'avènement de Monsieur Malesherbes—(оторвавшіяся слова) qui, comme vous saurez sans doute a remplacé le duc—(тоже недостаетъ слова) Vrillière qui a une pension de 60,000 livres. Toute la France applaudit à ce choix, à ce que l'on dit, ainsi vous, mon coeur, vous qui devez être et qui êtes si zélée Française, vous devez être pénétrée de la plus vive et de la plus sincère joie. Je vous rends grâce de la bonté que vous avez eue de m'envoyer cette épître de M-r. de Voltaire à Henri IV. Comme je

la trouve fort belle, je désirerais bien en avoir la suite, car il est impossible qu'elle puisse finir par ces deux vers:

Si du sein des bosquets du tranquille Elysée,
Il est permis d'entendre et d'excuser nos vœux
Je la connaissais déjà, mais vous savez bien —
Mon ange, que j'aime à augmenter mon recueil.

Montbéliard, 22 Mars 1778.

Nous avons depuis une huitaine de jours le plus beau temps du monde, aussi mes adorables parents vont tous les jours à Étupes et j'ai l'honneur de les y accompagner. Nous gagnons notre souper à la sueur de notre visage car on emploie l'après dîner à bêcher et à remuer la terre, à planter des arbres et arbrisseaux.

Изъ Петербурга: qu'y a-t-il de nouveau dans votre grande ville? (вѣроятно Страсбургъ) chez nous ici tout est de même, on fera demain ce qu'on fait aujourd'hui.

Письмо къ г-жѣ Оберкирхъ — извѣстной по перепискѣ и неизвѣстной Tille, — вѣроятно собственное или сокращенное имя:

Benckendorff étant arrivé avant hier avec la nouvelle de la prise de Kilia, il a eu le bonheur de s'y distinguer, et Sa Majesté Impériale l'a gratifié de l'ordre de S-te Anne dont Monseigneur le Grand Duc l'a décoré. Tout cela est bien fait pour augmenter le plaisir que j'ai de revoir ce cher mari que j'aime à si juste titre.

Le temps se gâte et chacun est assis à la cheminée un livre à la main à philosopher, à penser à ses amis, à désirer de les revoir: ma pensée favorite est la dernière, et que ne donnerais-je pas pour tenir dans mes bras, vous serrer contre mon coeur et vous amuser de vive voix, chère Lanele que je vous aime tendrement et que je suis pour la vie,

chère amie
votre sincère et fidèle amie
Marie.

Начало этого письма не отыскалось.

Péterhof 8—19 Juillet—1777: que je vous envie le bonheur que vous avez d'être chez mes chers parents: Ah! de grâce, parlez leur souvent de moi.

Montbéllard, ce1 30 Mars 1776.

Извиняется что давно не писала: Apprenez donc, ou souffrez du moins que je vous répète, ce que le prince vous aura dit lui même, que par les ordres et sous les auspices de mes adorables parents, j'ai été promise mercredi passé 27 à Étupes au prince héréditaire de Darmstadt, qui, par parenthèse, vous respecte beaucoup.—Слова *par les ordres* и вообще въ объявленіи о помолвкѣ не звучитъ ни одной сердечной ноты.—Въ другомъ письмѣ, вѣроятно вслѣдъ за первымъ, вотъ что говоритъ она при поздравленіи по поводу свадьбы пріятельницы своей: Je vous rends bien des grâces, ma charmante amie, de l'intérêt que vous voulez prendre à mon sort. Je suis sûre que vous faites des voeux pour me voir heureuse: j'ose espérer d'avoir ce bonheur, si l'on peut encore en avoir, lorsqu'on est séparé des parents qu'on adore. Mes adorables parents m'en assurent, et qui plus est le prince est aimé universellement, et ordinairement, on dit que la voix publique est la voix de Dieu. Une grande satisfaction pour moi est que les noces ne se feront qu'en deux ans, et je regarde ces couples d'années que je passerai encore dans la maison paternelle comme les plus heureuses de ma vie. И здѣсь не слыхать сердечнаго голоса. Молодая дѣвица, какъ ни будь она благоразумна, какъ ни будь она нѣжно привязана къ родителямъ своимъ, не будетъ обрадована отсрочкою на два года счастія своего, если она любила бы обрученнаго своего, особенно-же дѣвица, одаренная какъ Принцесса Доротея, сердцемъ любящимъ, впечатлительнымъ, свѣжимъ, откровеннымъ.

Видно, что средства и удобства жизни въ ихъ области были не очень многообразны. Принцесса часто проситъ пріятельницу свою, которая по временамъ проживала въ Страсбургѣ, высылать ей различныя бездѣлки: снурки, перчатки, башмаки, и все это въ весьма экономическомъ объемѣ. Въ одномъ письмѣ 1776 года, послѣ многихъ нѣжныхъ объясненій и дружескихъ клятвъ, заключаетъ она: mes souliers, mes souliers!

Въ это время имя Вольтера и любопытство знать все что онъ пишетъ и дѣлаетъ проникали во всѣ углы Европы. Принцесса Доротея, едва ли тогда совершеннолѣтняя, была также

увлечена общимъ потокомъ. Вотъ что пишетъ она изъ Étapes пріятельницѣ своей въ 1775 г. Il y a eu dernièrement un trait dans la gazette des plus singulières, qu'il faut que je vous rapporte, chère amie. L'ennemi mortel de Voltaire, savoir Fréron a fait imprimer la Henriade avec les commentaires de la Beaumelle (autre terrible adversaire du philosophe de Ferney)—общепринятое тогда наименованіе—et qui plus est, il y a fait mettre la taille-douce de Voltaire; d'un côté la sienne et de l'autre celle de la Beaumelle. Ceci a tant irrité le grand philosophe, qu'on dit, qu'il veut intenter un procès à Fréron, ne pouvant plus s'en prendre à la Beaumelle, qui est mort et enterré.

Въ одномъ письмѣ изъ Монбельяра 1775 г. говоритъ она: j'espère que vous avez reçu la mienne (lettre), en allemand, en français, en italien et en latin.

Фридрихсгафенъ 17 (29) Августа 1875 г.

Пріѣхалъ сюда 14 (26) въ 11-мъ часу вечера. Живу на дачѣ, бывшей Таубенгейма, нынѣ королевской. Прекрасное помѣщеніе, садъ, видъ на озеро. Полная прислуга королевская ожидала меня. Я сказалъ Королевѣ: que j'avais été reçu et logé, non comme un prince Wiasemski, mais en prince de Wiazma. Вчера обѣдала здѣсь Императрица Евгенія съ сыномъ и Принцессою Матильдою. Je suis tombé en plein empire et en pleine histoire ancienne. Императрица очень привѣтлива. Мы съ нею даже говорили о хлоралѣ, о стихахъ моихъ, про которые меня разспрашивала, о моемъ худомъ почеркѣ и о неумѣніи моемъ писать металлическимъ перомъ. Она рекомендовала мнѣ какія-то перья новаго изобрѣтенія, но, къ сожалѣнію, забылъ прозваніе ихъ. Королева обѣщала послѣ спросить у нея. Прощаясь, Императрица мнѣ сказала qu'elle espérait me revoir. Она проводитъ лѣто въ замкѣ на берегу озера. Жена мнѣ телеграфируетъ: *ne vlubisse.* Отвѣчалъ: pas amour, mais grande sympathie. Вчера съ Баратынской ѣздили къ Маріи Максимиліановнѣ. Не застали. Вечеромъ играли въ secrétaire. На вопросъ: êtes vous cigale, ou fourmi? Отвѣчалъ: je suis la bise. На мой вопросъ: que dites vous de

l'événement de la journée—то-есть пріѣздъ Императрицы, кажется Королева отвѣчала: que la roue de la fortune tourne toujours. Разумѣется, Императрицы уже не было. Она скоро, послѣ обѣда, уѣхала на королевскомъ пароходѣ. Послѣ secrétaire читалъ я изъ книги о Нелединскомъ: письма Маріи Ѳеодоровны и Екатерины Павловны.

Régiment de hussards de Moscou *du comte Soltykow* — даны ему новые штандарты (Journal de St.-Pétersbourg mercredi 25 Août). Несправедливость оскорбительная для памяти графа Мамонова. Въ 1812 году онъ болѣе сдѣлалъ нежели Солтыковъ. Былъ казацкій Мамоновскій полкъ, составленный собственно деньгами, крестьянами и средствами Мамонова. Солтыковскаго полка, кажется, въ цѣлости не было. Нужно будетъ хорошо справиться и протестовать мнѣ ветерану 12-го года, вѣроятно, единственному въ живыхъ *полчанину* Мамоновскаго полка.

Понедѣльникъ 18 (30). Сегодня, въ 11-мъ часу утра, я еще не былъ одѣтъ, мнѣ сказываютъ, что Королева пришла и ожидаетъ меня въ гостиной. На скорую руку, и на скорую ногу, кое-какъ одѣлся и вышелъ къ ней. Она была съ Великою Княжною Вѣрою Константиновною. Непремѣнно хотѣла, чтобы я пилъ чай при ней, и сама пила. Пробыла около часа. Разговоръ историческій, анекдотическій: Императоръ Павелъ, Александръ, Николай, Марія Ѳеодоровна, Королева Виртембергская Екатерина.

19 (31). Вчера поздно вечеромъ пріѣхала Великая Княгиня Александра Іосифовна. Два мѣсяца провела въ Парижѣ и не была, какъ сказала мнѣ, ни разу ни въ одномъ театрѣ, ни въ одномъ магазинѣ. Здоровье ея поправилось и она все еще красавица.

Послалъ маркизъ д'Ейу въ Лондонъ Англійскій билетъ въ пять фунтовъ стерлинговъ, для внесенія въ подписку, собираемую для сооруженія памятника Байрону. 9 (21) Сентября 1875.

Голосъ 1875, 3 (15) Декабря № 334.

Передовая статья въ защиту консульской комиссіи, находящейся въ Мостарѣ для изслѣдованія безпокойствъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Кто-то сравнилъ и гдѣ-то комиссію эту съ древне-греческими Аргонавтами. Опроверженіе такого сравненія, между прочимъ и потому, „что въ ней (т. е. комиссіи) не было предсѣдателя—Язона". Далѣе: „такое остроуміе (т. е. по поводу сравненія) было бы пожалуй, кстати, еслибы какая нибудь комиссія предприняла поѣздку, чтобъ собирать на мѣстѣ, *путемъ іезуитскихъ допросовъ* и пр." Въ статьѣ нѣсколько разъ возвращаются къ несчастнымъ іезуитамъ. Стало быть, *Язонъ* еще гораздо ранѣе Игнатія Лойоллы былъ уже іезуитъ.

КОРОЛЕВѢ ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ.

Madame.

C'est à genoux que je dois commencer ma lettre. Ma génuflexion devant V. M. à Friedrichshafen en était un mouvement de surprise et de gratitude, aujourd'hui ma génuflexion est un témoignage de remords et de repentir. Depuis mon retour je portais en mon coeur une lettre empreinte de douces émotions et de reconnaissance: je n'avais qu'à la mettre sur le papier et à la poste. Je disais dans cette lettre inédite, mais authentique, que j'étais profondement et vivement touché de toutes les bontés dont Vous, Madame, et S. M. le Roi avaient daignées me combler durant tout mon séjour sous Votre toit hospitalier et combien je saurais en garder à jamais le précieux souvenir. Mais le démon de la métromanie сѣдина въ бороду а бѣсъ въ ребро m'empêche jusqu'à aujourd'hui de suivre l'impulsion spontanée de mon coeur. La rencontre inattendue que j'ai faite à Votre cour m'avait déjà inspirée à Friedrichshafen quel-

ques-strophes. Je les ai retouchées à mon retour et de strophe en strophe, j'ai produit une poésie assez longue, et, peut être, trop longue.

Je tenais à la porter à la connaissance de V. M. avec la lettre que je n'avais qu'à écrire sous la dictée de mon coeur. Voici, Madame, l'histoire et les causes atténuantes ou aggravantes de mon silence, ainsi que mes excuses. Je dépose le tout aux pieds de V. M. Daignez me faire savoir par la Baronne de Massenbach Votre jugement à ce sujet. Je désire le connaître sous le rapport littéraire et sous le point de vue de la circonstance et d'à-propos. Au reste mes vers ne sont pas une réclame dynastique et politique. Ce sont les impressions d'un rêveur ou d'un enfant, c'est à dire: d'un poète qui est l'un et l'autre. Croyez Vous, Madame, que cette rêverie puisse être soumise à l'original qui a posé devant moi? Voici des questions indiscrètes que je me permets de faire et aux quelles M-lle de Massenbach voudra bien répondre. Je viens de recevoir un télégramme de l'Empereur de Livadia: il daigne me dire que le temps est très beau et *que la santé de l'Impératrice ne laisse rien à désirer*. J'attends les plumes que Vous voulez bien m'annoncer et je dépose, Madame, à Vos pieds, ainsi qu'à ceux de S. M. le Roi les respectueux et très dévoués hommages de Votre très humble serviteur et *fidal chevalier*. 1875.

ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНѢ.

Madame,

C'est avec embarras, le coeur contrit, les yeux baissés, que je viens me confesser à V. M. C'est un rude moment que celui où l'on se prépare à faire des aveux pénibles. Mais, enfin je ne veux pas l'éviter. Vous savez peut être que j'ai passé une dizaine de jours à Friedrichshafen et que j'y ai rencontré—non je ne me sens pas le courage de continuer et de défiler le chapelet de mes peccadilles. J'aime mieux déposer sans phrases, et de *facto*, comme dit l'ami Titoff, ma conscience et mon péché aux pieds de V. M. Voilà qui est dit et fait.

Ce qui me reste à dire maintenant, me sera plus facile et débordera de soi même. Mon télégramme a dû porter à l'Empereur toute ma reconnaissance pour sa bienveillante et gracieuse attention, mais je sens le besoin de réitérer mes vifs et profonds remerciments et principalement pour ce qu'il daigne me dire au sujet de Votre santé. Je remercie Sa Majesté pour la bonne nouvelle, qu'il veut bien me donner et remercie V. M. de la bonté que Vous avez de Vous porter aussi bien que peuvent le désirer tous ceux, et le nombre en est grand, qui forment des veux pour Votre santé et prospérité. J'apprends par les journaux que M-r Hamburger doit être à Livadia. Je lui ai remis à Ems la correspondance de l'Impératrice Marie Fedorovna avec son amie d'enfance, M-me d'Oberkirch. L'Empereur a bien voulu, par mon entremise, accepter le recueil de ces lettres, qui lui ont été offertes par le petit-fils de cette dame, M-r Bell, consul général de France à Francfort s. M. Je crois avoir déjà dit à V. M. que ces lettres n'avaient point un intérêt historique, mais bien un intérêt de famille.

L'image sympathique de l'Impératrice se dessine avec beaucoup de relief dans ces lettres écrites à différentes époques et dans différentes positions, à commencer par la plus modeste et à finir par la plus brillante et la plus élevée. Les relations de famille, les joies de l'épouse et de la mère, de l'épouse principale ment sont d'un grand intérêt. Il est à remarquer que dans aucune de ces lettres il n'est jamais fait la moindre mention de l'Impératrice Catherine. Je crois que la lecture de quelques-unes de ces lettres,—il faudrait les choisir,—pourrait occuper agréablement une heure ou deux des soirées pui se passent à la table, d'heureuse et triste mémoire pour les absents, qui y ont eu leur petite place et en sont éloignés. Comme il s'agit de lecture, je prends la liberté de recommander à V. M. deux ouvrages, qui viennent de paraître: Correspondance inédite du Roi Stanislas Auguste Poniatowsky et de Geoffrin et André-Marie Ampère et Jean Jacques Ampère correspondance et souvenirs (de 1805 à 1864).

Les lettres de Jean Ampère à M-me Récamier sont d'une délicatesse de sentiment qui laisse une bien douce impression et un parfum suave d'amour chaste et passionné. Voilà les amours que

j'apprécie et que j'ai quelquefois pratiqués durant ma longue et active carrière, ceci est le dernier codicille de la confession d'un octogénaire qui, tout cacochyme qu'il est, a encore assez de force pour se prosterner à Vos pieds et y déposer l'hommage d'un respectueux et fidèle dévouement hors de l'atteinte des ans et de l'absence. Je suis tout effrayé de la longueur insolite et audacieuse de ma lettre. Mais si Vous n'avez pas, Madame, le temps de me lire, j'en ai beaucoup à ma disposition pour Vous écrire. Charité bien ordonnée commence par soi-même. Cela est bien permis à un pauvre ermite.

Ответъ Vicomte Stratford de Redcliffe.

Je ne saurais vous exprimer, Milord, mon agréable surprise à la réception de votre aimable lettre. J'en ai été vivement touché et vous en remercie de tout mon coeur. Certes, en vous envoyant la traduction de quelques-unes de mes poésies, je n'avais pas la présomption de vous intéresser à leur lecture. Ce n'est pas au camarade de collège de Byron, et au poète lui-même à des heures de loisir, que l'on se présente avec un aussi mince bagage. C'est tout simplement une carte de visite, que je voulais déposer à votre porte, pour me rappeler à votre souvenir et vous prouver que je n'avais pas oublié Thérapia. Que de siècles, que d'évènements se sont écoulés et se sont écroulés depuis notre séjour sur le Bosphore, heureusement le coeur et les affections échappent aux perturbations et orages de la politique. Oui, ma femme et moi sommes restés fidèles aux bons souvenirs de Constantinople et vous prions, Milord, ainsi que Lady Stratford et votre aimable famille de nous compter toujours au nombre de ceux qui vous sont sincèrement et constamment dévoués.

21 Сент. (3 Окт.) 1875.

Marie C. Ailesbury ответъ.

Comme vous êtes bonne, Madame, de payer aussi généreusement la modeste offrande que je me suis permis de vous adresser. J'ai profité du départ de Lady Ely pour me rappeler à votre aimable et lointain souvenir, et votre lettre si bienveillante me donne le

précieux témoignage, que vous ne m'aviez pas complètement oublié. J'en suis fier et encore plus heureux et vous remercie de tout mon coeur. Voulez-vous bien m'accorder la faveur de me donner une petite place à *Savage forest*. Pardonnez-moi, si mon orthographie n'est pas tout à fait correcte et si j'estropie un peu le nom de votre campagne, mais ma mémoire, je vous prie de ne pas en douter, est très correcte, et c'est avec plaisir et reconnaisance que je me souviens des journées agréables, que j'y ai passées. Puisse mon image y trouver un coin hospitalier. Je suis trop vieux, Madame, pour entreprendre de longs voyages. Mais, si jamais vous veniez en Allemagne, ayez la bonté de m'en prévenir, afin que je puisse venir vous trouver. En attendant, agréez, je vous prie, Madame, l'hommage de mon respectueux, sincère et ancien dévouement.

1876.

Императрицѣ Евгеніи, которая прислала мнѣ перья, послѣ свиданія и знакомства моего съ нею въ Фридрихсгафенѣ у Королевы Ольги, отправилъ письмо съ *Легендою* чрезъ баронессу Массенбахъ. Болѣе трехъ мѣсяцевъ пролежали у меня на столѣ письмо и стихи. Вотъ что значитъ родиться мямлею. Madame! Je ne saurais méconnaître toute la portée de mon indiscrétion et de la liberté, que j'ose me permettre en écrivant à Votre Majesté. Mais le sentiment de ma gratitude pour Votre bienveillant et gracieux souvenir est plus fort en moi, que le souvenir des convenances. D'ailleurs l'à-propos est trop séduisant, pour ne pas succomber à la tentation. C'est le cas ou jamais de prendre la plume en main, quand on a à exprimer sa reconnaissance pour un envoi de plumes, si généreusement et si aimablement octroyées. Mais mon indiscrétion ne s'arrête pas en si beau chemin. J'ai encore l'audace de déposer aux pieds de Votre Majesté la traduction d'une poésie, qui m'a été inspirée, lors de mon séjour à Friedrichshafen. La poésie est peut-être médiocre: en tous cas elle est peu digne de l'objet, que je me suis permis de chanter. La traduction de mes vers est, sans doute, encore plus médiocre que l'original. Mais j'ose espérer, qu'à travers ces voiles et ces nuages, Vous saurez, Madame, reconnaître le senti-

ment, qui m'a dicté les vers. En tout cas, daignez les agréer avec indulgence. Mais, au nom de Dieu, n'allez pas, Madame, Vous reprocher Votre générosité, et n'accusez pas Vos plumes du méfait que le cœur contrit, je dépose à Vos pieds. Vos plumes n'y sont pour rien et sont parfaitement innocentes. Mes vers ont été écrits bien avant leur reception. C'est avec le plus profond et sympathique respect que j'ai l'honneur d'être, Madame, de Votre Majesté le très humble et très devoué serviteur.

Prince Wiasemsky.

1876.

КАРАМЗИНЪ—ШИШКОВЪ, МОРДВИНОВЪ—СПЕРАНСКІЙ.

Карамзинъ въ языкѣ о литературѣ нашей былъ *новаторъ* (это слово почти Русское и всѣмъ понятно: отъ слова *ново*), въ историческомъ и государственномъ отношеніи былъ онъ консерваторъ, но изъ тѣхъ, которые глядятъ впередъ, а не изъ тѣхъ, у которыхъ глаза на затылкѣ. Онъ не думалъ, что Россіи дѣло уже законченное: въ будущемъ ея ожидалъ онъ новыя, духовныя силы на пути преуспѣянія и просвѣтительныхъ и гражданскихъ усовершенствованій. Но онъ опасался, но онъ не хотѣлъ, чтобы это будущее было насильственно и преждевременно перетянуто на берегъ настоящаго. Какъ историкъ, онъ вѣрилъ въ Провидѣніе и въ дѣятельное содѣйствіе времени. Совершенно ли были правильны его убѣжденія и заключенія—это другой вопросъ. Но одна безсовѣстность, или одно тупое пониманіе могутъ видѣть въ немъ крѣпостника, отсталаго и проч. Шишковъ былъ не столько консерваторъ, сколько старовѣръ. Онъ мыслилъ и писалъ двуперстно....

Duc d'Osuna et de l'Infantado Comte Duc de Benavente et d'Arcos. Сколько надобно имѣть ума, чтобы выдержать всѣ эти имена и титулы....

Статья Боборыкина о похоронахъ Авдѣева. Сѣтованіе, что мало было людей. „Сочинитель умираетъ, и отправляется на кладбище бѣднѣе и непригляднѣе любого департаментскаго столоначальника". Да чѣмъ же хорошій, честный столоначальникъ хуже посредственнаго писателя? На похоронахъ Пушкина и въ предсмертные дни его былъ весь городъ.

ЕЛИСАВЕТѢ ДМИТРІЕВНѢ МИЛЮТИНОЙ.

Гомбургъ предъ высотами. 20 Февраля (3 Марта) 1876 г.

Помилуйте, вы осыпаете меня милостями, цвѣтами, крупными алмазами Андрея Первозваннаго, чуть-ли не Побѣдоноснаго Георгія, а еще извиняетесь передо мною. Да чего же мнѣ еще хотѣлось послѣ вашего письма? Я обрадовался ему, какъ каждому свидѣтельству, что вы меня помните! И это уже очень много. А содержаніемъ своимъ оно превзошло всѣ мои надежды, всѣ мои желанія. Я дорожу вашимъ мнѣніемъ, вашимъ сочувствіемъ. Ваше одобрительное и ободрительное слово попало мнѣ прямо въ сердце, и пріятно расщекотало мое авторское самолюбіе, лѣтами уже нѣсколько притупленное, но все еще не окончательно заморенное. Пламени уже нѣтъ, а все еще: живъ, живъ курилка! Вы изъ малаго числа тѣхъ лицъ, которыя составляютъ публику мою. Пишу я для своего удовольствія, и сердечно радъ, когда мое удовольствіе встрѣтится съ удовольствіемъ моихъ избранныхъ. О почтеннѣйшей публикѣ, право, никогда не помышляю. Она сама по себѣ, я самъ по себѣ. Что касается до почтенныхъ собратій моихъ по письменной части, то также искренно скажу, что за мнѣнія ихъ обо мнѣ ни гроша не дамъ. Они-ли виноваты, я-ли виноватъ, рѣшить не мнѣ, но я съ ними ничего общаго не имѣю, да и не могу имѣть. Вотъ вамъ кстати, или некстати, моя литтературная исповѣдь. Повѣряю ее вамъ, моей милостивой и милѣйшей исповѣдницѣ. Мнѣ невыразимо пріятно видѣть, что вы читали мое письмо съ тѣмъ же чувствомъ и въ томъ же діапазонѣ, съ какимъ я писалъ его. Это еще лучше, чѣмъ les beaux esprits se rencontrent: Мы съ вами встрѣтились чувствами.

А вотъ гдѣ мы съ вами расходимся. По благосклонному впечатлѣнію, которое производятъ на васъ писанные мною портреты, вы хотите, чтобы я написалъ и свой портретъ во весь ростъ. То-то и бѣда, что у меня нѣтъ своего роста. Я созданъ какъ-то поштучно и вся жизнь моя шла отрывочно. Мнѣ не отыскать себя въ этихъ обрубкахъ. Въ жизни моей нѣтъ, или слишкомъ мало дѣйствія. Я не дѣйствующее лицо: развѣ чувствующее. Я никогда и ни въ чемъ не былъ двигатель: былъ только рефлекторъ, и много, что указатель. Съ этимъ не далеко уйдешь въ составленіи мемуаровъ. Узнавайте меня въ живописи моей, когда пишу чужіе портреты съ натуры. Въ чужой натурѣ отыщется и проглянетъ и моя натура, *хотя въ профиль*. Чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Фасы моей отъ меня не требуйте. Богъ фасы мнѣ не далъ, а далъ мнѣ только нѣсколько профилей. Одинъ изъ нихъ всегда къ вамъ обращенъ. А вотъ, не думанно, не гаданно, вылилась предъ вами, сама собою, и новая исповѣдь моя. Видно на роду у васъ написано быть моею духовною матушкою. Когда я умру, извольте сами, изъ всего сказаннаго мною, написать силуэтку мою. А читаете-ли вы *Русскій Архивъ*, а въ немъ *Выдержки изъ Старой Записной Книжки*? Тутъ найдете вы кое-гдѣ разбросанныя черты мои. Мнѣ всегда хотѣлось описать домъ и семейство Киселевыхъ въ Москвѣ, а особенно обрисовать слегка бабушку вашу и графа Павла Дмитріевича. Знаю, что пишется оффиціальная біографія послѣдняго. Но мнѣ желательно ограничить себя рамою болѣе тѣсною, *салонною*, не выходя на общественное поприще. Нѣтъ-ли у васъ въ семействѣ частныхъ писемъ Елисаветы Дмитріевны и Павла Дмитріевича. Вотъ наградили бы вы меня ими и по этой канвѣ вышилъ бы я узоры по памяти и сохранившимся во мнѣ впечатлѣніямъ. Очень радъ, что Дмитрій Алексѣевичъ отозвался сочувственно на писаніе мое. Сердечное ему спасибо мое и почтеніе. Вотъ расписался я и утомилъ ваши прекрасные глазки моими каракульками.

КОЕ-ЧТО О СЕБѢ И О ДРУГИХЪ, О НЫНѢШНЕМЪ И ВЧЕРАШНЕМЪ.

Нѣкоторые изъ нашихъ прогрессистовъ—надобно же называть ихъ, какъ они сами себя величаютъ — не могутъ понять, или не хотятъ понять, что можно любить *прогрессъ*, а ихъ не любить: не только не любить, но признавать обязанностію даже ратовать противъ нихъ, именно во имя той мысли и изъ любви той мысли, которую они исказили и опошлили. Можно любить живопись; но именно потому, что любишь и уважаешь ее, смѣешься надъ *Ефремами маляраме Россійскихъ стиховъ*, которые мазилкою своею пишутъ Кузьму Лукою. Эти господа думаютъ, что они компаніею своею сняли на откупъ либерализмъ и прогрессъ и готовы звать къ мировому на судъ каждаго, кто не въ ихъ лавочкѣ запасается сигарами или прогрессомъ и либерализмомъ. Они и знать не хотятъ, что есть на свѣтѣ гаванскія сигары, и что, привыкнувъ къ нимъ, нельзя безъ оскомины, безъ тошноты курить ихъ домашнія, фальшивыя сигары, которыя только на видъ смотрятъ табакомъ, а внутри ничто иное какъ труха. Скажу, напримѣръ, о себѣ: я могъ быть журналистомъ и былъ имъ отчасти; но изъ того не слѣдуетъ, что я долженъ быть за-панибрата со всѣми журналистами и отстаивать всѣ ихъ мнѣнія и раздѣлять съ ними направленіе, которому не сочувствую. Доказательствомъ тому приведу, что я добровольно вышелъ изъ редакціи *Телеграфа*, когда пошелъ онъ по дорогѣ, по которой не хотѣлъ я идти. Тогда былъ я въ отставкѣ и въ положеніи совершенно независимомъ: слѣдовательно, поступилъ я такъ не въ виду какихъ-нибудь обязательныхъ условій и приличій, а просто потому, что ни сочувствія мои, ни литтературная совѣсть моя, не могли мириться тому, что было имъ не по вкусу. Карамзинъ былъ совершенно въ правѣ написать обо мнѣ, что я *пылалъ свободомысліемъ*, то-есть либерализмомъ въ значеніи Карамзина. Не отрекаюсь отъ того и даже не раскаиваюсь въ этомъ. Но либерализмъ либерализму рознь, какъ и сигара сигарѣ рознь. Я и нѣкоторые сверстники мои, въ то время, мы были либералами той политической школы, которая возникла во

Франціи съ паденіемъ Наполеона и водвореніемъ конституціоннаго правленія при возвращеніи Бурбоновъ. Мы были учениками и послѣдователями преподаванія, которое оглашалось съ трибуны и въ политической полемикѣ такими учителями, какими были Бенжаменъ-Констанъ, Роіе-Колларъ и многіе другіе сподвижники ихъ. Но изъ того не слѣдуетъ, чтобы мы, либералы того времени, были и нынѣ послушниками либерализма, который проповѣдуется разными Гамбетта, Флоке, Рошфоръ и имъ подобными. Не мы либералы измѣнились и измѣнили, а измѣнился и измѣнилъ либерализмъ. По французской поговоркѣ скажешь: On nous l'a changé en nourrice. И дитя не то, и кормилицы не тѣ. И не то молоко, которымъ мы питались и къ которому привыкли. Перенесемъ вопросъ на Русскую почву. Многіе изъ насъ, напримѣръ, могли не раздѣлять вполнѣ всѣхъ политическихъ и государственныхъ мыслей Николая Тургенева; но могли имѣть съ нимъ нѣкоторыя точки сочувствія и прикосновенія, слѣдовательно, разрыва не было. Были вопросы, въ которыхъ умы сходились и дѣйствовали дружно. Возьмемъ даже Рылѣева, который былъ на самой окраинѣ тѣхъ мыслей, которыхъ держался Тургеневъ: Еще шагъ и Рылѣевъ былъ уже за чертою и, по несчастію, онъ совершилъ этотъ шагъ. Но все же не былъ онъ Нечаевъ и быть имъ не могъ. Онъ гнушался бы имъ, а вѣдь Нечаевъ тоже слыветъ либераломъ и почиталъ себя либераломъ. Охотно вѣрю, что въ этой шаткости понятій, въ этомъ разгромѣ правилъ, вѣрованій, началъ, есть гораздо болѣе *легкоумія*, *слабоумія*, нежели *злоумія*, но все же не могу признать либерализмомъ то, что не есть либерализмъ. Какъ ни будь я охотникъ курить сигару, все же не могу я признавать сигарою вонючій свитокъ, которымъ подчиваетъ меня угорѣлый и утратившій чутье и обоняніе курильщикъ. Еще нѣсколько словъ. Инымъ колятъ глаза ихъ минувшимъ. Напримѣръ, упрекаютъ ихъ тѣмъ, что говорятъ они нынѣ не то, что говорили прежде. Однимъ словомъ, не говоря обиняками, обличаютъ человѣка, что онъ прежде былъ либераломъ, а теперь онъ консерваторъ, ретроградъ и проч. проч. Во-первыхъ, всѣ эти клички, всѣ эти литографированные ярлыки ничего не значатъ. Это слова, цифры, которыя полу-

чаютъ значеніе въ примѣненіи. Можно быть либераломъ и вмѣстѣ съ тѣмъ консерваторомъ, быть радикаломъ и не быть либераломъ, быть либераломъ и мечѣмъ не быть. Попугай, который затвердитъ слова: свобода, равенство правъ и тому подобныя, все же останется птицей немыслящей, хотя и выкрикиваетъ слова изъ либеральнаго словаря.

Посмотрите до какой нелѣпости доходятъ наши газеты: *С.-Петербургскія Вѣдомости*, № 220, 11-го Августа, сопоставляютъ патріотическую пѣсню, сочиненную Княземъ Черногорскимъ и пѣсню Турецкую. Про первую говорятъ «Гимнъ Черногорцевъ, преисполненный рыцарскаго великодушія и глубокочеловѣчнымъ чувствомъ". Другой, то-есть Турецкій: „воплями дикой свирѣпости и жестокаго изувѣрства". А дѣло въ томъ: вся разница въ гимнахъ заключается въ слѣдующемъ: Серби алчутъ Турецкой крови. Турки Сербской. Сербы поютъ: „Раны моей души будутъ исцѣлены Турецкою кровью"; Турки поютъ: „Омочи въ Сербской крови свой мечъ". Не много рыцарства и человѣчности ни тамъ, ни здѣсь, а одна человѣческая кровожадность, которая, къ прискорбію, свойственна всѣмъ народамъ, когда они враждуютъ и воюютъ между собою. Тутъ Турки тѣ же христіане, а христіане тѣ же Турки. Въ литературномъ отношеніи въ Турецкой пѣснѣ болѣе поэзіи и силы, нежели въ Сербской. Напримѣръ: „наглость гауровъ возносится до седьмаго неба. Ихъ вой, когда они лаютъ на луну, проникаетъ до престола Аллаха". *Лаютъ на луну*, очень поэтически выражаетъ прозваніе, данное Турками гаурамъ. „Блаженно улыбайся, когда, среди битвы, твой духъ отдѣлится отъ тѣла". Вотъ это почти рыцарски. „Не плачьте надъ нашими трупами и оставляйте ихъ на полѣ битвы, чтобы они распространяли чуму въ логовищахъ гауровъ". Поэзія свирѣпая, но поэзія. Есть что-то въ этомъ родѣ у Мицкевича, въ *поэмѣ Валленродѣ*.

Какъ съ приближеніемъ зимы,
Цвѣтокъ спокойно умираетъ.

***

Ему природы благъ законъ,
Ему природа мать родная:
Еще благоухаетъ онъ,
Еще красивъ и увядая.

Начало стихотворенія, которое я написалъ, то-есть надумалъ, минувшимъ лѣтомъ (1876) въ вагонѣ, когда ѣхалъ изъ Гомбурга въ Эмсъ. Есть и конецъ, но пока не нахожу его ни въ памяти, ни въ бумагахъ. Читалъ я его Гроту въ Гомбургѣ и, кажется, былъ онъ имъ очень доволенъ. Много подобныхъ стиховъ у меня пропало, которые я мысленно сочинялъ въ прогулкахъ и ѣздѣ,—и не успѣлъ записывать. Безпечность и лѣнь всему этому причиною. Дѣло въ томъ, что я люблю творить и охлаждаюсь къ сотворившемуся.

Je viens, cher monsieur Mauritz, vous adresser une prière et vous demander de me rendre un grand service. Ne vous effrayez pas, il ne s'agit pas de placer une orphéline dans quelque maison d'éducation. Il s'agit d'autre chose, et voici de quoi. La princesse de Rade Maрія Максимиліановна m'a prêté cet été les lettres de feu l'Impératrice Elisabeth, adressées à sa mère à Carlsruhe. Au moment même où j'entrais en possession de cette correspondance, la Grande Duchesse me fit savoir que l'Empereur désirait lire ces lettres et les lui demandait. C'était à la veille du jour, où je devais me rendre à Ems. Je les portais et les remis à Sa Majesté. A son départ, il me dit, qu'il les prenait avec lui, pour les faire lire par l'Impératrice et qu'il me les renverrait plus tard. Depuis la Grande Duchesse Maрія Максимиліановна me fit demander, si ces lettres étaient chez moi. Je lui répondis que non. Là-dessus elle demanda à ce sujet des renseignements à l'Empereur, qui lui fit savoir par le télégraphe, que les lettres avaient été renvoyées à Wiasemsky. Le fait est, que je ne les ai pas reçues. J'explique cette erreur de la manière suivante. Sa Majesté a eu la bonté à Jugenheim, de me prêter le manuscrit des mémoires de la comtesse Golovine, qui effectivement est

entre mes mains. Sous la pression des évènements et des préoccupations et soucis, qui absorbaient Sa Majesté, il est très possible, qu'il ait confondu un manuscrit avec l'autre. Je vous supplie, de tâcher de tirer la chose au clair. Sa Majesté l'Impératrice voudra bien, peut-être, vous guider dans ces recherches. Si les lettres de l'Impératrice Elisabeth ont été confiées à quelqu'un pour me les envoyer, elles ont pu, par erreur, être oubliées dans quelque chancellerie. Quand vous parviendrez à les retrouver, ayez la bonté de me les fair venir au plus vite, pour que je puisse rassurer la Grande Duchesse sur leur compte. Ce recueil de lettres est la propriété de la famille grand-ducale de Bade, quoique je sois parfaitement innocent, ma responsabilité est engagée dans cette affaire. J'ai pleine confiance en vous et ne doute pas, que vous ferez tout ce qui dépend de vous pour me tirer d'embarras. Voici encore une prière moins grave, mais qui atteint aussi un peu ma responsabilité. Le professeur Stark de Stuttgardt, auteur d'une notice historique sur la famille princière de Wurtemberg, m'a remis un exemplaire de son ouvrage, en me priant de le déposer aux pieds de Sa Majesté l'Impératrice, ce que j'ai fait en l'envoyant à Livadia. Je ne sais si Sa Majesté l'a reçu. Mon pauvre professeur me harcèle de lettres pour savoir ce qui en est, et je ne sais que lui répondre. C'est encore à vous, que j'ai recours en vous priant de me faire part de la reception du livre et si vous pouviez y ajouter un témoignage de la bienveillance Impériale, exprimée par une bague, vous rendriez mon professeur le plus heureux des professeurs et des hommes d'ici bas. Il y a longtemps, que je ne vous ai fatigué de mes sollicitations, ce qui me donne le courage, de reprendre mon ancien métier. Mes compliments à Николай Матвѣевичъ. Dites lui, que Hombourg, leur Hombourg, est une ville morte. Il n'y a de vivants que moi et les Suédoises, ce qui donne une triste idée du genre humain.

Стихи Хемницера съ одноглагольными рнемами своими можно иногда сравнить съ подмоченнымъ порохомъ. Стихъ осѣкается. Воспріемный Гротъ слишкомъ снисходителенъ и при-

страстенъ къ своимъ крестникамъ. Изданіе Державина и Хемницера трудъ почтенный и въ Русской литтературѣ небывалый. Но въ поэтахъ своихъ хвалитъ онъ часто, что вовсе недостойно похвалы. Поэтъ, великій поэтъ, Державинъ опускается нерѣдко до Хвостова, если не ниже. Хемницеръ многда вялъ и пустъ до пошлости.... *).

Конецъ.

*) Эти строки написаны карандашомъ, дрожащимъ почеркомъ, во время предсмертной болѣзни Автора, и были его послѣдними строками.

Издатель.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

Абдулъ Меджидъ, султанъ Турецкій, 25.
Абрамовы, 63.
Абрантесъ, герцогиня, 222.
Авдѣевъ, писат., 269.
Авиньонъ, гор. 220, 222, 224.
Австрія и Австрійцы, 4 — 5, 9, 19, 25—26, 38, 51, 88, 91, 108—109, 118, 130, 135, 148, 217, 219.
Адъ, поэма Данте, 12.
Адлербергъ, графъ Александръ Владиміровичъ, 229.
Адлербергъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ, 19, 174.
Адлербергъ, графъ Николай Владиміровичъ. Его книга *Изъ Рима въ Іерусалимъ*, 21, 52.
Адлербергъ, графиня, 83.
Азовское море, 5.
Азовъ, 5.
Айвазовскій, 174.
Акари (Acarie), статья о ней, 263.
Аксакова (рожденная Тютчева), Анна Ѳедоровна, 135, 163, 166—167, 174, 183, 188, 209—210, 214, 218—219, 236.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Посѣщаетъ князя Вяземскаго, 172; разговоръ о немъ съ Государемъ, 173; упом. 192.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Его *Записки Охотника*, 137.
Аксаковы, 172.
Албанія, 5.
Албрицци (Albrizzi), его палаццо въ Венеціи, 70.
Александра Іосифовна, в. княгиня, 78, 216, 229, 282.
Александра Ѳеодоровна, императрица, 140—141, 166—169, 173—175, 211.
Александрія, 22.
Александръ I, императоръ. Манифесты Шишкова, 60—61, 256—257; слова Кутузова о Наполеонѣ, 66; Елисавета Алексѣевна, 105; слова его Нарбонну, 110; свиданіе его съ маркграфомъ Вильгельмомъ, 114. упом. 93, 124, 141; Тильзитскій миръ, 143—144; Восточный вопросъ, 148. Каподистріа, 149—151. Замѣчаніе о немъ, 151 — 152, 186. Лагарпъ, 176; упом. 186, 246, 268, 282; портретъ его, 213; заговоръ, 231; Сперанскій, 231—232; коронація, 244; отзывъ о немъ в. Маріи Ѳеодоровны, 276.
Александръ II, императоръ. Посвященная ему Армяно-Русская грамматика, 6; въ Венеціи, 16, 21; князь Вяземскій, 138; письмо къ нему князя Вяземскаго, 146—147; поѣздка въ Крымъ во время войны, 161; коронація, 161—162; уп. 166; разговоръ о Славянскомъ направленіи о до-петровскихъ тенденціяхъ, 167; упом. 168; разговоръ о Кіевскомъ университетѣ, Черниговской гимназіи, 170; о Константинѣ Аксаковѣ, 173; замѣч. 188; упом. 210, 228, 229, 230, 253; Швейцарцы сочувствуютъ его дѣйствіямъ, 213; взятіе Шамиля, 236; телеграмма изъ Ливадіи, 284—285; упом., 294.
Александръ Македонскій, 16.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 229.
Алексу, Григорій. 6.
Алупка, 175.

Абдулъ Меджидъ, султанъ Турецкій, 25.
Абрамовы, 63.
Абрантесъ, герцогиня, 222.
Авдѣевъ, писат., 269.
Авиньонъ, гор. 220, 222, 224.
Австрія и Австрійцы, 4 — 5, 9, 19, 25—26, 38, 51, 88, 91, 108—109, 118, 130, 135, 148, 217, 219.
Адъ, поэма Данте, 12.
Адлербергъ, графъ Александръ Владиміровичъ, 229.
Адлербергъ, графъ Владиміръ Ѳедоровичъ, 19, 174.
Адлербергъ, графъ Николай Владиміровичъ. Его книга *Изъ Рима въ Іерусалимъ*, 21, 52.
Адлербергъ, графиня, 83.
Азовское море, 5.
Азовъ, 5.
Айвазовскій, 174.
Акари (Acarie), статья о ней, 263.
Аксакова (рожденная Тютчева), Анна Ѳедоровна, 135, 163, 166—167, 174, 183, 188, 209—210, 214, 218—219, 236.
Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. Посѣщаетъ князя Вяземскаго, 172; разговоръ о немъ съ Государемъ, 173; упом. 192.
Аксаковъ, Сергѣй Тимоѳеевичъ. Его *Записки Охотника*, 137.
Аксаковы, 172.
Албанія, 5.
Албрицци (Albrizzi), его палаццо въ Венеціи, 70.
Александра Іосифовна, в. княгиня, 78, 216, 229, 282.
Александра Ѳеодоровна, императрица, 140—141, 166—169, 173—175, 211.
Александрія, 22.
Александръ I, императоръ. Манифесты Шишкова, 60—61, 256—257; слова Кутузова о Наполеонѣ, 86; Елисавета Алексѣевна, 105; слова его Нарбонну, 110; свиданіе его съ маркграфомъ Вильгельмомъ, 114. упом. 93, 124, 141; Тильзитскій миръ, 143—144; Восточный вопросъ, 148. Каподистріа, 149—151. Замѣчаніе о немъ, 151 — 152, 186. Лагарпъ, 176; упом. 186, 246, 268, 282; портретъ его, 213; заговоръ, 231; Сперанскій, 231—232; коронація, 244; отзывъ о немъ и. Маріи Ѳеодоровны, 276.
Александръ II, императоръ. Посвященная ему Армяно-Русская грамматика, 6; въ Венеціи, 16, 21; князь Вяземскій, 138; письмо къ нему князя Вяземскаго, 146—147; поѣздка въ Крымъ во время войны, 161; коронація, 161—162; ун. 166; разговоръ о Славянскомъ направленіи о до-петровскихъ тенденціяхъ, 167; упом. 168; разговоръ о Кіевскомъ университетѣ, Черниговской гимназіи, 170; о Константинѣ Аксаковѣ, 173; замѣч. 188; упом. 210, 228, 229, 230, 253; Швейцарцы сочувствуютъ его дѣйствіямъ, 213; взятіе Шамиля, 236; телеграмма изъ Ливадіи, 284—285; упом., 294.
Александръ Македонскій, 16.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, 229.
Алексѣу, Григорій. 6.
Алупка, 175.

Альбертъ, мужъ Англійской королевы, 236.
Альбиневій, комендантъ Пражской полиціи, 65.
Альфіери, 204, 221.
Амвросій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, 66—67.
Ампер'ъ, Андрей, 285.
Ампер'ъ, Иванъ, 285.
Англія и Англичане, 16, 20, 26, 37, 42, 48, 51, 72 — 73, 79—81, 84, 86, 88—89, 91 — 92, 98, 107 — 108, 113, 119, 123, 130, 135, 148, 186, 201, 222, 248, 268—269.
Андерсонъ, 211—212.
Андрониковъ, князь, 136.
Аннѣева, Ольга Дмитріевна, 11.
Анна Іоанновна, императрица, 48.
Анна Ѳеодоровна, в. княгиня, 154, 164, 185, 214; письмо къ ней кн. Вяземскаго, 156—157, 216.
Анненковъ, 174.
Антверпенъ, 25.
Антіохія, 125.
Апраксинъ, графъ Александръ Ивановичъ, 119—120, 168.
Аракчеевъ, 258.
Араповъ, о театрѣ, 25.
Арва, р. 226.
Аргенсонъ (Argenson), графъ, 71.
Аретинъ, его бюстъ, 5.
Аримасское Общество, 245—247.
Арлингтонъ, 203.
Арль, гор. 219.
Армяне, 6.
Армянскій институтъ въ Парижѣ, 6.
Астафьевъ, генералъ, 172.
Астрахань, 5.
Аттила, 77.
Ахматовъ, Алексѣй Петровичъ, 173.
Ашлей (Shaftesbury), 203.
Аѳины, 183.

Вабстъ Иванъ Кондратьевичъ, 170, 174.
Баварія и Баварцы, 44, 92.
Баденъ-Баденъ, 56, 118, 133 — 134, 136 — 137, 139, 157, 160, 164 — 165; 212—213, 235—237.
Бажановъ, Василій Борисовичъ, протопресвитеръ, 211.
Базаровъ, протоіерей, 165.
Базель, гор. 139, 141, 213.
Базили, дипломатъ, 114.
Байдарскія ворота, 259.
Байронъ, 3, 6, 21, 28, 283, 286.
Балабинъ, 2.
Балтійское море, 110, 181.
Бальзакъ, 82.
Бальменъ, 25.
Баратынская (рожденная княжна Абашелик'ъ), Анна Давыдовна, 281.
Баратынскій (Казанскій), 174.
Барбаріго, картинная галлерея, 17, 74, 76.
Бартелеми, 205, 207.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ, 140, 171, 174, 254.
Бартеневъ, Юрій Никитичъ, 256.
Баратинскіе, 64.
Баратинскій, князь Анатолій Ивановичъ, 51, 161.
Баратинская (Коблукова), княгиня Олимпіада, 51.
Бассано, живописецъ, 27.
Ватюшкова (рожденная Кривцова) Софія Николаевна, 219.
Ватюшковъ, Константинъ Николаевичъ, 245, 266.
Ватюшковъ, Помпей Николаевичъ; 174.
Вашиловъ, 3.
Вашъ-Кадыкъ-Ларъ, 136.
Вебутовъ, князь В. О., 95.
Безобразовъ, Владиміръ Павловичъ, 230.
Бейрутъ, 223.
Бейстъ, 3.
Бейстъ, братъ министра, 60.
Бекетовъ, 266.
Беккаріа, 151.
Беллини, 15—16, 32, 71.
Белль, 285.
Бельгардъ, 135.
Бенжаменъ-Констанъ, 292.
Бензони, 71.
Бенигсенъ, ген 268—269.
Бенкендорфъ, графъ Александръ Христофоровичъ, 84, 119.
Бенкендорфъ (рожденная Тило), 276, 279.

Бенкендорфъ, графиня, 175.
Бернигъ, оберъ-полиціймейстеръ Московскій, 170.
Берлинъ, гор., 4, 50, 56, 65, 118, 141, 217, 237, 254.
Бернердорфъ, графиня, 163.
Бернъ, 141.
Беррійская, герцогиня, 19, 42.
Бетховенъ, 1.
Бибеско, 53, 118, 168—169, 216—217.
Бибиковъ, Дмитрій Гавриловичъ, 83, 167; письмо къ нему, 102—103, 114; упом. 213.
Библія, 6.
Bilboquet, его мемуары, 85, 87.
Бирманскій языкъ, 6.
Бисмаркъ, 165.
Блудова, графиня Антонина Дмитріевна, письмо къ ней кн. Вяземскаго, 103—104, 132—134; упом. 167.
Блудовъ, графъ Дмитрій Николаевичъ. Письмо къ нему кн. Вяземскаго, 33 — 34; стихи Ржевскаго на его свадьбу, 47; пюристъ языка, 61; его болѣзнь, 103; замѣчаніе о немъ, 159; упом. 166, 168, 171, 174; о Сперанскомъ, 231—232; біографич. о немъ свѣдѣнія, 243—246; чтеніе Пушкина, 266.
Баборыкинъ, писат., 289.
Бобринская (рожденная графиня Бѣлинская, въ 1-мъ бракѣ Сабакина), графиня Юлія Станиславовна, 225—226.
Бобринскій, графъ Алексѣй Алексѣевичъ, 166.
Богемія, 66—67.
Боде, 62.
Боденбахъ, 68.
Бодянскій, Іосифъ Максимовичъ, 171
Болдырева, 42.
Больвиллерсъ, 13.
Бомарше, 218.
Бонетъ, 180.
Бонжанъ, 239, 243.
Бонне, 225.
Бордоне, 71.
Борисъ Годуновъ, трагедія Пушкина, 266.
Бородино, 11, 103.
Борхъ, 272.
Боснія, 283.
Боссюетъ, 125.
Босфоръ, 29, 58, 62, 106, 108, 286.
Бофремонтъ (Beauffremont), князь, 205.
Брейтхаунтъ (Breithaupt), 69.
Bright, 201.
Брокъ, министръ финансовъ, 48, 57, 83, 235.
Брогліо, герцогъ, 243.
Брогліо (урожденная Левашова), графиня, 265.
Брофферіо, 262.
Бругамъ, лордъ, 216, 219.
Брукеръ, 128.
Брушъ, 219.
Бруни, 74.
Брунова, жена посла, 190.
Бруновъ, посолъ въ Лондонѣ. Замѣчаніе о немъ, 20, 90, 98, 190.
Брюкенъ (Мостокъ), 4.
Брюнъ, маршалъ, 222.
Брянскій, 3.
Буало, 238.
Будбергъ, 237.
Букингамъ, 203.
Булгаковъ, Александръ Яковлевичъ. Переписка съ нимъ, 2, 4, 15, 16, 37—38, 92—94, 134; упом. 76, 140.
Булгаковъ, Константинъ Александровичъ, 60.
Булгаринъ, 33, 43, 51, 56, 246, 267.
Булонь, 43.
Буль, аудіенція у имп. Николая, 137.
Буль-Шауенстейнъ графъ, 109.
Бунженеръ, 125—126, 182, 192, 194—195, 213.
Бунина, писательница, 84.
Бунсенъ, 217—219, 236.
Бурдалу (Bourdaloue), 125.
Бурбоны, 292.
Бутеневъ, Аполинарій Петровичъ, 208.
Бутера, княгиня, 135.
Бутковъ, Владиміръ Петровичъ, 186.
Бутурлинъ, Дмитрій Петровичъ, 17, свѣдѣніе о немъ, 120—121.
Бухаринъ, 215.
Бѣдность не порокъ, 210.
Бѣлевъ, гор. 172.

Вѣлинскій, 205—206.
Вѣлое море, 181.
Вюлеръ, баронъ Ѳедоръ Андреевичъ, 232, 275.

Вагнеръ, 163, 212.
Валахія, 104.
Валленштейна замокъ, въ Прагѣ, 66.
Валленштейнъ, 64.
Валуева (рожденная княжна Вяземская), Марія Петровна, 137.
Валуевъ, (графъ) Петръ Александровичъ, 57, 218, 253.
Валуева, камеръ-фрейлина 146.
Вальднеръ, баронесса, 272.
Вальеро, Сильвестръ, докъ Венеціанскій, 5.
Валькеръ (Walker), 118.
Вандомская колонна, 24.
Варенесъ, 197.
Варшава, 60, 62, 84, 97, 105, 166, 232, 258.
Васильевъ, Іосифъ Васильевичъ, протоіерей, 4, 56, 135, 163, 219.
Васильчикова, княжна Софія Иларіоновна, 42.
Васильчикова, (рожденная Пашкова) Татьяна Васильевна, княгиня, 22, 34, 42.
Ватерло, 124.
Веберъ, 163.
Вене, 126, 139 — 140, 153, 155, 163—164.
Веймаръ, 165—166.
Велудо, библіотекарь Дукальной библіотеки въ Венеціи, 24.
Венгрія и Венгерцы, 66, 109, 114.
Вендрамини, 18, 42.
Веневитиновъ, Алексѣй Владиміровичъ, 130.
Веневитиновы, 266.
Венеція и Венеціанцы, 4—45, 70—96, 100, 101, 103, 197, 240, 248—249.
Верингинъ, 52.
Верона, 27, 93, 149.
Веронеза, Паоло, 7, 16, 27.
Веронъ, 81—82, 85, 87.
Вершойль (Vershoyle), леди, 190.
Виварини, 15, 18, 77.
Вигель, 77, 247.
Видортъ, 68.
Викторія, королева Англійская, 134—135, 223, 236.
Вильгельмъ, 1.
Вильгельмъ, принцъ Ангальтъ-Дессаускій, 55.
Вильгельмъ, маркграфъ, 114.
Вильдауеръ, нѣмецъ, 66—67.
Вильнеръ, Рудольфъ, 59.
Вильно, 110, 258, 268.
Вильямсонъ, 163.
Винифенъ, 77.
Виндишгрецъ, 67.
Виноградовъ, товарищъ Ломоносова, 68.
Винтергальтеръ, 216.
Висбаденъ, 165.
Витгенштейнъ, княгиня, 59.
Витгенштейнъ, князь, 114.
Виченскія горы, 14, 24.
Вини, 54.
Вяземскъ, 143.
Владиславлевъ, 51.
Вобель, 222.
Вогюэ, 226—227.
Воейкова, Александра. Письмо къ ней князя Вяземскаго, 35—36; упом. 166.
Волга, 5, 111.
Волкова, Марія Аполлоновна, 4, 210.
Волконская (рожденная Раевская), Марія Николаевна, 171, 175, 216—217.
Волконская, княгиня, Софія Григорьевна, 231.
Волконскій, князь, Михаилъ Сергѣевичъ, 216.
Волконскій, князь, Сергій Григорьевичъ, 171, 216—217.
Воловская, Казиміра, 166.
Вольтеръ, 17, 26, 42, 195, 200, 203 204—20, 208 1, 214, 238, 278, 280—281.
Вонлярлярскій, 167.
Вордони, стихотворица Венеціанская, 84.
Воронцова (рожденная Сенявина), графиня, 24.
Воронцова, графиня, 77.
Воронцовъ-Дашковъ, графъ, Иванъ Иларіоновичъ, 175, 220.

Веревцевъ, князь, Михаилъ Семеновичъ, 24, 52, 118, 136, 190, 212.
Веревцевъ, графъ, 61.
Веревцевы, 166.
Вронченко, министръ Финансовъ, 144.
Всеволожскій, Никита Всеволодовичъ, 237.
Вукъ Стефановичъ, 4.
Выкса, 167.
Вяльгорская графиня, 2—3.
Вяльгорскій, графъ, Іосифъ Михайловичъ, 169.
Вяльгорскій, графъ, Михаилъ Юрьевичъ, 76.
Вѣна, 4, 36, 65, 80, 99, 113, 118, 137, 143, 149—150, 233, 245, 258, 275.
Вѣра Константиновна, в. кн., 282.
Вѣстникъ Европы, 250, 266.
Вяземская, княжна, Александра Павловна, 93, 218.
Вяземская (рожденная княжна Гагарина), княгиня, Вѣра Ѳедоровна, 8, 13, 39, 61, 67, 96, 166, 171, 212, 221, 259, 281.
Вяземская (рожденная Д'Оресли), княгиня, Евгенія Ивановна, 254.
Вяземская (рожденная Столыпина), княгиня, Марія Аркадіевна, 3—4, 54, 136, 173, 175, 218, 225, 229.
Вяземскій, князь, Андрей Ивановичъ, 256.
Вяземскій, князь, Павелъ Петровичъ, 3, 49, 54, 57, 61, 64, 93, 96, 104 135—136, 165, 175, 240.
Вяземскій, князь, Петръ Павловичъ, 93, 135, 218.

Гагарина (рожденная графиня Валевская), княгиня Изабелла, 78.
Гагарина (рожденная Дашкова), княгиня, Софія Андреевна, 229.
Гагаринъ, князь, Григорій Григорьевичъ, 171, 228.
Гагаринъ, іезуитъ, 59.
Гайдуковъ, поваръ, 2.
Гакстгаузенъ, 122.
Галаховъ, обер.-полиціймейстеръ С.-Петербургскій, 122.
Галвани, графиня, 70.
Галилей, 202.
Гамбетта, 292.
Гамбургеръ, статсъ-секретарь, 285.
Ганка, 4, 65—66, 134—136.
Гарибальди, 246.
Гатчина, 233, 272.
Гегель, 123—124.
Гедеонъ, 33, 34.
Гейдельбергъ, 135, 286—287.
Гейне, 123—124, 130.
Генеренъ, 200.
Генкель (Henkel), профессоръ, 66.
Генуа, 219.
Георгіевскій монастырь, близъ Севастополя, 259.
Георгъ, герц., Мекленбургъ-Стрелицкій, 217—218, 229, 247.
Гердеръ, 69.
Германія и Германцы, 34, 100, 109, 119, 228, 287.
Герцеговина, 283.
Герценъ, 217.
Гете, 158, 166.
Гиббонъ, 183.
Гизо, 220.
Гиртъ, бывшій директоръ Департамента Народнаго Просвѣщенія, 171.
Глинка, Сергѣй Николаевичъ, 63.
Глинка, дипломатъ, 135, 141.
Глочестеръ, герцогиня, 190.
Гоголь, 78, 184, 200, 207, 222.
Голицына (рожденная Толстая), княгиня Анна Матвѣевна, 139, 216.
Голицына (рожденная Столыпина), княгиня Вѣра Аркадіевна, 3—4, 56.
Голицына (рожденная Валуева), княгиня Елизавета Петровна, 16, 43, 64, 67, 134, 154—155.
Голицына, княгиня Любовь, 93.
Голицына, княгиня Наталія Степановна, 210.
Голицынъ, князь, Александръ Николаевичъ, 256.
Голицынъ, князь, Александръ Сергѣевичъ, 57.
Голицынъ, князь, Валеріанъ, 172.
Голицынъ, князь, Леонидъ, 216.
Голицынъ, князь, Давидъ Ософоровичъ, 104.

Голицынъ, князь Дмитрій Владиміровичъ, 84.
Голицынъ, князь Сергій Павловичъ, 258.
Голицынъ, князь (Фирсъ), 166.
Голицынъ, князь Ѳедоръ Сергѣевичъ, 105.
Голицыны, кн., 11, 136, 258.
Головина, графиня, 146.
Голосъ, газета, 283.
Голубь, 26.
Гольдони, 27.
Гомбургъ, 79, 165, 287.
Гомеръ, 72, 187.
Гончарова, 171.
Горе отъ ума, 47.
Горный корпусъ, 69.
Горчакова (рожденная Векъ), княгиня Вѣра Ивановна, 165, 235.
Горчакова, княгиня, 56.
Горчаковъ, князь, Александръ Михайловичъ, 92, 117, 134, 181, 188, 210, 228—229, 249, 254, 261.
Горчаковъ, князь, Михаилъ Дмитріевичъ, 84, 86, 104, 144.
Горшковскій, 77.
Гофманъ, геп., 212.
Гофманъ, Московскій профессоръ Греческаго языка, 236.
Graham, 112, 116.
Градницкій, 66—67.
Гревеницъ, 166.
Гренвилль, леди, 59.
Гренвиль, 181, 211—212.
Греція и Греки, 52, 71, 112, 134.
Греческая церковь въ Венеціи, 22, 24, 28.
Гречъ, 25, 51.
Грибоѣдовъ, 47, 244.
Гримани, кардиналъ, 23.
Гримъ, корреспондентъ Екатерины Великой, 199—200.
Гриммъ, 122.
Гринделльвальдъ, 139.
Гроза, Островскаго, 229.
Гротъ, Константинъ Карловичъ, 255.
Гротъ, Яковъ Карловичъ, 294—296.
Гудсонъ-Лоу, 25.
Гунольстейнъ, графъ, 263.
Гурьева, 135.
Гурьевъ, графъ Николай Дмитріевичъ, 120.
Гусева, актриса, 8.
Гюго, Викторъ, 261, 263.
Гюлонъ, генералъ, 84.
Гюнерфюретъ, оркестръ его, 8.

Давыдовъ, Иванъ Ивановичъ, 78.
Давыдовъ, Денисъ Васильевичъ. Письма его къ Пушкину, 210.
Даламберъ, 141, 200.
Далмація, 5.
Даль, 270.
Данненбергъ, геп., 86.
Дантесъ-Геккеренъ, 57.
Дарданеллы, 29, 108, 115—116.
Дармштадтскія принцессы, 232.
Дармштадтъ, 275, 280.
Дашкова (рожденная графиня Воронцова), Екатерина Романовна, 175.
Дашковъ, Дмитрій Васильевичъ, 119—120, 159, 244—246.
Девріанъ, 2.
Де-Карне (De Carné), 289.
Декартъ, 125.
Delaveau, 142.
Де-Лаверинъ, Леонъ, 243.
Демидова, Матильда, 57.
Демидовъ, Анатолій, 137.
Демидовы, 11.
Д'Ели (d'Ely), маркиза, 283, 286.
Д'Эпине (d'Epinay), 199—200.
Демосфенъ, 1.
Дербисты, 139.
Державинъ, 51, 141, 164, 275. 295.
D'Argence de Dirac, 126.
Despois, 15.
Деффанъ (Deffant), 203—208.
Дидеротъ, 199—200.
Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ, 177, 244, 266.
Доброй Надежды мысъ, 5.
Долгорукая, кн. Александра, 210, 229.
Долгорукій, князь Василій Андреевичъ, 94, 103, 166, 229.
Долгорукій, князь Владиміръ Андреевичъ, 269.
Долгорукій, князь Николай Васильевичъ, 52.

Денеструй, 192.
Доницетти, 32.
Донъ, р., 5.
Донъ-Карлосъ, инфантъ, 18.
Доре, 140.
D'Осуна, герцогъ, 288.
Douhaine, 24.
Дрезденъ, 1, 4, 36, 46—47, 56, 63, 67—69, 82, 84, 100, 134, 136, 157, 166, 175, 212.
Друцкая (рожденная графиня Закревская), княгиня, 194.
Dreuyn de Lhuys, 94, 104, 115.
Drumlanrig, лордъ, 118.
Дуальная библіотека, въ Венеціи, 22—23.
Дунай, р. 81, 92.
Дунайскія княжества, 135.
Дундасъ, 135.
Дурасовъ, 71.
Дурново, Петръ Павловичъ, 229.
Дьякова, 106.
Дюкло, 207.
Дюма, 82, 85, 87, 222.
Дюпенъ, 202, 242.
Дюрингеймъ, 239.

Евангеліе, 24, 28.
Евгенія, импер., 1, 261—262, 267—288.
Египетскія мумін, 63.
Египетъ, 22.
Екатерина I, императрица, 50.
Екатерина II, 78, 89, 92, 141; переписка ея съ Фридрихомъ Великимъ 147—148, 150—152; бесѣды о ней съ в. кн. Анной Ѳедоровной 187; письмо о ней герцогини Шуазель, 204; записки ея 217—218, 229; переписка съ бар. Черкасовымъ 232—233, 275; отношенія къ сыну 277, 279; упом., 285.
Екатерина Михаиловна, великая княгиня, 170, 174—175, 216—218, 229, 237, 247, 254.
Екатерина Павловна, великая княгиня, 105, 137, 282.
Елва, 88.
Елена Павловна, великая княгиня, 74, 130, 154, 166, 217, 228, 230.
Елизавета Алексѣевна, императрица, 98, 99, 105, 140, 146, 231, 237, 294—295.
Ермоловъ, Алексѣй Петровичъ, 90 168, 171, 254.
Ешевскій, профессоръ, 173.

Женева, 119, 150, 154—156, 164, 181, 183—185, 191, 194, 196, 198, 200—201, 213, 215, 220, 226—227.
Жераръ, 218.
Жилблазъ, 72, 165.
Жирарденъ, 101, 124, 141, 241—242, 263.
Жоржъ-Сандъ, 82, 88, 228.
Жофрекъ, 285.
Жуковская (рожденная Рейтернъ), 134, 138.
Жуковскій, 16; изданіе его твореній, 34; его стихи, 43; упом. 51; отзывъ о немъ митр. Анвросія, 66—67; его защита кн. Вяземскаго, 84; его духовникъ, 93; его домъ въ Баденѣ, 118; Ротенбергъ, 137, упом. 138 — 139; воспоминаніе о немъ 153—154, 160; отзывъ его о гр. Уваровѣ, 174; отзывъ о немъ 187; упом. 215, 266, Клудовъ, 244—245; Арзамасъ, 246.

Завадовскій, 21, 55.
Зайцевскій, 27—28.
Закревская (рожденная графиня Толстая), графиня Аграфена Ѳедоровна, 195.
Закревскій, графъ, Арсеній Андреевичъ, 94, 170—172, 194, 210.
Заленанъ, 87.
Захаръ (Sachar), президентъ Пражской полиціи, 65.
Зеленецкій, проф. 25.
Зенфтъ, дипломатъ, 261.

Ивановъ, живописецъ, 210.
Игнатій Лойола, 283.
Икорниковъ, Александръ Ивановичъ, 219, 230.
Ильинское, подмосковная, 269, 256.
Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій, 168.
Интерлакенъ, 139, 236.
Италія и Итальянцы, 8—9, 14—15,

27—28, 30, 37, 39, 40, 42, 60, 71, 68, 84, 106, 119, 221, 233, 241.

Іезуиты, 119.
Іерусалимъ, 6, 18, 17, 52, 53, 125.
Іоаннъ Грозный, 2.
Іоаннъ, архимандритъ, ректоръ Казанской Духовной Академіи, 192.
Іосифъ, патріархъ Сербскій, 64—65.

Cabal, 203.
Кавелинъ, Константинъ Дмитріевичъ, 174.
Каверинъ, Павелъ Никитичъ, 91.
Кавуръ, 217.
Кадри, авторъ, 5.
Казакова, 225.
Казань, гор., 168, 192.
Каласъ, 214.
Каллимахъ, 202.
Кальвинъ, 227.
Каменскій, графъ, Михаилъ Өедотовичъ, 47, 215.
Каменскій, графъ, Николай Михайловичъ, 86, 243—244.
Кандія, 5.
Канкринъ, графъ, Егоръ Францовичъ, 48, 50, 88, 240, 257.
Каннингъ, 90, 109.
Канинъ, гор., 215, 218—219.
Канова, 10, 12, 17—18, 27, 63.
Канштадтъ, 123, 137—138.
Каподистрія, 148—152.
Карамзина (рожденная Шерваль), Аврора Карловна, 174, 209.
Карамзина, Екатерина Андреевна, 247. 251.
Карамзина, Елизавета Николаевна, 53—54, 68, 96—97, 235.
Карамзина, Софія Николаевна, 44, 187.
Карамзинъ, Андрей Николаевичъ, 137—138, 167.
Карамзинъ, Владиміръ Николаевичъ, 254.
Карамзинъ. Не допускалъ выраженія *на счетъ*, 19; переводъ его сочиненій на Нѣмецкій языкъ, 49; упом., 68; отношенія къ имп. Александру, 105; анекдотъ, 131—132; путешествія, 136, 176—180, 184. 215; читалъ Записки императ. Елисаветы Алексѣевны, 146; его записка о Москвѣ, 163; гр. Ѳ. А. Толстой, 195; разсказы его, 207; чтеніе его исторіи, 218; упом., 227, 257, 266; біографическія о немъ свѣдѣнія, 244—247; 250—253; біографія его, составл. Погодинымъ, 254; упом. 288, 291.
Карамзины, 236, 243—244, 256.
Каратыгинъ, 3.
Карачіоли, 39—40.
Карлебадъ, 4, 20, 46—50, 58, 61—62, 64—65, 118, 135—136, 181, 211—212, 235—236.
Карлсруэ, 92—96, 98—103, 105, 117, 134, 137. 146, 156—158, 164—165.
Карлъ Альбертъ, 119.
Карлъ, герцогъ Виртембергскій, 216.
Карлъ, принцъ Прусскій, 136, 139, 142, 236.
Карлъ-Фердинандъ, эрцгерцогъ, 55.
Каррара, 91.
Карро, докторъ, 47—49.
Каспійское море, 5.
Кассини, 27, 29, 91.
Кастеллани, маршалъ, 224.
Кастельбажакъ, 30, 57, 65.
Каталаны, 211.
Катенинъ, генералъ-губернаторъ Оренбургскій, 229.
Катенинъ, писатель, 82.
Катковъ, Михаилъ Никифоровичъ, 247.
Каунницъ, 62.
Кенигсбергъ, 211, 237, 250.
Кенигсвартъ, замокъ Меттерниха, 63.
Кеннеритцъ, 46.
Кинскій, князь, 67.
Кириллъ св. Бѣлозерскій, 192.
Кирѣевская (рожденная Арбенева), Наталія Петровна, 171.
Кирѣевскій, Иванъ Васильевичъ, 172.
Киселева, Софія, 79.
Киселевъ, гр. Николай Дмитріевичъ, 80, 84—85, 90, 98.
Киселевъ, графъ Павелъ Дмитріевичъ, 34, 95, 127, 168, 290.
Киселевъ, Сергѣй, 3.
Китай, 109, 208.

Кіевъ, 62.
Кіоджіо, близъ Венеціи, 13—14.
Кларендонъ, 104, 181, 211—212.
Клейстъ, 46, 91.
Кленацкій, капуцинъ, 240.
Клиффордъ, 203.
Клопштокъ, 49.
Княжевичи, 137.
Кобленцъ, 128.
Ковалевскій, Евтравъ Петровичъ, 170—173, 229-230.
Ковалевскій, Егоръ Петровичъ, 22.
Ковлей, лордъ, 202.
Ковно, 166.
Козпакъ, аббатъ, 36.
Кокерель, 182, 213—214.
Комаровская, графиня, 216.
Конде, 36.
Кони, 25.
Константинополь, 2, 19, 31, 56, 72—73, 83, 98, - 99, 134, 139, 161, 286.
Константинъ Николаевичъ, в. князь, 8, 54, 135, 169, 210, 216.
Константинъ Павловичъ, в. князь, 58, 211, 276.
Конти принцъ, 36, 200.
Корнаро, 74.
Корниловъ Севастопольскій, 127—128, 139.
Корраджіо, 86.
Корреръ, 27.
Коссидьеръ, 73.
Кострома, 171.
Котляревскій, генералъ, 118.
Котцъ, баронесса, 65, 67.
Кохановская (псевдонимъ), писательница, 228.
Кочубей (рожденная княжна Волконская), Елена Сергѣевна, 210, 216.
Кочубей, Николай Аркадьевичъ, 216—217.
Кошелевъ, Александръ Ивановичъ, 132, 172, 209.
Красинскій, графъ, 57.
Красное Село, 233.
Кремль, 209, 269.
Кривцовъ, Николай Ивановичъ, 245.
Кригъ, 135.
Кристинъ. Свѣдѣніе о немъ, 265.
Кронштадтъ, 143, 167.
Крузе, Николай Ѳедоровичъ, 172.
Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, 46—47. 85, 144.
Крыловъ, Никита Ивановичъ, профессоръ, 170.
Кудрявскій, 55.
Куракинъ, князь Алексѣй Борисовичъ, 58.
Кюстинъ, 48.
Кутайсовъ, графъ Иванъ Павловичъ, 94.
Кутузовъ, кн. Смоленскій, 2, 86, 254, 268.
Кушеловъ, графъ, 50—51.
Кушелевы, 64.

Лабицкій, 8.
Лагарпъ, 176, 180, 208, 213.
Ладыженская (рожденная Сушкова), ея статья о Ростопчиной, 235.
Лажечникова, 269.
Лазарева-Станищева, 60.
Лазаревскій Институтъ, въ Москвѣ, 6.
Лазаревъ, 207.
Лакуръ, 90.
Лалла-Рукъ, 56.
Ламартинъ, 121, 220, 238, 281.
Ламенне, 269.
Ламздорфъ (рожденная Бекъ), графиня Марія Ивановна, 43.
Лассаль, 235.
Лаудердаль, 203.
Лафаетъ, 255.
Лафатеръ, 180.
Лафонтенъ, 89.
Левассеръ, 139.
Ледрю-Ролленъ, 73.
Лейбницъ, 44, 47, 124—125.
Лейпцигъ, 136.
Леніеръ, 207.
Ленскій, 59.
Лерминье, 185.
Леру, пасторъ, 214.
Лешковъ, Василій Николаевичъ, 170.
Лжедмитрій, 1—2, 97.
Либманъ, архивскій чиновникъ, 245.
Ливадія, 259, 284—285.
Ливингстонъ, 201.
Лигницъ, 139.
Лидо, близъ Венеціи, 6, 15—16, 19, 41.

Линаръ, 4.
Линдау, 44.
Линиевскій, 1.
Липранди, Павелъ Петровичъ, 140.
Листъ, 59, 130, 163.
Ліонъ, гор., 215, 222—224—226.
Лобановъ, 61.
Лобковицъ, 56.
Лодомирская (рожденная кн. Гагарина), Софія Ѳедоровна, 168.
Лозанна, 163, 176—177, 180, 183—184, 195, 213.
Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, 4, 68, 124, 187, 266.
Ломоносовы, 62.
Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, 172.
Лондонъ, 8, 35, 39, 57, 98, 128, 190, 283.
Лоредано, Леонардъ, докъ, 18.
Лубяновскій, Ѳедоръ Петровичъ, 169.
Луга, 211.
Луи-Филиппъ, король Французскій, 215, 239, 263.
Лѣсной Институтъ, близъ Петербурга, 161, 166, 168, 240, 237.
Любимовъ, сенаторъ, 167.
Людвигсбургъ, 137.
Людовикъ IX, король, 238.
Людовикъ XIV, король, 125—126.
Людовикъ XV, король, 126—127, 182.
Людовикъ XVI, король, 78, 182, 214, 263.

Мадзини, 217.
Мазарини, 36.
Мазена, 3.
Майоръ, 236.
Майковъ, Аполлонъ Александровичъ, 174.
Майковъ, Аполлонъ Николаевичъ, 216.
Максимовичъ, Михаилъ Александровичъ, 172.
Максы, ваятели, 67.
Малитуритъ, 82.
Малороссія, 242, 263.
Мальцова (рожденная княгиня Урусова), Настасія Николаевна, 229, 258.
Мальцовъ, 104.
Манеевъ, графъ Матвѣй Александровичъ, 262.
Манзони, 102, 241.
Маннини, докъ, 18.
Маннергеймъ, графиня, 209.
Мантейфель, 109.
Мантрини, въ Венеціи, 74, 83.
Марина Мнишекъ, 2.
Маринни, археологъ, 24.
Маринни, графиня, 217.
Маріенбадъ, 61—64.
Марія Александровна, императрица. Представленіе ей кн. Вяземскаго 167, 170—171, 173, 209; воспріемница дочери Рейтерна 174; письмо къ ней кн. Вяземскаго 180—183, 188—189, 214, 218, 248—249, 284—286; чтенія 228—229; упом. 230, 253; путешествія 235—237; стихи ей 237; упом. 294—295.
Марія Александровна, в. княжна, 259.
Марія-Антуанета, 78, 263.
Марія-Луиза, 25.
Марія Максимиліановна, в. герцогиня Баденская, 210, 281, 294—295.
Марія Николаевна, в. княгиня, 154, 167, 170.
Марія Павловна, в. княгиня, 166.
Марія, принц. 100.
Марія-Терезія, императрица, 126.
Марія Ѳеодоровна, императрица, 66, 105, 137, 231, 233, 271, 273, 276—279, 282, 285.
Марковъ, Аркадій Ивановичъ, 85, 174, 265.
Марогеръ, 222.
Марсель, гор., 187, 215, 219—220, 226.
Мартенъ, проф., 221.
Мартыновъ, Николай Алексѣевичъ, 228.
Марунди, 91.
Массенбахъ, 284, 287.
Матильда, принц., 190, 281.
Мейендорфы, 83, 229, 237.
Мехитаристовъ Армянскій монастырь, въ Венеціи, 6.
Мемель, 274.
Меншиковъ, князь Александръ Сергѣевичъ, 2, 19, 52—53, 58, 75, 87, 99, 111, 121, 127—128, 138, 166, 203, 207, 216.

Меранъ, 248—249, 261.
Мещерская (рожденная Мальцова), княгиня Капитолина (Толя) Сергѣевна, 258.
Мещерскіе, кн. 53—54, 168, 228, 235—236, 254.
Мещерскій, князь Владиміръ Петровичъ, 218.
Мещерскій, князь Николай Петровичъ, 54, 209.
Михель-Анжело, 125.
Мико, графиня, 67.
Миланъ, 92, 102, 240—241.
Милюковъ, Александръ Петровичъ 25.
Милютина (нынѣ княгиня Шаховская), графиня Елисавета Дмитріевна, 289—290.
Милютинъ (графъ) Дмитрій Алексѣевичъ, 113, 290.
Мирабо, 263.
Михаилъ Павловичъ, в. князь, 74.
Мицкевичъ, 293.
Мишле, 261.
Монако, 111.
Монбланъ, 227.
Монкрифъ, авторъ, 207.
Монморанси, 200.
Монпелье, 221.
Монталамберъ, 2, 261—262.
Монтегю, дипломатъ, 197.
Монтескье, 151, 200, 203.
Монтеспанъ, 125.
Моравскій, 140, 142, 235.
Мордвиновъ, графъ Николай Семеновичъ, 243.
Моренгеймы, 237.
Морицъ, Петръ Алексѣевичъ, 294—295.
Морле, аббатъ, 246.
Морозини, Михаилъ, 18.
Морозини, Франческо, 13.
Москва, 3. 34, 47, 51, 65, 92, 94, 111, 151, 160—161, 163—164, 168, 170—172, 174, 177—178, 194, 196, 209—210, 224, 233, 237, 243—244, 246—247, 250, 254—257, 265, 269, 276.
Московскій Вѣстникъ, 267.
Московскій Телеграфъ, 266—267, 291.
Московскія Вѣдомости, 140.
Мостаръ, 283.
Моцартъ, 10.
Моцетто, 18.
Мочениго, дипломатъ, 76.
Мочениго, графиня, 28.
Мочениго, палаццо въ Венеціи, 112.
Мураньевъ, графъ Амурскій, 68.
Мураньевъ, Андрей Николаевичъ, 15.
Мураньевъ, графъ Михаилъ Николаевичъ, 54, 228.
Муруцци, 16.
Мухановъ, Николай Алексѣевичъ, 79, 188, 210, 254.

Наміасъ, докторъ 23—24, 84.
Наполеонъ I, 2, 21, 25—26, 39, 41, 63, 85—86, 124, 150, 148, 161, 165, 215—216, 227, 238, 241, 243, 261, 263, 265, 268, 292.
Наполеонъ III, 1—2, 57, 72—73, 80, 84—85, 90, 97, 98, 101, 106—107, 113—115, 126, 134, 158, 165, 173, 189, 202—203, 215, 217, 219, 237, 242, 249, 281.
Нарбоннъ, 110.
Нартовъ, президентъ Россійской Академіи, 256.
Нахимовъ, П. С., адмиралъ, 95, 114, 166,
Неаполь, 76, 233.
Нева, 2, 189.
Нейбергъ, 50.
Неккеръ, 127, 160.
Нелединскій-Мелецкій, Юрій Александровичъ, 130—131, 282.
Нерли, пейзажистъ, 16.
Неронъ, 238.
Нессельреде, графъ, канцлеръ, 20, 52, 56, 80, 87, 97, 105, 112, 115, 149, 155, 165, 203.
Не чуй горе, домикъ въ Ильинскомъ, 256.
Нижній-Новгородъ, 232.
Николай I, 11, 16; пріобрѣтаетъ галлереи Barbarigo 17, 76; упом. 10; его слова 36; возлагаемыя на него надежды по возстановленію порядка въ Европѣ 65, 114, упом. 72; манифестъ 79—80; упом. 90, 94, 96; его характеръ 98; уп. 106, 109, 111, 115—116, 119, 120, 128, 195; оплакиваетъ

смерть Корнилова 127; день рожденія 136; даетъ аудіенцію Булю 137; подарокъ в. кн. Ольгѣ 138; выборъ людей 144; записки имп. Елисаветы Алексѣевны 146; кончина 146—147; 156, 164, 166, 168; отзывъ о немъ имп. Александры Ѳеодоровны 167; декабристы 231, 282.
Николай, князь Черногорскій. Его литературныя произведенія 293.
Никольское, подмосковная Голицыныхъ, 258.
Нилъ Сорскій, 256.
Нишъ, гор., 220—222.
Норовъ, Авраамъ Сергѣевичъ. Отзывы о немъ 50, 144—145, 160, 163, 167; упом. 131—132, 168, 170—171, 173—175; 230.
Норовъ, товарищъ Министра Финансовъ, 48.
Нѣмцы, 1, 4, 43, 103, 124.

Оберкирхъ (рожденная Валднеръ-Страсбургъ). Письма ея къ импер. Маріи Ѳеодоровнѣ 271, 274, 276—277, 279, 285.
Оболенскій, князь Александръ Петровичъ, 268.
Оболенскій, князь Дмитрій Александровичъ, 210.
Обреновичъ, Юлія. Сербская княгиня, 254.
Одесса, 83, 121, 190, 211—212.
Одоевская (рожденная Ланская), княгиня Ольга Степановна, 130, 160.
Одоевскій, князь Владиміръ Ѳедоровичъ, 48, 269.
Одоннель, 188.
Озеровы, 93, 172.
Окулова, Анна Алексѣевна, 171, 173.
Окулова, Варвара Алексѣевна, 171.
Оленины, 47.
Олеръ (de St. Aulaire), маркизъ, 204.
Оливейра, 118.
Олсуфьева, графиня, 216.
Олсуфьевъ, Василій Дмитріевичъ, 166.
Ольга Николаевна, королева Виртембергская, 137—138, 141, 166, 210, 212, 231, 235, 237, 240, 254, 281—284, 287.
Омеръ паша, 81, 92.
Ораніенбаумъ, 166, 190, 237, 248.
Оренбургъ, 229.
Орловъ-Давыдовъ, графъ Владиміръ Петровичъ, 254.
Орлова-Денисова, графиня, 28.
Орловъ, князь Алексѣй Ѳедоровичъ, отз. о немъ 19—20, 181; письмо къ нему 99; упом. 190.
Орешинъ, 190.
Остафьево, подмосковное село кн. Вяземскаго 60, 171, 210, 244, 251—252.
Остерманъ-Толстой, графъ Александръ Ивановичъ, 164.
Островскій, Александръ Николаевичъ, 210, 229.
Оттонъ, король Греческій 50, 134.
Ошеръ (Pascal Aucher), 6.

Павелъ, императоръ, 58, 78, 155, 195, 232—233, 271, 274—275, 277, 279, 282.
Павловскъ 165, 168, 210, 272, 276.
Павловъ, Николай Филипповичъ 171—172, 237.
Паисій Величковскій, архимандритъ 256.
Паленъ, графъ Николай 55, 56, 64.
Паленъ, графъ Петръ 55, 59, 64.
Палиссо (Palissot) 246.
Пальма, художникъ, 27, 77.
Пальмерстонъ 20, 34—36.
Панина (рожденная графиня Тизенгаузенъ), графиня Наталія Павловна 54.
Панина (рожденная Толстая), графиня Александра Сергѣевна 172, 209.
Панинъ, графъ Викторъ Никитичъ, 54, 173.
Панинъ, графъ Никита Ивановичъ 232.
Панандопуло 243.
Парижъ, 1, 3—4, 8, 24, 32, 38—39, 44, 54, 56, 59, 65, 80, 84, 98, 135, 138, 165, 181—183, 185, 187, 197—198, 215, 219—220, 321, 237, 249, 255, 261, 265, 282.
Паскевичъ, князь Варшавскій, фельдмаршалъ 136, 144.
Пашкова (урожденная Баранова) Марія Трофимовна 41.

Пашковы, 34, 41, 56, 64.
Польчинскій, 108.
Понброкъ, 166.
Поровскій, Алексѣй Алексѣевичъ 17.
Поровскій, Василій Алексѣевичъ 175.
Персія, 6.
Перуцци, 90—91.
Петербургскія Вѣдомости, 212.
Петербургъ, 4, 9, 11, 15, 22, 31, 37, 44, 50—51, 55—58, 62, 63, 66, 69, 78, 80, 96, 100, 102, 105, 110, 113—114, 127, 130, 143, 150, 153, 155, 257, 160, 163, 172, 176, 178, 188—189, 195, 209, 211, 221, 228, 232, 233, 236, 243—248, 252—253, 269, 275—276, 279.
Петергофъ, 166—168, 180, 237, 279.
Петерсвальдау, мѣстечко 256.
Петропавловская крѣпость, въ Петербургѣ 232.
Петрорка, 220
Петровъ, священникъ, 213.
Петръ I, императоръ, 5, 47, 50—52, 211—212.
Петръ Георгіевичъ, принцъ Ольденбургскій, 127, 139—142, 163—164, 169.
Пехлинъ, 56.
Пиллеръ-Пильхау 130.
Піанори 165
Платовъ, 171.
Плетневъ, Петръ Александровичъ, 134—135, 167, 174, 214, 227.
Плещеевы, 221.
Погодинъ, 4, 68, 122, 168, 172, 210, 216, 250, 254—255, 265.
Полевой, Николай Алексѣевичъ, 267.
Полетика, Петръ Ивановичъ, 245.
Полисадовъ, Василій Петровичъ, протоіерей 141, 165, 167.
Полторацкій, Сергій Дмитріевичъ, 3, 42.
Польша и Поляки, 4—5, 73, 147, 151, 226, 238—239, 241—243, 262, 287.
Помпадуръ, 126.
Пономаревъ, Степанъ Ивановичъ, 169.
Помятовскій, Станиславъ, кор. Польскій, 263, 285.
Порховъ, 268.
Потапова (рожденная княжна Оболенская), Екатерина Васильевна, 237.
Потоцкій, 235.
Похвиснева, 216.
Прага, гор., 4, 65, 67—68, 233, 276.
Протасовъ, графъ Николай Александровичъ, 163.
Пруссія, 51, 108, 148, 217, 235.
Псковъ, 258.
Публичная Библіотека, въ С.-Петербургѣ, 243, 247.
Пужуль, 52—53, 59.
Пурталесъ, 135.
Путбусъ, графъ, 56.
Путятинъ, адмиралъ, 75, 127.
Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ. Его произведенія 3; не бывалъ заграницей 27—28; упом. 51, 200; біографія его 140; его рукописи 196; письма къ нему Давыдова 210; его анекдоты 227; по поводу статьи о немъ Кохановской 228—229; Карамзинъ 245; его рукописи 252; воспоминаніе о немъ 266—267, 299.
Пушкинъ, Василій Львовичъ, 82, 258.
Пушкинъ, Левъ Сергѣевичъ, 54.

Рабле, 110.
Рабо, 214.
Радецкій, фельдмаршалъ, 24—26, 42, 67, 93.
Радзивилъ, князь Вильгельмъ, 237.
Радзивилъ, князь Михаилъ, 1.
Радзивилъ, князь, 58.
Радолинская, 48.
Раевскій, Михаилъ Өедоровичъ, протоіерей, 4, 169.
Разумовская, (рожденная княжна Вяземская), графиня Марія Григорьевна, 106.
Разумовскіе, 11.
Разумовскій, князь Андрей Кирилловичъ, 1, 232—233, 275.
Расинъ, 238.
Ратисбонъ, Французскій переводчикъ Данте, 12.
Раутъ, изд. Сушкова, 51.
Рафаловичъ, путешествен. по Египту, 22.
Рафаэль, 27.

Ридъ, ген. 168.
Ребиндеръ, 218—219.
Ребуль, 220—222.
Ревель, 232—233.
Редклифъ, 33, 286.
Рейнъ, 95—103.
Рейсъ-Эфенди, 52.
Рейтернъ, Михаилъ Христофоровичъ, 255.
Рейтернъ, 153, 174.
Рекамье, 285.
Рембрандтъ, 74.
Репнина, кн. 2—3, 46, 49.
Репнинъ, князь Николай Васильевичъ, 2.
Ржевскій, камергеръ, 47, 244.
Ржевусская, 238.
Рибопьеръ, 229.
Ринароль, 187
Римъ и Римляне, 45, 90, 125—126, 142, 161, 192, 218, 276.
Рихардъ, 213.
Ришелье, 207, 218.
Робертъ, Леопольдъ, художникъ, 14, 16.
Робеспьеръ, 214.
Роганъ, 227.
Розановъ, 167.
Роіе-Колларъ, 188, 259, 292.
Роллемъ, 17.
Рона, р. 155, 164, 215, 226.
Россети, Клементій Осиповичъ, 166.
Россини, 21.
Россія, 4—5, 10, 20, 27, 37, 51—52, 54—55, 59, 65, 72—73, 76, 79, 81, 84, 88, 91, 94, 96, 98, 100—102, 104, 106—114, 118 119, 124, 128 129, 135, 137, 143, 147, 149, 151, 156, 168, 176—177, 179, 186, 190, 196, 201, 213, 226, 239, 242, 244, 247—248, 253—254, 256, 266, 268, 287.
Ростовцовъ, графъ Яковъ Ивановичъ, 186.
Ростопчина (рожденная Сушкова), графиня Евдокія Петровна, 171, 235.
Ростопчинъ, графъ Оедоръ Васильевичъ, 94, 135, 233, 275.
Ротенбергъ, 137.
Ротшильдъ, 65.
Рошфоръ, 292.
Ртищевъ, 52.
Рубини, 17.
Русскій Архивъ, 290.
Русское, 124, 141—142, 153—155, 183—184, 195, 197—201, 224.
Рустемъ-Бей, 217.
Рущукъ, 86.
Рылѣевъ, 292.
Рюдигеръ, графиня, 216.

Савва Освященный, 15.
Савоія и Савойцы, 178, 184.
Садовскій, актеръ, 210.
Салтыковъ, князь Алексѣй Николаевичъ, 103.
Салтыковъ, князь Николай Ивановичъ, 55.
Салтыковъ, графъ, 282.
Салтыковы, 258.
Сальванди, 2.
Сальмуръ, 217.
Самарина, 171.
Самаринъ, Юрій Оедоровичъ, 269.
Сандвичъ (Sandwich), лордъ, 204.
Сансовино, архитекторъ, 7, 77.
Сапожниковъ, 224.
Саратовъ, 5.
Сарди, Іосифъ, архитекторъ, 7.
Сардинія, 217
Свербѣева (рожд. княжна Щербатова), Екатерина Александровна, 35, 172.
Свербѣевы, 209—210, 213.
Свистунова, 91.
Свѣчина, 263.
Св. Елены, островъ, 25, 227, 241.
Севастополь, 10, 127, 139—140, 143, 160—161, 164, 166, 168, 173, 259.
Севинье, 36.
Сентъ-Бевъ, 263, 269.
Сенявинъ, Левъ Григорьевичъ, 165.
Сенявинъ, адмиралъ, 168.
Сербиновичъ, Константинъ Степановичъ, 255.
Сергій Александровичъ, великій князь, 259.
Силистрія, 135.
Силуэтъ, 127.
Сильвестръ, авторъ Домостроя, 192.
Сильвіо Пеллико, 101—102, 241.

Симонъ, 94, 103, 103, 126.
Скарлле, 76.
Скарпаньине, 77.
Скрынницынъ, 216.
Смирнова (рожден. Россети), Александра Осиповна, 269.
Соболевскій, Сергій Александровичъ, 269.
Соллиръ, Ѳедоръ, 214.
Соловецкій монастырь, 121 — 122, 211.
Сологубъ, графъ Владиміръ Александровичъ, 118.
Сона, р. 215.
Серресъ, леди, 13.
Софійскій соборъ, въ Новгородѣ, 228.
Софія, герцогиня, 93, 146.
Сперанскій, 151—152, 231—232.
Стадіонъ, графъ, 63.
Стакельберги, 58, 216, 232.
Сталь, 243, 255.
Старынкевичъ, 113.
Стоглавый соборъ, 2.
Столыпина (рожденная Сверчкова), Марія Алексѣевна, 134, 165.
Столыпинъ, Алексѣй Аркадьевичъ, 226.
Столыпинъ, Николай Аркадьевичъ, 101, 165.
Страсбургъ, 51, 279—280.
Страффордъ, 286.
Строганова (рожденная княжна Кочубей), графиня Наталія Викторовна, 164.
Строгановы, 21—22.
Стутгардтъ, 92, 105, 121—122, 136, 138, 141, 156, 164, 212, 235, 237.
Стюрмеръ, 19, 24—25, 29, 70, 75, 78, 83, 90, 101.
Суворовъ, 42, 66, 84, 92.
Судаковъ, священникъ, 140, 143.
Сумарокова, ген. 91.
Сумароковъ, Александръ Петровичъ, 260.
Сутто-Марина, близъ Венеціи, 14.
Сухозанетъ, 60.
Сухтеленъ, 43—44, 187.
Сушковы, 51, 170—172.
Сѣверинъ, Дмитрій Петровичъ, 92, 117, 245.
Сѣверная Пчела, 34, 51, 56, 62, 104, 267.
Сю, Евгеній, 62.

Таганрогъ, 105, 231.
Талейранъ, 81, 207, 256.
Тальони, 17, 41—42.
Тамерланъ, 207.
Тассо, 16, 22.
Татищевъ, Дмитрій Павловичъ, посолъ въ Вѣнѣ, 149.
Татищевъ, его словарь, 22.
Тацитъ, 90.
Тверь, 57, 172.
Текерей, 125.
Теплицъ, 4, 212.
Терезія, принцесса Ольденбургская, 139, 140—143, 164, 254.
Терезія Петровна, принцесса Ольденбургская, 139.
Тизенгаузенъ, 174.
Тилле, 276, 279.
Тильзитскій миръ, 142.
Тимирязевъ, 172, 258.
Тимоѳеевъ, Александръ Ильичъ, 211.
Тинторетто, живописецъ, 11, 28, 77.
Титова (рожденная графиня Хрептовичъ), Елена Михайловна, 136.
Титовъ, Владиміръ Павловичъ, 122, 137—138, 141, 159, 163—164, 169, 173 — 175, 209 — 210, 212, 219, 229, 236—237, 249, 284.
Тиціанъ, 10, 14—15, 18, 28, 74, 83.
Токевиль, 259.
Толстая, графиня Александра Андреевна, 136, 210.
Толстой, графъ Дмитрій Андреевичъ, 266.
Толстой, графъ, Левъ Николаевичъ, 171, 266.
Толстой, Николай Матвѣевичъ, 295.
Толстой, Яковъ, письмо къ нему, 58—59, 130; острота его, 104.
Толстой, графъ Ѳедоръ Андреевичъ, 195.
Толстой (американецъ), графъ Ѳедоръ Ивановичъ, 3.
Толстой, графъ Ѳедоръ Петровичъ, 74.
Торетти, учитель Кановы, 18.

Тотлебенъ, 130, 268.
Трубецкіе, кн. 57.
Трубецкой, князь Алексѣй, 55, 61, 135.
Трубецкой, князь, 232.
Трубецкой, кн., женатый на Taglione, 29, 42.
Тунисъ, графъ, 27.
Тургеневъ, Александръ Ивановичъ, 66, 244—245, 256.
Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, 265—266.
Тургеневъ, Николай Ивановичъ, 211, 292.
Тургеневы, 220.
Туринъ, гор., 101—102, 219, 225, 241.
Туркестанова, княжна. Отзывъ объ ея перепискѣ, 265.
Турція и Турки, 4, 11, 14, 19—20, 22, 29, 36, 51—54, 59, 72—73, 75, 78—81, 83, 85—86, 88, 90—92, 94, 99, 107, 108, 135, 148, 243, 287—288.
Турнуль, графиня, 13.
Турчихинъ, 200.
Тверь, 202, 263.
Тютчева, Анна Ѳедоровна. См. Аксакова.
Тютчева, Екатерина Ѳедоровна, 255.
Тютчева, Эрнестина Ѳедоровна, 12, 31—32, 44, 103, 134.
Тютчевъ, Ѳедоръ Ивановичъ, 54, 104, 163, 166, 170, 174.
Тютчевы, 229.
Тюфякинъ, князь, 82.

Убри, 13, 81.
Уваровъ, графъ Алексѣй Сергѣевичъ, 174.
Уваровъ, графъ Сергій Семеновичъ, 160, 174, 245.
Ульбахъ, 263.
Унгеримъ, нѣмица, 90.
Урусова (рожденная княжна Трубецкая), княгиня Елисавета Петровна, 258.
Успенскій Соборъ, въ Москвѣ, 209.
Устряловъ, Николай Герасимовичъ, 229.
Утренняя Заря, изд., 51.

Фабръ, музей его въ Монпелье, 221.
Фавръ, 261.
Фази, 182—188, 195, 194—196, 213 227.
Фенелонъ, 125, 202, 205, 238, 269—270.
Ферней, 227, 261.
Фикельмонтъ, 81, 83, 101.
Филаретъ, митрополитъ Московскій, 172, 255, 259.
Фистумъ, 212.
Фишеръ, Адольфъ, патеръ, 66.
Флоке, 292.
Флоренція, 225—226.
Фогель, пріятель Жуковскаго, 16.
Фоу, генералъ, 1.
Фокъ, генеральный консулъ въ Каирѣ, 22, 83, 86.
Фонтенебло, 80, 84—85, 90.
Фонъ-Визинъ, 221.
Фоотъ, актеръ, 204.
Форбесъ, Аделаида, 3.
Фоскари, дожъ, 10, 27, 91.
Франкфуртъ на Майнѣ, 56, 135, 165, 212, 271, 285.
Франція и Французы, 1—2, 17—18, 20, 22, 26, 37, 39, 51, 57, 60, 72—73, 79—81, 83—84, 86, 88—89, 91—92, 97—98, 100—101, 103, 107—108, 112, 114—115, 117, 130, 135, 148, 170, 182, 184, 186, 190, 213, 215, 217, 219—221, 238—239, 247, 255, 265, 268, 278, 287.
Францъ II, императоръ, 67.
Францъ Іосифъ, покушеніе на его жизнь, 2, 4. *Австрійскій Императоръ* допускается въ алтарь Греческой церкви въ Венеціи, 8; тезоименитство его, 19; связь его съ Наполеономъ III, 126; день рожденія, 235.
Фредро, графиня, 146.
Фрейбергъ, 68—69.
Фрейгангъ, 78.
Фрейштедтъ, 105.
Фридландъ, 65.
Фридрихсгафенъ, 287.
Фридрихъ-Вильгельмъ, король Виртембергскій, 216.
Фридрихъ Великій, король Прусскій, 44, 147, 150—152.

Фуадъ-Паша, 217.
Фундуклей, Иванъ Ивановичъ, 62.
Фуше, 125.

Халанскій, сенаторъ, 215, 226.
Хвостовъ, графъ Дмитрій Ивановичъ, 46—47, 296.
Хемницеръ, 295—296.
Хераскова, Е. В., 260.
Херасковъ, 266.
Херсонскій монастырь, близъ Севастополя, 259.
Хитрово (рожденная княжна Голенищева-Кутузова), Елизавета Михайловна, 83.
Хитрово, М. А., 166.
Холера, 50, 56.
Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, 130, 140, 210.
Хрептовичъ, 86.

Царское Село, 166, 168—169, 173, 180, 210, 228—229, 237, 245, 253, 258, 269, 271.

Чарторижскій, 151, 242, 249.
Чашниковъ, 124.
Чевкинъ, Константинъ Владиміровичъ, 174, 229.
Чингисъ-ханъ, 5.
Черепановъ, 17.
Черкасовъ, баронъ, дѣдъ барона Бюлера, 232—233 275.
Черкасская, княгиня Викторина, 172.
Черная рѣчка, 31.
Черное море, 98, 107, 110, 181.
Чернышова (рожденная Титова), княгиня Марія Владиміровна, 138.
Чернышовъ, гр. Захаръ Григорьевичъ, 218.
Чернышовъ, гр. Иванъ Григорьевичъ, 232—233.
Четвертинскіе, кн., 16, 170—172.
Четвертинскій, князь Владиміръ, 171.
Чивита-Веккіа, 218.
Чикогнаро, графъ Леопольдъ, 15, 77.
Чичеринъ, Василій Николаевичъ, 216.

Шаликовъ, князь, Петръ Ивановичъ, 90.
Шамберъ, графъ, 19.
Шамиль, 296.
Шамуни, 201, 227.
Шангарнье, 208.
Шатобріанъ, 3, 17, 62, 262.
Шаторенаръ, графиня, 208.
Шауенштейнъ, графъ, 109.
Шаумбургъ-Липпе, принцъ, 135.
Шафарикъ, 66.
Шаховской, князь, писатель, 245—246.
Шварценбергъ 101, 109.
Швейцарія и Швейцарцы, 84, 169, 155, 185, 194, 213.
Шевыревъ, Степанъ Петровичъ, 170—172, 265—266.
Шекспиръ, 247.
Шёнау, 99.
Шенбургъ, князь, Отто, 46.
Шенелевъ, 167.
Шеннингъ, баронесса, 137.
Шереметева (рожденная княжна Безонская), графиня Екатерина Павловна, 93, 138, 218.
Шереметева (рожденная княжна Горчакова), Варвара Петровна, 56.
Шиллеръ, 2, 69, 124, 166, 211.
Шильдеръ, генер., 136.
Ширинскій-Шихматовъ, князь, Платонъ Александровичъ, 50.
Шишковъ, Александръ Семеновичъ, 55, 60—61, 105, 256—258, 270, 288.
Шіавони, 15—17, 37, 38, 74.
Шликъ, графъ, 135.
Шомзель, герцогиня, письмо ея къ Екатеринѣ, 204—207.
Шомзель, графиня, 136.
Штаркъ, профес., 295.
Штауббахъ, водопадъ, 139.
Штольценбергъ, баронесса, 55.
Штраусъ, 8.
Шувалова, графиня, 210.
Шуваловъ, графъ Андрей Петровичъ, 174.
Шуваловъ, графъ Григорій, 135.

Щебальскій, 171.
Щепкинъ, актеръ, 3.
Щепкинъ, профессоръ, 137.
Щербатова (рожденная Апраксина), княгиня Софія Степановна, 174.

Щербатова (рожденная княжна Вяземская), княгиня Екатерина Андреевна, 256.
Щербатова (рожденная Столыпина), княгиня Марія Асанасьевна, 164—165, 171.
Щербатовъ, князь, Владиміръ Алексѣевичъ, 141, 165.
Щербатовъ, князь, Григорій Алексѣевичъ, 254.
Щербининъ, сенаторъ, 235.

Эгеръ, 60, 63.
Эльба, остр., 63, 216.
Эльбогенъ, 57, 64.
Эмилія, принцесса Гессенская, 136.
Эстергази, графиня, 22, 78, 89, 101.
Эстергази, княгиня, 118.
Эстергази, князь Павелъ, 235.
Эстергази, князь, посолъ въ Лондонѣ, 57.

Якоби, 130.
Яковлевъ, лицейскій товарищъ Пушкина, 227.
Языковъ, Іоаннъ Леонтьевичъ, протопресвитеръ, 165, 237.
Яхонтовъ, стихотворецъ, 164.

АДОЛЬФЪ.

РОМАНЪ.

БЕНЖАМЕНЪ-КОНСТАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

1886

АЛЕКСАНДРУ СЕРГѢЕВИЧУ

ПУШКИНУ.

Прими мой переводъ любимаго нашего романа. Смиренный литографъ, приношу великому живописцу блѣдный снимокъ съ картины великаго художника. Мы такъ часто говорили съ тобою о превосходствѣ творенія сего, что, принявшись переводить его на досугѣ въ деревнѣ, мысленно относился я къ суду твоему; въ борьбѣ иногда довольно трудной мысленно вопрошалъ я тебя, какъ другую совѣсть, призывалъ въ ареопагъ свой и Баратынскаго, подвергалъ вамъ свои сомнѣнія и запросы и руководствовался угадываніемъ вашего рѣшенія. Не страшитесь однако же, ни ты, ни онъ: не налагаю на васъ отвѣтственности за худое толкованіе молчанія вашего. Иначе моя довѣренность къ вамъ была бы для васъ слишкомъ опасна, связывая васъ взаимнымъ обязательствомъ въ случайностяхъ предпріятія моего.

Что бы ни было, даръ, мною тебѣ подносимый, будетъ свидѣтельствомъ пріязни нашей и уваженія моего къ дарованію, коимъ радуется дружба и гордится отечество.

К. Вязимскій.

Село Мещерское (Саратовской г.).
1829 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Если бы можно было еще чему нибудь дивиться въ странностяхъ современной литературы нашей, то позднее появленіе на Русскомъ языкѣ романа, каковъ *Адольфъ*, должно бы было показаться непонятнымъ и примѣрнымъ забвеніемъ со стороны Русскихъ переводчиковъ. Было время, что у насъ все переводили, хорошо или худо, дѣло другое, но по крайней мѣрѣ охотно, дѣятельно. Росписи книгъ, изданныхъ въ половинѣ прошлаго столѣтія, служатъ тому неоспоримымъ доказательствомъ. Нынѣ мы болѣе нежели четвертью вѣка отстали отъ движеній литературъ иностранныхъ. *Адольфъ* появился въ свѣтъ въ послѣднемъ пятнадцатилѣтіи: это первая причина непереселенія его на Русскую почву.

Онъ въ одномъ томѣ—это вторая причина. Переводчики наши говорятъ, что не стоитъ присѣсть къ дѣлу для подобной бездѣлицы, просто, что не стоитъ рукъ марать. Книгопродавцы говорятъ въ свою очередь, что не изъ чего пустить въ продажу одинъ томъ, ссылаясь на обычай нашей губернской читающей публики, которая по ярмаркамъ запасается книгами, какъ и другими домашними потребностями, въ прокъ такъ, чтобы купленнаго сахара, чая и романа было на годъ, вплоть до новой ярмарки. Смиренное, однословное заглавіе—есть третья причина безъизвѣстности у насъ *Адольфа*. Чего, говорятъ переводчики и книгопродавцы, ожидать хорошаго отъ автора, который не съумѣлъ пріискать даже заманчиваго прилагательнаго къ собствен-

ному имени героя своего, не съумѣлъ, щеголяя воображеніемъ, поразцвѣтить заглавія своей книги.

Остроумный и внимательный наблюдатель литтературы нашей говорилъ забавно, что обыкновенно переводчики наши, готовясь переводить книгу, не совѣтуются съ извѣстнымъ достоинствомъ ея, съ собственными впечатлѣніями, произведенными чтеніемъ, а просто наудачу идутъ въ ближайшую иностранную книжную лавку, торгуютъ первое твореніе, которое пришлось имъ по деньгамъ и по глазамъ, бѣгутъ домой и черезъ четверть часа перомъ *уже скрыпятъ по заготовленной бумагѣ.*

Можно рѣшительно сказать, что *Адольфъ* превосходнѣйшій романъ въ своемъ родѣ. Такое мнѣніе не отзывается кумовствомъ переводчика, который болѣе, или упрямѣе самого родителя любитъ своего крестника. Оно такъ и должно быть. Авторъ, не смотря на чадолюбіе, можетъ еще признаваться въ недостаткахъ природнаго рожденія своего. Переводчикъ въ такомъ случаѣ движимъ самолюбіемъ, которое сильнѣе всякаго другаго чувства: онъ добровольно усыновляетъ чужое твореніе и долженъ отстаивать свой выборъ. Нѣтъ, любовь моя къ *Адольфу* оправдана общимъ мнѣніемъ. Вольно было автору въ послѣднемъ предисловіи своемъ отзываться съ нѣкоторымъ равнодушіемъ, или даже небреженіемъ о произведеніи, которое, охотно вѣримъ, стоило ему весьма небольшаго труда. Во-первыхъ, читатели не всегда цѣнятъ удовольствіе и пользу свою по мѣрѣ пожертвованій, убытковъ времени и трудовъ, понесенныхъ авторомъ: истина не болѣе и не менѣе истина, будь она плодомъ многолѣтнихъ изысканій, или скоропостижнымъ вдохновеніемъ, или раскрывшимся признаніемъ тайны, созрѣвавшей молча въ глубинѣ наблюдательнаго ума. Во-вторыхъ, не должно всегда довѣрять буквально скромнымъ отзывамъ авторовъ о ихъ произведеніяхъ. Можетъ быть, нѣкоторое отреченіе отъ важности, которую приписывали творенію сему, было и вынуждено особенными обстоятельствами. Въ отношеніяхъ Адольфа съ Элеонорою находили отпечатокъ связи автора съ славною женщиною, обратившею на труды свои вниманіе цѣлаго свѣта. Не раздѣляемъ смѣтливости и догадокъ добровольныхъ слѣдователей, ко-

торые отыскиваютъ всегда самого автора по слѣдамъ выводимыхъ имъ лицъ; но понимаемъ, что одно разглашеніе подозрѣнія въ подобныхъ примѣненіяхъ могло внушить Б. Констану желаніе унизить собственнымъ приговоромъ цѣну повѣсти, такъ сильно подѣйствовавшей на общее мнѣніе. Наконецъ, писатель, перенесшій наблюденія свои, соображенія и дѣятельность въ сферу гораздо болѣе возвышенную, Б. Констанъ, публицистъ и дѣйствующее лицо на сценѣ политической, могъ безъ сомнѣнія охладѣть въ участіи своемъ къ вымыслу частной драмы, которая, какъ ни жива, но все должна же уступить драматическому волненію трибуны, исполинскому ходу *стодневной эпопеи* и романическимъ событіямъ современной эпохи, которыя нѣкогда будутъ исторіею.

Трудно въ такомъ тѣсномъ очеркѣ, каковъ очеркъ *Адольфа*, въ такомъ ограниченномъ и, такъ сказать, одинокомъ дѣйствіи болѣе выказать сердце человѣческое, переворотить его на всѣ стороны, выворотить до дна и обнажить на-голо во всей жалости и во всемъ ужасѣ холодной истины. Авторъ не прибѣгаетъ къ драматическимъ пружинамъ, къ многосложнымъ дѣйствіямъ, къ симъ вспомогательнымъ пособіямъ театральнаго, или романическаго міра. Въ драмѣ его не видать ни машиниста, ни декоратора. Вся драма въ человѣкѣ, все искусство въ истинѣ. Онъ только указываетъ, едва обозначаетъ поступки, движенія своихъ дѣйствующихъ лицъ. Все, что въ другомъ романѣ было бы, такъ сказать, содержаніемъ, какъ то: приключенія, неожиданные переломы, однимъ словомъ, вся кукольная комедія романовъ, здѣсь оно—рядъ указаній, заглавій. Но между тѣмъ, во всѣхъ наблюденіяхъ автора такъ много истины, проницательности, сердцевѣдѣнія глубокаго, что, мало заботясь о внѣшней жизни, углубляешься во внутреннюю жизнь сердца. Охотно отказываешься отъ требованій на волненіе въ переворотахъ первой, на пестроту въ краскахъ ея, довольствуясь, что вслѣдъ за авторомъ изучаешь глухое, потаенное дѣйствіе силы, которую болѣе чувствуешь, нежели видишь. И кто не радъ бы предпочесть созерцанію красотъ и картинныхъ движеній живописнаго мѣстоположенія откровеніе таинствъ природы и чудесное со-

шествіе въ подземную святыню ея, гдѣ могъ бы онъ, проникнутый ужасомъ и благоговѣніемъ, изучать ея безмолвную работу и познавать пружины, коими движется наружное зрѣлище, привлекавшее любопытство его?

Характеръ Адольфа вѣрный отпечатокъ времени своего. Онъ прототипъ Чайльдъ Гарольда и многочисленныхъ его потомковъ. Въ этомъ отношеніи твореніе сіе не только романъ *сегодняшній* (roman du jour), подобно новѣйшимъ свѣтскимъ, или гостинным романамъ, оно еще болѣе романъ вѣка сего. Говоря о жизни своей, Адольфъ могъ бы сказать справедливо: день мой— вѣкъ мой. Всѣ свойства его, хорошія и худыя, отливки совершенно современные. Онъ влюбился, соблазнилъ, соскучился, страдалъ и мучилъ, былъ жертвою и тираномъ, самоотверженцемъ и эгоистомъ, все не такъ, какъ въ старину, когда общество движимо было какимъ то совокупнымъ, взаимнымъ эгоизмомъ, въ который сливались эгоизмы частные. Въ старину первая половина повѣсти Адольфа и Элеоноры не могла бы быть введеніемъ къ послѣдней. Адольфъ могъ бы тогда въ порывѣ страсти отречься отъ всѣхъ обязанностей своихъ, всѣхъ сношеній, повергнуть себя и будущее свое къ ногамъ любимой женщины; но, отлюбивъ однажды, не могъ бы и не долженъ онъ былъ приковать себя къ роковой необходимости. Ни общество, ни сама Элеонора не поняли бы положенія и страданій его. Адольфъ, созданный по образу и духу нашего вѣка, часто преступенъ, но всегда достоинъ состраданія: судя его, можно спросить, гдѣ найдется праведникъ, который броситъ въ него камень? Но Адольфъ въ прошломъ столѣтіи былъ бы просто безумецъ, которому никто бы не сочувствовалъ, загадка, которую никакой психологъ не далъ бы себѣ труда разгадывать. Нравственный недугъ, которымъ онъ одержимъ и погибаетъ, не могъ бы укорениться въ атмосферѣ прежняго общества. Тогда могли развиваться острыя болѣзни сердца; нынѣ пора хроническихъ: самое выраженіе *недуги сердца* есть потребность и находка нашего времени. Нигдѣ не было выставлено такъ живо, какъ въ сей повѣсти, что жестокосердіе есть неминуемое слѣдствіе малоду-

шія, когда оно раздражено обстоятельствами, или внутреннею борьбою; что есть надъ общежитіемъ какое-то тайное Провидѣніе, которое допускаетъ уклоненія отъ законовъ, непреложно имъ постановленныхъ; но рано или поздно постигаетъ ихъ карою правосудія своего; что чувства ничего безъ правилъ; что если чувства могутъ быть благими вдохновеніями, то одни правила должны быть надежными руководителями (такъ Колумбъ могъ откровеніемъ генія угадать новый міръ, но безъ компаса не могъ бы открыть его); что человѣкъ, въ разногласіи съ обязанностями своими, живая *аномалія*, или выродокъ въ системѣ общественной, которой онъ принадлежитъ: будь онъ даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и превосходнѣе ея; но всегда будетъ не только несчастливъ, но и виноватъ, когда не подчинитъ себя общимъ условіямъ и не признаетъ власти большинства.

Женщины вообще не любятъ Адольфа, то есть характера его: и это порука въ истинѣ его изображенія. Женщинамъ весело находить въ романахъ лица, которыхъ не встрѣчаютъ онѣ въ жизни. Охлажденныя, напуганныя живою природою общества, онѣ ищутъ убѣжища въ мечтательной Аркадіи романовъ: чѣмъ менѣе герой похожъ на человѣка, тѣмъ болѣе сочувствуютъ онѣ ему; однимъ словомъ, ищутъ онѣ въ романахъ не портретовъ, но идеаловъ; а спорить нечего: Адольфъ не идеалъ. Б. Констанъ и авторы еще *двухъ трехъ романовъ*,

> Въ которыхъ отразился вѣкъ
> И современный человѣкъ,

не льстивые живописцы изучаемой ими природы. По мнѣнію женщинъ, Адольфъ одинъ виноватъ: Элеонора извинительна и достойна сожалѣнія. Кажется, приговоръ нѣсколько пристрастенъ. Конечно, Адольфъ, какъ мущина, зачинщикъ, а на зачинающаго Богъ, говоритъ пословица. Такова роль мущинъ въ романахъ и въ свѣтѣ. На нихъ лежитъ вся отвѣтственность женской судьбы. Когда они и становятся сами жертвами необдуманной склонности, то не прежде, какъ уже предавъ жертву властолюбію сердца своего, болѣе или менѣе прямодушному, своеправному, но болѣе или менѣе равно насильственному и равно бѣдственному въ послѣдствіяхъ своихъ. Но таково уло-

женіе общества, если не природы, таково вліяніе воспитанія, такова *сила вещей*. Романистъ не можетъ идти по слѣдамъ Платона и импровизировать республику. Каковы отношенія мущинъ и женщинъ въ обществѣ, таковы должны они быть и въ картинѣ его. Пора *Малекъ-Аделей* и *Густавовъ* миновалась. Не послѣ предварительныхъ дѣйствій, когда уже связь между Адольфомъ и Элеонорою заключена взаимными задатками и пожертвованіями, то рѣшить трудно, кто несчастнѣй изъ нихъ. Кажется, въ этой нерѣшимости скрывается еще доказательство искусства, то есть истины, коей держался авторъ. Онъ не хотѣлъ въ приговорѣ своемъ оправдать одну сторону, обвиня другую. Какъ въ тяжбахъ сомнительныхъ, спорахъ обоюдно неправыхъ, онъ предоставилъ обоимъ поламъ, по юридическому выраженію, *вѣдаться формою суда*. А сей судъ есть трибуналъ нравственности верховной, которая обвиняетъ того и другаго.

Но въ семъ романѣ должно искать не одной любовной біографіи сердца: тутъ вся исторія его. По тому, что видишь, угадать можно то, что не показано. Авторъ такъ вѣрно обозначилъ намъ съ одной точки зрѣнія характеристическія черты Адольфа, что, примѣняя ихъ къ другимъ обстоятельствамъ, къ другому возрасту, мы легко выкладываемъ мысленно весь жребій его, на какую сцену дѣйствія ни былъ бы онъ кинутъ. Вслѣдствіе того, можно бы (разумѣется, съ дарованіемъ Б. Констана) написать еще нѣсколько Адольфовъ въ разныхъ періодахъ и соображеніяхъ жизни, подобно портретамъ одного же лица въ разныхъ лѣтахъ и костюмахъ.

О слогѣ автора, то есть о способѣ выраженія, и говорить нечего: это верхъ искусства, или, лучше сказать, природы: такова совершенство и такъ очевидно отсутствіе искусства или труда. Возьмите на удачу любую фразу: каждая вылита, стройна какъ надпись, какъ отдѣльное изрѣченіе. Вся книга похожа на ожерелье, напизанное жемчугами, прекрасными по одиночкѣ, и прибранными одинъ къ другому съ удивительнымъ тщаніемъ: между тѣмъ нигдѣ не замѣтна рука художника. Кажется, нельзя

ни прибавить, ни убавить, ни переставить ни единаго слова. Если то, что Депрео сказалъ о Мальгербѣ, справедливо:

D'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir;

то никто этому могуществу такъ не научался, какъ Б. Констанъ. Впрочемъ, важная тайна слога заключается въ этомъ умѣніи. Это искусство военачальника, который знаетъ, какъ разставить свои войска, какое именно на ту минуту и на томъ мѣстѣ употребить оружіе, чтобы нанести рѣшительный ударъ; искусство композитора, который знаетъ, какъ инструментировать свое гармоническое соображеніе. Авторъ *Адольфа* силенъ, краснорѣчивъ, язвителенъ, трогателенъ, не прибѣгая никогда къ напряженію силы, къ цвѣтамъ краснорѣчія, къ колкостямъ эпиграмы, къ *слезамъ слога*, если можно такъ выразиться. Какъ въ созданіи, такъ и въ выраженіи, какъ въ соображеніяхъ, такъ и въ слогѣ вся сила, все могущество дарованія его—въ истинѣ. Таковъ онъ въ *Адольфѣ*, таковъ на ораторской трибунѣ, таковъ въ современной исторіи, въ литературной критикѣ, въ высшихъ соображеніяхъ духовныхъ умозрѣній, въ пылу политическихъ памфлетовъ *): разумѣется, говорится здѣсь не о мнѣніяхъ его неидущихъ въ дѣло, но о томъ, какъ онъ выражаетъ ихъ. Въ діалектикѣ ума и чувства, не знаю, кого поставить выше его.

Наконецъ, нѣсколько словъ о моемъ переводѣ. Есть два способа переводить: одинъ независимый, другой подчиненный. Слѣдуя первому, переводчикъ, напитавшись смысломъ и духомъ подлинника, переливаетъ ихъ въ свои формы; слѣдуя другому, онъ старается сохранить и самыя формы, разумѣется, соображаясь со стихіями языка, который у него подъ рукою. Первый способъ превосходнѣе; второй невыгоднѣе; изъ двухъ я избралъ послѣдній. Есть еще третій способъ переводить: просто переводить худо. Но не кстати мнѣ здѣсь говорить о немъ. Изъ мнѣній моихъ, прописанныхъ выше о слогѣ Б. Констана, легко вывести причину, почему я связалъ себя *подчиненным переводом*. Отступленія отъ выраженій автора, часто отъ самой сим-

*) Письма о столѣтнемъ царствованіи Наполеона; предисловіе его къ переводу, или подражанію Шиллеровой трагедіи: Валленштейнъ; статья о г-жѣ Сталь; твореніе: о религіи; всѣ политическія брошюры его.

метріи словъ, казались мнѣ противоестественнымъ измѣненіемъ мысли его. Пускай назовутъ вѣру мою суевѣріемъ, но крайней мѣрѣ, оно непритворно. Къ тому же, кромѣ желанія моего познакомить Русскихъ писателей съ этимъ романомъ, имѣлъ я еще мою собственную цѣль: изучивать, ощупывать языкъ нашъ, производить надъ нимъ попытки, если не пытки, и вывѣдать, сколько можетъ онъ приблизиться къ языку иностранному, разумѣется, опять, безъ увѣчья, безъ распятья на ложѣ Прокрустовомъ. Я берегся отъ галлицизмовъ словъ, такъ сказать синтаксическихъ или вещественныхъ, но допускалъ галлицизмы понятій, умозрительные, потому что тогда они уже европеизмы. Переводы независимые, то есть пересозданія, переселенія душъ изъ иностранныхъ языковъ въ Русскій, имѣли у насъ уже примѣры блестящіе и развѣ только что достижимые: такъ переводили Карамзинъ и Жуковскій. Превзойти ихъ въ этомъ отношеніи невозможно, ибо въ подражаніи есть предѣлъ неминуемый. Переселенія ихъ не отзываются почвою и климатомъ родины. Я напротивъ хотѣлъ испытать можно-ли, повторяю, не насильствуя природы нашей, сохранить въ переселеніи запахъ, отзывъ чужбины, какое-то областное выраженіе. Замѣтимъ между тѣмъ, что эти попытки совершены не надъ твореніемъ исключительно Французскимъ, но болѣе европейскимъ, представителемъ не Французскаго общежитія, но представителемъ вѣка своего, свѣтской, такъ сказать, практической метафизики поколѣнія нашего. Въ подобной сферѣ выраженію трудно удержать во всей неприкосновенности свои особенности, свои прихоти: межевые столбы, внизу разграничивающіе языки, права, обычаи, не доходятъ до той высшей сферы. Въ ней всѣ личности сглаживаются, всѣ рѣзкія отличія сливаются. Адольфъ не французъ, не нѣмецъ, не англичанинъ: онъ воспитанникъ вѣка своего.

Вотъ не оправданія, но объясненія мои. Оспаривая меня, можно будетъ, по крайней мѣрѣ, оспаривать мою систему, а не винить меня въ исполненіи; можно будетъ заняться изслѣдованіемъ мысли, а не звуковъ. Даю критикѣ способъ выдти, если ей угодно, изъ школьныхъ предѣловъ, изъ инквизиціи словъ, въ которыхъ она у насъ обыкновенно сжата.

ПРЕДИСЛОВІЕ *).

Не безъ нѣкотораго недоумѣнія согласился я на перепечатаніе сего маловажнаго сочиненія, выданнаго за десять лѣтъ. Если бы я не увѣренъ былъ почти рѣшительно, что готовится поддѣльное изданіе онаго въ Бельгіи, и что сія поддѣлка, подобно всѣмъ другимъ, распускаемымъ въ Германіи и ввозимымъ во Францію Бельгійскими перепечатальщиками, будетъ пополнена прибавленіями и вставками, въ которыхъ я не принималъ участія, то никогда не занялся бы я симъ анекдотомъ, написаннымъ только для убѣжденія двухъ или трехъ собравшихся въ деревнѣ пріятелей, что можно придать нѣкоторую занимательность роману, въ коемъ будутъ только два дѣйствующія лица, пребывающія всегда въ одинаковомъ положеніи.

Обратившись къ этому труду, я хотѣлъ развить нѣкоторыя другія мысли, мнѣ раскрывшіяся и показавшіяся несовершенно безполезными. Я захотѣлъ представить зло, которое и самыя черствыя сердца испытываютъ отъ наносимыхъ ими страданій, и показать заблужденіе, побуждающее ихъ почитать себя болѣе вѣтренными, или болѣе развращенными, нежели каковы они въ самомъ дѣлѣ. Въ отдаленіи, образъ скорби, причиняе-

*) Къ третьему изданію на Французскомъ языкѣ.

мой нами, кажется неопредѣленнымъ и неснымъ, подобно облаку, сквозь которое легко пробиться. Мы подстрекаемы одобреніемъ общества, совершенно поддѣльнаго, которое замѣняетъ правило обрядами, чувства приличіями, которое ненавидитъ соблазнъ какъ неумѣстность, а не какъ безнравственность; ибо оно довольно доброхотно привѣтствуетъ порокъ, когда онъ чуждъ огласки. Думаешь что разорвешь безъ труда узы, заключенныя безъ размышленія. Но когда видишь тоску и изнеможеніе, порожденныя разрывомъ сихъ узъ, сіе скорбное изумленіе души обманутой, сію недовѣрчивость, слѣдующую за довѣренностью столь неограниченною; когда видишь, что она, вынужденная обратиться противъ существа отдѣльнаго отъ остальнаго міра, разливается и на цѣлый міръ; когда видишь сіе уваженіе святое и опрокинутое на себя незнающее болѣе, къ чему прилѣпиться: тогда чувствуешь, что есть нѣчто священное въ сердцѣ страждущемъ, потому что оно любитъ; усматриваешь тогда, сколь глубоки корни привязанности, которую хотѣлъ только внушить, а раздѣлить не думалъ. А если и превозможешь такъ называемую слабость, то не иначе, какъ разрушая въ себѣ самомъ все, что имѣешь великодушнаго, потрясая все, что ни есть постояннаго, жертвуя всѣмъ, что ни есть благороднаго и добраго. Потомъ возстаешь отъ сей побѣды, которой рукоплещутъ равнодушные и друзья, но возстаешь, поразивъ смертью часть души своей, поругавшись сочувствію, утѣснивъ слабость и оскорбивъ нравственность, принявъ ее за предлогъ жестокосердія: и такимъ образомъ лучшую природу свою переживаешь, пристыженный или развращенный симъ печальнымъ успѣхомъ.

Такова картина, которую хотѣлъ я представить въ *Адольфѣ*. Не знаю, успѣлъ ли: по крайней мѣрѣ, то придаетъ въ моихъ глазахъ нѣкоторую истину разсказу моему, что почти всѣ люди, его читавшіе, мнѣ говорили о себѣ какъ о дѣйствующихъ лицахъ, бывавшихъ въ положеніи, подобномъ положенію моего героя. Правда, что сквозь показываемое ими сожалѣніе о всѣхъ горестяхъ, которыя они причинили, пробивалось, не знаю, какое-то наслажденіе самохвальства. Имъ весело было намекать, что и они, подобно Адольфу, были преслѣдуемы настойчивою

привязанностью, которую они внушали; что и они были жертвами любви безпредѣльной, которую къ нимъ питали. Я думаю, что по бо́льшей части они клеветали на себя, и что если бы тщеславіе не тревожило ихъ, то совѣсть ихъ могла бы остаться въ покоѣ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ *).

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ я ѣздилъ по Италіи. Разлитіемъ Нето я былъ задержанъ въ гостинницѣ Черенцы, маленькой деревеньки въ Калабріи. Въ той же гостинницѣ находился другой проѣзжій, вынужденный оставаться тамъ по той же причинѣ. Онъ хранилъ молчаніе и казался печальнымъ. Онъ не обнаруживалъ ни малѣйшаго нетерпѣнія. Иногда ему жаловался я, какъ единственному слушателю моему, на задержку въ проѣздѣ нашемъ. Для меня все равно, отвѣчалъ онъ, здѣсь ли я, или въ другомъ мѣстѣ. Нашъ хозяинъ, который разговаривалъ со слугою неаполитанцемъ, находящимся при этомъ путешественникѣ и не вѣдавшимъ его имени, сказалъ мнѣ, что онъ путешествуетъ не изъ любопытства, потому что не посѣщалъ ни развалинъ, ни достопримѣчательныхъ мѣстъ, ни памятниковъ, ни людей. Онъ читалъ много, но безъ постоянной связи. Онъ прогуливался вечеромъ, всегда одинъ, и по цѣлымъ днямъ сидѣлъ иногда неподвижно, опершись головою на обѣ руки.

Въ самое то время, когда устроено было сообщеніе, и мы могли уже ѣхать, незнакомецъ сильно занемогъ. Человѣколюбіе заставило меня продлить тутъ пребываніе мое, чтобъ ходить за больнымъ. Въ Черенцѣ былъ только тамошній лѣкарь: я хотѣлъ послать въ Козенцу, искать помощи болѣе надежной. Не стоитъ того, сказалъ мнѣ незнакомецъ; вотъ именно тотъ человѣкъ,

*) Такъ назвалъ себя Б. Констанъ.

который мнѣ нуженъ. Онъ не ошибался, хотя, можетъ быть, думалъ другое; ибо этотъ человѣкъ вылѣчилъ его. Я не предполагалъ въ васъ такого искусства, сказалъ онъ ему съ какимъ-то нерасположеніемъ при прощаніи; потомъ онъ поблагодарилъ меня за мои о немъ попеченія и уѣхалъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, изъ Черенцы отъ хозяина гостинницы получилъ я въ Неаполѣ письмо съ ларчикомъ, найденнымъ на дорогѣ къ Стронголи, по которой мы съ незнакомцемъ отправились, но только розно. Трактирщикъ прислалъ мнѣ его, полагая навѣрное, что ларчикъ долженъ принадлежать одному изъ насъ. Онъ заключалъ въ себѣ множество давнишнихъ писемъ, безъ надписей или съ надписями и подписями уже стертыми, женскій портретъ и тетрадь, содержащую анекдотъ, или повѣсть, которую здѣсь прочтутъ. Путешественникъ, которому принадлежали сіи вещи, отъѣзжая, не указалъ мнѣ никакого способа писать къ нему. Я хранилъ всѣ эти вещи десять лѣтъ, не зная, какъ ихъ употребить. Однажды проговорился я объ нихъ случайно нѣкоторымъ знакомымъ моимъ въ Нѣмецкомъ городѣ: одинъ изъ нихъ просилъ меня убѣдительно показать ему упомянутую рукопись. Черезъ недѣлю рукопись была возвращена мнѣ при письмѣ, которое я помѣстилъ въ концѣ сей повѣсти потому, что оно до ея прочтенія показалось бы непонятнымъ. По этому письму я рѣшился напечатать повѣсть, убѣдясь достовѣрно, что она не можетъ ни оскорбить никого, ни вредить никому. Я не перемѣнилъ ни слова въ подлинникѣ: даже собственныя имена утаены не мною; они, какъ и теперь, означены были одними заглавными буквами.

АДОЛЬФЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Двадцати двухъ лѣтъ я кончилъ курсъ ученія въ Гёттингенскомъ университетѣ. Отецъ мой, министръ курфистра ***, хотѣлъ, чтобъ я объѣздилъ замѣчательнѣйшія страны Европы. Онъ намѣренъ былъ послѣ взять меня къ себѣ, опредѣлить въ департаментъ, коего управленіе было ему ввѣрено, и приготовить меня къ заступленію своей должности. Трудомъ довольно упорнымъ, посреди самой разсѣянной жизни, удалось мнѣ пріобрѣсть успѣхи, которые отличили меня отъ товарищей въ ученіи и вселили въ родителя моего надежды на меня, вѣроятно, весьма имъ увеличенныя.

Сіи надежды сдѣлали его чрезмѣрно снисходительнымъ ко многимъ моимъ проступкамъ. Онъ никогда не подвергалъ меня непріятнымъ послѣдствіямъ моихъ шалостей. Въ этомъ отношеніи, онъ всегда удовлетворялъ моимъ просьбамъ и часто упреждалъ ихъ.

По несчастію, въ его поступкахъ со мною больше было благородства и великодушія, нежели нѣжности. Я былъ убѣжденъ въ правахъ его на мою благодарность и на мое почтеніе; но никогда не заводилось между нами ни малѣйшей довѣренности. Въ его умѣ было что-то насмѣшливое, а это не соглашалось съ моимъ характеромъ. Я тогда былъ побуждаемъ одною неодоли-

мою потребностію предаваться симъ впечатлѣніямъ, первобытнымъ и стремительнымъ, которыя выносятъ душу изъ границъ обыкновенныхъ и внушаютъ ей презрѣніе къ предметамъ, ее окружающимъ. Я видѣлъ въ отцѣ не нравоучителя, но наблюдателя холоднаго и ѣдкаго, который сначала улыбался, и вскорѣ прерывалъ разговоръ съ нетерпѣніемъ. Въ теченіи первыхъ осьмнадцати лѣтъ своихъ, не помню ни одного съ нимъ разговора, который продолжался бы съ часъ. Письма его были благосклонны, исполнены совѣтовъ благоразумныхъ и трогательныхъ. Но когда мы сходились, въ его обращеніи со мною было нѣчто принужденное, для меня неизъяснимое и обратно на меня дѣйствовавшее самымъ тягостнымъ образомъ. Я тогда не зналъ, что такое застѣнчивость, сіе внутреннее мученіе, которое преслѣдуетъ насъ до самыхъ позднихъ лѣтъ, отбиваетъ упорно на сердце наше впечатлѣнія глубочайшія, охлаждаетъ рѣчи наши, искажаетъ въ устахъ нашихъ все, что сказать покушаемся, и не даетъ намъ выразиться иначе, какъ словами неопредѣлительными, или насмѣшливостью болѣе или менѣе горькою, какъ будто на собственныхъ чувствахъ своихъ мы хотимъ отмстить за досаду, что напрасно стараемся ихъ обнаружить. Я не зналъ, что отецъ мой даже и съ сыномъ своимъ былъ застѣнчивъ, что часто, ожидая долго отъ меня изъявленія нѣжности, которую, казалось, заграждала во мнѣ его наружная холодность, онъ уходилъ отъ меня со слезами на глазахъ и жаловался другимъ, что я его не люблю.

Принужденность моя съ нимъ сильно дѣйствовала на мой характеръ. Какъ онъ, равно застѣнчивый, но болѣе безпокойный, потому что былъ моложе, я привыкалъ заключать въ себѣ всѣ свои ощущенія, задумывать планы одинокіе, въ ихъ исполненіи на одного себя надѣяться, и почитать предостереженія, участіе, помощь и даже единое присутствіе другихъ за тягость и препятствіе. Я пріучилъ себя не говорить никогда о томъ, что меня занимало и, порабощаясь разговору, какъ докучной необходимости, оживлять его безпрерывною шуткою, которая лишала его обыкновенной томительности и помогала мнѣ утаивать истинныя мои мысли. Отъ сего произошелъ у меня въ

откровенности недостатокъ, въ которомъ и нынѣ упрекаютъ меня пріятели, и трудность повести разговоръ разсудительный для меня почти всегда неодолима. Слѣдствіемъ сего было такое пылкое желаніе независимости, нетерпѣніе, раздраженное связями, меня окружающими, и непобѣдимый страхъ поддаться новымъ. Мнѣ было просторно только въ одиночествѣ: такова еще и нынѣ дѣйствіе сей наклонности души, что въ обстоятельствахъ самыхъ маловажныхъ, когда мнѣ должно рѣшиться на одно изъ двухъ, лице человѣческое меня смущаетъ, и я по природному движенію убѣгаю отъ него для мирнаго совѣщанія съ самимъ собою. Я не имѣлъ однакоже того глубокаго эгоизма, который выказывается подобнымъ свойствомъ. Заботясь только о себѣ одномъ, я слабо о себѣ заботился. На днѣ сердца моего таилась потребность чувствительности, мною не замѣчаемая; но, не имѣя чѣмъ удовольствоваться, она отвлекала меня постепенно отъ всѣхъ предметовъ, поочередно возбудившихъ мое любопытство. Сіе равнодушіе ко всему утвердилось еще болѣе мыслію о смерти, мыслію, поразившею меня въ первую мою молодость, такъ что я никогда не постигалъ, какъ могутъ люди столь легко отвлекать себя отъ нея. Семнадцати лѣтъ былъ я свидѣтелемъ смерти женщины уже въ лѣтахъ, которой умъ, свойства замѣчательнаго и страннаго, способствовалъ къ развитію моего. Сія женщина, какъ и многія, при началѣ поприща своего кинулась въ свѣтъ, ей неизвѣстный, съ чувствомъ необыкновенной силы душевной и способностями, въ самомъ дѣлѣ могущественными, и такъ же, какъ многія, за непокорность приличіямъ условнымъ, но нужнымъ, она увидѣла надежды свои обманутыми, молодость, протекшую безъ удовольствій, и наконецъ старость ее постигла, но не смирила. Она жила въ замкѣ, сосѣдственномъ съ нашими деревнями, недовольная и уединенная, имѣя подмогою себѣ единый умъ свой и все подвергая изслѣдованію ума своего. Около года, въ неистощимыхъ разговорахъ нашихъ, мы обозрѣвали жизнь во всѣхъ ея видахъ и смерть неизбѣжнымъ концемъ всего. И столько разъ бесѣдовавъ съ нею о смерти, я наконецъ долженъ былъ видѣть, какъ смерть и ее поразила въ глазахъ моихъ.

Сіе происшествіе исполнило меня чувствомъ недоумѣнія о жребіи человѣка и неопредѣленною задумчивостью, которая меня не покидала. Въ поэтахъ читалъ я преимущественно мѣста, напоминавшія о кратковременности жизни человѣческой. Мнѣ казалось, что никакая цѣль недостойна никакихъ усилій. Довольно странно, что сіе впечатлѣніе ослабѣвало во мнѣ именно по мѣрѣ годовъ, меня обременявшихъ, отъ того ли, что въ надеждѣ есть нѣчто сомнительное, и что когда она сходитъ съ поприща человѣка, сіе поприще пріемлетъ видъ болѣе мрачный, но болѣе положительный; отъ того ли, что жизнь кажется глазамъ нашимъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ болѣе пропадаютъ заблужденія, какъ верхи скалъ рисуются явственнѣе на небосклонѣ, когда облака разсѣеваются.

Оставя Геттингенъ, я прибылъ въ городъ ***; онъ былъ столицею принца, который по примѣру почти всѣхъ Германскихъ принцевъ, правилъ кротко областью необширною, покровительствовалъ людямъ просвѣщеннымъ, въ ней поселившимся, давалъ всѣмъ мнѣніямъ свободу совершенную, но самъ, по старинному обычаю, ограниченный обществомъ своихъ придворныхъ, собиралъ по этой причинѣ вокругъ себя людей, большею частію, малозначущихъ и посредственныхъ. Я былъ встрѣченъ при этомъ дворѣ съ любопытствомъ, которое необходимо возбудить долженъ каждый пріѣзжій, разстраивающій присутствіемъ своимъ порядокъ однообразія и этикета. Нѣсколько мѣсяцевъ ничто въ особенности не приковывало моего вниманія. Я былъ признателенъ за благосклонность, мнѣ оказанную; но частью застѣнчивость моя не давала мнѣ ею пользоваться, частью усталость отъ волненія безъ цѣли заставляла меня предпочитать уединеніе приторнымъ удовольствіямъ, къ коимъ меня приглашали. Я ни къ кому не питалъ непріязни, но немногіе внушали мнѣ участіе: а люди оскорбляются равнодушіемъ; они приписываютъ его недоброжелательству, или спѣсивой причудливости. Имъ никакъ не вѣрится, что съ ними просто скучаешь. Иногда я старался побѣдить свою скуку. Я укрывался въ глубокую молчаливость: ее принимали за презрѣніе. По временамъ, утомленный самъ своимъ молчаніемъ, я подавался на шутки, и

умъ мой, приведенный въ движеніе, увлекалъ меня изъ мѣры. Тогда обнаруживалъ я въ одинъ день все, что мною было замѣчено смѣшнаго въ мѣсяцъ. Наперсники моихъ откровеній, нечаянныхъ и невольныхъ, не были ко мнѣ признательны, и по дѣломъ: ибо мною обладала потребность говорить, а не довѣрчивость. Бесѣдами своими съ женщиною, которая первая раскрыла мои мысли, я былъ пріученъ къ неодолимому отвращенію отъ всѣхъ пошлыхъ нравоученій и назидательныхъ формулъ. И когда предо мною посредственность словоохотно разсуждала о твердыхъ и неоспоримыхъ правилахъ нравственности, приличій или религіи, кои любитъ она подводить иногда подъ одну чреду, я подстрекаемъ бывалъ желаніемъ ей противорѣчить: не потому, что держался мнѣній противныхъ, но потому, что раздраженъ былъ убѣжденіемъ столь плотнымъ и тяжелымъ. Впрочемъ, не знаю, всегда какое-то чувство предостерегало меня не поддаваться симъ аксіомамъ, столь общимъ, столь не подверженнымъ ни малѣйшему исключенію, столь чуждымъ всякихъ оттѣнокъ. Глупцы образуютъ изъ своей нравственности какой-то слой твердый и нераздѣлимый, съ тѣмъ, чтобы она, какъ можно менѣе, смѣшивалась съ ихъ дѣяніями и оставила бы ихъ свободными во всѣхъ подробностяхъ.

Такимъ поведеніемъ я вскорѣ распустилъ о себѣ славу человѣка легкомысленнаго, насмѣшливаго и злобнаго. Мои ѣдкіе отзывы пошли за свидѣтельство души ненавистливой; мои шутки — за преступленія, посягающія на все, что есть почтеннаго. Люди, предъ коими провинился я, насмѣхаясь надъ ними, нашли удобнымъ вооружиться за одно съ правилами, которыя, по ихъ словамъ, я подвергалъ сомнѣнію: и потому, что мнѣ удалось нехотя позабавить ихъ другъ надъ другомъ, они всѣ соединились противъ меня. Казалось, что, обличая ихъ дурачества, я какъ будто бы выдаю тайну, которую мнѣ они ввѣрили; казалось, что, явившись на глаза мои тѣмъ, чѣмъ были въ самомъ дѣлѣ, они обязали меня клятвою на молчаніе: у меня на совѣсти не лежало согласія на договоръ слишкомъ обременительный. Имъ весело было давать себѣ полную волю, мнѣ наблюдать и описывать ихъ; и что именовали они предательствомъ, то въ гла-

захъ моихъ было возмездіемъ, весьма невиннымъ и законнымъ.

Не хочу здѣсь оправдываться. Я давно отказался отъ сей суетной и легкой повадки ума неопытнаго: хочу только сказать, и то въ пользу другихъ, а не себя, уже въ безопасности отъ свѣта, что нельзя въ короткое время привыкнуть къ человѣческому роду, какимъ является онъ намъ, преобразованный своекорыстіемъ, принужденностью, чванствомъ и опасеніемъ. Изумленіе первой молодости при видѣ общества, столь поддѣльнаго и столь разработаннаго, знаменуетъ болѣе сердце простое, нежели умъ злобный и насмѣшливый. Притомъ же нечего страшиться обществу. Оно такъ налегаетъ на насъ, скрытое вліяніе его такъ могущественно, что оно безъ долговременной отсрочки обдѣлываетъ насъ по общему образцу. Мы тогда дивимся одному прежнему удивленію, и намъ становится легко въ нашемъ новомъ преображеніи: такъ точно подъ конецъ дышешь свободно въ театральной залѣ, набитой народомъ, гдѣ сначала съ трудомъ могъ переводить дыханіе.

Если немногіе и избѣгаютъ сей общей участи, то они сокрываютъ въ себѣ свое тайное разногласіе: они усматриваютъ въ большей части дурачествъ зародыши пороковъ, и тогда не забавляются ими, потому, что презрѣніе молчаливо.

Такимъ образомъ разлилось по маленькой публикѣ, меня окружавшей, безпокойное недоумѣніе о моемъ характерѣ. Не могли выставить ни одного поступка предосудительнаго; не могли даже отрицать достовѣрности нѣсколькихъ поступковъ моихъ, обнаруживавшихъ великодушіе или самоотверженіе; но говорили, что я человѣкъ безнравственный, человѣкъ ненадежный. Эти два прилагательныя счастливо изобрѣтены, чтобы намекать о дѣйствіяхъ, про которыя не вѣдаешь, и давать угадывать то, чего не знаешь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсѣянный, невнимательный, скучающій, я не замѣчалъ впечатлѣнія, производимаго мною, и дѣлилъ время свое между занятіями учебными, часто прерываемыми, намѣреніями, не приводимыми въ дѣйствіе, и забавами для меня безъ удовольствія, когда обстоятельство, повидимому, весьма маловажное, произвело въ моемъ положеніи значительную перемѣну.

Молодой человѣкъ, съ которымъ я былъ довольно коротокъ, домогался уже нѣсколько мѣсяцевъ нравиться одной изъ женщинъ нашего круга, менѣе другихъ скучной; я былъ наперсникомъ, вовсе безкорыстнымъ, его предпріятія. Послѣ многихъ стараній онъ достигнулъ цѣли; не скрывавъ отъ меня своихъ неудачъ и страданій, онъ почелъ за обязанность повѣрить мнѣ и свои успѣхи. Ничто не могло сравниться съ его восторгами, съ изступленіемъ радости его. При зрѣлищѣ подобнаго счастія, я сожалѣлъ, что еще не испыталъ онаго. До той поры я не имѣлъ ни съ одной женщиной связи, лестной для моего самолюбія: казалось, новое будущее разоблачилось въ глазахъ моихъ; новая потребность отозвалась въ глубинѣ моего сердца. Въ этой потребности было безъ сомнѣнія много суетности; но не одна была въ ней суетность; можетъ статься, было ея и менѣе, нежели я самъ полагалъ. Чувства человѣка смутны и смѣшаны; они образуются изъ множества различныхъ впечатлѣній, убѣгающихъ отъ наблюденія; и рѣчь, всегда слишкомъ грубая и слишкомъ общая, можетъ послужить намъ къ означенію, но не къ опредѣленію оныхъ.

Въ домѣ родителя моего я составилъ себѣ о женщинахъ образъ мыслей, довольно безнравственный. Отцу моему, хотя онъ и строго соблюдалъ внѣшнія приличія, случалось, и нерѣдко, говорить легко о любовныхъ связяхъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на забавы, если непозволительныя, то, по-крайней мѣрѣ, извинительныя, и почиталъ одинъ бракъ дѣломъ важнымъ. Онъ держался правила, что молодой человѣкъ долженъ беречь себя отъ того, что называется сдѣлать дурачество, то есть, заключить обязательство прочное съ женщиною, которая не была бы ему совершенно равною по фортунѣ, рожденію и наружнымъ выгодамъ; но впрочемъ ему казалось, что всѣ женщины, пока неидетъ дѣло о женитьбѣ, могутъ безъ бѣды быть присвоены, потомъ брошены; и я помню его улыбку нѣсколько одобрительную при пародіи извѣстнаго изрѣченія: „*имъ отъ этого такъ мало бѣды, а намъ такъ много удовольствія*“.

Мало думаютъ о томъ, сколь глубокое впечатлѣніе наносятъ подобныя слова въ молодыя лѣта; сколько въ возрастѣ, въ коемъ всѣ мнѣнія еще сомнительны и зыбки, дѣти удивляются противорѣчію шутокъ, привѣтствуемыхъ общею похвалою, съ наставленіями непреложными, которыя имъ преподаютъ. Сіи правила, тогда въ глазахъ ихъ являются имъ пошлыми формулами, которыя родители условились твердить имъ для очистки своей совѣсти; а въ шуткахъ, кажется имъ, заключается настоящая тайна жизни.

Раздираемый неопредѣленнымъ волненіемъ, я говорилъ себѣ: „хочу быть любимъ“ и оглядывалъ кругомъ себя; смотрѣлъ, и никто не внушалъ мнѣ любви, никто не казался мнѣ способнымъ любить; вопрошалъ я сердце свое и свои склонности, и не чувствовалъ въ себѣ никакого движенія предпочтительнаго пристрастія. Такимъ образомъ, исполненный внутренно мученій, я познакомился съ графомъ П... Ему было лѣтъ сорокъ; его фамилія была въ свойствѣ съ моею. Онъ предложилъ мнѣ побывать у него. Несчастное посѣщеніе! Съ нимъ жила его любовница, полька, прославленная своею красотою, хотя и была она уже не первой молодости. Женщина сія, не смотря на свое невыгодное положеніе, оказала во многихъ случаяхъ ха-

рактеръ необыкновенный. Семейство ея, довольно знаменитое въ Польшѣ, было раззорено въ смутахъ сего края. Отецъ ея былъ изгнанъ; мать отправилась во Францію искать убѣжища, привезла съ собою свою дочь и по смерти своей оставила ее въ совершенномъ одиночествѣ. Графъ П... въ нее влюбился. Мнѣ никогда не удалось узнать, какъ образовалась сія связь, которая, когда увидѣлъ я въ первый разъ Элеонору, была уже давно упроченною и, такъ сказать, освященною. Бѣдственность ли положенія, или неопытность лѣтъ кинули ее на стезю, отъ которой, казалось, она равно ограждена была своимъ воспитаніемъ, своими привычками и гордостью, однимъ изъ отличительныхъ свойствъ ея характера? Знаю только то, что знали всѣ, а именно, что когда состояніе графа П... было почти въ конецъ раззорено и независимость его угрожаема, Элеонора принесла такія доказательства преданности ему, съ такимъ презрѣніемъ отвергла предложенія, самыя блестящія, раздѣлила опасности его и нищету съ такимъ усердіемъ и даже съ такою радостію, что и самая разборчивая строгость не могла отказаться отъ справедливой оцѣнки чистоты ея побужденій и безкорыстія поступковъ ея. Единственно ея дѣятельности, смѣлости, благоразумію, пожертвованіямъ всякаго рода, понесеннымъ ею безъ малѣйшаго ропота, любовникъ ея былъ обязанъ за возвращеніе нѣкоторой части своихъ владѣній. Они пріѣхали на житье въ Д... по дѣламъ тяжбы, которая могла вполнѣ возвратить графу П... его прежнее благосостояніе, и думали они пробыть тутъ два года.

Умъ Элеоноры былъ обыкновенный, по понятія вѣрны, а выраженія, всегда простыя, были иногда разительны по благородству и возвышенности чувствъ ея. Она имѣла много предразсудковъ, но всѣ предразсудки ея были въ противоположности съ ея личною пользою. Она придавала большую цѣну безпорочности поведенія, именно потому, что ея поведеніе не было безпорочно по правиламъ общепринятымъ. Она была очень предана религіи, потому что религія строго осуждала ея родъ жизни. Она неуклонно отражала въ разговорахъ все, что для другихъ женщинъ могло бы казаться шутками невинными, боясь

всегда, чтобы положеніе ея не подало кому нибудь права дозволить себѣ при ней шутки неумѣстныя. Она желала бы принимать къ себѣ только мущинъ почетныхъ и нравовъ безпорочныхъ: потому что женщины, къ которымъ она страшилась быть причисленною, составляютъ себѣ, по обыкновенію, общество смѣшанное, и, рѣшившись на утрату уваженія, ищутъ одной забавы въ сношеніяхъ общежитія. Элеонора, однимъ словомъ, была въ борьбѣ постоянной съ участью своею. Она каждымъ своимъ дѣйствіемъ, каждымъ своимъ словомъ противорѣчила, такъ сказать, разряду, къ которому была причтена, и чувствуя, что дѣйствительность сильнѣе ея, что стараніями своими не перемѣнитъ ни въ чемъ положенія своего, она была очень несчастлива. Она воспитывала съ чрезмѣрною строгостью двоихъ дѣтей, прижитыхъ ею съ графомъ П... Можно было подумать, что иногда тайное, мятежное чувство сливалось съ привязанностью болѣе страстною, нежели нѣжною, которую она имъ оказывала, и что отъ такого противоборства они бывали ей нѣкоторымъ образомъ въ тягость. Когда съ добрымъ намѣреніемъ говорили ей, что дѣти ея ростутъ, замѣчали дарованія, въ нихъ показывающіяся, угадывали успѣхи, ихъ ожидающіе, она блѣднѣла отъ мысли, что со временемъ должна будетъ объявить имъ тайну ихъ происхожденія. Но малѣйшая опасность, часъ разлуки обращали ее къ нимъ съ безпокойствіемъ, выказывавшемъ родъ угрызенія и желаніе доставить имъ своими ласками счастіе, котораго сама она въ нихъ не находила. Сія противоположность между чувствами ея и мѣстомъ, занимаемымъ ею въ свѣтѣ, дала большую неровность ея праву и обхожденію. Часто она бывала задумчива и молчалива; иногда говорила съ стремительностью. Постоянно одержимая мыслью отдѣльною, она и посреди разговора общаго не оставалась никогда совершенно покойною, но именно потому во всемъ обращеніи ея было что-то неукротимое и неожиданное, и это придавало ей увлекательность, можетъ быть, ей несродную. Странность ея положенія замѣнила въ ней повизну мыслей. На нее смотрѣли съ участіемъ и съ любопытствомъ, какъ на прекрасную грозу.

Явившаяся моимъ взорамъ въ минуту, когда сердце мое тре-

бовало любви, а чувство суетное успѣховъ, Элеонора показалась мнѣ достойною моихъ искусительныхъ усилій. Она сама имѣла удовольствіе въ обществѣ человѣка, непохожаго на тѣхъ, которыхъ она доселѣ видѣла. Кругъ ея былъ составленъ изъ нѣсколькихъ друзей и родственниковъ любовника ея и женъ ихъ, которые изъ трусливаго угожденія графу П... согласились познакомиться съ его любовницею. Мужья были равно лишены и чувствъ и мыслей. Жены отличались отъ нихъ посредственностью болѣе безпокойною и торопливою, потому что не имѣли, подобно мужьямъ, этого спокойствія ума, пріобрѣтаемаго занятіемъ и дѣловою правильностью. Нѣкоторая утонченность въ шуткахъ, разнообразіе въ разговорахъ, соединеніе мечтательности и веселости, упынія и живаго участія, восторженности и насмѣшливости, удивили и привлекли Элеонору. Она говорила на многихъ языкахъ, хотя и несовершенно, но всегда съ движеніемъ, часто съ прелестью. Мысли, казалось, пробивались сквозь препятствія и выходили изъ сей борьбы съ новою пріятностію, простотою и свѣжестью, потому что чужеземныя парѣчія молодятъ мысли и освобождаютъ ихъ отъ оборотовъ, придающихъ имъ поочередно нѣчто пошлое и вынужденное. Мы читали вмѣстѣ Англійскихъ поэтовъ, ходили вмѣстѣ прогуливаться. Часто бывалъ я у нея по утрамъ и къ ней же возвращался вечеромъ, бесѣдовалъ съ нею о тысячѣ предметовъ.

Я предполагалъ обойти наблюдателемъ холоднымъ и безпристрастнымъ весь очеркъ характера и ума ея; но мнѣ казалось, что каждое слово ея было облечено невыразимою прелестью. Намѣреніе ей понравиться влагало въ жизнь мою новое побужденіе, одушевляло мое существованіе необычайнымъ образомъ. Я приписывалъ прелести ея сіе дѣйствіе почти волшебное: я полнѣе наслаждался бы опытъ безъ обязательства, связавшаго меня передъ моимъ самолюбіемъ. Сіе самолюбіе было третьимъ между Элеонорою и мною; я почиталъ себя какъ бы вынужденнымъ идти скорѣе къ цѣли, себѣ предположенной и потому не предавался безъ оглядки впечатлѣніямъ своимъ. Я былъ въ нетерпѣніи объясниться. Ибо казалось мнѣ, что для успѣха стоило только мнѣ открыться. Я не думалъ, что люблю

Элеонору, но уже не могъ бы отказаться отъ мысли ей нравиться. Она меня занимала безпрестанно: я соображалъ тысячи намѣреній; вымышлялъ тысячи средствъ къ побѣдѣ съ этимъ неопытнымъ самонадѣяніемъ, которое увѣрено въ успѣхѣ потому, что ничего не испытало.

Однако же застѣнчивость непобѣдимая меня удерживала. Всѣ мои рѣчи прилипали къ языку моему, или договаривались совсѣмъ не такъ, какъ я предполагалъ. Я боролся внутренно и негодовалъ на самого себя.

Я прибѣгнулъ наконецъ къ умствованію, которое могло бы вывести меня съ честью въ собственныхъ глазахъ изъ сей томительной распри. Я сказалъ себѣ, что не должно ничего торопить, что Элеонора не довольно приготовлена къ признанію, которое я замышлялъ, и что лучше помедлить. Почти всегда, когда хотимъ быть въ ладу съ собою, мы обращаемъ въ разсчеты и правило свое безсиліе и свои недостатки. Такая уловка въ насъ довольствуетъ ту половину, которая, такъ сказать, есть зритель другой.

Сіе положеніе длилось. Съ каждымъ днемъ назначалъ я завтра срокомъ непремѣннымъ для признанія рѣшительнаго, и завтра было тоже, что наканунѣ. Застѣнчивость покидала меня, какъ скоро я удалялся отъ Элеоноры; тогда опять принимался я за свои искусныя предначертанія и глубокія соображенія. Но едва приближался къ ней, я снова чувствовалъ трепетъ и замѣшательство. Кто сталъ бы читать въ сердцѣ моемъ въ ея отсутствіи, тотъ почелъ бы меня соблазнителемъ холоднымъ и мало чувствительнымъ. Но кто увидѣлъ бы меня близъ нея, тотъ призналъ бы меня за любовнаго новичка, смятеннаго и страстнаго. И то и другое сужденіе было бы ошибочно: нѣтъ совершеннаго единства въ человѣкѣ, и почти никогда не бываетъ никто ни совсѣмъ чистосердечнымъ, ни совсѣмъ криводушнымъ.

Убѣжденный сими повторенными опытами, что никогда не осмѣлюсь открыться Элеонорѣ, рѣшился я писать ей. Графъ П... былъ въ отлучкѣ. Боренія мои съ собственнымъ характеромъ, досада, что не удалось мнѣ переломить его, невѣдѣніе объ успѣхѣ моего покушенія отразились въ моемъ письмѣ вол-

неніемъ, очень похожимъ на любовь. Между тѣмъ разгоряченный собственнымъ моимъ слогомъ, я ощущалъ въ себѣ, оканчивая письмо, нѣкоторое дѣйствіе той страсти, которую старался выразить со всевозможною силою.

Элеонора увидѣла въ письмѣ моемъ то, что надлежало видѣть: порывъ минутный человѣка десятью годами ея моложе, котораго сердце растворилось чувствомъ, ему еще неизвѣстнымъ, и болѣе достойнаго жалости, нежели гнѣва. Она отвѣчала мнѣ съ кротостью, дала мнѣ совѣты благосклонные, предложила мнѣ дружбу искреннюю, но объявила, что до возвращенія графа П... она принимать меня не можетъ.

Сей отвѣтъ переворотилъ мнѣ душу. Мое воображеніе, раздраженное препятствіемъ, овладѣло всѣмъ моимъ существованіемъ. Любовь, которою за часъ передъ тѣмъ я самохвально лукавилъ, казалось, господствовала во мнѣ съ изступленіемъ. Я побѣжалъ къ Элеонорѣ: мнѣ сказали, что ея нѣтъ дома. Я написалъ ей, умолялъ ее согласиться на послѣднее свиданіе; я изобразилъ ей въ болѣзненныхъ выраженіяхъ мое отчаяніе, бѣдственные замыслы, на которые меня осуждаетъ ея жестокое рѣшеніе. Большую часть дня ожидалъ я напрасно отвѣта. Я усмирялъ свое неизъяснимое страданіе, повторялъ себѣ, что завтра отважусь на все для свиданія и для объясненія съ Элеонорою. Вечеромъ мнѣ принесли нѣсколько словъ отъ нея. Они были ласковы. Мнѣ сдавалось, что въ нихъ отзывается впечатлѣніе сожалѣнія и грусти; но она упорствовала въ своемъ рѣшеніи и говорила, что оно непоколебимо. Я снова явился къ ней въ домъ на другой день. Она выѣхала въ деревню, и люди не знали, куда именно. Они даже не имѣли никакого средства пересылать къ ней письма.

Я долго стоялъ недвижимъ у дверей, не придумывая никакой возможности отыскать ее. Я самъ дивился страданію своему. Память мнѣ приводила минуты, въ которыя говорилъ я себѣ, что добиваюсь только успѣха; что это была попытка, отъ коей откажусь свободно. Я никакъ не постигалъ скорби жестокой, непокоримой, раздиравшей мое сердце. Нѣсколько дней протекло такимъ образомъ. Я былъ равно неспособенъ къ раз-

сѣнію и умственнымъ занятіямъ. Я бродилъ безпрестанно мимо дома Элеоноры; бѣгалъ по городу, какъ будто при каждомъ поворотѣ улицы могъ надѣяться встрѣтить ее. Однимъ утромъ, въ въ одну изъ спхъ прогулокъ безъ цѣли, которыя замѣняли волненіе мое усталостью, я увидѣлъ карету графа П..., возвращающагося изъ своей поѣздки. Онъ узналъ меня и вышелъ изъ кареты. Послѣ нѣсколькихъ общихъ словъ, я сталъ говорить ему, скрывая свое смятеніе, о неожиданномъ отъѣздѣ Элеоноры. Да, сказалъ онъ, съ одною изъ ея пріятельницъ, за нѣсколько миль отсюда, случилось какое-то несчастіе, и Элеонорѣ показалось, что она можетъ доставить ей нѣкоторое утѣшеніе и пользу. Она уѣхала, не посовѣтовавшись со мною. Элеонора такого свойства, что всѣ чувства ея одолѣваютъ ее, и душа ея, всегда дѣятельная, находитъ почти отдыхъ въ пожертвованіи. Но присутствіе ея мнѣ здѣсь нужно: я напишу ей, и она вѣрно возвратится черезъ нѣсколько дней.

Сіе увѣреніе меня успокоило: я чувствовалъ, что скорбь моя усмиряется. Въ первый разъ съ отъѣзда Элеоноры я могъ свободно перевести дыханіе. Возвращеніе ея не послѣдовало такъ скоро, какъ надѣялся графъ П... Но я принялся за свою вседневную жизнь, и тоска меня удручавшая, начинала мало по малу разсѣиваться, когда, по истеченіи мѣсяца, графъ П... прислалъ мнѣ сказать, что Элеонора должна пріѣхать вечеромъ. Ему было дорого сохранить ей въ обществѣ мѣсто, на которое по характеру своему имѣла она право, и котораго, казалось, лишена была положеніемъ своимъ: для сего ко дню пріѣзда пригласилъ онъ къ себѣ на ужинъ родственницъ и пріятельницъ своихъ, согласившихся на знакомство съ Элеонорою.

Мои воспоминанія мнѣ явились снова, сперва смутно, потомъ живѣе. Мое самолюбіе къ нимъ пристало: я былъ разстроенъ, уничиженъ встрѣчею съ женщиной, поступившей со мною, какъ съ ребенкомъ. Мнѣ мечталось заранѣе, будто, свидясь со мною, она улыбалась отъ мысли, что кратковременное отсутствіе усмирило пылъ молодой головы: и я угадывалъ въ этой улыбкѣ слѣдъ какого-то презрѣнія ко мнѣ. Постепенно чувствованія мои про-

буждались. Въ тотъ самый день всталъ я, не помышляя болѣе объ Элеонорѣ. Черезъ часъ послѣ извѣстія о ея пріѣздѣ, образъ ея носился передо мною, владычествовалъ надъ моимъ сердцемъ, и меня била лихорадка отъ страха, что ее не увижу.

Я просидѣлъ дома весь день и, такъ сказать, хоронился; дрожалъ, что малѣйшее движеніе предупредитъ нашу встрѣчу. Ничего однако же не было естественнѣе, вѣрнѣе: но я желалъ ея съ такимъ жаромъ, что она казалась мнѣ невозможною. Мучась отъ нетерпѣнія, безпрестанно смотрѣлъ на часы; открывалъ окно—мнѣ было душно. Кровь моя палила меня, струясь въ моихъ жилахъ.

Наконецъ, услышалъ я, что пробилъ часъ, въ который должно мнѣ было ѣхать къ графу. Мое нетерпѣніе перешло вдругъ въ робость; я одѣвался медленно, я уже не спѣшилъ пріѣхать. Такой страхъ, что ожиданіе мое будетъ обмануто, такое сильное чувство горести, мнѣ, можетъ быть, угрожающей, овладѣли мною, что я согласился бы охотно все отсрочить.

Было уже довольно поздно, когда я вошелъ въ гостиную графа П... Я увидѣлъ Элеонору, сидѣвшую во глубинѣ комнаты. Я не смѣлъ подойти; мнѣ казалось, что всѣ уставили глаза свои на меня. Я спрятался въ углу гостиной за мущинами, которые разговаривали. Оттуда я всматривался въ Элеонору: мнѣ показалось, что она нѣсколько измѣнилась и была блѣднѣе обыкновеннаго. Графъ отыскалъ меня въ убѣжищѣ, въ которомъ я какъ будто притаился, подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку и подвелъ къ Элеонорѣ. Представляю вамъ, сказалъ онъ ей, смѣясь, того, который болѣе всѣхъ другихъ былъ пораженъ нечаяннымъ вашимъ отъѣздомъ. Элеонора говорила съ женщиною, сидѣвшею съ нею рядомъ. Она меня увидѣла, и слова ея замерли на языкѣ; она совершенно смѣшалась; я самъ былъ очень разстроенъ.

Насъ могли услышать; я обратился къ Элеонорѣ съ незначущими вопросами. Мы приняли оба наружность спокойствія. Доложили объ ужинѣ; я подалъ Элеонорѣ руку, отъ которой она не могла отказаться. Если вы не обѣщаете мнѣ, сказалъ я, ведя ее къ столу, принять меня къ себѣ завтра въ один-

надцать часовъ, я сей часъ ѣду, покидаю отечество мое, семейство родителей, расторгаю всѣ связи, отказываюсь отъ всѣхъ обязанностей, и куда бы ни было, пойду искать конца жизни, которую вамъ весело отравить. Адольфъ! отвѣчала она, и запиналась. Я показалъ движеніемъ, что удаляюсь. Не знаю, что мои черты обнаружили, но я никогда не испытывалъ подобнаго сотрясенія.

Элеонора взглянула на меня: ужасъ, смѣшанный съ нѣжнымъ участіемъ, изобразился на лицѣ ея. Приму васъ завтра, сказала она мнѣ, но умолю васъ... За нами слѣдовали многіе; она не могла договорить. Я прижалъ къ себѣ ея руку, мы сѣли за столъ.

Мнѣ хотѣлось-было сѣсть возлѣ Элеоноры, но хозяинъ дома распорядилъ иначе: я сѣлъ почти противъ нея. Въ началѣ ужина она была задумчива. Когда рѣчь обращалась къ ней, она отвѣчала привѣтливо; но вскорѣ впадала въ разсѣянность. Одна изъ пріятельницъ, пораженная ея молчаливостью и унынiемъ, спросила ее: не больна ли она? Я не хорошо себя чувствовала въ послѣднее время, отвѣчала она, и теперь еще очень разстроена. Я домогался произвести въ умѣ Элеоноры впечатлѣніе пріятное; мнѣ хотѣлось показывать себя любезнымъ и остроумнымъ, расположить ее въ мою пользу и приготовить къ свиданію, которое она мнѣ обѣщала. Я такимъ образомъ испытывалъ тысячу средствъ привлечь вниманіе ея. Я наводилъ разговоръ на предметы для нея занимательные: сосѣды наши вмѣшались въ рѣчь; я былъ вдохновенъ ея присутствіемъ: я добился до вниманія ея, увидѣлъ ея улыбку. Я такъ этому обрадовался; взгляды мои выразили такую признательность, что она была ими тронута. Грусть ея и задумчивость разсѣялись: она уже не противилась тайной прелести, разливаемой по душѣ ея свидѣтельствомъ блаженства, которымъ я былъ ей обязанъ; и когда мы вышли изъза стола, сердца наши были въ сочувствіи, какъ будто никогда мы не были розны другъ съ другомъ. Вы видите, сказалъ я ей, подавъ руку вести обратно въ гостиную, какъ легко располагаете вы всѣмъ моимъ бытіемъ: за какую же вину вы съ такимъ удовольствіемъ его терзаете?

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Я провелъ ночь въ безсонницѣ. Уже въ душѣ моей не было мѣста ни разсчетамъ, ни соображеніямъ; я признавалъ себя влюбленнымъ добросовѣстно, истинно. Я побуждаемъ былъ уже не желаніемъ успѣха; потребность видѣть ту, которую любилъ, наслаждаться присутствіемъ ея, владѣла мною исключительно. Пробило одиннадцать часовъ. Я поспѣшилъ къ Элеонорѣ; она меня ожидала. Она хотѣла говорить: я просилъ ее меня выслушать; я сѣлъ возлѣ нея, ибо съ трудомъ могъ стоять на ногахъ; я продолжалъ слѣдующимъ образомъ, хотя впрочемъ и бывалъ вынуждаемъ прерывать свои рѣчи.

Не прихожу прекословить приговору, вами произнесенному; не прихожу отрєчься отъ признанія, которое могло васъ обидѣть: напрасно хотѣлъ бы я того. Любовь, вами отвергаемая, несокрушима. Самое напряженіе, которымъ одолѣваю себя, чтобы говорить съ вами нѣсколько спокойно, есть свидѣтельство силы чувства, для васъ оскорбительнаго. Но я не съ тѣмъ просилъ васъ меня выслушать, чтобы подтвердить вамъ выраженіе нѣжности моей; напротивъ прошу васъ забыть о ней, принимать меня по-прежнему, удалить воспоминаніе о минутѣ изступленія, не наказывать меня за то, что вы знаете тайну, которую долженъ былъ заключить я во глубинѣ души моей. Вамъ извѣстно мое положеніе, сей характеръ, который почитаютъ страннымъ и дикимъ, сіе сердце, чуждое всѣхъ побужденій свѣта, одинокое посреди людей и однако же страдающее отъ одиночества, на которое оно осуждено. Ваша дружба меня под-

держивала. Безъ этой дружбы я жить не могу. Я привыкъ васъ видѣть, вы дали возникнуть и созрѣть сей сладостной привычкѣ. Чѣмъ заслужилъ я лишеніе сей единственной отрады бытія, столь горестнаго и столь мрачнаго? Я ужасно несчастливъ: я уже не имѣю достаточной бодрости для перенесенія столь продолжительнаго несчастія; я ничего не надѣюсь, ничего не прошу, хочу только васъ видѣть; но мнѣ необходимо васъ видѣть, если я долженъ жить.

Элеонора хранила молчаніе. Чего страшитесь? продолжалъ я. Чего требую? Того, въ чемъ вы не отказываете всѣмъ равнодушнымъ и постороннимъ. Свѣтъ ли устрашаетъ васъ? Свѣтъ, погруженный въ свои торжественныя ребячества, не будетъ читать въ сердцѣ, подобномъ моему. Какъ не быть мнѣ осторожнымъ? Не о жизни ли моей идетъ дѣло? Элеонора, склонитесь на мое моленіе, и для васъ оно будетъ не безъ сладости. Вы найдете нѣкоторую прелесть быть любимою такимъ образомъ, видѣть меня при себѣ занятымъ одною вами, живущимъ для васъ одной, вамъ обязаннымъ за всѣ ощущенія блаженства, на которыя я еще способенъ, отторгнутымъ присутствіемъ вашимъ отъ страданія и отчаянія.

Я долго продолжалъ такимъ образомъ, опровергая всѣ возраженія, пересчитывая тысячью средствъ всѣ сужденія, ходатайствующія въ мою пользу. Я былъ такъ покоренъ, такъ безропотно преданъ, я такъ малаго требовалъ, я былъ бы такъ несчастливъ отказомъ!

Элеонора была растрогана. Она предписала мнѣ нѣсколько условій. Согласилась видѣть меня, только рѣдко, посреди многолюднаго общества и подъ обязательствомъ никогда не говорить ей о любви. Я обѣщалъ все, чего она хотѣла. Мы оба были довольны: я тѣмъ, что вновь пріобрѣлъ благо, почти утраченное; она тѣмъ, что видѣла себя равно великодушною, нѣжною и осторожною.

Съ другаго же дня воспользовался я полученнымъ позволеніемъ. Всѣ слѣдующіе дни дѣлалъ тоже. Элеонора уже не помышляла о необходимости, чтобъ не часто повторялись посѣщенія мои: вскорѣ ей казалось совершенно естественнымъ ви-

дѣть меня ежедневно. Десять лѣтъ вѣрности внушили Графу П... довѣренность неограниченную. Онъ давалъ Элеонорѣ полную свободу. Боровшись съ мнѣніемъ, хотѣвшимъ исключить любовницу его изъ общества, къ которому самъ былъ приванъ, онъ радовался, видя, что кругъ знакомства Элеоноры размножается: домъ его, наполненный гостями, свидѣтельствовалъ ему о побѣдѣ надъ мнѣніемъ.

При входѣ моемъ я замѣчалъ во взорахъ Элеоноры выраженіе удовольствія. Когда разговоръ былъ по ней, глаза ея невольно обращались на меня. При разсказѣ занимательномъ, она призывала меня слушать; но она никогда не бывала одна. Цѣлые вечера проходили такъ, что мнѣ едва удавалось сказать ей съ глазу на глазъ нѣсколько словъ незначительныхъ или перерываемыхъ. Вскорѣ такое принужденіе начало меня раздражать. Я сталъ мраченъ, молчаливъ, неровенъ въ обхожденіи, язвителенъ въ моихъ рѣчахъ. Едва могъ я воздерживать себя, когда видѣлъ, что другіе говорятъ наединѣ съ Элеонорой. Я круто прерывалъ сіи разговоры. Мнѣ дѣла не было, оскорбятся ли тѣмъ или нѣтъ, и я не всегда былъ удерживаемъ опасеніемъ повредить Элеонорѣ. Она жаловалась мнѣ на эту перемѣну. Чтожъ дѣлать? отвѣчалъ я ей съ нетерпѣніемъ. Вы безъ сомнѣнія думаете, что многое для меня сдѣлали: я вынужденъ сказать вамъ, что вы ошибаетесь. Я вовсе не постигаю новаго образа жизни вашей. Прежде вы жили уединенно; вы убѣгали общества утомительнаго; вы устранялись отъ этихъ вѣчныхъ разговоровъ, продолжающихся именно потому, что ихъ никогда начинать бы не надлежало. Нынѣ ваши двери настежъ для всего міра. Подумаешь, что, умоляя васъ принимать меня, я не одному себѣ, но и цѣлой вселенной выпросилъ ту же милость. Признаюсь, видя васъ нѣкогда столь осторожною, не думалъ я увидѣть васъ столь вѣтренною.

Я разсмотрѣлъ въ чертахъ Элеоноры впечатлѣніе гнѣва и грусти. Милая Элеонора, сказалъ ей тотчасъ, умѣряя себя, развѣ я не заслуживаю быть отличенъ отъ тысячи докучниковъ, васъ обступающихъ? Дружба не имѣетъ ли своихъ тайнъ? Не подозрительна ли и не робка ли она посреди шума и толпы?

Элеонора, оставаясь непреклонною, боялась повторенія неосторожностей, которыя пугали ее за себя и за меня. Мысль о разрывѣ уже не имѣла доступа къ ея сердцу: она согласилась видѣть иногда меня наединѣ.

Тогда поспѣшно измѣнились строгія правила, мнѣ предписанныя. Она мнѣ позволила живописать ей любовь мою; она постепенно свыклась съ этимъ языкомъ: скоро призналась, что она меня любитъ.

Нѣсколько часовъ лежалъ я у ногъ ея, называя себя благополучнѣйшимъ изъ смертныхъ, расточая ей тысячу увѣреній въ нѣжности, въ преданности и въ уваженіи вѣчномъ. Она разсказала мнѣ, что выстрадала, испытывая удалиться отъ меня; сколько разъ надѣялась, что угадаю ея убѣжище вопреки ея стараніямъ; какъ малѣйшій шумъ, поражавшій слухъ ея, казался ей вѣстью моего пріѣзда; какое смятеніе, какую радость, какую робость ощутила она, увидѣвъ меня снова; съ какою недовѣрчивостью къ себѣ, чтобы склонность сердца своего примирить съ осторожностью, предалась она разсѣянности свѣта и стала искать толпы, которой прежде избѣгала. Я заставлялъ ее повторять малѣйшія подробности, и сія повѣсть нѣсколькихъ недѣль казалась намъ повѣстью цѣлой жизни. Любовь какимъ-то волшебствомъ добавляетъ недостатокъ продолжительныхъ воспоминаній. Всѣмъ другимъ привязанностямъ нужно минувшее. Любовь, по мгновенному очарованію, создаетъ минувшее, коимъ насъ окружаетъ. Она даетъ намъ, такъ сказать, тайное сознаніе, что мы многіе годы прожили съ существомъ еще недавно намъ чуждымъ. Любовь—одна точка свѣтозарная, но, кажется, поглощаетъ все время. За нѣсколько дней не было ея, скоро ея не будетъ; но пока есть она, разливаетъ свое сіяніе на эпоху прежде-бывшую и на слѣдующую за нею.

Сіе спокойствіе не было продолжительно. Элеонора тѣмъ болѣе остерегалась своего чувства, что она была преслѣдуема воспоминаніемъ о своихъ поступкахъ. А мое воображеніе, мои желанія, какая-то наука свѣтскаго самохвальства, котораго я самъ не замѣчалъ, возставали во мнѣ противъ подобной любви. Всегда робкій, часто раздраженный, я жаловался, выходилъ изъ

себя, обременялъ Элеонору укоризнами. Не одинъ разъ замышляла она разорвать союзъ, проливающій на жизнь ея одне безпокойствіе и смущеніе; не одинъ разъ смягчалъ я ее моими моленіями, отрицаніями, слезами.

Элеонора, писалъ я ей однажды, вы не вѣдаете всѣхъ страданій моихъ. При васъ, безъ васъ, я равно несчастливъ. Въ часы, насъ разлучающіе, скитаюсь безъ цѣли, согбенный подъ бременемъ существованія, котораго я нести не въ силахъ. Общество мнѣ докучаетъ; уединеніе меня томитъ. Равнодушные, наблюдающіе за мною, не знаютъ ничего о томъ, что меня занимаетъ, глядятъ на меня съ любопытствомъ безъ сочувствія, съ удивленіемъ безъ состраданія; сіи люди, которые осмѣливаются говорить мнѣ не объ васъ, наносятъ на душу мою скорбь смертельную. Я убѣгаю отъ нихъ; но одинокій ищу безполезно воздуха, который проникнулъ бы въ мою стѣсненную грудь. Кидаюсь на землю; желаю, тобы она разступилась и поглотила меня навсегда; опираюсь головою на холодный камень, чтобы утолилъ онъ знойный недугъ, меня пожирающій; взбираюсь на возвышеніе, съ коего видѣнъ вашъ домъ; пребываю неподвиженъ, уставя глаза мои на эту обитель, въ которой никогда не буду жить съ вами. А если бы я встрѣтилъ васъ ранѣе, вы могли быть моею! Я прижалъ бы въ свои объятія твореніе, которое одно образовано природою для моего сердца, для сердца столько страдавшаго, потому что оно васъ искало и встрѣтило слишкомъ поздно. Наконецъ, когда минутъ сіи часы изступленія, когда настанетъ время, въ которое могу васъ видѣть, обращаюсь съ трепетомъ на дорогу, ведущую къ вашему дому. Боюсь, чтобы всѣ встрѣчающіе меня, не угадали чувствъ, которыя ношу въ себѣ; останавливаюсь, иду медленными шагами; отсрочиваю мгновеніе счастія всегда и всѣмъ угрожаемаго, которое страшусь утратить, счастія, несовершеннаго и неяснаго, противъ котораго, можетъ быть, ежеминутно злоумышляютъ и бѣдственныя обстоятельства, и ревнивые взгляды, и тиранническія прихоти, и ваша собственная воля. Когда ступлю на порогъ вашихъ дверей, когда растворяю ихъ, я объятъ новымъ ужасомъ: подвигаюсь, какъ преступникъ, умоляющій помилова-

нія у всѣхъ предметовъ, попадающихся мнѣ въ глаза — какъ будто всѣ они ко мнѣ непріязненны, какъ будто всѣ они завистливы за часъ блаженства, которой я еще готовлюсь вкусить. Вздрагиваю отъ малѣйшаго звука, пугаюсь малѣйшаго движенія около себя; шумъ собственныхъ шаговъ моихъ заставляетъ меня отходить обратно. Уже близъ васъ, я боюсь еще, чтобы какая нибудь преграда внезапно не возстала между вами и мною. Наконецъ я васъ вижу, вижу васъ и дышу свободно, созерцаю васъ и останавливаюсь, какъ бѣглецъ, который коснулся до благодѣтельной почвы, спасающей его отъ смерти. Но и тогда, когда все существо мое рвется къ вамъ, когда мнѣ было бы такъ нужно отдохнуть отъ столькихъ сотрясеній, приложить голову мою къ вашимъ колѣнамъ, дать вольное теченіе слезамъ моимъ, должно мнѣ еще превозмогать себя насильственно, должно мнѣ и возлѣ васъ жить еще жизнью вынужденною. Ни минуты откровенности! ни минуты свободы! Ваши взгляды стерегутъ меня; вы смущаетесь, почти оскорбляетесь моимъ смятеніемъ. Не знаю, что за неволя послѣдовала за часами восхитительными, въ которые вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, признавались въ любви вашей! Время улетаетъ; новыя заботы васъ призываютъ: вы ихъ не забываете никогда; вы никогда не отсрочиваете мгновенья, въ которое мнѣ должно васъ оставить. Наѣзжаютъ чужіе; мнѣ уже не позволено смотрѣть на васъ: чувствую, что мнѣ должно удалиться для избѣжанія подозрѣній, меня окружающихъ. Я васъ покидаю болѣе волнуемый, болѣе терзаемый, безумнѣе прежняго; я васъ покидаю, и впадаю снова въ ужасное одиночество; изнемогаю въ немъ, не видя передъ собою ни одного существа, на которое могъ бы опереться и отдохнуть на минуту.

Элеонора не была никогда любима такимъ образомъ. Графъ П... питалъ къ ней истинную привязанность, большую признательность за ея преданность, большое почтеніе за ея характеръ; но въ обхожденіи его съ нею была всегда оттѣнка превосходства надъ женщиною, которая гласно отдалась ему безъ брака. Онъ могъ заключить союзъ болѣе почетный, по общему мнѣнію; онъ ей не говорилъ этого; можетъ быть, и самъ себѣ въ томъ не признавался: но то, о чемъ мы умалчиваемъ, не менѣе того

есть; а все, что есть, угадывается. Элеонора не имѣла никакого понятія о семъ чувствѣ страстномъ, о семъ бытіи, въ ея бытіи теряющемся, о чувствѣ, въ которомъ были безпрекословными свидѣтельствами самыя мои изступленія, моя несправедливость и мои упреки. Упорство ея воспалило всѣ мои чувствованія, всѣ мои мысли. Отъ бѣшенства, которое пугало ее, я обращался къ покорности, къ нѣжности, къ благоговѣнію идолопоклонническому. Я видѣлъ въ ней созданіе небесное: любовь моя походила на поклоненіе, и оно тѣмъ болѣе въ глазахъ ея имѣло прелести, что она всегда боялась оскорбленія въ противномъ смыслѣ. Наконецъ она предалась мнѣ совершенно.

Горе тому, кто, въ первыя минуты любовной связи, не вѣритъ, что эта связь должна быть безконечною. Горе тому, кто въ объятіяхъ любовницы, которую онъ только что покорилъ, хранитъ роковое предвѣдѣніе, и предвидитъ, что ему нѣкогда можно будетъ оставить ее. Женщина, увлеченная сердцемъ своимъ, имѣетъ въ эту минуту что-то трогательное и священное. Не наслажденія, не природа, не чувства развратители наши, нѣтъ, а расчеты, къ которымъ мы привыкаемъ въ обществѣ, и размышленія, рождающіяся отъ опытности. Я любилъ, уважалъ Элеонору въ тысячу разъ болѣе прежняго, въ то время, когда она отдалась мнѣ. Я гордо представалъ людямъ и обращалъ на нихъ владычественные взоры. Воздухъ, которымъ я дышалъ, былъ уже наслажденіемъ; я стремился къ природѣ, чтобы благодарить ее за благодѣяніе печальное, за благодѣяніе безмѣрное, которымъ она меня наградила.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прелесть любви, кто могъ бы тебя описать! Увѣреніе, что мы встрѣтили существо, предопредѣленное намъ природою; сіяніе внезапное, разлитое на жизнь и какъ будто изъясняющее намъ загадку ея; цѣна неизвѣстная, придаваемая маловажнѣйшимъ обстоятельствамъ; быстрые часы, коихъ всѣ подробности самою сладостью своею теряются для воспоминанія и оставляютъ въ душѣ нашей одинъ продолжительный слѣдъ блаженства; веселость ребяческая, сливающаяся иногда безъ причины съ обычайнымъ умиленіемъ; столько радости въ присутствіи и столько надежды въ разлукѣ; отчужденіе отъ всѣхъ заботъ обыкновенныхъ; превосходство надъ всѣмъ, что насъ окружаетъ, убѣжденіе, что отнынѣ свѣтъ не можетъ достигнуть насъ тамъ, гдѣ мы живемъ; взаимное сочувствіе, угадывающее каждую мысль и отвѣчающее каждому сотрясенію; прелесть любви—кто испыталъ тебя, тотъ не будетъ умѣть тебя описывать!

По необходимымъ дѣламъ графъ П. принужденъ былъ отлучиться на шесть недѣль. Я почти все это время провелъ у Элеоноры безпрерывно. Отъ принесенной мнѣ жертвы привязанность ея, казалось, возросла. Она никогда не отпускала меня, не стараясь удержать. Когда я уходилъ, она спрашивала у меня, скоро ли возвращусь. Два часа разлуки были ей несносны. Она съ точностью боязливою опредѣляла срокъ моего возвращенія. Я всегда соглашался радостно. Я былъ благодаренъ за чувство, былъ счастливъ чувствомъ, которое она мнѣ оказывала. Однако же обязательства жизни ежедневной не поддаются произвольно

всѣмъ желаніямъ нашимъ. Мнѣ было иногда тяжело видѣть всѣ шаги мои, означенные заранѣе, и всѣ минуты такимъ образомъ исчитанныя. Я былъ принужденъ торопить всѣ мои поступки и разорвать почти всѣ мои свѣтскія сношенія. Я не зналъ, что сказать знакомымъ, когда мнѣ предлагали поѣздку, отъ которой въ обыкновенномъ положеніи я отказаться не имѣлъ бы причины. При Элеонорѣ я не жалѣлъ о сихъ удовольствіяхъ свѣтской жизни, которыми я никогда не дорожилъ; но я желалъ, чтобы она позволила мнѣ отказываться отъ нихъ свободнѣе. Мнѣ было бы сладостнѣе возвращаться къ ней по собственной волѣ, не сказывая себѣ, что часъ приспѣлъ, что она ждетъ меня съ безпокойствомъ, и не имѣя въ виду мысли о ея страданіи, сливающейся съ мыслью о блаженствѣ, меня ожидающемъ при ней. Элеонора была, безъ сомнѣнія, живое удовольствіе въ существованіи моемъ; но она не была уже цѣлью: она сдѣлалась связью! Сверхъ того я боялся обличить ее. Мое безпрерывное присутствіе должно было удивлять домашнихъ, дѣтей, которые могли подстерегать меня. Я трепеталъ отъ мысли разстроить ея существованіе. Я чувствовалъ, что мы не могли быть всегда соединены, и что священный долгъ велитъ мнѣ уважать ея спокойствіе. Я совѣтовалъ ей быть осторожною, все увѣряя ее въ любви моей. Но чѣмъ болѣе давалъ я ей совѣтовъ такого рода, тѣмъ менѣе была она склонна меня слушать. Между тѣмъ я ужасно боялся ее огорчить. Едва показывалось на лицѣ ея выраженіе скорби, и воля ея дѣлалась моею волею. Мнѣ было хорошо только тогда, когда она была мною довольна. Когда настанная въ необходимости удалиться отъ нея на нѣкоторое время, мнѣ удавалось ее оставить, то мысль о печали, мною ей нанесенной, слѣдовала за мною всюду. Меня схватывали судороги угрызеній, которыя усиливались ежеминутно и наконецъ становились неодолимыми; я летѣлъ къ ней, радовался тѣмъ, что утѣшу, что успокою ее. Но, по мѣрѣ приближенія къ ея дому, чувство досады на это своенравное владычество мѣшалось съ другими чувствами. Элеонора сама была пылка. Въ ея прежнихъ сношеніяхъ, сердце ея было утѣснено тягостною зависимостью. Со мною была она въ совершенной свободѣ; потому

что мы были въ совершенномъ равенствѣ. Она возвысилась въ собственныхъ глазахъ любовью чистою отъ всякаго расчета, всякой выгоды; она знала, что я былъ увѣренъ въ любви ея ко мнѣ собственно для меня. Но отъ совершенной непринужденности со мною она не утаивала отъ меня ни одного движенія; и когда я возвращался къ ней въ комнату, досадуя, что возвращаюсь скорѣе, нежели хотѣлъ, я находилъ ее грустною или раздраженною. Два часа заочно отъ нея мучился я мыслію, что она мучится безъ меня: при ней мучился я два часа пока не успѣвалъ ее успокоить.

Между тѣмъ я не былъ несчастливъ: я утѣшался, какъ сладостно быть любимымъ, даже и съ этою взыскательностью. Я чувствовалъ, что дѣлаю ей добро: счастіе ея было для меня необходимо, и я зналъ, что я необходимъ для ея счастія.

Къ тому же, неясная мысль, что по самымъ обстоятельствамъ связь сія не могла продлиться, мысль печальная по многимъ отношеніямъ, содѣйствовала отчасти къ успокоенію моему въ припадкахъ усталости или нетерпѣнія. Обязательство Элеоноры съ графомъ П..., неровность лѣтъ нашихъ, разность нашихъ положеній, отъѣздъ мой, и то уже по различнымъ случаямъ отлагаемый, однако же неминуемый и въ скоромъ времени, всѣ сіи соображенія побуждали меня еще расточать и забирать какъ можно болѣе счастія: увѣренный въ годахъ, я за дни не спорилъ.

Графъ П... возвратился. Онъ скоро началъ подозрѣвать сношенія мои съ Элеонорою. Съ каждымъ днемъ пріемъ его былъ со мною холоднѣе и мрачнѣе. Я съ участіемъ говорилъ Элеонорѣ объ опасностяхъ, ей предстоящихъ; умолялъ ее позволить мнѣ прервать на нѣсколько дней мои посѣщенія; представлялъ ей пользу ея добраго имени, благосостоянія, дѣтей. Долго слушала она меня въ молчаніи: она была блѣдна какъ смерть. Какъ бы то ни было, сказала она мнѣ наконецъ, вы скоро уѣдете; не станемъ упреждать эту минуту: обо мнѣ не заботьтесь. Выгадаемъ нѣсколько дней, выгадаемъ нѣсколько часовъ: дни, часы, вотъ все то, что мнѣ нужно. Не знаю, какое-то предчувствіе мнѣ говоритъ, Адольфъ, что я умру въ вашихъ объятіяхъ.

И такъ мы продолжали быть по-прежнему: я всегда безпокоенъ, Элеонора всегда печальна, Графъ П... угрюмъ и молчаливъ. Наконецъ, ожиданное мною письмо пришло. Родитель мой приказывалъ мнѣ пріѣхать къ нему. Я понесъ это письмо къ Элеонорѣ. Уже! сказала она мнѣ, прочитавъ его; я не думала, что такъ скоро. Потомъ, обливаясь слезами, взяла она меня за руку и сказала: Адольфъ! вы видите, я не могу жить безъ васъ; не знаю, что со мной будетъ, но умоляю васъ, не сейчасъ уѣзжайте, останьтесь подъ какимъ-нибудь предлогомъ, попросите родителя вашего позволить вамъ пробыть здѣсь еще шесть мѣсяцевъ. Шесть мѣсяцевъ, долго ли это? Я хотѣлъ оспорить ея мнѣніе, но она такъ горько плакала, такъ дрожала, черты ея носили отпечатокъ скорби столь раздирающей, что я не могъ продолжать. Я кинулся къ ногамъ ея, сжалъ ее въ свои объятія, увѣрилъ въ любви и вышелъ писать отвѣтъ отцу моему. Я въ самомъ дѣлѣ писалъ съ движеніемъ, приданнымъ мнѣ горестью Элеоноры. Я представилъ тысячу причинъ къ отлагательству, выставилъ пользу продолжать въ Д. нѣсколько курсовъ, которые не успѣлъ выдержать въ Геттингенѣ и, отправляя письмо на почту, я горячо желалъ получить согласіе на мою просьбу.

Вечеромъ возвратился я къ Элеонорѣ. Она сидѣла на софѣ; графъ П... былъ у камина, довольно поодаль отъ нея; двое дѣтей сидѣли въ глубинѣ комнаты, не играя и выражая на лицахъ своихъ удивленіе дѣтства, которое замѣчаетъ разстройство, не постигая причины. Даннымъ знакомъ я увѣдомилъ Элеонору, что исполнилъ ея желаніе. Лучъ радости проблеснулъ въ ея глазахъ, но вскорѣ исчезнулъ. Мы не говорили ни слова; молчаніе становилось затруднительнымъ для всѣхъ троихъ. — Меня увѣряютъ, милостивый государь, сказалъ мнѣ наконецъ, графъ, что вы готовитесь ѣхать. Я отвѣчалъ, что еще не знаю того. — Мнѣ кажется, возразилъ онъ, что въ ваши лѣта не должно медлить вступить на какое-нибудь поприще: впрочемъ, продолжалъ онъ, взглядывая на Элеонору, можетъ быть, здѣсь не всѣ думаютъ одинаково со мною.

Я не долго ждалъ отцовскаго отвѣта. Распечатывая письмо, трепеталъ, вообразивъ, какую печаль нанесетъ Элеонорѣ отказъ отца моего. Мнѣ казалось даже, что я раздѣлилъ бы сію грусть съ равною силою; но, прочитавъ изъявленіе его согласія, я скоропостижно былъ объятъ мыслію о всѣхъ неудобствахъ дальнѣйшаго здѣсь пребыванія.—Еще шесть мѣсяцевъ принужденія и неволи, вскричалъ я, еще шесть мѣсяцевъ оскорблять мнѣ человѣка, который принималъ меня съ дружбою, предавать опасности женщину, меня любящую, которой угрожаю утратою единственнаго положенія, обѣщающаго ей спокойствіе и уваженіе, еще обманывать отца моего; и для чего? чтобы на минуту не преодолѣть печали, рано или поздно неминуемой? Не испытываемъ ли сей печали ежедневно по частямъ, по каплѣ за каплею? Я только гублю Элеонору. Мое чувство, каково оно есть, не можетъ ее удовольствовать. Я жертвую ей собою безплодно для счастія ея; я живу здѣсь безъ пользы, въ неволѣ, не имѣя ни минуты свободной, не видя возможности часъ одинъ подышать спокойно. Я вошелъ къ Элеонорѣ, еще весь озабоченный этими размышленіями и засталъ ее одну.—Остаюсь еще на шесть мѣсяцевъ, сказалъ я ей.—Вы увѣдомляете меня о томъ очень сухо.—Признаюсь, отъ того, что за васъ и за себя страшусь послѣдствій отсрочки.—Кажется, по-крайней мѣрѣ, для васъ не могутъ они быть слишкомъ непріятны.—Вы увѣрены, Элеонора, что я не о себѣ всегда болѣе забочусь.—Но не очень и о счастіи другихъ.—Разговоръ принялъ бурное направленіе. Элеонора оскорбилась моимъ сожалѣніемъ въ такомъ случаѣ, гдѣ, казалось ей, долженъ я былъ раздѣлить ея радость. Я оскорбленъ былъ торжествомъ, одержаннымъ ею надъ прежнимъ моимъ рѣшеніемъ. Ошибка наша разгорѣлась. Мы вспыхнули взаимными упреками. Элеонора обвиняла меня въ томъ, что я обманулъ ее, имѣлъ къ ней одну минутную склонность, отвратилъ отъ нея привязанность графа и поставилъ ее въ глазахъ свѣта въ то сомнительное положеніе, изъ коего выдти старалась она во всю жизнь свою. Я досадовалъ, зачѣмъ она обращаетъ противъ меня все то, что я исполнилъ изъ одной покорности къ ней, изъ одного страха ее опечалить. Я жало-

вался на свое жестокое утѣсненіе, на бездѣйствіе, въ которомъ изнемогала моя молодость, на деспотизмъ ея, тяготѣвшій на всѣхъ моихъ поступкахъ. Говоря такимъ образомъ, я увидѣлъ лицо ея, облитое слезами: я остановился; подавшись обратно, отрицалъ, изъяснялъ. Мы поцѣловались: но первый ударъ былъ нанесенъ; первая преграда была переступлена. Мы оба выговорили слова неизгладимыя: мы могли умолкнуть, но не могли забыть сказаннаго. Долго не говорить много другъ другу; но что однажды высказано, то безпрерывно повторяется.

Мы прожили такимъ образомъ четыре мѣсяца въ сношеніяхъ насильственныхъ, иногда сладостныхъ, но никогда совершенно свободныхъ. Мы находили въ нихъ еще удовольствіе; но уже не было прелести. Элеонора однакоже не чуждалась меня. Послѣ нашихъ самыхъ жаркихъ споровъ, она такъ же хотѣла нетерпѣливо меня видѣть, назначала часъ нашего свиданія съ такою же заботливостью, какъ будто связь наша была по-прежнему равно безмятежна и нѣжна. Я часто думалъ, что самое поведеніе мое содѣйствовало къ сохраненію Элеоноры въ такомъ расположеніи. Еслибы я любилъ ее такъ, какъ она меня любила, то она болѣе владѣла бы собою: она съ своей стороны размышляла бы объ опасностяхъ, которыми пренебрегала. Но всякая предосторожность была ей ненавистна; потому что предосторожность была моимъ попеченіемъ. Она не исчисляла своихъ пожертвованій, потому что была озабочена единымъ стараніемъ, чтобы я не отринулъ ихъ. Она не имѣла времени охладѣть ко мнѣ, потому что все время, всѣ ея усилія были устремлены къ тому, чтобы удержать меня. Эпоха, снова назначенная для моего отъѣзда, приближалась—и я ощущалъ, помышляя о томъ, смѣшеніе радости и горя, подобно тому, что ощущаетъ человѣкъ, который долженъ купить несомнительное исцѣленіе операціею мучительною.

Въ одно утро Элеонора написала мнѣ, чтобы я сейчасъ явился къ ней. Графъ, сказала она, запрещаетъ мнѣ васъ принимать: не хочу повиноваться сей тираннической волѣ. Я слѣдовала за этимъ человѣкомъ во всѣхъ его изгнаніяхъ; я спасла его благосостояніе; я служила ему во всѣхъ его предпріятіяхъ.

Онъ теперь можетъ обойтись безъ меня; я не могу обойтись безъ васъ. Легко угадать всѣ мои убѣжденія для отвращенія ея отъ намѣренія, котораго я не постигалъ. Говорилъ я ей о мнѣніи общественномъ.—Сіе мнѣніе, отвѣчала она, никогда не было справедливо ко мнѣ. Я десять лѣтъ исполняла обязанности свои строже всякой женщины, и мнѣніе сіе тѣмъ не менѣе отчуждало меня отъ среды, которой я была достойна. Я напоминалъ о дѣтяхъ ея.—Дѣти мои—дѣти графа П... Онъ призналъ ихъ; онъ будетъ о нихъ заботиться: для нихъ будетъ благополучіемъ позабыть о матери, съ которою дѣлиться имъ однимъ позоромъ. Я удвоивалъ мои моленія.—Послушайте, сказала она: если я разорву связь мою съ графомъ, откажетесь ли вы меня видѣть? Откажетесь ли? повторила она, схватывая меня за руку съ сильнымъ движеніемъ, отъ котораго я вздрогнулъ.—Нѣтъ, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, и чѣмъ вы будете несчастнѣе, тѣмъ я буду вамъ преданнѣе. Но разсмотрите...—Все разсмотрѣно, прервала она. Онъ скоро возвратится; удалитесь теперь; не приходите болѣе сюда.

Я провелъ остатокъ дня въ тоскѣ невыразимой. Прошло два дня; я ничего не слыхалъ объ Элеонорѣ. Я мучился невѣдѣніемъ объ ея участи; я мучился даже и тѣмъ, что не вижу ея, и дивился печали, наносимой мнѣ симъ лишеніемъ. Я желалъ однако же, чтобы она отказалась отъ намѣренія, котораго я такъ боялся за нее, и начиналъ ласкать себя благопріятнымъ предположеніемъ, какъ вдругъ женщина принесла мнѣ записку, въ которой Элеонора просила меня быть къ ней въ такой-то улицѣ, въ такомъ-то домѣ, въ третьемъ этажѣ. Я бросился туда, надѣясь еще, что за невозможностью принять меня въ жилищѣ графа П... она пожелала видѣться со мною въ другомъ мѣстѣ въ послѣдній разъ. Я засталъ ее за приготовленіями перемѣщеній: она подошла ко мнѣ съ видомъ довольнымъ и вмѣстѣ робкимъ, желая угадать изъ глазъ моихъ впечатлѣніе мое.—Все расторгнуто, сказала она мнѣ: я совершенно свободна. Собственнаго имѣнія моего у меня семьдесятъ пять червонцевъ ежегоднаго доходу: ихъ станетъ мнѣ. Вы остаетесь еще шесть недѣль; когда уѣдете, мнѣ авось можно будетъ сблизиться съ вами: вы,

можетъ быть, возвратитесь ко мнѣ. И какъ будто, страшась отвѣта, она приступила ко множеству подробностей, относительныхъ до плановъ ея. Она тысячью средствъ старалась увѣрить меня, что будетъ счастлива, что ничѣмъ не пожертвовала, что рѣшеніе, избранное ею, по мысли ей и независимо отъ меня. Очевидно было, что она сильно превозмогала себя и не вѣрила половинѣ того, что говорила. Она оглушала себя своими словами, боясь услышать мои: она дѣятельно расположала рѣчи свои, чтобы удалить минуту, въ которую возраженія мои повергнутъ ее въ отчаяніе. Я не могъ отыскать въ сердцѣ своемъ силы ни на одно возраженіе. Я принялъ ея жертву, благодарилъ за нее, сказалъ, что я оною счастливъ; сказалъ ей еще болѣе: увѣрилъ, что я всегда желалъ приговора непзмѣнимаго, который наложилъ бы на меня обязанность никогда не покидать ее; приписывалъ свое недоумѣніе чувству совѣстливости, запрещающему мнѣ согласиться на то, что совершенно ниспровергаетъ ея состояніе. Въ эту минуту, однимъ словомъ, я полонъ былъ единою мыслію: отвратить отъ нея всякую печаль, всякое опасеніе, всякій страхъ, всякое сомнѣніе въ чувствѣ моемъ. Пока я говорилъ съ нею, я не взиралъ ни на что за сею цѣлью, и я былъ искренепъ въ моихъ обѣщаніяхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Разрывъ Элеоноры съ графомъ П... произвелъ въ обществѣ дѣйствіе, которое легко было предвидѣть. Элеонора утратила въ одну минуту плодъ десятилѣтней преданности и постоянности: ее причислили къ прочимъ женщинамъ разряда ея, которыя увлекаются безъ стыда тысячью поочередныхъ склонностей. Забвеніе дѣтей заставило почитать ее за безчувственную мать, и женщины имени безпорочнаго твердили съ удовольствіемъ, что небреженіе добродѣтели, нужнѣйшей для нихъ пола, должно вскорѣ распространиться и на всѣ прочія. Между тѣмъ жалѣли объ ней, чтобъ не упустить случая винить меня. Видѣли въ поведеніи моемъ поступокъ соблазнителя неблагодарнаго, который поругался гостепріимствомъ и пожертвовалъ, для удовлетворенія бѣглой прихоти, спокойствіемъ двухъ особъ, изъ коихъ одну долженъ былъ почитать, а другую пощадить. Нѣкоторые пріятели отца моего строго выговаривали мнѣ за мой проступокъ; другіе, менѣе свободные со мною, давали мнѣ чувствовать неодобреніе свое разными намеками. Молодежь напротивъ восхищалась искусствомъ, съ которымъ я вытѣснилъ графа; и тысячью шутокъ, которыя напрасно я хотѣлъ остановить; она поздравляла меня съ моей побѣдою и обѣщалась подражать мнѣ. Не умѣю выразить, что я вытерпѣлъ отъ сихъ строгихъ осужденій и постыдныхъ похвалъ. Я увѣренъ, что если бы во мнѣ была любовь къ Элеонорѣ, я успѣлъ бы возстановить мнѣніе о ней и о себѣ. Такова сила чувства истиннаго: когда оно заговоритъ, лживые толки и поддѣльныя условія умолкаютъ. Но я

былъ только человѣкъ слабый, признательный и порабощенный. Я не былъ поддерживаемъ никакимъ побужденіемъ, стремящимся изъ сердца. И потому я выражался съ замѣшательствомъ; старался прервать разговоръ; и если онъ продолжался, то я прекращалъ его жесткими словами, изъявляющими другимъ, что я готовъ былъ на ссору. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ пріятнѣе было бы драться съ ними, нежели имъ отвѣчать.

Элеонора скоро увидѣла, что общее мнѣніе возстало противъ нея. Двѣ родственницы графа П..., принужденныя его вліяніемъ сблизиться съ нею, придали большую огласку разрыву своему, радуясь, что подъ сѣнію строгихъ правилъ нравственности могли предаться долго обузданному недоброжелательству. Мущины не переставали видѣть Элеонору; но въ обращеніи съ нею допускали какую-то вольность, показывающую, что она уже не была ни поддержана покровительствомъ сильнымъ, ни оправдана связью почти освященною. Иные говорили, будто ѣздятъ къ ней потому, что знали ее издавна, другіе потому, что она еще хороша, и что послѣдняя вѣтреность ея пробудила въ нихъ надежды, которыхъ они отъ нея уже не таили. Каждый объяснялъ свою связь съ нею: то-есть, каждый думалъ, что эта связь требуетъ извиненія. Такимъ образомъ несчастная Элеонора видѣла себя навсегда упадшею въ то положеніе, изъ котораго всю жизнь свою старалась выдти. Все содѣйствовало къ тому, чтобы стѣснять ея душу и оскорблять гордость ея. Она усматривала въ удаленіи однихъ доказательство презрѣнія, въ неотступности другихъ признакъ какой-нибудь надежды оскорбительной. Одиночество мучило ее, а общество приводило въ стыдъ. Ахъ! конечно мнѣ должно было ее утѣшить, прижать къ своему сердцу, сказать ей: будемъ жить другъ для друга, забудемъ людей, насъ не разумѣющихъ, будемъ счастливы однимъ собственнымъ уваженіемъ и одною собственною любовію: я то и дѣлалъ. Но можно ли принятымъ по обязанности рѣшеніемъ оживить чувство угасающее?

Мы притворствовали другъ передъ другомъ. Элеонора не смѣла повѣрить мнѣ печали, плода своей жертвы, которой, какъ ей извѣстно было, я не требовалъ. Я принялъ сію жертву: я не

смѣлъ жаловаться на несчастіе, которое я предвидѣлъ, но котораго не имѣлъ силы предупредить. Мы такимъ образомъ молчали о единой мысли, насъ безпрестанно занимающей. Мы расточали другъ другу ласки, говорили о любви, но говорили о любви изъ страха говорить о другомъ.

Когда уже есть тайна между двухъ сердецъ, любовью связанныхъ; когда одно изъ нихъ могло рѣшиться утаить отъ другаго единую мысль — прелесть исчезла, блаженство разрушено. Вспыльчивость, несправедливость, самое развлеченіе могутъ быть примирены; но притворство кидаетъ въ любовь стихію чуждую, которая ее искажаетъ и опозориваетъ въ собственныхъ глазахъ.

По странной необдуманности, въ то самое время, когда я отклонялъ съ негодованіемъ малѣйшій намекъ, предосудительный Элеонорѣ, я самъ содѣйствовалъ къ тому, чтобы вредить ей въ общихъ разговорахъ. Я покорился ея волѣ, но возненавидѣлъ владычество женщинъ. Я безпрестанно возставалъ противъ ихъ слабостей, ихъ взыскательности и самовластія печали ихъ. Я выказывалъ правила самыя жесткія, и сей самый человѣкъ, который не могъ устоять противъ слезы, который уступалъ грусти безмолвной и бывалъ въ разлукѣ преслѣдуемъ образомъ скорби, имъ нанесенной — сей самый человѣкъ показывался во всѣхъ рѣчахъ своихъ пренебрегающимъ и безпощаднымъ. Всѣ мои похвалы непосредственныя въ пользу Элеоноры не уничтожали впечатлѣнія, произведеннаго подобными словами. Меня ненавидѣли, ей сострадали, но не уважали ея. Обвиняли ее въ томъ, что она не умѣла внушить любовнику своему болѣе почтенія къ ея полу и болѣе благоговѣнія къ связямъ сердечнымъ.

Одинъ изъ обыкновенныхъ посѣтителей Элеоноры, который, послѣ разрыва ея съ графомъ II..., изъявилъ ей живѣйшую страсть и вынудилъ ее искательствами нескромными отказать ему отъ дома, дозволилъ себѣ разсѣивать о ней насмѣшки оскорбительныя: я не могъ ихъ вынести. Мы дрались: я ранилъ его опасно, и самъ былъ раненъ. Не могу выразить безпокойствія, ужаса, благодарности и любви, изобразившихся въ чертахъ Элеоноры, когда она меня увидѣла послѣ сего приключенія. Она переѣхала ко мнѣ, не смотря на мои просьбы; она не покидала

меня ни на минуту до моего выздоровленія. Днемъ она мнѣ читала, большую часть ночи сидѣла при мнѣ: наблюдала малѣйшія мои движенія, предупреждала каждое желаніе. Ея заботливое сердоболіе размножало ея услуги, удвоивало силы ея. Она безпрестанно твердила мнѣ, что не пережила бы меня. Я исполненъ былъ умиленія и растерзанъ угрызеніями. Я желалъ быть способнымъ вознаградить привязанность столь непостоянную и столь нѣжную: призывалъ на помощь къ себѣ воспоминаніе, воображеніе, разсудокъ самый, чувство обязанности. Усилія тщетныя! затруднительность положенія, увѣренность въ будущемъ, которое должно разлучить насъ, можетъ быть, невѣдомое возмущеніе противъ узъ, которыхъ я расторгнуть не могъ, меня внутренно снѣдали. Я укорялъ себя въ неблагодарности, которую старался сокрыть отъ нея. Мнѣ больно было, когда она повидимому сомнѣвалась въ любви столь ей необходимой: мнѣ не менѣе было больно, когда она ей вѣрила. Я чувствовалъ, что она меня превосходнѣе; я презиралъ себя, видя, что я ея недостоинъ. Ужасное несчастіе не быть любимымъ, когда любишь; но еще ужаснѣе быть любимымъ страстно, когда уже любить перестанешь. Я пренебрегалъ жизнью своею для Элеоноры, но я тысячу разъ отдалъ бы эту самую жизнь, чтобы она была счастлива безъ меня.

Шесть мѣсяцевъ, отсроченные мнѣ родителемъ, миновались: должно было думать объ отъѣздѣ. Элеонора ему не противилась, даже и не пыталась удерживать меня; но требовала обѣщанія, что по исходѣ двухъ мѣсяцевъ я или возвращусь къ ней, или ей позволю съѣхаться со мною: я торжественно далъ ей въ томъ клятву. Какимъ обѣщаніемъ не обязался бы я въ минуту, когда видѣлъ, что она борется сама съ собою и одолѣваетъ свою печаль? Она могла бы требовать отъ меня не покидать ея: я чувствовалъ въ глубинѣ души моей, что я не ослушался бы слезъ ея. Я благодаренъ былъ, что она не прибѣгаетъ къ своей власти. Мнѣ казалось, что за это я ее болѣе полюбилъ. Впрочемъ я и самъ не безъ живѣйшаго сожалѣнія разставался съ существомъ, которое столь исключительно было мнѣ предано. Есть въ связяхъ продолжительныхъ что-то столь глубокое! Онѣ

безъ вѣдома нашего обращаются въ столь неотъемлемую часть нашего бытія! Издали съ спокойствіемъ мы замышляемъ рѣшительное намѣреніе разорвать ихъ; намъ сдается, что мы ожидаемъ нетерпѣливо эпохи, для сего назначенной: но когда сей часъ настаетъ, онъ поражаетъ насъ ужасомъ; и таково своеправіе нашего немощнаго сердца, что мы съ ужаснымъ терзаніемъ покидаемъ тѣхъ, при которыхъ пребывали безъ удовольствія.

Во время разлуки я писалъ исправно Элеонорѣ. Я раздѣленъ былъ между страхомъ огорчить ее моими письмами и желаніемъ живописать ей только то, что я чувствую. Я желалъ, чтобы она угадала меня, но угадала безъ горести. Я поздравлялъ себя, когда мнѣ удавалось словами: привязанность, дружба, преданность—замѣщать слово любовь; но вдругъ мнѣ представлялась бѣдная Элеонора, въ грусти и одиночествѣ, имѣющая отраду въ однихъ моихъ письмахъ: и въ концѣ двухъ страницъ холодныхъ, мѣрныхъ, я наскоро приписывалъ нѣсколько выраженій пламенныхъ, или нѣжныхъ, способныхъ обманывать ее снова. Такимъ образомъ, никогда не договаривая того, что могло бы ее удовольствовать, я проговаривался достаточно, чтобы оставлять ее въ заблужденіи. Страннаго рода лживость, которая и самымъ успѣхомъ своимъ обращалась противъ меня, длила мою тоску и была мнѣ нестерпима.

Я считалъ съ безпокойствіемъ дни, часы истекающіе. Желаніями моими я замедлялъ ходъ времени: я трепеталъ, видя приближеніе эпохи, назначенной для исполненія обѣщаній. Я не вымыслилъ никакого средства къ отъѣзду; не придумывалъ, какъ Элеонора могла бы поселиться въ одномъ городѣ со мною. Можетъ статься, ибо должно быть чистосердечнымъ, можетъ статься я и не желалъ того. Я сравнивалъ жизнь свою независимую и спокойную съ жизнью торопливости, тревогъ и страданій, на которую обрекала меня страсть ея. Мнѣ такъ было любо чувствовать себя свободнымъ, идти, придти, отлучиться, возвратиться, не озабочивая никого. Я въ равнодушіи другихъ отдыхалъ, такъ сказать, отъ томительности любви ея.

Я не смѣлъ однакоже подать подозрѣнія Элеонорѣ, что

желалъ бы отказаться отъ нашихъ предположеній. Она поняла изъ моихъ писемъ, что мнѣ было бы трудно оставить родителя, и написала мнѣ, что вслѣдствіе того начинаетъ она готовиться къ отъѣзду. Я долго удерживался оспаривать ее; не отвѣчалъ ей ничего точнаго по сему предмету; говорилъ ей неопредѣлительно, что всегда буду радъ знать, потомъ прибавилъ, стараться о ея счастіи: жалкія двоесмыслія, рѣчи запутанныя! мнѣ больно было видѣть, что они такъ темны, и я трепеталъ пояснить ихъ. Наконецъ рѣшился я говорить съ нею откровенно: сказалъ себѣ, что я къ тому обязанъ. Явозставилъ мою совѣсть противъ моей слабости; я подкрѣплялъ себя мыслью о ея спокойствіи въ виду образа печали ея. Скорыми шагами ходилъ я по комнатѣ моей; я твердилъ себѣ изустно то, что намѣревался ей писать. Но едва вывелъ я нѣсколько строкъ—и мое расположеніе измѣнилось: я разсматривалъ слова свои, уже не по смыслу, въ нихъ содержащемуся, но по дѣйствію, которое они произведутъ неминуемо. Сверхестественная сила правила, какъ вопреки мнѣ самому, рукою моею порабощенною, и я довольствовался тѣмъ, что совѣтовалъ ей отсрочку на нѣсколько мѣсяцевъ. Я не сказалъ того, что думалъ. Письмо мое не носило никакихъ признаковъ чистосердечія. Доводы, представляемые мною, были слабы, потому что они были не истинные.

Отвѣтъ Элеоноры былъ гнѣвенъ; она полна была негодованіемъ отъ желанія моего несвидѣться съ нею. Чего она отъ меня требовала? жить при мнѣ безъизвѣстною. Чего могъ я страшиться отъ присутствія ея въ убѣжищѣ сокровенномъ, посреди большого города, гдѣ никто ее не зналъ? Она всѣмъ мнѣ пожертвовала: фортуною, дѣтьми, доброю славою, она не просила другого возмездія за приношеніе свое, кромѣ позволенія ждать меня смиренной рабынею, проводить со мною нѣсколько минутъ въ сутки, наслаждаться мгновеніями, которыя могу ей удѣлить. Она безропотно согласилась на двумѣсячное отсутствіе, не потому, что это отсутствіе казалось ей необходимымъ, но потому, что я того желалъ; и когда она, тяжело досчитывая день за днемъ, достигла до срока, мною самимъ назначеннаго, я предлагаю ей начать снова сію продолжительную казнь. Она

могла ошибиться, могла предать жизнь свою человѣку жестокому и безчувственному; я властенъ былъ располагать своими поступками, но не властенъ былъ заставить ее страдать, брошенную тѣмъ, для котораго она все принесла на жертву.

Элеонора скоро послѣдовала за письмомъ своимъ. Она увѣдомила меня о своемъ пріѣздѣ. Я пошелъ къ ней съ твердымъ намѣреніемъ показать ей большую радость: мнѣ нетерпѣлось успокоить сердце ея и доставить ей, по крайней мѣрѣ мгновенно, нѣсколько счастія и отдыха. Но она была уязвлена, оглядывала меня съ недовѣрчивостью; она вскорѣ разсмотрѣла мои усилія; она раздражила гордость мою своими укоризнами; она оскорбила мой характеръ. Она мнѣ представила меня столь ничтожнымъ въ моей слабости, что возмутила меня противъ себя еще болѣе, нежели противъ самого меня. Безумное наступленіе овладѣло нами. Пощада была отвергнута; вѣжливость забыта. Можно было подумать, что мы другъ на друга были устремлены фуріями. Мы взаимно примѣняли къ себѣ все, что неукротимѣйшая вражда объ насъ разгласила: и сіи два существа несчастныя, которыя одни на землѣ были нечужды другъ другу, одни могли отдавать себѣ справедливость, понимать, утѣшать другъ друга, казались двумя врагами непримиримыми, алчущими взаимной гибели.

Мы разстались послѣ трехчасовой бури: и въ первый разъ въ жизни разстались мы безъ объясненія, безъ примиренія. Едва оставилъ я Элеонору, и глубокая горесть заступила гнѣвъ во мнѣ. Я былъ въ какомъ-то безпамятствѣ, какъ оглушенъ тѣмъ, что было. Я повторялъ себѣ рѣчи свои съ удивленіемъ: я не постигалъ поступка своего; искалъ въ себѣ самомъ, что могло вовлечь меня въ такое заблужденіе.

Уже было поздно: я не смѣлъ возвратиться къ Элеонорѣ. Далъ себѣ слово увидѣть ее рано на другой день, и пошелъ домой къ отцу. У него было много гостей; мнѣ легко было въ собраніи многолюдномъ держаться въ сторонѣ и скрывать смятеніе. Когда мы остались одни, онъ сказалъ мнѣ: меня увѣряютъ, что прежняя любовница графа П... въ здѣшнемъ городѣ. Я всегда предоставлялъ тебѣ большую свободу и не хотѣлъ

знать ничего о связях твоих: но тебѣ неприлично въ твои лѣта имѣть гласно признанную любовницу. Сказываю напередъ, что я принялъ мѣры для удаленія ея отсюда. При сихъ словахъ онъ ушелъ. Я послѣдовалъ за нимъ; знакомъ велѣлъ онъ мнѣ удалиться. Богъ свидѣтель, сказалъ я ему, что она здѣсь не по моему приглашенію; Богъ свидѣтель, что, лишь бы она была счастлива, я согласился бы за эту цѣну никогда болѣе не видать ее. Но будьте осторожны въ томъ, что предпринимаете: думая меня разлучить съ нею, вы можете легко привязать къ ней навсегда.

Я тотчасъ позвалъ къ себѣ служителя, ѣздившаго со мною въ моихъ путешествіяхъ и знавшаго связь мою съ Элеонорою. Я поручилъ ему развѣдать въ тотъ же часъ, если можно, каковы были мѣры, о которыхъ говорилъ мнѣ отецъ. Онъ возвратился послѣ двухъ часовъ. Секретарь отцовскій ввѣрилъ ему за тайну, что Элеонора должна была на другой день получить приказаніе выѣхать. Элеонора изгнанная! воскликнулъ я, изгнанная съ позоромъ! она, пріѣхавшая сюда единственно для меня! она, которой растерзалъ я сердце, которой слезы видѣлъ я безъ жалости! Гдѣ же преклонила бы она голову, несчастная, скитающаяся, и одна въ свѣтѣ, котораго уваженія я же лишилъ ее! Кому повѣдала бы она свою скорбь! Я скоро рѣшился. Я подкупилъ человѣка, который ходилъ за мною: расточалъ предъ нимъ золото и обѣщанія. Я заказалъ почтовую коляску къ шести часамъ утра, замышлялъ тысячу предположеній для моего вѣчнаго соединенія съ Элеонорой; я любилъ ее болѣе, нежели когда нибудь. Все мое сердце снова обратилось къ ней; я съ гордостью представлялъ себя покровителемъ ея; я алкалъ прижать ее въ мои объятія; любовь во всемъ могуществѣ своемъ возвратилась въ мою душу. Я ощущалъ въ головѣ, въ сердцѣ, въ чувствахъ лихорадку, которая обуревала мое существованіе. Если бы въ эту минуту Элеонора рѣшилась на разрывъ со мною, я умеръ бы у ногъ ея, умоляя остаться при мнѣ.

Разсвѣтало; я побѣжалъ къ Элеонорѣ. Она еще не вставала, за тѣмъ, что всю ночь провела въ слезахъ; были еще глаза ея заплаканы и волоса въ безпорядкѣ. Она увидѣла меня съ

удивленіемъ. Вставай, сказалъ я ей, поѣдемъ. Она хотѣла отвѣчать. Поѣдемъ, повторилъ я: имѣешь ли на землѣ иного покровителя, иного друга, кромѣ меня. Объятія мои не одно ли твое прибѣжище? Она упорствовала. У меня причины важныя, прибавилъ я, причины мнѣ личныя. Ради Бога слѣдуй за мною; я увлекъ ее насильно. Дорогою осыпалъ я ее ласками, прижималъ ее къ сердцу, на всѣ вопросы ея отвѣчалъ одними поцѣлуями. Наконецъ сказалъ я ей, что, замѣтивъ въ отцѣ моемъ желаніе разлучить насъ, я почувствовалъ, что не могу быть счастливъ безъ нея, что хочу посвятить ей всю мою жизнь и соединиться съ нею всѣми возможными узами. Благодарность ея была сначала безмѣрна; но вскорѣ разсмотрѣла она противорѣчія въ разсказѣ моемъ. Силою убѣдительности вырвала она изъ меня истину; радость ея исчезла, лицо покрылось мрачнымъ облакомъ.—Адольфъ, сказала она мнѣ, вы сами себя обманываете— вы великодушны, вы мнѣ жертвуете собою потому, что меня преслѣдуютъ; вы думаете, что въ васъ дѣйствуетъ любовь: въ васъ дѣйствуетъ одна жалость. Зачѣмъ она произнесла сіи бѣдственныя слова? Зачѣмъ повѣдала мнѣ тайну, которой никогда бы я знать не хотѣлъ? Я старался успокоить ее; быть можетъ, и успѣлъ; но истина проникла мою душу: движеніе было остановлено; я былъ твердъ въ моей жертвѣ; но я не былъ отъ того счастливѣе, и уже во мнѣ была мысль, которую я снова принужденъ былъ тапть.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Доѣхавъ до границы, я написалъ къ отцу. Письмо мое было почтительно, но въ немъ отзывалась горечь. Я досадовалъ на него, что онъ скрѣпилъ мои узы, думая разорвать ихъ. Я объявлялъ ему, что не покину Элеоноры, пока не будетъ она прилично устроена и будетъ нуждаться въ моей помощи. Я умолялъ, чтобы дѣятельною враждою своею, онъ не вынуждалъ меня быть навсегда къ ней привязаннымъ. Я ждалъ его отвѣта, чтобы знать на что рѣшиться. „Вамъ двадцать-четыре года, „отвѣчалъ онъ мнѣ: не буду дѣйствовать противъ васъ по праву „власти, уже близкой предѣла своего и которой никогда я не „обнаруживалъ: стану даже, по мѣрѣ возможности, скрывать „вашъ странный поступокъ: распущу слухъ, что вы отправи„лись по моему приказанію и по моимъ дѣламъ. Рачительно „озабочусь содержаніемъ вашимъ. Вы сами скоро почувствуете, „что жизнь, избранная вами, не пристала вамъ. Ваше рожде„ніе, ваши дарованія, ваша фортуна готовили васъ въ свѣтъ „не на званіе товарища женщины безъ отечества и безъ имени. „Ваше письмо мнѣ доказываетъ уже, что вы недовольны собою. „Помните, что нѣтъ никакой выгоды оставаться въ положеніи, „отъ котораго краснѣешь. Вы расточаете напрасно лучшія лѣта „вашей молодости, и сія утрата не возвратится".

Письмо отца пронзило меня тысячами кинжаловъ: я сто разъ твердилъ себѣ то, что онъ мнѣ говорилъ, и сто разъ стыдился жизни своей, протекающей во мракѣ и въ бездѣйствіи. Я предпочелъ бы упреки, угрозы; я поставилъ бы себѣ въ пѣ-

которую славу противоборствовать, и почувствовалъ бы необходимость собрать силы свои для защиты Элеоноры отъ опасностей, ее постигающихъ. Но не было опасностей: меня оставляли совершенно свободнымъ; и сія свобода служила мнѣ только къ перенесенію съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ига, которое я, казалось, избралъ добровольно.

Мы поселились въ Каденѣ, маленькомъ городкѣ Богемскомъ. Я твердилъ себѣ, что, разъ возложивъ на себя отвѣтственность участи Элеонориной, я долженъ беречь ее отъ страданій. Я успѣлъ приневолить себя, и заключилъ въ груди своей малѣйшіе признаки неудовольствій, и всѣ способы ума моего стремились созидать себѣ искусственную веселость, которая могла бы прикрывать мою глубокую горесть. Сія работа имѣла надо мною дѣйствіе неожиданное. Мы существа столь зыбкія, что подъ конецъ ощущаемъ тѣ самыя чувства, которыя сначала выказывали изъ притворства. Сокрываемыя печали мои были мною отчасти забыты. Мои безпрерывныя шутки разсѣивали мое собственное уныніе; и увѣренія въ нѣжности, коими ласкалъ я Элеонору, разливали въ сердцѣ моемъ нѣжное умиленіе, которое почти походило на любовь.

По временамъ воспоминанія досадныя осаждали меня. Когда я бывалъ одинъ, я предавался припадкамъ тоски безпокойной: я замышлялъ тысячу странныхъ предпріятій, чтобы вдругъ вырваться изъ сферы, въ которой мнѣ было неумѣстно. Но я отражалъ сіи впечатлѣнія, какъ тяжелые сны. Элеонора казалась счастливою; могъ ли я смутить ея счастіе? Около пяти мѣсяцевъ протекло такимъ образомъ.

Однажды я увидѣлъ Элеонору смущенною: она старалась утаить отъ меня мысль, ее занимавшую. Послѣ многихъ просьбъ она потребовала отъ меня обѣщанія не противиться рѣшенію, принятому ею, и призналась, что графъ П... писалъ къ ней. Тяжба его была выиграна. Онъ вспоминалъ съ признательностью услуги, ею оказанныя, и свою десятилѣтнюю связь. Онъ предлагалъ ей половину фортуны своей, не съ тѣмъ, чтобы соединиться съ нею (соединеніе было уже дѣломъ невозможнымъ), но на условіи, что она броситъ неблагодарнаго предателя, ихъ

разлучившаго. Я отвѣчала, сказала она мнѣ, и вы угадаете, что я отвергла предложеніе. Я слишкомъ угадалъ ее, я былъ тронутъ; но я въ отчаяніи отъ новой жертвы, принесенной мнѣ Элеонорою. Не смѣлъ я однакоже представить никакого возраженія: всѣ попытки мои въ этомъ отношеніи были всегда такъ безплодны!... Я вышелъ, чтобы обдумать, на что рѣшиться. Мнѣ ясно было, что наши узы должны быть разорваны. Онѣ были прискорбны мнѣ, становились вредными ей: я былъ единственнымъ ей препятствіемъ въ новомъ пріобрѣтеніи пристойной чреды и уваженія, рано или поздно послѣдующаго въ свѣтѣ за богатствомъ. Я былъ единственною преградою между ею и дѣтьми ея. У меня въ собственныхъ глазахъ не было оправданія. Уступить ей въ этомъ случаѣ было бы уже не великодушіе, но преступная слабость: я обѣщалъ отцу своему быть снова свободнымъ, когда уже не буду нуженъ Элеонорѣ. Наконецъ, настало для меня время вступить на поприще, начать жизнь дѣятельную, пріобрѣсть нѣкоторыя права на уваженіе людей, оказать благородное употребленіе моихъ способностей. Я возвратился къ Элеонорѣ. Мнѣ казалось, что я непоколебимо утвержденъ въ намѣреніи принудить Элеонору не отвергать предложеній графа П... и объявить ей, если нужно будетъ, что уже во мнѣ нѣтъ къ ней любви. Милый другъ, сказалъ я ей, можно нѣсколько времени бороться съ участью своею, но должно наконецъ покориться ей: законы общества сильнѣе воли человѣческой; чувства самыя повелительныя разбиваются о роковое могущество обстоятельствъ. Напрасно упорствуемъ, совѣтуемся съ однимъ сердцемъ своимъ: рано или поздно мы осуждены внять разсудку. Я не могу удерживать васъ долѣе въ положеніи, недостойномъ равно и васъ, и меня: я не могу того позволить себѣ ни для васъ, ни для самого себя. По мѣрѣ словъ моихъ, которыя произносилъ я, не глядя на Элеонору, я чувствовалъ, что мысли мои становились темнѣе, и рѣшимость моя слабѣла. Я хотѣлъ завладѣть опять своими силами; я продолжалъ голосомъ торопливымъ: я всегда останусь вашимъ другомъ; всегда сохраню къ вамъ глубочайшую нѣжность. Два года связи нашей не изгладятся изъ памяти моей; они пребудутъ

навсегда лучшею эпохою жизни моей. Но любовь, восторгъ чувствъ, сіе упоеніе невольное, сіе забвеніе всѣхъ выгодъ, всѣхъ обязанностей, Элеонора, уже не существуютъ во мнѣ. Я долго ожидалъ отвѣта, не поднимая глазъ на нее. Наконецъ взглянулъ. Она была неподвижна: она созерцала всѣ предметы, какъ будто не различая ни одного. Я схватилъ ея руку; она была холодна. Она меня оттолкнула. Чего хотите отъ меня? сказала она. Развѣ я не одна, одна въ мірѣ, одна безъ существа, мнѣ внимающаго? Что еще сказать хотите? Не все ли вы мнѣ уже сказали? Не всему ли конецъ, конецъ безвозвратный? Оставьте меня, покиньте меня: не того ли вы желаете? Она хотѣла удалиться, она зашаталась; я старался поддержать ее; она безъ чувствъ упала къ ногамъ моимъ; я приподнялъ ее, обнялъ, привелъ въ память.—Элеонора, вскричалъ я, придите въ себя; придите ко мнѣ: люблю васъ любовью, любовью нѣжнѣйшею. Я васъ обманывалъ, хотѣлъ предоставить вамъ болѣе свободы въ выборѣ вашемъ. Легковѣріе сердца, ты непзъяснимо! Сіи простыя слова, изобличенныя столькими предъидущими словами, возвратили Элеонору къ жизни и къ довѣренности. Она заставила меня повторить ихъ нѣсколько разъ: она, казалось, вдыхала ихъ съ жадностью. Она мнѣ повѣрила: она упоилась любовью своею, которую признавала нашею: подтвердила отвѣтъ свой графу П..., и я увидѣлъ себя связаннымъ болѣе прежняго.

Спустя три мѣсяца, новая возможность перемѣны показалась въ судьбѣ Элеоноры. Одинъ изъ поворотовъ обыкновенныхъ въ республикахъ, волнуемыхъ раздорами, призвалъ отца ея въ Польшу и утвердилъ его въ владѣніи имѣнія. Хотя онъ и едва зналъ дочь свою, по третьему году увезенную во Францію матерью ея, но пожелалъ имѣть ее при себѣ. Слухъ о приключеніяхъ Элеоноры глухо доходилъ до него въ Россіи, гдѣ онъ провелъ все время изгнанія своего. Элеонора была единственною наслѣдницею его. Онъ боялся одиночества, хотѣлъ для себя родственной попечительности: онъ занялся исключительно отысканіемъ пребыванія дочери своей, и когда узналъ о немъ, приглашалъ ее убѣдительно пріѣхать къ себѣ. Ей нельзя было чувствовать истинную привязанность къ отцу, котораго она не

могла запомнить. Она понимала однакоже, что ей надлежало повиноваться. Такимъ образомъ она обезпечивала судьбу дѣтей своихъ большою фортуною и сама входила снова на степень, съ которой низвели ее бѣдствія и ея поведеніе. Но она мнѣ объявила рѣшительно, что не иначе поѣдетъ въ Польшу, какъ со мною. Я уже въ тѣхъ лѣтахъ, сказала она мнѣ, въ которыя душа раскрывается къ новымъ впечатлѣніямъ! Отецъ мой для меня незнакомецъ. Если я здѣсь останусь, другіе окружатъ его охотно; онъ такъ же будетъ счастливъ. Дѣтямъ моимъ придется имѣніе графа П... Знаю, что вообще осудятъ меня, почтутъ дочерью неблагодарною и безчувственною матерью; но я слишкомъ страдала, я уже немолода, и мнѣніе свѣта мало владычествуетъ надо мною. Если въ моемъ рѣшеніи и есть жестокость, то вамъ, Адольфъ, винить себя въ этомъ. Если бы я могла довѣрить вамъ, можетъ быть, и согласилась бы на разлуку, которой горечь была бы умѣрена упованіемъ на соединеніе сладостное и прочное: но вы рады были бы увѣриться, что я въ двухъ стахъ миляхъ отъ васъ, довольна и спокойна въ нѣдрахъ семейства моего и богатства. Вы писали бы мнѣ по этому предмету письма благоразумныя, которыя вижу заранѣе: они раздирали бы мое сердце; не хочу себя подвергнуть тому: не имѣю отрады сказать себѣ, что жертвою всей жизни своей я успѣла внушить вамъ чувство, коего достойна; по крайней мѣрѣ вы приняли эту жертву. Я уже довольно страдала отъ холода обращенія вашего и сухости нашихъ отношеній: я покорилась симъ страданіямъ, вами мнѣ налагаемыхъ: не хочу вызывать на себя добровольныхъ.

Въ голосѣ и рѣчахъ Элеоноры было что-то рѣзкое и непреклонное, означающее болѣе твердую рѣшительность, нежели чувство глубокое, или трогательное; съ нѣкотораго времени она раздражаема была заранѣе, когда меня просила о чемъ нибудь, какъ будто я ей уже отказалъ. Она располагала моими дѣйствіями; но знала, что мой разсудокъ отрицаетъ ихъ. Она желала бы проникнуть въ сокровенное святилище мысли моей и тамъ переломить тайное сопротивленіе, возмущавшее ее противъ меня. Я говорилъ ей о моемъ положеніи, о требованіяхъ отца моего,

о моемъ собственномъ желаніи. Я умолялъ, я горячился: Элеонора была непоколебима. Я хотѣлъ пробудить ея великодушіе, какъ будто любовь не самое исключительное и себялюбивое изъ всѣхъ чувствъ, и слѣдовательно, когда разъ оно уязвлено, не менѣе ли всѣхъ великодушно! Я старался страшнымъ усиліемъ умилить ее несчастіемъ, на которое осужденъ я, оставаясь при ней; я успѣлъ только вывести ее изъ себя. Я обѣщалъ ей посѣтить ее въ Польшѣ: но она въ неоткровенныхъ обѣщаніяхъ моихъ видѣла одно истерзаніе оставить ее.

Первый годъ пребыванія нашего въ Каденѣ былъ на исходѣ, и еще не было перемѣны въ положеніи нашемъ. Когда Элеонора видѣла меня мрачнымъ и утомленнымъ, она сначала грустила, послѣ оскорблялась и вырывала у меня упреками своими признаніе въ утомленіи, которое желалъ бы я таить. Съ моей стороны, когда Элеонора казалась довольною, я досадовалъ, видя, что она наслаждается положеніемъ, стоющимъ мнѣ счастія моего, и я тревожилъ ее въ этомъ краткомъ наслажденіи намеками, объясняющими ей то, что я внутренно ощущалъ. Мы такимъ образомъ поражали другъ друга попеременно словами косвенными, чтобы послѣ отступить въ увѣренія общія, оправданія темныя и укрыться въ молчаніи. Мы такъ знали взаимно, о чемъ готовы были сказать другъ другу, что молчали, дабы не слыхать того. Иногда одинъ изъ насъ готовился уступить; но мы упускали минуту благопріятную для сближенія нашего. Наши сердца недовѣрчивыя и уязвленныя уже не сходились.

Я часто вопрошалъ себя, зачѣмъ остаюсь въ такомъ тяжкомъ положеніи: я отвѣчалъ себѣ, что, если удалюсь отъ Элеоноры, она за мною послѣдуетъ, и что такимъ образомъ я выпужу ее на новую жертву. Наконецъ сказалъ я себѣ, что должно удовлетворить ей въ послѣдній разъ, и что ей нечего уже будетъ требовать, когда я водворю ее посреди семейства. Когда я готовъ былъ ей предложить ѣхать съ нею въ Польшу, она получила извѣстіе, что отецъ ея умеръ скоропостижно. Онъ назначилъ ее единственною по себѣ наслѣдницею; но его духовная не согласна была съ послѣдующими его письмами, которыми угрожали воспользоваться дальніе родственники. Элеонора, не смотря на сла-

бия сношенія, существовавшія между ею и отцемъ, была живо опечалена кончиною его. Она испяла себѣ, что оставила его. Вскорѣ начала она меня осуждать за вину свою. Вы меня оторвали, говорила она мнѣ, отъ обязанности священной. Теперь дѣло идетъ объ одномъ имѣніи моемъ: ниъ еще скорѣе пожертвую для васъ. Но рѣшительно не поѣду одна въ землю, гдѣ встрѣчу однихъ непріятелей. Я не хотѣлъ (отвѣчалъ ей) отвратить васъ ни отъ какой обязанности; я желалъ, признаюсь, чтобы вы потрудились посудить, что и мнѣ было тяжело изнѣнить своимъ; я не могъ заслужить отъ васъ сей справедливости. Я сдаюсь, Элеонора. Польза ваша побѣждаетъ всѣ прочія соображенія. Мы поѣдемъ вмѣстѣ, когда вамъ будетъ угодно.

Мы въ самомъ дѣлѣ отправились въ дорогу. Разлученіе пути, новизна предметовъ, усилія, которыми мы перемогали сами себя, пробуждали въ насъ по временамъ остатокъ искренности. Долгая свычка наша другъ съ другомъ, обстоятельства разнообразныя, извѣданныя нами вмѣстѣ, придали каждому слову, почти каждому движенію воспоминанія, которыя переносили насъ вдругъ въ минувшее и погружали въ умиленіе невольное. Такъ молніи разсѣкаютъ ночь, не разгоняя ее. Мы жили, такъ сказать, какою-то памятью сердца: она еще могла пугать насъ горестью при мысли о разлукѣ; но мы уже не могли находить въ ней счастія, оставаясь вмѣстѣ. Я предавался симъ впечатлѣніямъ, чтобы отдыхать отъ принужденія обычнаго. Я желалъ показывать Элеонорѣ доказательства въ нѣжности, которыя казались бы ей удовлетворительными; я принимался иногда съ нею за языкъ любви: но сіи впечатлѣнія и сіи рѣчи походили на листья блѣдныя и обезцвѣченныя, которыя остаткомъ изнемогающаго прозябанія томно растутъ на вѣтвяхъ дерева, вырваннаго съ корнемъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Элеонора съ самаго пріѣзда своего водворена была въ управленіе оспариваемыхъ у нея помѣстій, подъ обязательствомъ не располагать ими до окончательнаго рѣшенія тяжбы. Она поселилась въ одномъ изъ нихъ. Отецъ мой, никогда въ письмахъ своихъ не приступавшій прямо, только наполнялъ ихъ намеками противъ моей поѣздки. „Вы извѣщали меня, писалъ онъ, что вы не поѣдете. Вы развили подробно предо мною всѣ причины, по которымъ рѣшились не ѣхать. И я вслѣдствіе того увѣренъ былъ, что вы поѣдете. Могу только жалѣть о васъ, видя, какъ съ вашимъ духомъ независимости вы всегда дѣлаете то, чего не хотите Впрочемъ не берусь судить о положеніи, не совершенно мнѣ извѣстномъ. Доселѣ вы казались мнѣ покровителемъ Элеоноры, и въ этомъ отношеніи было въ вашихъ поступкахъ что-то благородное, возвышающее вашъ характеръ, не смотря на предметъ вашей привязанности. Нынѣ отношенія ваши уже не тѣ: уже не вы ей покровительствуете, она покровительствуетъ вамъ: вы живете у нея. Вы постороннiй, котораго вводитъ она въ свое семейство. Не произнесу приговора надъ положеніемъ, избраннымъ вами; но оно можетъ имѣть свои неудобства: и я желалъ бы умалить ихъ по мѣрѣ возможности своей. Пишу къ барону Т..., нашему министру въ вашемъ краю, и поручаю васъ его благосклонности. Не знаю, почтете ли вы за нужное воспользоваться моимъ предложеніемъ; признайте въ этомъ, по крайней мѣрѣ, доказательство моего усердія, а не мало не покушеніе на независимость, которую

вы завсегда умѣли защищать съ успѣхомъ противъ отца вашего".

Я подавилъ въ себѣ размышленія, рождаемыя во мнѣ слогомъ сего письма. Деревня, въ которой жилъ я съ Элеонорою, была не въ дальнемъ разстояніи отъ Варшавы. Я поѣхалъ въ городъ къ барону Т...; онъ обошелся со мною ласково, разспросилъ меня о причинахъ пребыванія моего въ Польшѣ, о моихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ: я не зналъ, что отвѣчать ему. Послѣ нѣсколькихъ минутъ принужденнаго разговора, онъ сказалъ мнѣ: хочу говорить съ вами откровенно. Знаю причины, которыя привели васъ въ здѣшній край; вашъ отецъ меня о нихъ увѣдомилъ. Скажу даже, что понимаю ихъ: нѣтъ человѣка, который не былъ бы разъ въ жизни мучимъ желаніемъ пресѣчь связь неприличную, и страхомъ отторчить женщину, которую онъ любилъ. Неопытность молодости увеличиваетъ безъ мѣры затрудненія подобнаго положенія: пріятно довѣрять истинѣ всѣхъ свидѣтельствъ горести, замѣняющихъ въ полѣ слабомъ и заносчивомъ всѣ средства силы и разсудка. Сердце отъ того страдаетъ, но самолюбіе наслаждается; и тотъ, кто добродушно полагаетъ, что предаетъ себя въ возмездіе на жертву отчаянію имъ внушенному, въ самомъ дѣлѣ жертвуетъ только обманамъ собственнаго тщеславія. Нѣтъ ни одной изъ страстныхъ женщинъ, населяющихъ шаръ земной, которая не клялась, что убьютъ, покидая ее: нѣтъ ни одной еще, которая не осталась бы въ живыхъ и не утѣшилась. Я хотѣлъ прервать слова его. Извините меня, мой молодой другъ, сказалъ онъ мнѣ, если изъясняюсь прямо: но все хорошее, объ васъ мнѣ сказанное, дарованія, замѣтныя въ васъ; поприще, по коему должны вы пройти—все налагаетъ на меня обязанность ничего отъ васъ не утаивать. Читаю въ душѣ вашей вопреки вамъ и лучше васъ: вы уже не влюблены въ женщину, господствующую вами и влекущую васъ за собою; если бы еще любили ее, то не пріѣхали бы ко мнѣ. Вы знали, что отецъ вашъ писалъ ко мнѣ: вамъ легко было догадаться о томъ, что скажу вамъ; вамъ недосадно было слушать изъ устъ моихъ разсужденія, которыя вы сами себѣ повторяете безпрерывно и всегда безуспѣшно. Имя

Элеоноры не совершенно безпорочно... Прекратите, прошу васъ, отвѣчалъ я, разговоръ безполезный. Бѣдственныя обстоятельства могли располагать первыми годами Элеоноры; можно судить о ней неблагопріятно по ложнымъ признакамъ: но я знаю ее три года, и нѣтъ въ мірѣ души возвышеннѣе, ея характера благороднѣе, сердца чище и безкорыстнѣе. Какъ вамъ угодно, возразилъ онъ, но подобныхъ оттѣнокъ мнѣніе не будешъ глубоко изслѣдовать. Дѣйствія положительны; они гласны. Запрещая мнѣ напоминать о нихъ, думаете ли, что ихъ уничтожаете? Послушайте, продолжалъ онъ, надобно знать въ свѣтѣ, чего хочешь? Вы на Элеонорѣ не женитесь? Нѣтъ, безъ сомнѣнія, вскричалъ я; она сама никогда не желала того. Что же вы намѣрены дѣлать? Она десятью годами васъ старѣе. Вамъ двадцать-шесть лѣтъ; вы позаботитесь о ней еще лѣтъ десять. Она состарится: вы достигнете до половины жизни вашей, ничего не начавъ, ничего не кончивъ для васъ удовлетворительнаго. Скука овладѣетъ вами; тоска и досада овладѣютъ ею: она съ каждымъ днемъ будетъ вамъ менѣе пріятна, вы съ каждымъ днемъ будете ей нужнѣе; и рожденіе знаменитое, фортуна блестящая, умъ отличный ограничатся тѣмъ, что вы будете прозябать въ углу Польши, забытые друзьями вашими, потерянные для славы и мучимы женщиною, которая, чтобы вы ни дѣлали, никогда довольна не будетъ. Прибавлю еще слово, и мы болѣе уже не возвратимся къ предмету, который приводитъ васъ въ замѣшательство. Всѣ дороги вамъ открыты: литературная, воинская, гражданская; вы имѣете право искать свойства съ почетнѣйшими домами; вы рождены достигнуть всего; но помните твердо, что между вами и всѣми родами успѣха есть преграда необоримая, и эта преграда Элеонора. Я почелъ обязанностью, милостивый государь, отвѣчалъ я ему, выслушать васъ въ молчаніи; но обязанъ я и для себя объявить вамъ, что вы меня не поколебали. Никто, кромѣ меня, повторяю, не можетъ судить Элеонору. Никто не оцѣнивастъ достаточно истины ея чувствованій и глубины ея впечатлѣній. Пока я буду ей полезенъ, я останусь при ней. Никакой успѣхъ не утѣшитъ меня, если оставлю ее несчастною; а хотя и пришлось бы мнѣ ограничить свое

поприще единственно тѣмъ, что буду служить ей подпорою, что буду подкрѣплять ее въ печаляхъ ея, что осѣню ее моею привязанностью отъ несправедливости мнѣнія, не познавшаго ея, и тогда бы еще думалъ я, что дано мнѣ было жить не напрасно.

Я вышелъ, докончивая сіи слова: но кто растолкуетъ мнѣ, по какому непостоянству, чувство, внушившее мнѣ ихъ, погасло еще прежде, нежели успѣлъ я ихъ договорить? Я захотѣлъ, возвращаясь пѣшкомъ, удлить минуту свиданія съ этою Элеонорою, которую сейчасъ защищалъ; я поспѣшно пробѣжалъ весь городъ: мнѣ не терпѣлось быть одному.

Достигнувъ поля, я пошелъ тише: тысяча мыслей обступили меня. Сіи роковыя слова: „между всѣми родами успѣха и вами есть преграда необоримая и эта преграда Элеонора“, звучали вокругъ меня. Я кинулъ долгій и грустный взглядъ на время, протекшее безъ возврата: я припоминалъ себѣ надежды молодости, довѣрчивость, съ которою нѣкогда повелѣвалъ я будущимъ, похвалы, привѣтствовавшія мои первые опыты, зарю добраго имени моего, которая блеснула и исчезла предо мною; я твердилъ себѣ имена многихъ товарищей въ ученіи, которыми пренебрегалъ я съ гордостью, и которые однимъ упорнымъ трудомъ и порядочною жизнью далеко оставили меня за собою на стезѣ фортуны, уваженія и славы: мое бездѣйствіе давило меня. Подобно скупцамъ, представляющимъ себѣ въ сокровищахъ, собираемыхъ ими, всѣ блага, которыя бы можно было купить на эти сокровища, я видѣлъ въ Элеонорѣ лишеніе всѣхъ успѣховъ, на которые имѣлъ я права. Я сѣтовалъ не объ одномъ поприщѣ: не покусившись ни на одно, я сѣтовалъ о всѣхъ поприщахъ. Не испытавъ никогда силъ своихъ, я почиталъ ихъ безпредѣльными и проклиналъ ихъ: я тогда желалъ бы родиться отъ природы слабымъ и ничтожнымъ, чтобы оградить себя, по крайней мѣрѣ, отъ упрека въ добровольномъ униженіи: всякая похвала, всякое одобреніе уму или познаніямъ моимъ были мнѣ укоризною нестерпимою: мнѣ казалось, что слышу, какъ удивляются мощнымъ рукамъ бойца, скованнаго желѣзами въ глуши темницы. Хотѣлъ ли я уловить мою бодрость, сказать себѣ, что пора

дѣятельности еще не миновалась: образъ Элеоноры возникалъ предо мною какъ привидѣніе и отвидывалъ меня въ ничтожность; я чувствовалъ въ себѣ движенія бѣшенства на нее, и по странному смѣшенію сіе бѣшенство ни мало не умѣряло страха, во мнѣ внушаемаго мыслію опечалить ее.

Душа моя, утомленная сими горькими чувствами, искала себѣ вдругъ прибѣжища въ чувствахъ противоположныхъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ, можетъ быть, случайно барономъ Т... о возможности союза сладостнаго и мирнаго, послужили мнѣ къ созданію себѣ идеала подруги. Я размыслился о спокойствіи, объ уваженіи, о самой независимости, обѣщанной мнѣ подобною участью: ибо узы, которыя влачилъ я такъ давно, держали меня въ зависимости, тысячу разъ тягостнѣйшей, нежели та, которой покорился бы я союзомъ признаннымъ и законнымъ. Я воображалъ себѣ радость отца моего; я ощущалъ въ себѣ живѣйшее нетерпѣніе пріобрѣсть снова въ отечествѣ и въ сообществѣ мнѣ равныхъ мѣсто, принадлежавшее мнѣ по праву; я видѣлъ себя, строгою и безукоризненною жизнію опровергающимъ приговоры, произнесенные обо мнѣ злорѣчіемъ холоднымъ и вѣтреннымъ, и всѣ упреки, коими поражала меня Элеонора.

Она обвиняетъ меня безпрерывно, говорилъ я, въ томъ, что я суровъ, неблагодаренъ, безжалостливъ. Ахъ, еслибы небо даровало мнѣ подругу, которую приличія общественныя позволили бы мнѣ назвать своею, которую родитель мой, не краснѣя, могъ бы нарещь дочерью, я въ тысячу разъ былъ бы счастливѣе, видя себя виновникомъ ея счастія! Чувствительность, которой не признаютъ во мнѣ, потому что она сжата, страдаетъ, потому что требуютъ отъ нея повелительно доказательствъ, въ которыхъ сердце мое отказываетъ заносчивости и угрозѣ, чувствительность сія обнаружилась бы во мнѣ, еслибы могъ я предаваться ей съ любимымъ существомъ, спутникомъ моимъ въ жизни правильной и уваженной. Чего я не сдѣлалъ для Элеоноры? Для нея покинулъ я отечество и семейство; для нея опечалилъ я сердце престарѣлаго отца, который груститъ еще въ разлукѣ со мною; для нея живу я въ краяхъ, гдѣ молодость моя утекаетъ одинокая, безъ славы, безъ чести, безъ удоволь-

ствія: столько пожертвованій, совершенныхъ безъ обязанности и безъ любви, не показываютъ ли, чего могли бы ожидать отъ меня любовь и обязанность? Если я столько страшусь горести женщины, господствующей надо мною единою горестью своею, то какъ заботливо устранялъ бы я всякую скорбь и досаду отъ той, которой могъ бы я себя гласно посвятить безъ угрызеній и безраздѣльно! Сколько былъ бы я тогда не похожъ на то, что я нынѣ! Какъ горечь сія, которую мнѣ ставятъ теперь въ преступленіе, потому что источникъ ея невѣдомъ, быстро убѣжала бы отъ меня! Сколько былъ бы я благодаренъ небу и благосклоненъ къ людямъ!

Я говорилъ такимъ образомъ: глаза мои увлажнились слезами; тысяча воспоминаній вторгались потоками въ мою душу. Мои сношенія съ Элеонорою сдѣлали всѣ сіи воспоминанія для меня ненавистными. Все, что припоминало мнѣ мое дѣтство; мѣста, гдѣ протекли мои первые годы; товарищей моихъ первыхъ игръ; престарѣлыхъ родственниковъ, расточавшихъ предо мною первыя свидѣтельства нѣжнаго участія—все это язвило, гнѣло меня: я вынужденъ былъ отражать, какъ мысли преступныя, образы самые улыбчивые, желанія самыя сродныя. Подруга, которую воображеніе мое внезапно создало, сливалась напротивъ со всѣми этими образами и освящала всѣ сіи желанія. Она соучаствовала мнѣ во всѣхъ моихъ обязанностяхъ, во всѣхъ моихъ удовольствіяхъ, во всѣхъ моихъ вкусахъ. Она сдвигала мою жизнь настоящую съ тою эпохою моей молодости, когда надежда разверзала мнѣ столь обширную даль, съ эпохою, отъ которой Элеонора отдѣлила меня, какъ бездною. Малѣйшія подробности, маловажнѣйшіе предметы живописались предъ моею памятью: я видѣлъ вновь древнюю обитель, въ которой жилъ я съ родителемъ; лѣса, ее окружающіе; рѣку, орошающую подошву стѣнъ ея; горы, граничившія съ небосклономъ. Всѣ сіи явленія казались мнѣ столь очевидными, столь исполненными жизни, что они поражали меня трепетомъ, который я выносилъ съ трудомъ, и воображеніе мое ставило возлѣ нихъ творенье невинное и молодое, ихъ украшающее, одушевляющее ихъ надеждою. Я скитался, погруженный въ это мечтаніе, все

безъ рѣшенія твердаго, не говоря себѣ, что должно разорвать связь съ Элеонорою, имѣя о дѣйствительности одно понятіе глухое и смутное, и въ положеніи человѣка, удрученнаго горестью, котораго сонъ утѣшилъ видѣніемъ, и которой предчувствуетъ, что сновидѣніе пропадаетъ. Я усмотрѣлъ вдругъ замокъ Элеоноры, къ которому приближался нечувствительно: я остановился, поворотилъ на другую дорогу: счастливъ былъ, что отсрочу минуту, въ которую услышу голосъ ея.

День угасалъ; небо было чисто; поля пустѣли; работы людскія кончились: люди предавали природу себѣ самой. Думы мои означались постепенно оттѣнками болѣе строгими и величавыми. Мраки ночи, густѣвшіе безпрестанно, обширное безмолвіе, меня окружавшее и перерываемое одними отзывами, рѣдкими и отдаленными, замѣнили мое волненіе чувствомъ, болѣе спокойнымъ и благоговѣйнымъ. Я пробѣгалъ глазами по сѣроватому небосклону, коего предѣлы были мнѣ уже незримы: тѣмъ самымъ раскрывалъ онъ во мнѣ, нѣкоторымъ образомъ, ощущеніе неизмѣримости. Я давно не испытывалъ ничего подобнаго: безпрерывно поглощаемый размышленіями, всегда личными, всегда обращающій взоры свои на свое положеніе, я сдѣлался чуждымъ всякому общему понятію: я занятъ былъ только Элеонорою и собою; Элеонорою, къ которой хранилъ одно состраданіе по-поламъ съ усталостью; собою, котораго уже вовсе не уважалъ: я себя сжалъ, такъ сказать, въ новомъ родѣ эгоизма — въ эгоизмѣ безъ бодрости, недовольномъ и уничиженномъ: я любовался тѣмъ, что возрождаюсь къ мыслямъ другаго разряда, что отыскиваю способность забывать себя самого, предаваясь думамъ безкорыстнымъ; казалось, душа моя возстаетъ отъ паденія долгаго и постыднаго.

Почти всю ночь провелъ я такимъ образомъ. Я шелъ, куда глаза глядятъ: я обѣжалъ поля, лѣса, селенія, гдѣ все было безъ движенія. Изрѣдка усматривалъ я въ отдаленномъ жилищѣ блѣдный свѣтъ, пробивающій темноту. Тутъ, говорилъ я себѣ, тутъ, быть можетъ, какой нибудь несчастный раздирается скорбью или борется со смертью — со смертью, таинствомъ неизъясни-

мнѣ, въ которомъ опытность ежедневная какъ будто еще не убѣдила людей, предѣломъ неизбѣжнымъ, который не утѣшаетъ, не успокоиваетъ насъ; предметомъ безпечности необычайной и ужаса преходящаго: и я такъ же, продолжалъ я, предаюсь сей вѣтренности безумной! я возмущаюсь противъ жизни какъ будто этой жизни не имѣть конца! я разсѣваю несчастія кругомъ себя, чтобы на свою долю завоевать себѣ нѣсколько годовъ ничтожныхъ, которыхъ время не замедлитъ у меня похитить! Ахъ, откажемся отъ сихъ тщетныхъ усилій: насладимся, глядя, какъ сіе время убѣгаетъ, какъ одни сходятъ дни на другіе: останемся неподвижными, равнодушными зрителями бытія, уже до половины истекшаго; пускай овладѣютъ имъ, пускай раздираютъ его: теченія его не продлятъ: стоитъ ли его оспаривать?

Мысль о смерти имѣла надо мною всегда большое владычество. Въ моихъ живѣйшихъ чувствахъ она всегда смиряла меня: она произвела на душу мою свое обычайное дѣйствіе: расположеніе мое къ Элеонорѣ смягчилось; раздраженное волненіе исчезло: изъ впечатлѣній сей ночи безумія оставалось во мнѣ одно чувство, сладостное и почти спокойное; можетъ быть, усталость физическая, ощущаемая мною, содѣйствовала этому спокойствію.

Начинало разсвѣтать. Я уже различалъ предметы. Я узналъ, что я былъ довольно далеко отъ жилища Элеоноры. Я представлялъ себѣ ея безпокойство и спѣшилъ возвратиться къ ней, по возможности силъ моихъ утомленныхъ: дорогою встрѣтилъ я человѣка верхомъ, посланнаго ею отыскивать меня. Онъ сказалъ мнѣ, что она уже двѣнадцать часовъ въ живѣйшемъ страхѣ, что, съѣздивъ въ Варшаву, объѣздивъ всѣ окрестности, возвратилась она домой въ тоскѣ неизъяснимой, и что жители ея разосланы по всѣмъ сторонамъ искать меня. Этотъ разсказъ исполнилъ меня тотчасъ петерпѣніемъ довольно тяжкимъ. Мнѣ стало досадно, видя себя подверженнаго Элеонорою надзору докучному. Напрасно твердилъ я себѣ, что любовь ея одна виною тому; но не самая ли эта любовь была виною всего моего несчастія? Однако же я успѣлъ одолѣть сіе чувство, въ которомъ упрекалъ себя. Я зналъ, что она страшится и страдаетъ. Я

сѣлъ на лошадь. Я проскакалъ поспѣшно разстояніе, насъ раздѣлявшее. Она приняла меня съ восторгами радости. Я былъ умиленъ ея нѣжностью. Разговоръ нашъ не былъ продолжителенъ, потому что она помнила, что мнѣ нужно отдохновеніе: и я оставилъ ее, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ ничего не сказавъ прискорбнаго для сердца ея.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

На другой день всталъ я, преслѣдуемый мыслями, волновавшими меня наканунѣ. Волненіе мое усиливалось въ слѣдующіе дни: Элеонора тщетно хотѣла проникнуть причину онаго. На ея стремительные вопросы я отвѣчалъ принужденно односложными словами. Я, такъ сказать, хотѣлъ закалить себя противъ ея увѣщеваній, зная, что за моею откровенностью послѣдуетъ скорбь ея, и что ея скорбь наложитъ на меня новое притворство.

Безпокойная и удивленная, она прибѣгла къ одной своей пріятельницѣ, чтобы развѣдать тайну, въ которой она меня обвиняла: алкая сама себя обманывать, искала она событія тамъ, гдѣ было одно чувство. Сія пріятельница говорила мнѣ о моемъ своенравіи, объ усиліяхъ, съ коими отвращалъ я всякую мысль о продолжительной связи, о моей непостижимой жаждѣ разрыва и одиночества. Долго слушалъ я ее въ молчаніи; до той поры я еще никому не сказывалъ, что уже не люблю Элеоноры: языкъ мой отказывался отъ сего признанія, которое казалось мнѣ предательствомъ. Я хотѣлъ однакоже оправдать себя; я разсказалъ повѣсть свою съ осторожностью, говорилъ съ большими похвалами объ Элеонорѣ, признавался въ неосновательности поведенія моего, приписывая ее затруднительности нашего положенія, и не позволялъ себѣ промолвить слово, которое ясно показало бы, что истинная затруднительность съ моей стороны заключается въ отсутствіи любви. Женщина, слушавшая меня, была растрогана моимъ разсказомъ: она видѣла великодушіе въ томъ,

что я называлъ суровостью; тѣ же объясненія, которыя приводили въ изступленіе страстную Элеонору, вливали убѣжденіе въ умъ безпристрастной ея пріятельницы. Такъ легко быть справедливымъ, когда бываешь безкорыстнымъ. Кто бы вы ни были, не поручайте никогда другому выгодъ вашего сердца! Сердце одно можетъ быть ходатаемъ въ своей тяжбѣ. Оно одно измѣряетъ язвы свои: всякій посредникъ становится судіею; онъ слѣдуетъ, онъ мирволитъ, онъ понимаетъ равнодушіе, онъ допускаетъ возможность его, признаетъ неизбѣжность его, и равнодушіе находитъ себя чрезъ это, къ чрезвычайному удивленію своему, законнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ. Упреки Элеоноры убѣдили меня, что я былъ виновенъ: я узналъ отъ той, которая думала быть защитницею ея, что я только несчастливъ. Я завлеченъ былъ до полнаго признанія въ чувствахъ моихъ; я согласился, что питаю къ Элеонорѣ преданность, сочувствіе, состраданіе: но прибавилъ, что любовь не была нимало участницею въ обязанностяхъ, которыя я возлагалъ на себя. Сія истина, доселѣ заключенная въ моемъ сердцѣ и повѣданная Элеонорѣ, единственно посреди смущенія и гнѣва, облеклась въ собственныхъ глазахъ моихъ большою дѣйствительностью и силою именно потому, что другой сталъ ея хранителемъ. Шагъ большой, шагъ безвозвратный проложенъ, когда мы раскрываемъ вдругъ передъ взорами третьяго изгибы сокровенные сердечной связи; свѣтъ, проникающій въ сіе святилище, свидѣтельствуетъ и довершаетъ разрушенія, которыя тьма окружала своими мраками: такъ тѣла, заключенныя въ гробахъ, сохраняютъ часто свой первобытный образъ, пока воздухъ внѣшній не коснется ихъ и не обратитъ въ прахъ.

Пріятельница Элеоноры меня оставила: не знаю какой отчетъ отдала она ей о нашемъ разговорѣ; но, подходя къ гостиной, услышалъ я голосъ Элеоноры, говорящій съ большою живостью. Увидя меня, она замолчала. Вскорѣ развертывала она подъ различными измѣненіями понятія общія, которыя были ничто иное, какъ нападенія частныя. Ничего нѣтъ страннѣе, говорила она, усердія нѣкоторыхъ пріязней: есть люди, которые торопятся быть ходатаями вашими, чтобы удобнѣе отка-

ваться отъ вашей пользы: они называютъ это привязанностью; я предпочла бы ненависть. Я легко понялъ, что пріятельница Элеоноры была защитницею моею противъ нея, и раздражила ее, не находя меня довольно виновнымъ. Я такимъ образомъ былъ въ нѣкоторомъ сочувствіи съ другимъ противъ Элеоноры: это между сердцами нашими была новая преграда.

Спустя нѣсколько дней, Элеонора была еще неумѣреннѣе; она не была способна ни къ какому владычеству надъ собою: когда полагала, что имѣетъ причину къ жалобѣ, она прямо приступала къ объясненію безъ бережливости и безъ разсчета, и предпочитала опасеніе разрыва принужденію притворства. Обѣ пріятельницы разстались въ ссорѣ непримиримой.

Зачѣмъ вмѣшивать посторонняхъ въ наши сердечныя перемолвки? говорилъ я Элеонорѣ. Нужно ли намъ третьяго, чтобы понимать другъ друга? А если уже не понимаемъ, то третій поможетъ ли намъ въ этомъ?—Вы сказали справедливо, отвѣчала она мнѣ: но вина отъ васъ; бывало, я не прибѣгала ни къ кому, чтобы достигнуть до сердца вашего.

Неожиданно Элеонора объявила намѣреніе перемѣнить образъ жизни своей. Я разгадалъ по рѣчамъ ея, что неудовольствіе, меня пожиравшее, она приписывала уединенію, въ которомъ живемъ. Прежде, чѣмъ покорить себя истолкованію истинному, она истощала всѣ истолкованія ложныя. Мы проводили съ глаза на глазъ однообразные вечера между молчаніемъ и досадами: источникъ долгихъ бесѣдъ уже изсякнулъ.

Элеонора рѣшилась привлечь къ себѣ дворянскія семейства, живущія въ сосѣдствѣ или въ Варшавѣ. Я легко предусмотрѣлъ препятствія и опасности попытокъ ея. Родственники, оспаривавшіе наслѣдство у ней, разгласили ея прежнія заблужденія и разсѣяли тысячу злорѣчивыхъ поклеповъ на нее. Я трепеталъ уничиженій, которымъ она подвергается, и старался отвратить ее отъ этого предположенія. Мои представленія остались безуспѣшными; я оскорбилъ гордость ея моими опасеніями, хотя и выражалъ ихъ бережно. Она подумала, что я тягощусь связью нашею, потому что жизнь ея была двусмысленна: тѣмъ болѣе поспѣшила она завладѣть снова почетною чредою въ свѣтѣ. Уси-

лія ея достигли нѣкотораго успѣха. Благосостояніе, которымъ она пользовалась; красота ея, еще мало измѣненная временемъ; молва о самыхъ приключеніяхъ ея—все въ ней возбуждало любопытство. Вскорѣ увидѣла она себя окруженною многолюднымъ обществомъ: но она была преслѣдуема сокровеннымъ чувствомъ замѣшательства и безпокойствія. Я досадовалъ на свое положеніе: она воображала, что я досадую на положеніе ея; она выбивалась изъ него. Пылкое желаніе ея не давало ей времени на обдуманность; ея ложныя отношенія видали неровность на поведеніе ея и опрометчивость на поступки. Умъ ея былъ вѣренъ, но мало обширенъ; вѣрность ума ея была искажена вспыльчивостью нрава; недальновидность препятствовала ей усмотрѣть черту надежнѣйшую и схватить тонкія оттѣнки. Въ первый разъ назначила она себѣ цѣль: и потому, что стремилась къ этой цѣли, она ее миновала. Сколько докукъ вытерпѣла она, не открываясь мнѣ! сколько разъ краснѣлъ я за нее, не имѣя силы созпаться ей въ томъ! Таковы между людьми господство осторожности въ приличіяхъ и соблюденіе мѣрности, что Элеонора бывала болѣе уважена друзьями графа П... въ званіи любовницы его, нежели сосѣдами своими, въ званіи наслѣдницы большихъ помѣстій, посреди своихъ вассаловъ. Попеременно высокомѣрная и умоляющая, то привѣтливая, то подозрительно взыскательная, она въ поступкахъ и рѣчахъ своихъ тапла, не знаю, какую-то разрушительную опрометчивость, низвергающую уваженіе, которое обрѣтается единымъ спокойствіемъ.

Исчисляя, такимъ образомъ, погрѣшности Элеоноры, я себя обвиняю, себѣ приговоръ подписываю. Одно слово мое могло бы ее усмирить; почему не вымолвилъ я этого слова?

Мы однако же между собою жили миролюбивѣе. Развлеченіе было намъ отдыхомъ отъ нашихъ мыслей обычайныхъ. Мы бывали одни только по временамъ и, храня другъ къ другу довѣренность безпредѣльную во всемъ, за исключеніемъ ближайшихъ чувствъ нашихъ, мы замѣщали сіи чувства наблюденіями и дѣйствительностью, и бесѣды наши были снова для насъ не безъ прелести. Но вскорѣ сей новый родъ жизни обра-

тился для меня въ источникъ новаго безпокойства. Затворникъ въ толпѣ, окружавшей Элеонору, я замѣтилъ, что былъ предметомъ удивленія и порицанія. Эпоха рѣшенію тяжбы ея приближалась: противники ея утверждали, что она охолодила къ себѣ сердце родительское преступками безчисленными; присутствіе мое было засвидѣтельствованіемъ увѣреній ихъ. Пріятели ея винили меня за вредъ, который ей причиняю. Они извиняли страсть ея ко мнѣ; но меня уличали въ безчувственности и въ небреженіи добраго имени ея: я, говорили они, употребляю во зло чувство, которое мнѣ должно было бы умѣрить. Я зналъ одинъ, что, покидая ее, увлеку по слѣдамъ своимъ, и что она изъ желанія не разлучиться со мною пожертвуетъ всѣми выгодами фортуны и всѣми разсчетами осторожности. Я не могъ избрать публику повѣренною тайны сей; такимъ образомъ я въ домѣ Элеоноры казался не иначе, какъ постороннимъ, вредящимъ даже успѣху дѣла, отъ котораго зависѣла судьба ея; и по страшному испроверженію истины, въ то время, когда я былъ жертвою воли ея непоколебимой, она внушала жалость, и выдаваема была за жертву господства моего.

Новое обстоятельство припуталось къ этому положенію страдательному.

Необыкновенный оборотъ оказался неожиданно въ поведеніи и обращеніи Элеоноры; до той поры, казалось, она занята была мною однимъ: вдругъ увидѣлъ я, что она не чуждается и домогается поклоненій мущинъ, ее окружавшихъ. Сія женщина, столь осторожная, столь холодная, столь онасливая, кажется, внезапно перемѣнилась въ нравѣ. Она ободряла чувства и даже надежды молодежи, изъ коей иные, прельщаясь ея красотою, а другіе, не смотря на минувшія заблужденія, искали дѣйствительно руки ея; она не отказывала имъ въ долгихъ свиданіяхъ съ глаза на глазъ; она имѣла съ ними это обращеніе сомнительное, но привлекательное, которое отражаетъ слабо, чтобы удерживать, потому что оно обличаетъ болѣе перѣшительность, нежели равнодушіе, болѣе отсрочку, нежели отказъ. Я послѣ узналъ отъ нея самой, и событія меня въ томъ увѣрили, что она поступала такимъ образомъ по разсчету ложъ-

ному и бѣдственному. Она, надѣясь оживить мою любовь, возбуждала мою ревность: но она тревожила пепелъ, который ничѣмъ не могъ уже быть согрѣтъ. Можетъ быть, съ этимъ разсчетомъ и безъ вѣдома ея самой сливалось нѣкоторое тщеславіе женское: она была уязвлена моею холодностью; она хотѣла доказать себѣ самой, что можетъ еще нравиться. Можетъ быть, въ одиночествѣ, въ которомъ оставилъ я сердце ея, находила она нѣкоторую отраду, внимая выраженіямъ любви, которыхъ я давно уже не произносилъ.

Какъ бы то ни было, но я нѣсколько времени ошибался въ побужденіяхъ ея. Я провидѣлъ зарю моей свободы будущей; я поздравилъ себя съ тѣмъ. Страшась прервать какимъ нибудь движеніемъ необдуманнымъ сей важный переломъ, отъ котораго ожидалъ я своего избавленія, я сталъ кротче и казался довольнѣе. Элеонора почла мою кротость за нѣжность; мою надежду увидѣть ее счастливою безъ меня за желаніе утвердить ея счастіе. Она радовалась своей уловкѣ. Иногда однако же пугалась она, не замѣчая во мнѣ никакого безпокойствія: она попрекала мнѣ, что не ставлю никакихъ преградъ симъ связямъ, которыя повидимому могли ее отъ меня похитить. Я отражалъ ея обвиненія шутками, но не всегда удавалось мнѣ успокоить ее. Характеръ ея сквозилъ изъ подъ притворства, которое она на себя налагала. Ошибки загорались на другомъ полѣ, но были не менѣе бурны. Элеонора приписывала мнѣ свои проступки; она намекала мнѣ, что одно слово мое обратило бы ее ко мнѣ совершенно; потомъ оскорбленная моимъ молчаніемъ, она впадалась опять въ кокетство съ нѣкоторымъ изступленіемъ.

Особливо же здѣсь, я это чувствую, обвинятъ меня въ малодушіи. Я хотѣлъ быть свободнымъ, и могъ быть свободнымъ при всеобщемъ одобреніи: я къ тому и былъ обязанъ, можетъ быть; поведеніе Элеоноры подавало мнѣ право, и казалось, вынуждало меня на то. Но не зналъ ли я, что сіе поведеніе было плодомъ моимъ? Не зналъ ли я, что Элеонора въ глубинѣ сердца своего не переставала любить меня? Могъ ли я наказывать ее за неосторожность, въ которую вовлекалъ ее? Могъ ли я хо-

подлымъ лицемѣромъ искать предлога въ сихъ неосторожностяхъ для того, чтобы покинуть ее безжалостно?

Рѣшительно не хочу извинять себя; осуждаю себя строже, нежели, можетъ быть, другой на моемъ мѣстѣ осудилъ бы себя: но могу по крайней мѣрѣ дать за себя торжественное свидѣтельство, что я никогда не дѣйствовалъ по разсчету, а былъ всегда управляемъ чувствами истинными и естественными. Какъ могло случиться, что съ такими чувствами былъ я такъ долго на несчастіе себѣ и другимъ?

Общество однако же наблюдало меня съ удивленіемъ. Мое пребываніе у Элеоноры могло быть объяснено одною моею чрезмѣрною привязанностью къ ней; а равнодушіе, оказываемое мною при видѣ новыхъ узъ, которыя она казалась всегда готовою принять, отрицало эту привязанность. Приписывали мою непостижимую терпимость вѣтренности правилъ, безпечности въ отношеніи къ нравственности, которыя (такъ говорили) изобличаютъ человѣка, глубоко проникнутаго эгоизмомъ и развращеннаго свѣтомъ. Сіи заключенія, тѣмъ болѣе способныя къ впечатлѣніямъ, чѣмъ болѣе приноравливались они къ душамъ ихъ выводящимъ, были охотно одобрены и разглашены. Отзывъ ихъ достигъ наконецъ и до меня; я негодовалъ при семъ неожиданномъ открытіи: въ возмездіе моихъ продолжительныхъ пожертвованій я былъ неоцѣненъ, былъ оклеветанъ: я для женщины забылъ всѣ выгоды, отклонилъ всѣ радости жизни—и меня же осуждали.

Я объяснился горячо съ Элеонорою: одно слово разсѣяло сей рой обожателей, созванный ею только съ тѣмъ, чтобы пугать меня утратою ея. Она ограничила свое общество нѣсколькими женщинами и малымъ числомъ мущинъ пожилыхъ. Все облеклось вокругъ насъ правильною наружностью: но мы отъ этого были только несчастнѣе; Элеонора полагала, что она присвоила себѣ новыя права; я почувствовалъ себя отягченнымъ новыми цѣпями.

Не умѣю описать, сколько горечи и сколько изступленій было послѣдствіемъ сношеній нашихъ, такимъ образомъ ошибочно сложенныхъ. Наша жизнь была гроза безпрерывная. Искрен-

ность утратила всѣ свои прелести, и любовь всю свою сладость. У насъ уже не было и тѣхъ преходчивыхъ промежутковъ, которые на нѣсколько мгновеній какъ будто исцѣляютъ язвы неисцѣлимыя. Истина пробилась со всѣхъ сторонъ, и я для повѣданія ея избиралъ выраженія самыя суровыя и самыя безжалостныя. Я только тогда смирялся, когда видалъ Элеонору въ слезахъ; и самыя слезы ея были не что иное, какъ лава горящая, которая, падая капля за каплею на мое сердце, исторгала изъ меня вопли, но не могла исторгнуть отрицанія. Въ это самое время видѣлъ я не одинъ разъ, какъ вставала она блѣдная, и вдохновенная пророчествомъ: „Адольфъ, восклицала она, вы не вѣдаете зла, которое мнѣ наносите; вы о немъ нѣкогда узнаете, узнаете отъ меня, когда низринете меня въ могилу". Несчастный, когда я слышалъ эти слова, почто я самъ не бросился въ могилу до нея!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я не возвращался къ барону Т. съ послѣдняго посѣщенія моего. Однажды утромъ получилъ я отъ него слѣдующую записку:

„Совѣты, мною данные вамъ, не должны были надолго „такъ разлучить насъ. На что бы вы не рѣшились въ обстоя„тельствахъ, до насъ касающихся, вы все не менѣе того сынъ „друга моего; не менѣе того пріятно будетъ мнѣ насладиться „вашимъ обществомъ и ввести васъ въ кругъ, въ которомъ, „смѣю васъ увѣрить, увидите себя съ удовольствіемъ. Позвольте „мнѣ прибавить, что чѣмъ болѣе родъ жизни вашей, который „порицать я не намѣренъ, имѣетъ въ себѣ что-то странное, „тѣмъ болѣе предстоитъ вамъ обязанность, показываясь въ свѣтъ, „разсѣять предубѣжденія, безъ сомнѣнія, неосновательныя".

Я былъ признателенъ за благосклонность, оказываемую мнѣ человѣкомъ въ лѣтахъ. Я поѣхалъ къ нему: не было рѣчи объ Элеонорѣ. Баронъ оставилъ меня обѣдать у себя. Въ этотъ день было у него только нѣсколько мущинъ, довольно умныхъ и довольно любезныхъ. Мнѣ сначала было не ловко, но я принудилъ себя, оживился, сталъ разговорчивъ: я развилъ, сколько могъ, ума и свѣдѣній. Я замѣтилъ, что мнѣ удавалось задобрить къ себѣ вниманіе. Я находилъ въ этомъ родѣ успѣховъ наслажденіе самолюбія, уже давно мнѣ невѣдомое. Отъ сего наслажденія общество барона Т. стало для меня пріятнѣе.

Мои посѣщенія повторялись. Онъ поручилъ мнѣ нѣкоторыя

занятія по своему посольству, которыя могъ ввѣрить безъ неудобства. Элеонора сперва была поражена симъ переворотомъ въ жизни моей, но я сказалъ ей о дружбѣ барона къ отцу моему и объ удовольствіи, съ которымъ утѣшаю послѣдняго въ отсутствіи моемъ, показывая себя занятымъ полезно. Бѣдная Элеонора (пишу о томъ въ сіе мгновеніе съ чувствомъ угрызенія) ощутила нѣкоторую радость, думая, что я кажусь спокойнѣе, и покорилась, сѣтуя мало, необходимости проводить часто большую часть дня въ разлукѣ со мною.

Баронъ, съ своей стороны, когда утвердилась между нами нѣкоторая довѣренность, возобновилъ рѣчь объ Элеонорѣ. Рѣшительнымъ намѣреніемъ моимъ было всегда говорить о ней доброе, но, самъ не замѣчая того, я отзывался о ней менѣе уважительно и какъ-то вольнѣе: то указывалъ я заключеніями общими, что признаю за необходимое развязаться съ нею, то отдѣлывался я съ помощію шутки, и говорилъ, смѣясь, о женщинахъ и о трудности разрывать съ ними связь. Сіи рѣчи забавляли стараго министра, душею изношеннаго, который смутно помнилъ, что въ молодости своей и онъ бывалъ мучимъ любовными связями. Такимъ образомъ, именно тѣмъ, что я скрывалъ въ себѣ потаенное чувство, болѣе или менѣе я обманывалъ всѣхъ: я обманывалъ Элеонору, ибо зналъ, что баронъ Т. хотѣлъ отклонить меня отъ нее, и о томъ я ей не сказывалъ; я обманывалъ г-на***, ибо подавалъ ему надежду, что я готовъ сокрушить свои узы. Это лукавое двуличіе было совершенно противно моему характеру: но человѣкъ развращается, коль скоро хранитъ въ сердцѣ своемъ единую мысль, въ которой онъ постоянно вынужденъ притворствовать.

До сей поры у барона Т. познакомился я съ одними мущинами, составляющими его короткое общество. Однажды предложилъ онъ мнѣ остаться у него на большомъ пиру, которымъ онъ праздновалъ день рожденія Государя своего. Вы тутъ увидите, сказалъ онъ мнѣ, первѣйшихъ красавицъ Польши. Правда, не увидите вы той, которую любите: жалѣю о томъ; но иныхъ женщинъ видишь только у нихъ дома. Я былъ тяжко пораженъ этимъ замѣчаніемъ; я промолчалъ, но упрекалъ себя внутренно,

что не защищаю Элеоноры, которая такъ живо защитила бы меня, если бы кто задѣлъ меня въ ея присутствіи.

Собраніе было многолюдное. Меня разсматривали со вниманіемъ. Я слышалъ, какъ вокругъ меня твердили тихо имена отца моего, Элеоноры, графа П***; умолкали, когда я приближался; когда я удалялся, снова заговаривали. Мнѣ было достовѣрно, что передавали другъ другу повѣсть мою, и каждый, безъ сомнѣнія, разсказывалъ ее по своему. Мое положеніе было невыносимо: по лбу моему струился холодный потъ; я краснѣлъ и блѣднѣлъ попеременно.

Баронъ замѣтилъ мое замѣшательство. Онъ подошелъ ко мнѣ, удвоилъ знаки своей внимательности, привѣтливости; искалъ всѣ случаи отзываться обо мнѣ съ похвалою, и господство его вліянія принудило скоро и другихъ оказывать мнѣ тоже уваженіе.

Когда всѣ разъѣхались, „я желалъ бы, сказалъ мнѣ баронъ Т., поговорить съ вами еще разъ откровенно. Зачѣмъ хотите вы оставаться въ положеніи, отъ котораго страдаете? Кому оказываете вы добро? Думаете ли вы, что не знаютъ того, что бываетъ между вами и Элеонорою? Всей публикѣ извѣстны ваши взаимныя размолвки и неудовольствія. Вы вредите себѣ слабостью своею; не менѣе вредите себѣ и своею суровостью, ибо, къ дополненію неосновательности, вы не составляете счастіе женщины, отъ которой вы такъ несчастливы".

Я еще былъ отягченъ горестью, которую испыталъ. Баронъ показалъ мнѣ многія письма отца моего. Они свидѣтельствовали о печали его. Она была гораздо живѣе, нежели я воображалъ. Это меня поколебало. Мысль, что я долгимъ отсутствіемъ продолжаю безпокойствіе Элеоноры, придала мнѣ еще болѣе нерѣшительности. Наконецъ, какъ будто все противъ нея соединилось. Въ то самое время, какъ я колебался, она сама своею опрометчивостью рѣшила мое недоумѣніе. Меня цѣлый день не было дома. Баронъ удержалъ меня послѣ собранія: ночь наступила. Мнѣ подали письмо отъ Элеоноры въ присутствіи барона Т. Я видѣлъ въ глазахъ его нѣкоторую жалость къ моему порабощенію. Письмо Элеоноры было исполнено горечи. Какъ, го-

ворилъ я себѣ, я не могу провести день одинъ на свободѣ! Я не могу дышать часъ въ покоѣ! Она гонится за мною всюду, какъ за невольникомъ, котораго должно пригнать къ ногамъ ея. Я былъ тѣмъ болѣе озлобленъ, что чувствовалъ себя слабымъ.— Такъ, воскликнулъ я, пріемлю обязанность разорвать связь съ Элеонорою; буду имѣть смѣлость самъ объявить ей о томъ. Вы можете заранѣе увѣдомить отца о моемъ рѣшеніи.

Сказавъ сіи слова, я бросился отъ барона; я задыхался отъ словъ, которыя выговорилъ—и едва вѣрилъ обѣщанію, данному мною.

Элеонора ждала меня съ нетерпѣніемъ. По странной случайности, ей говорили въ моемъ отсутствіи въ первый разъ о стараніяхъ барона Т. оторвать меня отъ нее. Ей пересказали мои рѣчи, шутки. Подозрѣнія ея были пробуждены, и она собрала въ умѣ своемъ многія обстоятельства, ихъ подтверждающія. Скоропостижная связь моя съ человѣкомъ, котораго я прежде никогда не видалъ; дружба, существовавшая между этимъ человѣкомъ и отцемъ моимъ, казались ей доказательствами безпрекословными. Ея волненіе такъ возросло въ нѣсколько часовъ, что я засталъ ее совершенно убѣжденною въ томъ, что́ называла она моимъ предательствомъ.

Я сошелся съ нею въ твердомъ намѣреніи ей все сказать. Обвиняемый ею (кто этому повѣритъ?), я занялся только стараніемъ отъ всего отдѣлаться. Я отрицалъ даже, да, отрицалъ въ тотъ день то, что я твердо былъ рѣшенъ объявить ей завтра.

Уже было поздно; я оставилъ ее. Я поспѣшилъ лечь, чтобы кончить этотъ долгій день, и когда я былъ увѣренъ, что онъ конченъ, я почувствовалъ себя на ту пору облегченнымъ отъ бремени ужаснаго.

Я на другой день всталъ около половины дня; какъ будто удалия начало нашего свиданія, я удалилъ роковое мгновеніе.

Элеонора успокоилась ночью и своими собственными размышленіями, и вчерашними моими рѣчами. Она говорила мнѣ о дѣлахъ своихъ съ довѣрчивостью, показывающею слишкомъ явно, что она полагаетъ наше обоюдное существованіе неразрывно

соединеннымъ. Гдѣ найти слова, которыя отклонили бы ее въ одиночество?

Время текло съ ужасающею быстротою. Каждая минута усиливала необходимость объясненія. Изъ трехъ дней, положенныхъ мною рѣшительнымъ срокомъ, второй былъ уже на исходѣ. Г. Т. ожидалъ меня, по крайней мѣрѣ, черезъ день. Письмо его къ отцу моему было отправлено, и я готовился измѣнить моему обѣщанію, не совершивъ для исполненія его ни малѣйшаго покушенія. Я выходилъ, возвращался, бралъ Элеонору за руку, начиналъ фразу и тотчасъ прерывалъ ее, глядѣлъ на теченіе солнца, спускающагося по небосклону. Ночь вторично наставала. Я отложилъ снова. Оставался мнѣ день одинъ: довольно было часа.

День этотъ минулъ, какъ предыдущій. Я писалъ къ барону Т. и просилъ у него отсрочки на малое время — и, какъ свойственно характерамъ слабымъ, я прибѣгъ въ письмѣ моемъ тысячу разсужденій, оправдывающихъ мою просьбу. Я, доказывалъ, что она ни въ чемъ не препятствуетъ рѣшенію, въ которомъ я утвердился, и что съ того самаго числа можно почесть узы мои съ Элеонорою навсегда разорванными.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Слѣдующіе дни провелъ я спокойнѣе. Необходимость дѣйствовать откинулъ я въ неопредѣленность: она уже не преслѣдовала меня, какъ привидѣніе. Я полагалъ, что у меня довольно времени приготовить Элеонору. Я хотѣлъ быть ласковѣе, нѣжнѣе съ нею, чтобы сохранить, по крайней мѣрѣ, воспоминаніе дружбы. Мое смятеніе было иногда совершенно различно отъ испытаннаго мною до того времени. Я прежде молилъ небо, чтобы оно воздвигло вдругъ между Элеонорою и мною преграду, которой не могъ бы я преступить. Сія преграда была воздвигнута. Я вперялъ взоры свои на Элеонору, какъ на существо, которое скоро утрачу. Взыскательность, казавшаяся мнѣ столько разъ нестерпимою, уже не пугала меня; я чувствовалъ себя разрѣшеннымъ отъ нее заранѣе. Я былъ свободнѣе, уступая ей еще— и я уже не ощущалъ сего возмущенія внутренняго, отъ котораго нѣкогда порывался все растерзать. Во мнѣ уже не было нетерпѣнія: было напротивъ желаніе тайное отдалить бѣдственную минуту.

Элеонора замѣтила сіе расположеніе къ ласковости и чувствительности: она сама стала менѣе раздражительна. Я искалъ разговоровъ, которыхъ прежде убѣгалъ; я наслаждался выраженіями любви ея, недавно докучными, драгоцѣнными нынѣ, потому что каждый разъ могли они быть послѣдними.

Однимъ вечеромъ разстались мы послѣ бесѣды, которая была сладостнѣе обыкновеннаго. Тайна, которую заключилъ я въ груди моей, наводила на меня грусть, но грусть моя не

имѣла ничего порывнаго. Невѣдѣніе въ моихъ разрывѣ, незнаніе мною, содѣйствовало мнѣ къ отвращенію мысли о немъ. Ночью услышалъ я въ замкѣ шумъ необычайный; шумъ этотъ утихъ, и я не придавалъ ему никакой важности. Утромъ, однако же, я вспомнилъ о немъ, хотѣлъ развѣдать причину и пошелъ къ покою Элеоноры. Какое было мое удивленіе, когда узналъ я, что уже двѣнадцать часовъ была она въ сильномъ жару, что врачъ, призванный домашними, находилъ жизнь ея въ опасности, и что она строго запретила извѣстить меня о томъ, или допустить меня къ ней.

Я хотѣлъ войти силою. Докторъ вышелъ самъ ко мнѣ и сказалъ о необходимости не наносить ни малѣйшаго потрясенія. Онъ приписывалъ запрещеніе ея, котораго причины не зналъ, желанію не напугать меня. Я распрашивалъ людей Элеоноры съ тоскою о томъ, что могло повергнуть ее скоропостижно въ столь опасное положеніе. Наканунѣ, разставшись со мною, получила она изъ Варшавы письмо, привезенное верховымъ посланнымъ. Распечатавъ и пробѣжавъ его, упала она въ обморокъ; пришедши въ себя, бросилась она на постель, не произнося ни слова. Одна изъ женщинъ, при ней служащихъ, устрашенная волненіемъ, замѣченнымъ въ ней, осталась въ ея комнатѣ безъ ея вѣдома. Около половины ночи эта женщина увидѣла Элеонору объятую дрожью, отъ которой шаталась кровать, гдѣ она лежала; она хотѣла призвать меня. Элеонора тому противилась съ нѣкоторымъ ужасомъ, столь поразительнымъ, что не посмѣли ослушаться ея. Тогда послали за докторомъ. Элеонора не согласилась, не соглашалась и еще отвѣчать ему. Она провела ночь, выговаривая слова перерывныя, которыхъ не понимали; часто прикладывала она платокъ свой къ губамъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы не давать себѣ говорить.

Пока мнѣ разсказывали всѣ эти подробности, другая женщина, остававшаяся при Элеонорѣ, прибѣжала испуганная: Элеонора, казалось, лишилась чувствъ и движенія. Она не различала ничего кругомъ себя. Иногда испускала вопли, твердила мое имя; потомъ, устрашенная, подавала знакъ рукою, какъ будто указывая, чтобы удалили отъ нея предметъ ей ненавистный.

Я вошелъ въ ея горницу. Я увидѣлъ у подножія кровати ея два письма: одно изъ нихъ было мое къ барону Т., другое отъ него самого къ Элеонорѣ. Тогда постигъ я слишкомъ явно слова сей ужасной загадки. Всѣ усилія мои для исходатайствованія времени, которое хотѣлъ посвятить на послѣднее прощаніе, обратились, такимъ образомъ, противъ несчастливицы, которую желалъ я поберечь. Элеонора прочла начертанныя рукою моею обѣщанія покинуть ее, обѣщанія, подсказанныя мнѣ единымъ желаніемъ оставаться долѣе при ней — и живость сего самаго желанія побудила меня повторить его, развить тысячью образами. Взглядъ равнодушный барона Т. легко разобралъ въ сихъ увѣреніяхъ, повторяемыхъ на каждой строкѣ, нерѣшительность, которую утаивалъ я, и лукавство моего собственнаго недоумѣнія. Но жестокій расчелъ слишкомъ вѣрно, что Элеонора увидитъ въ нихъ приговоръ неотрѣшимый. Я приблизился къ ней: она взглянула на меня, не узнавая. Я заговорилъ съ ней: она вздрогнула. Что слышу? вскричала она: это голосъ, который былъ для меня такъ пагубенъ. Докторъ замѣтилъ, что присутствіе мое умножаетъ жаръ и разстройство ея, и умолялъ меня удалиться. Какъ изобразить то, что я испыталъ въ теченіе трехъ часовъ продолжительныхъ? Докторъ, наконецъ, вышелъ; Элеонора была въ глубокомъ забытьи. Онъ не отчаявался въ спасеніи ея, если послѣ пробужденія жаръ ея умѣрится.

Элеонора спала долго. Узнавъ о пробужденіи, я послалъ ей, испрашивая позволенія придти къ ней. Она велѣла звать меня. Я началъ говорить; она прервала рѣчи мои.—Да не услышу отъ васъ, сказала она, ни одного слова жестокаго. Я уже ничего не требую, ничему не противлюсь, но не хочу, чтобы сей голосъ, который такъ любила, который отзывался въ глубинѣ сердца моего, проникалъ его нынѣ для терзанія. Адольфъ, Адольфъ, я была вспыльчива, неумѣренна; я могла васъ оскорбить, но вы не знаете, что я выстрадала. Дай Богъ вамъ никогда не узнать того.

Волненіе ея становилось безмѣрнымъ. Она приложила руку мою ко лбу своему: онъ горѣлъ; напряженіе ужасное искажало черты ея.—Ради самого Бога, вскричалъ я, милая Элеонора,

услышьте меня! Такъ, я виновенъ: письмо сіе... Она затрепетала и хотѣла удалиться; я удержалъ ее.—Слабый, мучимый, продолжалъ я, я могъ уступить на мгновеніе увѣщаніямъ жестокимъ, но не имѣете ли сами тысячи доказательствъ, что не могу желать того, что разлучитъ насъ. Я былъ недоволенъ, несчастливъ, несправедливъ; можетъ быть, слишкомъ стремительными бореніями съ воображеніемъ непокорнымъ дали вы силу намѣреніямъ преходящимъ, которыми гнушаюсь нынѣ; но можете ли вы сомнѣваться въ моей привязанности глубокой? Наши души не скованы ли одна съ другою тысячью узъ, которыхъ ничто разорвать не можетъ? Все минувшее намъ не обоимъ ли заодно? Можемъ ли кинуть взглядъ на три года, теперь истекшіе, не припоминая себѣ впечатлѣній, которыя мы раздѣляли, удовольствій, которыя мы раздѣляли, удовольствій, которыя вкушали; печалей, которыя перенесли вмѣстѣ. Элеонора, начнемъ съ нынѣшняго дня новую эпоху, воротимъ часы блаженства и любви. Она поглядѣла на меня нѣсколько времени съ видомъ сомнѣнія. Вашъ отецъ, сказала она мнѣ наконецъ, ваши обязанности, ваше семейство, чего ожидаютъ отъ васъ?... Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, со временемъ, когда нибудь, можетъ быть... Она замѣтила, что я запинаюсь.—Боже мой! вскричала она, къ чему возвратилъ онъ мнѣ надежду, чтобы тутъ же и похитить ее! Адольфъ, благодарю васъ за усилія ваши: они были для меня благодѣтельны, тѣмъ благодѣтельнѣе, что вамъ не будутъ стоить, надѣюсь, никакой жертвы, но умоляю васъ, не станемъ говорить болѣе о будущемъ. Не вините себя ни въ чемъ, чтобы ни было. Вы были добры для меня. Я хотѣла невозможнаго. Любовь была всею жьзнью моею: она не могла быть вашею. Позаботьтесь обо мнѣ еще нѣсколько дней. Слезы потекли обильно изъ глазъ ея; дыханіе ея было менѣе стѣснено. Она преклонила голову свою на плечо мое.—Вотъ здѣсь, сказала она, всегда я умереть желала. Я прижалъ ее къ сердцу моему, отрекался снова отъ моихъ намѣреній, отрицалъ свое изступленіе жестокое.—Нѣтъ, возразила она, вы должны быть свободнымъ и довольнымъ. Могу ли быть имъ, если вы будете несчастны? Я не долго буду несчастлива; вамъ не долго будетъ жалѣть обо мнѣ.

Я увлонилъ отъ себя страхъ, который хотѣлъ почитать вымышленнымъ.—Нѣтъ, нѣтъ, милый Адольфъ, когда мы долго призывали смерть, небо посылаетъ намъ, наконецъ, какое-то предчувствіе безошибочное, увѣряющее насъ, что молитва наша услышана. Я клялся ей никогда не покидать ее.—Я всегда надѣялась на то, теперь я въ томъ увѣрена.

Тогда былъ одинъ изъ тѣхъ зимнихъ дней, въ которые солнце, кажется, озаряетъ печально сѣроватыя поля, какъ будто глядя жалостно на землю, уже имъ несогрѣваемую. Элеонора предложила мнѣ пройтись съ нею.—Холодно, сказалъ я ей.—Нѣтъ нужды, мнѣ хотѣлось бы пройтись съ вами. Она взяла меня за руку. Мы шли долго, не говоря ни слова; она подвигалась съ трудомъ и опиралась почти вся на меня.—Остановимся на минуту.—Нѣтъ, отвѣчала она, мнѣ пріятно чувствовать, что вы меня еще поддерживаете. Мы снова углубились въ молчаніе. Небо было чисто, но деревья стояли безъ листьевъ; ни малѣйшее дуновеніе не колебало воздуха; никакая птица не разсѣкала его: все было неподвижно, и слышался только шумъ травы замерзнувшей, которая дробилась подъ шагами нашими.—Какъ все тихо! сказала мнѣ Элеонора. Какъ природа предается покорно! Сердце также не должно ли учиться покорности? Она сѣла на камень; вдругъ упала на колѣна и, склонивъ голову, уперла ее на обѣ руки свои. Я услышалъ нѣсколько словъ, произнесенныхъ тихимъ голосомъ. Я догадался, что она молится.—Привставъ, наконецъ,—возвратимся домой, сказала она: холодъ проникнулъ меня. Боюсь, чтобы не сдѣлалось мнѣ дурно. Не говорите мнѣ ничего: я не въ состояніи слышать васъ.

Отъ сего дня Элеонора стала слабѣть и изнемогать. Я собралъ ото-всюду докторовъ. Одни объявили мнѣ, что болѣзнь неизцѣлима, другіе ласкали меня надеждами несбыточными, но природа мрачная и безмолвная довершала рукою невидимою свой трудъ немилосердный. Мгновеніями, Элеонора, казалось, оживала. Иногда можно было подумать, что желѣзная рука, на ней тяготѣвшая, удалилась. Она приподнимала голову свою томную; щеки ея отцвѣчивались красками, болѣе живыми; глаза ея становились свѣтлѣе; но вдругъ, какъ будто игрою жестокою не-

вѣдомой власти, сей благопріятный обманъ пропадалъ, и искусство не могло угадать причину тому. Я видѣлъ ее, такимъ образомъ, подвигающуюся постепенно къ разрушенію. Я видѣлъ, какъ означались на семъ лицѣ, столь благородномъ и выразительномъ, примѣты — предшественницы кончины. Я видѣлъ зрѣлище унизительное и прискорбное — какъ сей характеръ, сила исполненный и гордый, принималъ отъ страданія физическаго тысячу впечатлѣній смутныхъ и нестройныхъ, какъ будто въ сіи роковыя мгновенія душа, смятая тѣломъ, превращается всячески, чтобы поддаваться съ меньшимъ трудомъ упадку органовъ.

Одно чувство не измѣнялось никогда въ сердцѣ Элеоноры — чувство нѣжности ко мнѣ. Слабость ея позволяла рѣдко ей разговаривать со мною; но она вперяла на меня глаза свои въ молчаніи, и мнѣ казалось тогда, что взгляды ея просили отъ меня жизни, которой уже я не въ силахъ былъ ей дать. Я боялся потрясеній, слишкомъ для нее тяжкихъ; я вымышлялъ тысячу предлоговъ, чтобы выходить изъ комнаты; я обѣгалъ наудачу всѣ мѣста, гдѣ бывалъ вмѣстѣ съ нею; орошалъ слезами своими камни, подошвы деревьевъ, всѣ предметы, напоминавшіе мнѣ о ней.

То не были сѣтованія любви: чувство было мрачнѣе и печальнѣе; любовь такъ соединяется съ любимымъ предметомъ, что и въ самомъ отчаяніи ея есть нѣкоторая прелесть. Любовь борется съ дѣйствительностью, съ судьбою: пылъ ея желанія ослѣпляетъ ее въ измѣреніи силъ своихъ и воспламеняетъ ее посреди самой скорби. Моя скорбь была томная и одинокая. Я не надѣялся умереть съ Элеонорою; я готовился жить безъ нея въ сей пустынѣ свѣта, которую желалъ столько разъ пройти независимый. Я сокрушилъ существо, меня любившее; я сокрушилъ сіе сердце, бывшее товарищемъ моему — сердце, которое упорствовало въ преданности своей ко мнѣ, въ нѣжности неутомимой. Уже одиночество меня настигало. Элеонора дышала еще, но я уже не могъ повѣрять ей мысли мои: я былъ уже одинъ на землѣ; я не жилъ уже въ сей атмосферѣ любви, которую она разливала вокругъ меня. Воздухъ, которымъ я дышалъ, казался мнѣ суровѣе, лица людей, встрѣчаемыхъ мною,

казались мнѣ равнодушнѣе: вся природа какъ будто говорила мнѣ, что я навсегда перестаю быть любимымъ. Опасность Элеоноры скоропостижно возрасла: признаки неотвергаемые удостовѣрили въ близкой ея кончинѣ. Священникъ объявилъ ей о томъ. Она просила меня принести ларецъ, хранящій много бумагъ. Нѣсколько изъ нихъ велѣла она сжечь при себѣ; но, казалось, искала она одной, которой не находила, и безпокойствіе ея было безмѣрно. Я умолялъ ее оставить эти розыски, для нея утомительные, видя, что она уже два раза падала въ обморокъ.— Соглашаюсь, отвѣчала она, но, милый Адольфъ, не откажите мнѣ въ просьбѣ. Вы найдете между бумагами моими, не знаю гдѣ, письмо на ваше имя; сожгите его не прочитавъ; заклинаю васъ въ томъ именемъ любви нашей, именемъ сихъ послѣднихъ минутъ, услажденныхъ вами! Я обѣщалъ ей; она успокоилась.— Оставьте меня теперь предаться обязанностямъ моимъ духовнымъ: мнѣ во многихъ проступкахъ очиститься должно: любовь моя къ вамъ была, можетъ быть, проступокъ. Я однако же не подумала бы того, если бы любовью моею были вы счастливы.

Я вышелъ. Я возвратился къ ней только со всѣми ея домашними, чтобы присутствовать при послѣднихъ и торжественныхъ молитвахъ. На колѣнахъ, въ углу комнаты ея, я то низвергался въ мои мысли, то созерцалъ по любопытству невольному всѣхъ сихъ людей собранныхъ, ужасъ однихъ, развлеченіе прочихъ и сіе странное вліяніе привычки, которая вводитъ равнодушіе во всѣ обряды предписанные и заставляетъ смотрѣть на дѣйствія самыя священныя и страшныя, какъ на исполненія условныя и совершаемыя только для порядка. Я слышалъ, какъ эти люди твердили машинально отходныя слова, какъ будто не придется и имъ быть нѣкогда дѣйствующими лицами въ подобномъ явленіи, какъ будто и имъ не придется никогда умирать. Я, однако же, былъ далекъ отъ пренебреженія сими обрядами: есть ли изъ нихъ хотя одинъ, котораго тщету осмѣлится признать человѣкъ, въ невѣдѣніи своемъ? Они придавали спокойствіе Элеонорѣ; они помогали ей переступить сей шагъ ужасный, къ которому мы подвигаемся всѣ, не имѣя возможности предвидѣть, что будемъ тогда ощущать. Удивлюсь не тому, что

человѣку нужна одна религія. Меня удивляетъ то: какъ онъ почитаетъ себя столько сильнымъ, столько защищеннымъ отъ несчастій, что дерзаетъ отвергнуть хотя одиную! Онъ долженъ бы, мнѣ кажется, въ безсиліи своемъ призвать всѣ. Въ ночи глубокой, насъ окружающей, есть ли одно мерцаніе, которое могли бы мы отвергнуть? Посреди потока, насъ увлекающаго, есть ли хотя одна вѣтвь, отъ которой смѣли бы мы отказаться для спасенія?

Впечатлѣніе, произведенное надъ Элеонорою священнодѣйствіемъ столь печальнымъ, казалось, утомило ее. Она заснула сномъ довольно спокойнымъ; пробудившись, она менѣе страдала! Я былъ одинъ въ ея комнатѣ. Мы другъ съ другомъ говорили по временамъ и по долгимъ разстановкамъ. Докторъ, который въ своихъ предположеніяхъ показался мнѣ достовѣрнѣе, предсказалъ мнѣ, что она не проживетъ сутокъ. Я смотрѣлъ, поочередно, на стѣнные часы и на лицо Элеоноры, на коемъ не замѣчалъ никакого новаго измѣненія. Каждая истекающая минута оживляла мою надежду, и я начиналъ сомнѣваться въ предсказаніяхъ искусства обманчиваго. Вдругъ Элеонора воспрянула движеніемъ скоропостижнымъ; я удержалъ ее въ объятіяхъ моихъ. Судорожная дрожь волновала все тѣло ея; глаза ея искали меня; но въ глазахъ ея изображался испугъ неопредѣленный, какъ будто просила она о помилованіи у чего-то грознаго, укрывавшагося отъ моихъ взоровъ. Она приподымалась, она падала; видно было, что она силится бѣжать. Можно было думать, что она борется съ владычествомъ физическимъ невидимымъ, которое, наскучивъ ждать мгновенія рокового, ухватило ее и держало, чтобы довершить ее на сей постелѣ смертной. Наконецъ, уступила она озлобленію природы враждующей: члены ея разслабли. Казалось, она нѣсколько пришла въ память; она пожала мою руку. Ей хотѣлось говорить—уже не было голоса. Какъ будто покорившись, она склонила голову свою на руку, ее поддерживающую; дыханіе ея становилось медленнѣе. Прошло еще нѣсколько минутъ, и ея уже не стало.

Я стоялъ долго неподвиженъ близъ Элеоноры безжизненной. Убѣжденіе въ ея смерти не проникло еще въ мою душу. Глаза

мои созерцали съ тупымъ удивленіемъ сіе тѣло неодушевленное. Одна изъ женщинъ, вошедшая въ комнату, разгласила по дому бѣдственное извѣстіе. Шумъ, раздавшійся кругомъ, вывелъ меня изъ оцѣпѣненія, въ которое я былъ погруженъ; я всталъ. Тогда только ощутилъ я скорбь раздирающую и весь ужасъ прощанія безвозвратнаго. Столько движенія, сей дѣятельности жизни ежедневной, столько заботъ, столько волненія, которыя уже всѣ были чужды ей, разсѣяли заблужденіе, которое я продлить хотѣлъ — заблужденіе, по которому я думалъ, что еще существую съ Элеонорою. Я почувствовалъ, какъ преломилось послѣднее звено, какъ ужасная дѣйствительность стала навсегда между нею и мною, какъ тягчила меня сія свобода, о которой прежде я такъ сѣтовалъ, какъ недоставало сердцу моему той зависимости, противъ которой я такъ часто возмущался! Недавно мои всѣ дѣянія имѣли цѣль: каждымъ изъ нихъ я увѣренъ былъ отклонить неудовольствіе, или доставить радость. Тогда я жаловался на это; мнѣ досаждало, что дружескіе взоры слѣдятъ мои поступки, что счастіе другаго къ нимъ привязано. Никто теперь не сторожилъ за ними, никто о нихъ не заботился. У меня не оспоривали ни времени, ни часовъ моихъ; никакой голосъ не звалъ меня, когда я уходилъ. Я былъ дѣйствительно свободенъ; я уже не былъ любимъ — я былъ чужой всему свѣту.

По волѣ Элеоноры принесли мнѣ всѣ бумаги ея. На каждой строкѣ встрѣчалъ я новыя доказательства любви и новыя жертвы, кои она мнѣ принесла и сокрывала отъ меня. Я нашелъ, наконецъ, то письмо, которое обѣщался было сжечь, я сначала не узналъ его: оно было безъ надписи и раскрыто. Нѣсколько словъ поразили взоры мои противъ моей воли. Напрасно покушался я отвести ихъ отъ него: я не могъ воспротивиться потребности прочитать письмо вполнѣ. Не имѣю силы переписать его. Элеонора начертала его послѣ одной изъ бурныхъ ссибокъ нашихъ, незадолго до болѣзни ея. Адольфъ, говорила она мнѣ, зачѣмъ озлобились вы противъ меня? Въ чемъ мое преступленіе? Въ одной любви моей къ вамъ, въ невозможности жить безъ васъ! По какому своенравному состраданію не смѣете

вы сокрушить узы, которыя вамъ въ тягость, и раздираете существо несчастное, при которомъ состраданіе васъ удерживаетъ. Почему отказываете вы мнѣ въ грустномъ удовольствіи почитать васъ, по крайней мѣрѣ, великодушными? Зачѣмъ являетесь бѣшеными и слабыми? Мысль о скорби моей васъ преслѣдуетъ; зрѣлище сей скорби не можетъ васъ остановить. Чего вы требуете? Чтобы я васъ покинула? Или не видите, что недостаетъ мнѣ силы на это? Ахъ, вамъ, которые не любите, вамъ найти эту силу въ сердцѣ усталомъ отъ меня, и которое вся любовь моя обезоружить не можетъ! Вы мнѣ не дадите этой силы: вы заставите меня изныть въ слезахъ моихъ и умереть у вашихъ ногъ. Скажите слово, писала она въ другомъ мѣстѣ,—есть ли край, куда я не послѣдовала бы за вами? Есть ли потаенное убѣжище, куда я не сокрылась бы жить при васъ, не быв бременемъ въ жизни вашей? Но нѣтъ, вы не хотите того. Робкая и трепетная, потому что вы меня оковали ужасомъ, предлагаю ли вамъ виды свои для будущаго — вы ихъ всѣ отвергаете съ досадою. Легче всего я добивалась отъ васъ молчанія вашего. Такая жестокость несходна съ вашимъ нравомъ. Вы добры; ваши поступки благородны и безкорыстны. Но какіе поступки могли бы изгладить ваши слова? Сіи язвительныя слова звучатъ вокругъ меня. Я слышу ихъ ночью; они гоняются за мною, они меня пожираютъ; они отравляютъ все, что вы ни дѣлаете. Должно ли мнѣ умереть, Адольфъ? Пожалуй, вы будете довольны. Она умретъ, сіе бѣдное созданіе, которому вы покровительствовали, но которое разите повторенными ударами. Она умретъ, сія докучная Элеонора, которую не можете выносить при себѣ, на которую смотрите, какъ на препятствіе, для которой не находите на землѣ мѣста вамъ не въ тягость. Она умретъ. Вы пойдете одни посреди сей толпы, въ которую вамъ такъ не терпится вмѣшаться. Вы узнаете людей, которыхъ нынѣ благодарите за ихъ равнодушіе — и, можетъ быть, нѣкогда, смятые сими сердцами черствыми, вы пожалѣете о сердцѣ, которымъ располагали; о сердцѣ, живымъ привязанностью къ вамъ, всегда готовомъ на тысячу опасностей для защиты вашей; о сердцѣ, которое уже не удостоиваете награждать ни единымъ взглядомъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ.

Возвращаю вамъ, милостивый государь, рукопись, которую вамъ угодно было мнѣ повѣрить. Благодарю васъ за это снисхожденіе, хотя и пробудило оно во мнѣ горестныя воспоминанія, взглаженныя временемъ. Я зналъ почти всѣ лица, дѣйствовавшія въ сей повѣсти, слишкомъ справедливой, и видалъ часто своенравнаго и несчастнаго Адольфа, который былъ авторомъ и героемъ оной. Я нѣсколько разъ покушался оторвать совѣтами моими сію прелестную Элеонору, достойную участи счастливѣйшей и сердца постояннѣйшаго, отъ человѣка пагубнаго, который, не менѣе ея бѣдствующій, владычествовалъ ею какимъ-то волшебствомъ и раздиралъ ее слабостью своею. Увы, когда я видѣлся съ нею въ послѣдній разъ, я полагалъ, что далъ ей нѣсколько силы, что вооружилъ разсудокъ ея противъ сердца! Послѣ слишкомъ долгаго отсутствія, я возвратился къ мѣстамъ, гдѣ оставилъ ее—и нашелъ одинъ только гробъ.

Вамъ должно бы, милостивый государь, напечатать сію повѣсть. Она отнынѣ не можетъ быть никому оскорбительна и была бы, по моему мнѣнію, не безполезна. Несчастіе Элеоноры доказываетъ, что самое страстное чувство не можетъ бороться съ порядкомъ установленнымъ. Общество слишкомъ самовластно. Оно выказывается въ стольких измѣненіяхъ; оно придаетъ слишкомъ много горечи любви, не освященной имъ; оно благопріятствуетъ сей наклонности къ непостоянству и сей усталости ветерпѣливой, недугамъ души, которые захватываютъ ее иногда скоропостижно посреди нѣжной связи. Равнодушные съ рѣдкимъ

усердіемъ спѣшатъ быть досадителями во имя нравственности и вредными изъ любви къ добродѣтели. Подумаешь, что зрѣлище привязанности имъ въ тягость, потому что они не способны къ оной, и когда могутъ они воспользоваться предлогомъ, они съ наслажденіемъ поражаютъ и губятъ ее. И такъ, горе женщинѣ, опершейся на чувство, которое все стремится отравить, и противъ коего общество, когда не вынуждено почитать его вакхность, вооружается всѣмъ, что есть порочнаго въ сердцѣ человѣческомъ, чтобы охолодить все, что есть добраго.

Примѣръ Адольфа будетъ не менѣе назидателенъ, если вы добавите, что, отразивъ отъ себя существо, его любившее, онъ не переставалъ быть неспокойнымъ, смутнымъ, недовольнымъ, что онъ не сдѣлалъ никакого употребленія свободы, имъ вновь пріобрѣтенной цѣною стольких горестей и стольких слезъ, и что, оказавшись достойнымъ порицанія, оказался онъ такъ же и достойнымъ жалости!

Если вамъ нужны доказательства, прочтите, милостивый государь, сіи письма, которыя вамъ повѣдаютъ участь Адольфа. Вы увидите его въ обстоятельствахъ различныхъ и всегда жертвою сей смѣси эгоизма и чувствительности, которые сливались въ немъ, къ несчастію его и другихъ. Предвидя зло до совершенія онаго, и отступающій съ отчаяніемъ, совершивъ его; наказанный за свои благія качества еще болѣе, нежели за порочныя,—ибо источникъ первыхъ былъ въ его впечатлѣніяхъ, а не въ правилахъ, поочередно, то самый преданный, то самый жестокосердый изъ людей, но всегда кончавшій жестокосердіемъ то, что зачато было преданностью, онъ оставилъ по себѣ слѣды однихъ своихъ проступковъ.

ОТВѢТЪ.

Такъ, милостивый государь, я издамъ рукопись, возвращенную вами (не потому, что думаю согласно съ вами о пользѣ, которую она принести можетъ: каждый только своимъ убыткомъ изучается въ здѣшнемъ свѣтѣ, и женщины, которымъ рукопись попадется, вообразятъ всѣ, что онѣ избрали не Адольфа, или что онѣ лучше Элеоноры; но я ее выдамъ, какъ повѣсть до-

вольно истинную о нищетѣ сердца человѣческаго). Если она заключаетъ въ себѣ урокъ поучительный, то сей урокъ относится къ мущинамъ. Онъ доказываетъ, что сей умъ, которымъ столь тщеславятся, не помогаетъ ни находить, ни давать счастія; онъ доказываетъ, что характеръ, твердость, вѣрность, доброта суть дары, которыхъ должно просить отъ неба, и я не называю добротою сего состраданія переходчиваго, которое не покоряетъ нетерпѣнія и не препятствуетъ ему раскрыть язвы, на минуту залѣченныя сожалѣніемъ. Главное дѣло въ жизни есть скорбь, которую наносимъ, и самая замысловатая метафизика не оправдаетъ человѣка, разодравшаго сердце, его любившее. Ненавижу, впрочемъ, сіе самохвальство ума; который думаетъ, что все изъяснимое уже извинительно; ненавижу сію суетность, занятую собою, когда она повѣствуетъ о вредѣ, ею совершенномъ, которая хочетъ заставить сожалѣть о себѣ, когда себя описываетъ и, паря неразрушимая посреди развалинъ, старается себя изслѣдовать, вмѣсто того, чтобы раскаяваться. Ненавижу сію слабость, которая обвиняетъ другихъ въ собственномъ своемъ безсиліи и не видитъ, что зло не въ окружающихъ, а въ ней самой. Я угадалъ бы, что Адольфъ былъ за характеръ свой наказанъ самимъ характеромъ своимъ, что онъ не слѣдовалъ никакой стезѣ опредѣленной, не совершилъ никакого подвига полезнаго, что онъ истощилъ свои способности безъ направленія инаго, кромѣ своенравія, безъ силы, кромѣ раздраженія; я угадалъ бы все это, если бы вы и не доставили мнѣ объ участи его новыхъ подробностей, коими, не знаю еще, воспользуюсь, или нѣтъ. Обстоятельства всегда маловажны: все въ характерѣ. Напрасно раздѣлываешься съ предметами и существами внѣшними: съ собою раздѣлаться невозможно. Мѣняешь положеніе, но переносишь въ каждое скорбь, отъ коей отвязаться надѣялись; перемѣщая себя, не исправляешься, и потому прибавляешь только угрызенія къ сожалѣніямъ и проступки къ страданіямъ.

14428

Stanford University Libraries
3 6105 004 835 737

PG
3447
V5
1878

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

FIS JUN 30 1994
SEP 06 1994